

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Государственное краевое бюджетное учреждение
ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ

О. Б. Подвинцев

Империя и споры о ней

МОНОГРАФИЯ

Пермь 2019

УДК 321.01
ББК 66.03
П 44

Подвинцев О. Б.

П 44 Империя и споры о ней: монография / О. Б. Подвинцев; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2019. – 368 с.

ISBN 978-5-7944-3261-9

Книга представляет собой результат многолетних исследований автора, посвященных осмыслению и анализу империй как особой формы политики. В контексте широких и разнообразных дискуссий по имперской тематике автор обосновывает собственный взгляд на природу империй, предлагает свой подход к определению понятия «империя» и типологию имперских политических систем. На широком историческом эмпирическом материале проанализированы структурные характеристики империй, взаимоотношения между имперскими центрами и перифериями, траектории становления, развития и упадка империй, специфика имперской идентичности. Рассмотрены истоки постимперских конфликтов и их разновидности, трудности становления постимперских политических систем и варианты их решения.

Благодаря богатству эмпирического материала и живому языку, книга будет интересна не только специалистам по данной тематике, политологам и историкам, но и всем, кто интересуется политическими процессами в современном мире.

УДК 321.01
ББК 66.03

Рецензенты: кафедра государственного управления и истории Пермского национального исследовательского политехнического университета

канд. истор. наук, доцент кафедры отечественной и всеобщей истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета **М. А. Оболюкова**

Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

ISBN 978-5-7944-3261-9

© ПГНИУ, 2019
© Подвинцев К. О., 2019

Содержание

Имперская матрица в исследованиях О.Б. Подвинцева (И. К. Кирьянов).....	4
Введение.....	11
Часть I. Империя.....	21
Что есть империя?	22
Дух и эстетика империи.....	54
Рациональные аргументы «за» и «против» империи	62
Какие бывают империи?	94
Что представляет собой структура империи?	119
Как возникают и развиваются империи?	135
Что представляет собой имперская (наднациональная) общность населения?	158
Почему и как распадаются империи?	168
Часть II. После империи.....	193
В чем истоки и смысл постимперских национальных и территориальных конфликтов?	194
Что дает распад империи для распространения и развития демократии?	223
Обратим ли процесс распада империи?	234
Может ли иметь будущее постимперское содружество?	259
В чем состоит наследство империи и как им распорядиться?.....	279
Постимперская идентичность	293
В чем может состоять «величие государства» после крушения империи?.....	298
Способствует ли распад империй национальному возрождению?	320
Борьба вокруг символов	341
Заключение	363

ИМПЕРСКАЯ МАТРИЦА В ИССЛЕДОВАНИЯХ О.Б. ПОДВИНЦЕВА

Памяти друга и коллеги

Будучи историком по образованию, Олег Борисович Подвинцев стал первым в Пермском крае доктором политических наук, первым и многолетним руководителем сначала Пермского филиала Института философии и права УрО РАН по исследованию политических институтов и процессов, а с 2013 г. – отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН, долгое время работал профессором кафедры политических наук на историко-политологическом факультете в Пермском университете.

Путь историка в политическую науку во многом определили его студенческие и аспирантские штудии по проблемам британского послевоенного консерватизма. Однако, став известным политологом, О.Б. Подвинцев, опираясь в своих исследованиях на междисциплинарный синтез, обязательно учитывал исторический контекст современных процессов.

Его интерес к имперскому феномену пророс в период подготовки кандидатской диссертации по историческим на-

укам «Типология послевоенного британского консерватизма»¹, которую он успешно защитил в 1992 г.

В апреле 1995 г. на первых Петербургских Киреевских чтениях по новистике он выступил с докладом, в котором был представлен опыт типологии империй Нового и Новейшего времени², заинтересованно встреченный академическим сообществом.

Важную роль в кристаллизации позиции О.Б. Подвинцева по основным сюжетам исследуемой проблематики сыграло его участие в подготовке совместного с коллегами из университетов Оксфорда и Перми учебного пособия «Россия и Британия в поисках достойного правления», работа над которым продолжалась в 1998–2000 гг. Вспоминается, с каким большим волнением он доказывал мне (будто бы я сопротивлялся) необходимость включения в заявку на грант KnowHowFund позицию о постимперской адаптации: «Как без этого? Без этого ничего объяснить не получится». В рамках данного проекта в соавторстве с Н. Гулд-Девисом, будущим послом Великобритании в Республике Беларусь, была написана глава, раскрывающая общее и особенное в распаде и постимперской адаптации двух таких разных империй – Британской и Советского Союза. Именно тогда Олег Борисович формулирует свое определение понятия *империя*, которое в последующем шлифуется только стилистически, но не содержательно. По его мнению, империя – это «обширное по размерам и мощное по потенциалу государственное образование, состоящее из территорий, различающихся уровнем и направленностью экономического развития, этническим составом населения, его историческим опытом, политическими традициями и другими признаками, находя-

---

¹ Подвинцев О.Б. Имперские ценности и типология послевоенного британского консерватизма // Партия. Класс. Личность: Тез. науч. конф. Уфа, 1990. С. 123–126.

² Подвинцев О.Б. К вопросу о типологии империй нового и новейшего времени // Первые Петербургские Киреевские чтения по новистике: крат. содерж. докл. СПб., 1996. С. 35–37.

щимися в более или менее жесткой зависимости от некоего центра, при этом степень и форму зависимости в конечном счете определяет сам центр»³.

В период реализации проекта публикуется ряд статей⁴, содержание которых также составило основу его докторской диссертации по политическим наукам «Постимперская адаптация консерватизма», успешно защищенную в Институте Европы РАН в 2002 г.

С 2001 г. на историко-политологическом факультете для студентов исторического и политологического направлений О.Б. Подвинцевым читался курс «Политические процессы в постсоветском пространстве», в рамках которого рассматривались современные политические процессы в четырнадцати бывших союзных республиках (за исключением России). Идея курса заключалась в том, что новые независимые государства на постсоветском пространстве являлись «продуктами» функционирования и распада советской имперской системы, но «продуктами разными». Объяснить же, по мнению разработчика курса, «ряд важнейших сторон политического развития этих государств, можно, лишь проанализировав структуру той системы, из которой они вышли, и сам процесс выхода»⁵. Поэтому первые три темы учебной дисциплины были связаны с рассмотрением природы имперских образований, их общих черт, типологических различий, а также специфики Советского Союза как империи.

³ *Гулд-Дэвис Н., Подвинцев О.* Расставание с империей и отношения с внешним миром // *Россия и Британия в поисках достойного правления* / под ред. И. Кирьянова, Н. Оуэна, Дж. Сникера. Пермь, 2000. С. 61–62.

⁴ *Подвинцев О.Б.* Империя в системе ценностей консерватизма // *Исторические метаморфозы консерватизма* / Под ред. П.Ю. Рахшмира. Пермь, 1998. С. 160–169; *Подвинцев О.Б.* Апология и критика империй в контексте курса мировой истории // *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. 1: Гуманитарные науки.* 1999. № 1. С. 134–148; *Подвинцев О.Б.* Сложности постимперской адаптации консервативного сознания: постановка проблемы и опыт классификации // *ПОЛИС.* 1999. № 3. С. 52–61.

⁵ *Подвинцев О.Б.* Политические процессы в постсоветском пространстве: курс лекций для студентов специальности «Политология» и «История». Пермь, 2007. С. 5.

Преподавание данного, во многом уникального, курса способствовало тому, что выпускники историко-политологического факультета Пермского университета получали систематизированное представление об основных тенденциях развития бывших республик СССР и специфике их отношений с Российской Федерацией. Для самого же Олега Борисовича парадигма постимперской адаптации превратилась в своеобразный ключ к содержанию многих процессов в современном мире, в частности, в России: касается ли это векторов развития островных автономий⁶, или практики назначения глав субъектов РФ⁷, или социально-политических последствий присутствия в составе национальных субъектов РФ – Республики Коми и Республики Саха (Якутия) – «переселенческих территорий»⁸, или практики закрепления властных должностей за различными национальными группами, сложившейся в ряде субъектов РФ⁹, или постсоветской «войны памятников» в Крыму¹⁰ и т.д.

Вполне логичным было ожидание того, что результаты своих имперских исследований Олег Борисович постарается обобщить в книге. Правда, мало кто знал, что монография по

---

⁶ Подвинцев О.Б. О типах островных автономий в современном мире // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 4. С. 95–109.

⁷ Подвинцев О.Б. Губернаторы-«варяги» и региональные политические элиты в современной России: условия и тенденции взаимодействия // Политическая экспертиза. 2009. Том 5. № 2. С. 56–72; Боярова А., Кирьянов И., Подвинцев О. Институт фактического назначения глав субъектов РФ: обоснование историй и испытание практикой // Власть. 2012. № 7. С. 40–44.

⁸ Подвинцев О.Б. «Переселенческие территории» в составе «национальных окраин»: противоречия субрегиональной структуры российских республик // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 1. С. 108–116.

⁹ Подвинцев О.Б. Разделение должностей по национальному принципу в системах управления российских регионов: о значении современного этапа // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2012. Вып. 12. С. 375–378.

¹⁰ Подвинцев О.Б. Постсоветская «война памятников» в Крыму: до и после присоединения к России // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2016. № 5. С. 18–24.

ночам уже пишется и вот-вот будет готова. Но случилось непоправимое, и рукопись осталась незавершенной.

Работая над монографией, как отмечает сам автор, он стремился не только «инвентаризировать» дискуссии вокруг имперской темы, но и сформулировать собственную позицию по обсуждаемым вопросам, предложить свое разрешение рассматриваемых проблем, базирующееся на сочетании политологического и исторического подходов. Основу книги составили переосмысленные материалы докторской диссертации, с которыми органично сочетаются сюжеты более поздних исследований. Эта органичность оказалась достижимой благодаря тому, что О.Б. Подвинцев выстроил структуру монографии преимущественно в форме ответов на последовательно заданные им же самим вопросы, например, такие: «Что есть империя?», «Какие бывают империи?», «Как возникают и развиваются империи?», «Почему и как распадаются империи?», «В чем истоки и смысл постимперских национальных и территориальных конфликтов?», «Обратим ли процесс распада империй?», «В чем состоит наследие империи и как им распорядиться?» и др. Только в четырех случаях из семнадцати наименования глав не представлены в форме вопросов.

Отвечать на вопросы вполне естественно для ученого. Представляется, что предложенный «вопросник» поможет очным и заочным участникам дискуссий по имперской и постимперской проблематике четче сформулировать свою позицию, мнение оппонента. Давно известно, что в научной дискуссии прежде всего следует договориться о терминах. Это Олег Борисович понимал хорошо, о чем свидетельствуют приводимые в книге опыты различных классификаций и определений – и самих империй, и постимперских территорий, и постимперских конфликтов. Подобный подход объясняется в том числе практикой преподавания в университете. По крайней мере, такое впечатление возникает в связи со следующим обстоятельством. Глава «Что представляет собой структура империи?» заканчивается перечнем из шести вопросов, которые распо-

ложены по мнению автора, в порядке своей значимости и от ответов на которые зависит полнота «индивидуализирующей характеристики» той или иной империи. Эти вопросы предлагались профессором Подвинцевым студентам, изучавшим курс «Политические процессы в постсоветском пространстве», в качестве задания для письменной работы.

Вряд ли имеет смысл пересказывать содержание книги, ее надо просто прочитать, поразмышлять над ее содержанием, в чем-то согласиться с предлагаемыми суждениями, а с чем-то и поспорить. Тем более, что автор и не считал свою позицию «истиной в последней инстанции, способной положить конец всякой дальнейшей полемике», полагая при этом, что «даже в тех случаях, когда ответ на какой-то из ключевых вопросов, касающихся имперской и постимперской проблематики, может быть сведен к “да” или “нет”, на самом деле он все же не может обойтись без последующих “но...” или “однако...”». На двух сюжетах, связанных с «но» или «однако» в наших с Олегом Борисовичем беглых разговорах на имперскую тему, и хотелось бы остановиться.

Первый сюжет посвящен тезисам о большевистском «перереформировании» империи, о «становлении на пространстве бывшей царской России стремительно трансформирующегося в новую империю Советского Союза», о «возрождении империи в новом, советском, варианте». Несмотря на согласие с автором и теми исследователями, кто не сомневается в имперской природе Советского Союза (пусть даже в качестве «империи наизнанку» или «империи наоборот»), все же хотелось бы большей ясности в определении структуры Советской империи в ее формальной ипостаси (с неформальной ипостасью все вроде бы ясно).

Между тем сталинское переформатирование империи не было единственным случаем. Вряд ли для Петра I Московская Русь являлась «неприкосновенным эталоном доимперского прошлого», т.е. тем, что, по выражению Олега Борисовича, определяется в качестве исторического ядра империи. Более

того, сама Московская Русь после 1521 г. (присоединения Рязани) встала на путь имперского развития, и первым направлением имперской геополитики было «собрание» земель Золотой Орды. И разве Иван IV не инициировал взятием Казани в 1552 г. процесс возрождения на развалинах этой империи ее нового варианта, в котором центр перемещался из Сарая в Москву? Из-за неоднократных переформатирований и возникают сложности с определением того, что было в отечественной имперской традиции *историческим ядром*, что *центром*, а что *метрополией*, вследствие их «блуждающего» характера.

Второй сюжет связан с последствиями кардинальной перекройки политической карты Европы, происходившей с 1990 г. (выход республик Прибалтики из состава СССР и объединение Германии) до 2014 г. (возвращение Крыма в состав России). Этот период отмечен не только фактическим крушением ялтинско-потсдамской системы международных отношений, но и переходом миропорядка от эпохи модерна к эпохе постмодерна. Данное обстоятельство следует учитывать при проведении компаративистских исследований процессов распада и последующей адаптации имперских образований, в частности, Британской (случай конца эпохи модерна) и Советской (случай начала эпохи постмодерна) империй.

Итак, споры об империи продолжаются, и активным участником этих дискуссий благодаря своей книге остается Олег Борисович Подвинцев.

И. К. Кирьянов

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы сущности и назначения империй, их возникновения, развития и упадка обсуждались еще накануне и в годы войны северо-американских колоний за независимость и в период наполеоновских завоеваний. На рубеже XIX и XX вв. мимо темы «империализма» не мог пройти ни один солидный автор, исследующий проблемы современного ему общественного развития, подобно тому, как полвека спустя невозможно стало миновать тему «тоталитаризма». Имперскую тему, казалось, закрыли после распада колониальных держав, но она с новой силой зазвучала после крушения Советского Союза. Начало XXI в. лишь незначительно и, как оказалось, ненадолго ослабило интерес к ней.

Можно отметить, что интерес к проблематике империй у исследователей и публицистов возникал как в периоды роста и возвышения тех или иных империй, так и во времена их распада.

К анализу имперских феноменов обращались представители самых разных общественных наук: социологи и юристы, историки и литературоведы, философы и экономисты, политологи и психологи, культурологи и специалисты по теории международных отношений. Многие исследования, особенно в последние годы, носили междисциплинарный характер.

Империя становилась и полноправным героем художественных произведений. Иногда даже главным, как, например, во многих стихах Киплинга или романе Й. Рота «Марш Радецкого». Её присутствие на экране создает ткань таких фильмов,

как «Полковник Редль» Иштвана Сабо или «Исчезнувшая империя» Карена Шахназарова.

Более многочисленны примеры отражения имперской темы в произведениях массовой культуры, авторы которых стремятся максимально соответствовать настроениям и вкусам своего зрителя или читателя. Признанной классикой российской рекламы стали, например, ролики серии «Всемирная история, Банк Имperiал», снятые Тимуром Бекмамбетовым в середине 1990-х гг. и оказавшиеся, вероятно, вершиной в его творчестве.

В первой половине 1990-х гг. инициаторы дискуссий на имперские сюжеты на страницах российских журналов задавались, правда, больше уже для вида, вопросом «Да и можем ли мы, находясь *внутри* того, что так недавно не без оснований называлось империей, адекватно воспринимать эту систему?»¹¹ Иногда подобные оговорки можно было услышать и десятилетие спустя. Однако ни для кого из желающих действительно подступить к имперской теме такие соображения, как представляется, не послужили препятствием. Поэтому вполне закономерно, что большинство публикаций на данную тему российских авторов и людей, с Россией связанных, несет на себе отпечаток не столько даже политической конъюнктуры (хотя, безусловно, и это имеет место), сколько полемического запала, не позволяющего объективно рассматривать те или иные феномены и процессы. Категоричные полярные оценки в таких условиях встречаются значительно чаще, чем взвешенные суждения. Отсюда даже при условии широкой эрудиции автора большинство выводов оказываются однобокими, поверхностными и легко уязвимыми для серьезной критики. Наука в таких случаях зачастую вырождается в довольно слабую политическую публицистику, в то время как публицистика в своих лучших образцах поднимается до высот науки. Недаром грань между ученым-политологом

---

¹¹ Олейников Д., Филиппова Т. Мы – в Империи. Империя – в нас // Родина. 1995. № 1. С. 37.

и политическим публицистом в сегодняшней России часто трудно различима.

Сакральное отношение к некоторым политическим ценностям в определенных случаях по-прежнему способствует сохранению ряда «табу» в российской политической науке. В настоящее время проблемы распада империи или державы (далее будет обосновано определенное тождество данных понятий применительно к российским реалиям) настолько важны в контексте идейно-политических исканий в современном российском обществе, что сама постановка темы постимперской адаптации в любом ее варианте не может не вызвать в ряде случаев болезненно-обостренной реакции протеста. Причиной этого служит восприятие ее как подразумевающей сохранение в дальнейшем нынешнего статуса страны, отказ от борьбы за «возрождение Державы». Констатация же возможности развития процессов дезинтеграции зачастую рассматривается как призыв к подобному развитию событий с немедленным навешиванием соответствующих политических ярлыков. За изучением проблем сепаратизма даже некоторые официальные лица пытаются рассмотреть «злой умысел», считая «преступным» ставить в исследованиях те или иные вопросы¹². Некоторые принадлежащие к ученому сообществу авторы по сей день открыто и категорично утверждают, что при рассмотрении проблемы империи в нашей стране «потребно хладнокровие, однако с сердцем сопряженное»¹³, тем самым фактически отказываясь в данном случае от принципа научной объективности.

Распад Советского Союза, по выражению Александра Мотыля, «весьма озадачивший исследователей»¹⁴, стимулиро-

¹² См., например: Пресс-секретарь Кадырова обвинил «Левада-Центр» в формировании античеченских настроений. URL: <http://evrazia.org/news/27440> (дата обращения: 16.04.2018).

¹³ Осипов Ю.М. В нас, над нами, впереди нас... Мерцающие контуры российской государственности // Независимая газета. 2001. 7 июня.

¹⁴ Мотыль А. Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств. М., 2004. С. 11.

вал изучение имперских проблем в более широком контексте и со стороны зарубежных ученых. Неудивительно, что Россия в какой-то степени становится мировым центром имперских исследований. Показательно в этом отношении, например, издание с 2000 г. в Казани международного журнала «AV IMPERIO» («От империи»), посвященного обсуждению проблем национализма в контексте имперского и постимперского развития. Об этом же свидетельствует введение в научный и публицистический оборот термина «империология», прежде всего в исследованиях, которые строятся на российском материале и в которых применяется сравнительный метод¹⁵. Правда, следует отметить, что ряд авторов критически отнеслись к достижениям (и перспективам) данного направления, отметив отсутствие достаточной теоретической основы¹⁶.

Время от времени некоторые авторы, отстаивающие те или иные политические позиции, по-прежнему выступали с явно запоздалыми призывами обратиться к изучению имперской проблематики для постижения судьбы России и, главное, перспектив ее развития. В качестве примера можно привести высказывание М. Виноградова в газете «Русская мысль»: «Редко обсуждаются вопросы, носящие не только теоретический характер: возможен ли распад России, насколько живущие на территории страны народы объединены общими историческими судьбами и т.п. Относительно невысок интерес к попыткам сопоставить историю России и других государств»¹⁷. Или суж-

---

¹⁵ См. Например: Nowak A. (Red.). Rosja i Europa Wschodnia: «imperiologia» stosowana // Russia and Eastern Europe: Applied «Imperiology». Kraków; Warszawa, 2006; Imperiology. From Emperical Knowledge to Discussing the Russian Empire / ed. by Kimitaka Matsuzato. Supporo, 2007. Из российских исследователей «империологом» называл себя, в частности, А.В. Ремнёв.

¹⁶ См., например: Фурсов А. «Империология» без теории, или «хлопок одной ладонью». URL: <http://www.apn.ru/publications/article11379.htm> (дата обращения: 16.04.2018); Тюгашев Е.А. Империя: легитимация концепта. URL: filosof.10.narod.ru/lib/Law/legitimempire.doc (дата обращения: 16.04.2018).

¹⁷ Виноградов М. Империя или национальные интересы? // Русская мысль. 2000. 27 января – 2 февраля.

дение А.М. Величко: «... Говоря об империи, следует обратить внимание на традиционно скудное и поверхностное рассмотрение этого всемирно-исторического феномена со стороны представителей современной науки – факт, противоречащий всякой научной и просто здравой логике»¹⁸. Конечно, данные авторы, выступая в качестве публицистов, находились вне контекста научных изысканий (хотя и брались о них судить). Однако следует заметить, что в течение длительного времени имперскую тему неожиданно открывали для себя и серьезные исследователи, специализировавшиеся на другой проблематике, иногда это сопровождалось новым «изобретением велосипеда».

Тем не менее дискуссии о природе империй, их типологии, закономерностях развития и распада в настоящее время далеки от своего завершения. В России эпохи Путина они стали не менее актуальными, чем в начале – середине 1990-х гг., при этом приобретают публичный характер: ведутся не только в научных аудиториях, но и на телевидении¹⁹. Уже сам приход Путина к власти и первые годы его правления вызвали у ряда авторов ассоциации со становлением Второй империи во Франции и, как следствие достаточно радужные ожидания²⁰. Акцент при этом делался на трансформацию политического режима, повлекшую за собой экономический рост и стабилиза-

¹⁸ Величко А.М. Идея империи и историческое призвание России. URL: <http://www.ni-journal.ru/archive/dc347408/48b2dbdd/363f5770/0a7b07e1> (дата обращения: 16.04.2018). Имея научную степень и занимая довольно высокую государственную должность, автор указанной работы демонстрирует в ней весьма поверхностное знакомство с идеями Л. Гумпловича и двух-трех других политических мыслителей, а также вопиющую историческую безграмотность.

¹⁹ См., например, Дискуссия «От империи к нации?» 28 сентября 2005 г. Научный семинар под руководством Е.Г. Ясина. URL: http://www.hse.ru/science/yassin/seminar_2005_09_28.htm (дата обращения: 16.04.2018); XXI век – век новых империй. Программа Виталия Третьякова «Что делать», канал «Культура», ВГТРК. 2004. 28 сентября. URL: <http://www.evrazia.org/modules.php?name=News &file=article&sid=1972> (дата обращения 16.04.2018).

²⁰ См. об этом: Смирнов А.Ю. Империя Наполеона III. М., 2003. С. 30–31.

цию общества, печальный же конец режима и амбиций Наполеона III во внимание почему-то не принимался. Дальнейшее обращение к имперской теме в России зачастую было связано уже со стремлением на том или ином этапе подвести итоги правления Путина.

Параллельно с актуализацией российского прошлого в свете новой риторики руководства РФ в мире отмечался интерес к имперской проблематике, связанный с реализацией внешнеполитического курса США, особенно в период президентства Джорджа Буша-младшего. «Слова “империя” и “имперский” в последние годы особенно часто встречаются в различных коннотациях с Америкой, – констатировал к концу данного правления П. Ю. Рахшмир. – Возник колоссальный массив литературы, в которой можно найти самые разнообразные вариации на имперскую тему в связи с Соединенными Штатами. Причем с серьезными исследованиями соседствуют всякого рода “разоблачительные” писания, порой напоминающие “фэнтези”»²¹. В меньшей степени способствовали актуализации имперских исследований в начале XXI в. события в Китае и некоторых других странах.

Однако до сих пор остаются очень серьезные расхождения в трактовке понятия «империя». Д. Ливен, профессор Лондонской школы экономики и, пожалуй, самый крупный западный специалист по советской империи, отмечал в конце 1990-х гг.: «Империя – это сложное понятие для историка, занимающегося сравнительной историей, и политолога. Слово “империя” имеет некоторое количество относительно разных значений и применений, одни из которых неясны, а другие склонны меняться со временем»²². О том же писал отечественный исследователь С. И. Каспэ: «Понятие империи, являясь одним из

---

²¹ Рахшмир П. Ю. Американские консерваторы и имперская идея. Пермь, 2007. С. 3.

²² Ливен Д. Российская империя и Советский Союз как имперские государства // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999.

наиболее употребимых в современной российской общественно-политической и научной лексике, тем не менее остается нечетко концептуализированным не только в отечественной, но и мировой социальной науке»²³. Нельзя сказать, что к настоящему времени ситуация в этом отношении изменилась принципиально.

Если же говорить о вопросах, носящих менее абстрактный характер и предполагающих оценочную характеристику империй, то дискуссии о них неизбежно будут возникать вновь и вновь до тех пор, пока тема не потеряет актуальность. «Изученные вдоль и поперек судьбы мировых империй так и не дали однозначного ответа на вопрос, чего больше – “хорошего” или “плохого” – принесли эти империи на “переваренные” ими территории», – констатировала одна из исследовательниц имперского наследия²⁴. Такой ответ никогда, вероятно, и не будет дан, потому что понятия «хорошее» и «плохое» в силу своей субъективности во многом являются неоднозначными. Тем больший научный интерес представляет анализ разворачивающейся полемики.

Всплески интереса к изучению имперских феноменов, обилие национальных школ и отраслей научного знания, занимающихся их исследованием, приводят не только к тому, что многие истины многократно открываются заново, но и к тому, что многие ценные результаты и наработки оказываются невостребованными и забытыми. Таким образом, «империалистика» – это не та сфера в современной науке, в которой следует ориентироваться лишь на работы, вышедшие в течение последних трех – пяти лет.

Работая над данной книгой, автор ставил перед собой задачу не только провести некую «инвентаризацию» дискуссий, которые возникали вокруг имперской темы, особенно в связи

²³ Каспэ С.И. Империя: генезис, структура // Полис. 1997. № 5. С. 31.

²⁴ Космарская Н.П. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: Адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М., 2006. С. 425.

с распадом Советского Союза и будущим постсоветского пространства, но и определить собственную позицию по обсуждаемым вопросам, в отдельных случаях предложить свое решение проблем. Естественно, что эта позиция не может претендовать на роль истины в последней инстанции, способной положить конец соответствующей полемике. Более того, по нашему глубокому убеждению, даже в тех случаях, когда ответ на какой-то из ключевых вопросов, касающихся имперской и постимперской проблематики, может быть сведен к «да» или «нет», на самом деле он все же не может обойтись без последующих «но...» или «однако...»

Субъективная составляющая в подходе к проблематике последствий распада империи, от которой автор не смог и не захотел отказаться, состоит в том, что логика проблематики в данном исследовании в ряде случаев определялась все же дискурсом, характерным для формирования данного подхода к бывшей империи, а не к сопротивлявшимся ей владениям. Именно так рассматриваются вопросы об обратимости распада империи, роли и перспективах постимперского содружества, возможности национального возрождения и т.д.

Об империи можно писать как об идее, а можно – как о конструкции. И то и другое имеет множество разновидностей. Связь между идеей и конструкцией, безусловно, существует, но она интересует далеко не всех исследователей. Автор данной книги предпочитает рассматривать «империю» в качестве конструкции, не учитывая те трактовки «имперской идеи», которые не имеют никакого отношения к конкретным, ограниченным временем и пространством, имперским конструкциям или к выявлению их общей природы и общих закономерностей развития.

Наиболее продуктивным автору представляется сочетание политологического и исторического подходов к имперскому феномену. Того же мнения придерживается, например, Д. Ливен, который в своем основном труде последних лет стремился «преодолеть разделение между исторической и поли-

тической науками»²⁵. Империя – это прежде всего тип государственного образования, политической организации пространства. Однако его рассмотрение вне конкретного исторического наполнения как раз и ведет к появлению умозрительных субъективных схем. «Подгонка» исторических фактов или их полное игнорирование, к сожалению, достаточно часто встречается в трудах об империи. Даже у серьезных авторов можно найти, например, утверждение, что «Испания в XVI–XVII вв. не потерпела ”поражения на поле брани”»²⁶ или что «тяжелое поражение во франко-прусской войне поставило точку на имперских планах французов» и «с тех пор они вели только оборонительные войны»²⁷. При этом исторической наукой, в том числе отечественной, которая в силу многообразия изучаемых феноменов далеко не всегда оказывалась подверженной политической конъюнктуре и соблазну впасть в публицистику, накоплено достаточно материалов, значимых для разрешения тех или иных споров, которые ведутся сейчас вокруг феномена империи политологами.

В связи со сказанным автор данного исследования принципиально не разделял участников полемики по имперским проблемам на «профессионалов» и «дилетантов», «ученых» и «художников», «болеющих» темой и «случайно коснувшихся» ее. Не всегда имела значение и хронологическая последовательность появления тех или иных мнений, суждений, концепций. Зачатую сказанное по поводу империй в разное время созвучно друг другу, а степень разработки темы современными авторами не всегда оказывается глубже, чем у тех, кто писал тридцать, пятьдесят или сто лет назад.

Первоначальную основу данной монографии составила часть материалов докторской диссертации «Постимперская адаптация консерватизма», защищенной автором в 2002 г.

²⁵ Lieven D. Empire. The Russian Empire and Its Rivals. London, 2000. P X.

²⁶ Гайдар Е. Гибель империи: Уроки для современной России. М., 2006. С. 88.

²⁷ Цуладзе А. Матрица Наполеона: перезагрузка // Ежедневный журнал. 2008. 6 мая. URL: <http://www.ej.ru/?a=note&id=9039#> (дата обращения: 16.04.2018).

в диссертационном совете Института Европы РАН. В соответствии с целями работы эти материалы были дополнены и переработаны. Вошли в книгу и сюжеты, разработанные в последующий период и опубликованные в виде отдельных статей и докладов.

Часть I
ИМПЕРИЯ

ЧТО ЕСТЬ ИМПЕРИЯ?

Есть термины, споры вокруг которых вполне могут быть разрешены, если снять идеологические и другие наслоения, восстановив их первоначальный смысл. Однако с «империей» все обстоит более сложно.

«На протяжении двух последних тысячелетий слово “империя” обозначало множество различных вещей для различных народов в разных странах в разные времена. Более того, часто имело разное значение даже для людей из одной и той же страны, живших в одно и то же время», – отмечал Д. Ливен, приступая в первой главе своей книги к анализу ее ключевого понятия²⁸. Однако если отделить научный дискурс как от политической риторики и публицистики, так и от массовой культуры (при этом и то и другое должно остаться объектом научного анализа), то ситуация в значительной степени упростится. Проблема в том, что до настоящего времени научный дискурс почти никогда не был ведущим в обсуждении имперских проблем, а иногда и вовсе уступал безраздельному господству идеологических штампов и массовых стереотипов.

Именно такая ситуация характерна для советского общества поздних лет его существования, в котором, несмотря на различие политических и идеологических предпочтений, относительно понятия «империя» сложился определенный негативный консенсус, основанный, тем не менее, на устойчивых стереотипах.

Неудивительно, что на рубеже 1980-х и 1990-х гг. в нашей стране велись яростные и бесплодные дискуссии о том,

²⁸ Lieven D. Empire. The Russian Empire and Its Rivals. P. 3.

можно ли считать империей Советский Союз. Ни одна из сторон не желала вслушиваться в аргументы другой. А отстаиваемый вариант ответа означал однозначные политические выводы: если Советский Союз империя, то он должен прекратить свое существование, если же нет, то его необходимо сохранить. Г. Дерлугьян совершенно справедливо охарактеризовал эту полемику как «чисто схоластические ожесточенные до крайности споры по поводу не существующих в реальности противоречий»²⁹.

На этом фоне одним из немногих проявлений объективного подхода к проблеме стала статья А. Ф. Филиппова «Наблюдатель империи», опубликованная сначала в виде брошюры фондом ИНДЕМ, а затем в только что созданном журнале «Вопросы социологии». Ее автор справедливо обратил внимание на полярную эмоциональную окраску в русском языке понятий «империя» и «держава», обозначающих в сущности один и тот же феномен. «Говорить плохо о державе и хорошо об империи у нас было не принято. Значит, и говорить не о чем. Оба понятия приобретали функцию не столько объяснительных средств, сколько блокирующих устройств» – писал А. Ф. Филиппов³⁰.

Действительно, русскому понятию «держава» фактически, невозможно найти эквивалент в других языках. Легко обнаружить английский эквивалент словосочетанию «великая держава», но крайне трудно, если вообще возможно, перевести на английский известную фразу героя фильма «Белое солнце пустыни»: «Мне за державу обидно», сохранив все смысловые нюансы. Проблема, таким образом, не в феномене как таковом, а в том сложном эмоциональном комплексе, который с ним связывается либо связывался до недавнего времени. Заметим также, что слово «держава» является общим для ряда славян-

²⁹ Дерлугьян Г. М. Была ли Российская империя колониальной // Международная жизнь. 1991. № 2. С. 88.

³⁰ Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи (Империя как понятие социологии и политическая проблема) // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 1. С. 90.

ских языков, но указанный смысл приобрело только в русском. В украинском, например, оно означает просто «государство».

Отталкиваясь от своего утверждения, А.Ф. Филиппов выделил четыре возможных варианта «риторических фигур» в полемике вокруг имперской сущности СССР: «Империя – это плохо. Советский Союз – это не империя»; «Империя – это плохо. Советский Союз – это империя»; «Империя – это хорошо. Советский Союз – это империя»; «Империя – это хорошо. Советский Союз – это не империя»³¹.

В ходе дискуссии, уже в постсоветской России, подтвердившем правоту А.Ф. Филиппова, использовалось каждое из выделенных им построений. Часть исследователей, несмотря на все более широкое употребление термина «империя» по отношению к СССР, по-прежнему считают это неправомерным, придавая слову «империя» негативный оттенок. Так, автор аннотации к изданию, организованному движением «Духовное наследие», задавшись вопросом «Был ли СССР империей, а Россия – метрополией в ней?», утверждает: «Факты противоречат этому расхожему мнению. Россия поднимала окраины, нередко страдая больше других»³². На той же позиции фактически стоит такой серьезный исследователь, как Г. Мирский: «Российская империя и сменивший ее Советский Союз были уникальными государственными образованиями, гораздо более спаянными внутренне во всех отношениях, чем, например, Британская империя. Это был не только хозяйственный организм (последствия распада которого столь болезненно ощущаются в наши дни), но и – в основном – держава, имевшая ряд черт общей цивилизации»³³.

Сохранился и прежний, негативный, подход к природе как Советского Союза, так и империй в целом. Об этом свидетельствует, в частности, следующий пассаж из «Записок пре-

---

³¹ Там же.

³² См.: Россия на пороге XXI века (Современные проблемы национально-государственного строительства РФ). М., 1996.

³³ Мирский Г. Еще раз о распаде СССР и этнических конфликтах // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 2. С. 15.

зидента» Б.Н. Ельцина: «Я считаю, что XX век закончился 19–21 августа 1991 года...

XX век по большей части был веком страха. Таких кошмаров, как тоталитаризм и фашизм, кошмар коммунизма концентрационных лагерей, геноцида, атомной чумы, человечество еще не знало.

И вот в эти три дня кончился один век, начался другой. Быть может, кому-то такое утверждение покажется слишком оптимистическим, но я в это верю.

Верю, потому что в эти дни рухнула последняя империя. А именно имперская политика и имперское мышление в самом начале века сыграли с человечеством злую шутку, послужили детонатором всех этих процессов»³⁴.

Такое же отношение к слову «империя» сохранилось в тех бывших советских республиках, что наиболее активно боролись за свою независимость. Так, латышский писатель М. Чаклайс отвечал на вопросы журнала «Дружба народов», ручаясь за весь свой народ: «Во всяком случае, для любого латыша, будь он крестьянином, рабочим или интеллигентом, слово “империя” – это что-то злое. Что-то, что высасывает, убивает, придавливает дух к земле. И как бы “научно” не рассуждали защитники империи, они ничего, кроме отвращения, в латышах вызвать не могут»³⁵.

В то же время после распада СССР в нашей стране происходит процесс «реабилитации» слова «империя», который, в частности, предполагает признание его тождества понятию «держава». «Имперская политика не что иное, как державная политика», – утверждал В. Гуцин, озаглавивший свою «реабилитирующую» статью в «Независимой газете» следующим образом: «Быть России имперской. Чем скорее это случится,

³⁴ Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994. С. 67.

³⁵ Чаклайс М. Хочется и может дышать: Ответы на вопросы «Дружбы народов» // Дружба народов. 1996. № 11. С. 147. Вероятно, подобное, чрезмерно окрашенное эмоционально, отношение к слову «империя» свойственно все же прежде всего латышской интеллигенции.

тем лучше»³⁶. В следующей статье, «И все-таки имперской России быть. Иначе на ее месте возникнет “черная дыра”», он же вразрез с приведенным рассуждением Б.Н. Ельцина, выдвигал предположение о том, что «мир вступает в эру имперского гегемонизма»³⁷. Основным политический оппонент президента России, Г.А. Зюганов, также стал ставить знак равенства между «империей» и «державой», считая все это «исторически и геополитически обусловленной формой развития Российского государства»³⁸.

Процесс «реабилитации» развивался настолько быстро темпами, что вскоре появилась четвертая (первоначально, вероятно, чисто гипотетическая) «риторическая фигура» из выстроенного А.Ф. Филипповым ряда, т.е. утверждение о том, что СССР был недостаточно «хорош» для того, чтобы претендовать на высокое звание «империи». Так, историк культуры В. Махнач, участвуя в дискуссии, развернувшейся на страницах журнала «Родина», именно с этих позиций попытался доказать, что «по всем возможным параметрам, за исключением декораций, Советский Союз не был империей»³⁹.

Профессор МГУ Н.И. Цимбаев, развивая тот же подход, сформулировал совершенно неожиданное положение: «фундаментальный принцип империи – принцип многообразия или полное отсутствие какой-либо административно-политической, правовой, национальной, культурной или конфессиональной унификации»⁴⁰. Проводя различие между царской Россией и Советским Союзом, он утверждал: «Внешне похожий на погибшую империю, СССР по сути своей – принципиально иное государственное образование отнюдь не имперского

---

³⁶ Гуштин В. Быть России имперской // Независимая газета. 1993. 23 июля.

³⁷ Гуштин В. И все-таки России имперской быть // Независимая газета. 1993. 17 сентября.

³⁸ Зюганов Г.А. Держава. М., 1994. С. 30.

³⁹ Махнач В. Время Третьего Рима // Родина 1995. № 9. С. 33.

⁴⁰ Цимбаев Н.И. До горизонта – земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 31.

типа. Дело, понятно, не в идеологических отличиях. Для советского периода нашей истории была характерна жесткая унификация, предельная централизация и высокая степень огосударствления политической, экономической и общественной жизни. Исходя из тенденций мирового развития, распад такого государства был предопределен, хотя формы, в которых это происходило, были столь же иррациональны, как и имперская экспансия»⁴¹.

Но процесс «реабилитации» рассматриваемого термина не проходил и в столь крайних, политизированных или экстравагантных формах, а был связан и с более осторожными оценками, попытками более взвешенного, объективного и глубокого анализа. М.В. Ильин, исследовав историю возникновения данного понятия, изменения его смысла в западноевропейской, американской и российской политической традиции, пришел к такому выводу: «Настала, видимо, пора освободить это достойное слово от чисто ругательного употребления, восстановить в отечественной традиции политическое понятие империи, питающееся как фактически автохтонной идеей царства-государства, так и более непосредственно связывающее нашу культуру с латинским источником – идеей империи в ее исходном, вергилиевском смысле установления “обычаев мира” с помощью милости и силы»⁴².

И.Г. Яковенко, как и М.В. Ильин, указав на фактическое совпадение в России понятий «держава», «державность», «державные интересы» с их «имперскими» аналогами, следующим образом сформулировал свое отношение к СССР и его распаду: «Советская империя – последняя из мировых. Ее крах закончил

⁴¹ Там же. С. 28. Идеализация царской империи в противоположность СССР стала присуща и многим другим авторам. Так, Е. Бершин утверждает, что в советские времена «напрочь был проигнорирован опыт царской России, умудрявшейся удерживать национальные окраины в мире в течение столетий». См.: Бершин Е. Дикое поле. Приднестровский разлом. М., 2002. С. 51.

⁴² Ильин М.В. Слова и смысл: Деспотия, Империя, Держава // Полис. 1994. № 2. С. 128.

эру великих империй в истории»⁴³. Тем самым феномен «империя» в современных условиях, с точки зрения И.Г. Яковенко, представлял неким анахронизмом, однако имеющим за собой «великое» и не только негативное прошлое.

Еще один автор, Ю. Каграманов, попытался сформулировать суть происходящего процесса «реабилитации» понятия, вклад в который вносила и его статья: «С развалом страны, известной под псевдонимом СССР (и распадом “новой исторической общности”, как она именовалась на “новоязе” – “советского народа”), бывших советских людей от этих искусственных, хотя и ставших привычными терминов потянуло к каким-то другим – общепринятым, “человеческим”. Так само собой всплыло слово “империя”... Называя Россию империей, мы обнаружим в этом понятии сложное переплетение смысловых линий, обязывающее нас рассмотреть его в контексте мировой истории, равно как и мировой культуры»⁴⁴. Перевод термина в разряд «человеческих» означал, в частности, что существуют «более хорошие» и «более плохие» империи. Фактически именно по этой линии Ю. Каграманов противопоставлял царскую Россию и Советский Союз. То же самое проделывал в упомянутой работе и Н.И. Цимбаев, однако он, как уже говорилось, вообще отказывал СССР в праве называться «империей».

Наконец, ряд авторов постарались сделать акцент на то, что любой империи присуще наличие как положительных, так и отрицательных черт. Например, казанский исследователь Р.Ю. Беляков в одной из своих работ совершенно справедливо подчеркивал, что «империя – это не только насилие, но и форма общности» (оговариваясь при этом: «конечно, далеко не лучшая» – и не указывая, какая же форма общности является «лучшей» и почему). Он также обращал внимание на «факты куль-

---

⁴³ Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) // Полис. 1996. № 6. С. 128.

⁴⁴ Каграманов Ю. Империя и Ойкумена // Новый мир. 1995. № 1. С. 140.

турного взаимовлияния, экономической интеграции и т.п., что было в истории всякой империи»⁴⁵.

Однако, пожалуй, наиболее четко, обобщенно и лаконично сформулировал суть такого подхода Д.Е. Фурман: «Империи – отнюдь не только нечто плохое, и соответственно распад империй – это не только хорошее»⁴⁶. С учетом рассмотренного ранее тождества империи и державы в отношении последней, с нашей точки зрения, ту же мысль можно сформулировать так: «Держава – отнюдь не только нечто хорошее, и распад державы – это не только плохое».

Соответствующим должно быть и отношение к постимперским реалиям. Д. Олейников высказался по этому поводу следующим образом: «Нам достался Дом, где когда-то кипела жизнь. По правую руку – золоченый ларец для драгоценностей, по левую большое мусорное ведро. Пора разбирать наследство»⁴⁷.

А. Филиппов через полтора десятка лет после появления «Наблюдателя империи» с удовлетворением констатировал, что «разговор об империи стал разумным разговором: этот термин перестал вызывать однозначные политические эмоции, будь то критические или апологетические»⁴⁸.

Нейтрально-взвешенное отношение к слову «империя» и его применение при характеристике Советского Союза постепенно стали настолько привычными, что начали экстраполироваться на прошлое. Например, В. Черных в сценарии телесериала «Брежнев» счел возможным вставить во внутренний монолог главного героя следующие слова: «А я, первый чело-

⁴⁵ Беляков Р.Ю. Варианты национального развития после распада Российской империи (1917 – начало 1920-х гг.): К постановке проблемы // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография Отечественной истории. Казань, 1994. С. 58.

⁴⁶ Фурман Д.Е. О будущем «постсоветского пространства» // Свободная мысль. 1996. № 6. С. 50.

⁴⁷ Олейников Д., Филиппова Т. Мы – в Империи. Империя – в нас. № 1. С. 37.

⁴⁸ Дискуссия «От империи к нации?»: Научный семинар под руководством Е.Г. Ясина.

век в империи, почти что император, по зарубежным меркам, живу как обыкновенный человек...»⁴⁹. Реальный Брежнев вряд ли мог даже мысленно называть себя «императором», а государство, которое возглавлял, «империей».

И, хотя значительно позже некоторые авторы вдруг с претензией на новый взгляд предлагали читателю «на пару минут забыть о стереотипах, допустив хотя бы, как гипотезу, что это (империя.– О.П.) не есть абсолютное зло»⁵⁰, восприятие понятия «империя» молодым поколением россиян было уже принципиально иным. Автор этих строк, выступая с лекциями и докладами на имперскую тему в различных, но преимущественно студенческих аудиториях, начиная с середины 1990-х гг. каждый раз вынужден был дополнительно разъяснять кому-либо из слушателей свою позицию относительно возможности нейтрально-оценочного применения слова «империя» (как правило, к СССР). Примерно в середине 2000-х эта необходимость отпала, хотя автор каждый раз продолжал интересоваться у аудитории, не задевает ли он чьи-либо политические чувства.

«Оценочные» дискуссии вокруг термина «империя», которые велись в России в 1990-е гг. и в какой-то степени продолжают, несмотря на крайность отдельных суждений и позиций, а во многом именно благодаря этому, в немалой мере способствовали созданию в настоящее время возможностей для спокойного и взвешенного рассмотрения обозначаемого данным понятием феномена.

Следует, однако, отметить, что слово «империя» оказалось скомпрометированным не только в нашей стране, где, как показал, в частности, в своей статье М.В. Ильин, оно всегда было не особенно популярно⁵¹, но и там, где отношение к нему первоначально было совсем иным. «До конца девятнадцатого века

---

⁴⁹ Черных В.. Брежнев. Сумерки империи. СПб., 2005. С. 278.

⁵⁰ Романов П. Станет ли Россия снова империей? URL: <http://www.rian.ru/authors/20070122/59469925.html> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵¹ См.: Ильин М.В. Указ. соч. С. 128.

слова “империя” и “империализм” использовались в основном в хвалебном, а не в уничижительном смысле», – констатирует американский политолог Х. Кон⁵². Несколько иной точки зрения придерживается Р. Кёхнер, опубликовавший в 1960-х гг. труд «Империя». Известный австралийский историк У.К. Хэнкок, написавший рецензию на эту работу, полагал, что «суть книги Кёхнера заложена в двух срединных главах, которые протоколируют гигантскую эмоциональную революцию: в Америке слово “империя” становится в конце концов словом порочащим, а не прославляющим; в Британии оно слишком поздно окружается почетным ореолом»⁵³. Как отмечает известный исследователь современного западного консерватизма П.Ю. Рахшмир, «само слово “империя” у большинства из них (американских консерваторов. – О.П.) если и не табу, то во всяком случае близко к этому»⁵⁴.

Отождествление империи с диктатурой и противопоставление ее демократии и свободе характерно для американской фантастики⁵⁵. А она оказывала значительное воздействие на массовое сознание, по крайней мере, в середине XX столетия.

Тем не менее необходимо заметить, что в США слово «империя» в одном из значений имеет уважительно-положительный оттенок, обозначая широту и величие просторов. Так, бренд штата Нью-Йорк, занимающего значительно большую территорию, чем многие другие субъекты северо-американской федерации, включает в себя определение «имперский штат» (отсюда и название известного небоскреба «Эмпайер стэйт билдинг»). Слово «империя» употреблялось также в отношении некоторых внутренних районов США.

Что касается Великобритании, то переломным моментом в изменении отношения в ней к слову «империя» стала Первая

⁵² Kohn H. Reflections on Colonialism // The Idea of Colonialism / ed. by R. Strausz-Hupe and H. W. Hazard. New York, 1958. P. 2.

⁵³ Hancock W.K. Perspective in History. Canberra, 1982. P. 50.

⁵⁴ Рахшмир П. Ю. Указ. соч. С. 218.

⁵⁵ См., например: Саймак К. Империя (написана перед Второй мировой войной, опубликована в 1951 г.).

мировая война. В мае 1917 г. генерал Смэтс, с почетом принимаемый в Англии, заявил, что тот, кто найдет для Британской империи новое определение, «сслужит ей хорошую службу»⁵⁶. Случившееся вскоре крушение трех главных империй континентальной Европы только подтвердило его слова. Возникновение, развитие и крушение Третьего рейха также не способствовало росту популярности слова «империя».

После Второй мировой войны на отношении к этому понятию сказывалось не только всеобщее осуждение «колониализма» на фоне распада колониальной системы, но и господство супердержав, в лексиконе которых слово «империя» в силу различных исторических причин приобрело негативное звучание. Значительное воздействие оказало и то обстоятельство, что концепции империализма, предложенные к тому времени левыми силами, были наиболее детально разработанными и выглядели наиболее убедительно. «К сожалению, наиболее эффективно популяризированные истории империй написаны в марксистских терминах», – сокрушался в конце 1950-х гг. один из авторов сборника статей по проблемам колониализма, изданного в США⁵⁷.

Впрочем, империя в тот период не рисовалась еще абсолютно в черных красках. Так, известный австро-американский специалист по истории державы Габсбургов Р.А. Канн в середине 1960-х гг., отталкиваясь от определения, данного в одном из американских словарей, писал следующее: «В англоговорящих землях слово “империя” в основном понимается в смысле “обширной территории, обычно включающей в себя группу наций, стран или народов, находящейся под контролем или господством единой суверенной власти”. Часто определяющим фактором при этом оказывается установление отношений по типу властелин – подданный между “господствующим народом-завоевателем и завоеванным народом”, либо через соз-

---

⁵⁶ Smuts J. C. Plans for a Better World. London, 1942. P. 38.

⁵⁷ Saxe Jo W. Dilemmas of Empire: The British and French experience // The Idea of Colonialism. P. 46.

дание конфедерации, в которой “один сильный составляющий элемент доминирует над остальными”, либо даже через путь более непосредственного подчинения. Кроме этого, представления об империи ассоциируются в основном с пространством большого масштаба и часто “с верховной или абсолютной властью, в особенности императора”⁵⁸.

Постепенно термин «империя» стал все чаще использоваться на Западе применительно к Советскому Союзу и приобретать все более негативное звучание. На рубеже 1970 и 1980-х гг. администрация Р. Рейгана в США по сути провозгласила «крестовый поход» против «империи зла», превратив этот лозунг в мощный идеологический штамп. Возможности для объективного и политически нейтрального подхода к исследованию имперского феномена стали еще менее благоприятными.

Многим из тех, кто писал на эти темы, по-прежнему казалось, что в научном плане проблемы могут возникнуть с использованием и трактовкой понятия «империализм», но не понятия «империя»⁵⁹. Известный американский историк А.М. Шлезингер в написанном в середине 1980-х гг. очерке «Америка и империя» подробно проанализировал классические и новые концепции «империализма», но не дал определения «империи» как таковой⁶⁰. Даже если речь шла о глубоко прошлом, представлявшем для изучения лишь академический интерес, любое сколько-нибудь отличающееся от традиционного использование указанного термина сопровождалось осторожными комментариями. Например, английский автор пухлого тома, посвященного исследованию «морских» империй Средневековья, писал в предисловии:

⁵⁸ Kann R.A. *Dynasty, Politics and Culture. Selected Essays*. Colorado, 1991. P. 45.

⁵⁹ См., например: Wesselling H.L. *Imperialism and Empire: An Introduction // Imperialism and After. Continuities and Discontinuities* / ed. by W.J. Mommsen and J. Osterhammer. London, 1986. P. 1.

⁶⁰ См.: Шлезингер-младший А.М. Циклы американской истории. М., 1992. С. 173–236.

«Слово “империя” нами используется намеренно, несмотря на семантические опасности, которые это влечет за собой. Оно берется нами в значении состояния владения, осуществляемого одним народом или государством над другими народами, землями или государствами, где оно возникает вследствие военного завоевания либо вследствие установления или навязывания экономического господства»⁶¹. Точно так же еще в 1960—е гг. оговаривался советский историк, посвятивший свою работу колониальной экспансии Венеции: «Вместо термина “держава” мы пользуемся в дальнейшем предпочтительно термином “империя”, отнюдь не связывая с ним чего-либо “империалистического” в современном значении этого слова». При этом делалась ссылка на высказывание В. И. Ленина о том, что «колониальная политика и империализм существовали и до новейшей ступени капитализма и даже до капитализма»⁶². Нетрудно, впрочем, заметить, что и в том и другом случае речь шла скорее об определении «империализма», а не «империи».

Исследователям современности, стремящимся занять взвешенную позицию, употребление термина «империя» вообще казалось более подобающим для политической риторики или публицистики, чем для серьезного научного труда. Один из британских советологов рассказывал автору этих строк, что, когда в начале 1980-х гг. он использовал слово «империя» в названии одной из своих книг, многие коллеги настоятельно советовали ему не делать этого, утверждая, что тем самым он отдает дань холодной войне. Устав с ними спорить, автор книги взял с полки словарь, зачитал, что было в нем сказано относительно значения слова «империя» и попросил своих оппонентов указать, какой из перечисленных признаков может быть

---

⁶¹ Scamell G. V. *The World Encompasser: The first European maritime empires. 800–1650*. Berkeley, 1981. P. XIII.

⁶² Соколов Н. П. *Образование Венецианской колониальной империи*. Саратов, 1963. URL: http://annals.xlegio.ru/evrope/sokolov/pred_skr.htm (дата обращения 16.04.2018).

оспорен применительно к Советскому Союзу. Никто не нашелся что ответить.

В ряде случаев специалисты по Советскому Союзу из стран Запада занимали двойственную позицию: не желая причислять СССР к «империям», они, тем не менее, признавали его сходство с последними. Так, французский историк-советолог А. Безансон в сообщении, сделанном в 1977 г. в Париже на коллоквиуме «Концепция империи», заявил, что «советское владычество не является империей, но само по себе, как таковое, оно приводит к тем же последствиям»⁶³.

Л.С. Гатагова в статье, посвященной проблеме определения понятия «империя», писала о том, что после крушения СССР потребовалось «массовое переосмысление целого ряда исторических концепций не только в российской, но и западной науке, отягощенной малоценным наследием советологических центров с их чрезмерной политизированностью, одномерностью и упрощениями, пригодными лишь для интеллектуального противостояния в ледяном климате холодной войны»⁶⁴. В свете изложенного такое суждение представляется достаточно справедливым. При этом необходимо признать, что недостаточность прежних советологических концепций проистекала не только из желания следовать политической конъюнктуре, но и, напротив, из стремления избежать ее, приняв во внимание противоположную точку зрения в идеологическом противостоянии.

С учетом сложившейся в науке ситуации уместно рассмотреть, какие именно определения понятия «империя» содержались и содержатся в западных словарях и энциклопедиях. В Оксфордском словаре английского языка в качестве первых трех значений слова «империя» приводятся следующие: «верхovenствующее и расширяющееся политическое господство, в особенности осуществляемое “императором” или

⁶³ Безансон А. Советское настоящее и русское прошлое. М., 1998. С. 109.

⁶⁴ Гатагова Л.С. Империя: идентификация проблемы // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. М., 1996. С. 334.

суверенным государством над зависимыми странами», «расширяющаяся территория (как правило, комплекс многих отдельных государств), находящаяся под властью императора или высшего управителя, комплекс подчиненных территорий, управляемых суверенным государством»⁶⁵. «Оксфордский политический словарь» предлагает современное значение понятия «империя»: «обширное государственное образование, сформировавшееся путем колонизации или завоевания и находящееся под властью метрополии или имперского государства, включая и случаи, как это произошло с Францией или СССР, когда данное доминирующее государство превращается в республику, лишаясь императора или императрицы во главе себя»⁶⁶. Французская энциклопедия «Лярусс» еще в начале 1960-х гг. определяла формирование империй как «объединение этнически и культурно различных народов в одном экономико-политическом целом под авторитарным руководством центральной власти, выпавшей на долю господствующего народа»⁶⁷.

В энциклопедиях и толковых словарях нашей страны были чрезвычайно упрощенные, неполные и несущие на себе отпечаток идеологических штампов определения слова «империя». Собственно таких толкований было всего два, и ни одно из них не имело отношения к предмету рассмотрения. Первое значение, чисто формальное: «монархическое государство, во главе которого стоит император». Под это определение Советский Союз и почти все колониальные империи не подпадали, зато подпадали остров Гаити времен борьбы с Наполеоном, провозгласивший в пику «императору французов» свою собственную «империю», или, если брать Новейшую историю, Центрально-африканская империя во главе с Ж.Б. Бокассой.

---

⁶⁵ См.: The Oxford English Dictionary. Second ed. 1994. Vol.6. P. 187.

⁶⁶ См.: The Concise Oxford Dictionary of Politics. Oxford University Press, 2009. P. 155.

⁶⁷ Цит. по: Циркин Ю.Б. «Империализм» и «империалистические» войны в древности // Категории исторических наук. Л., 1988. С. 58.

Второе значение: «крупная империалистическая колониальная держава»⁶⁸. Сюда можно было отнести и республиканскую Францию, и те же Соединенные Штаты, но СССР опять оказывался ни при чем, потому что, во-первых, не владел колониями, а во-вторых, не был державой «империалистической». Д. Олейников, открывая дискуссию по проблемам империи в журнале «Родина» и указывая на недостаточность подобных дефиниций, иронически вопрошал, не являются ли в связи с этим «образы империи-зла, империи-пространства, империи-могущества лишь продуктом день ото дня разыгрывающегося воображения гуманитариев»?⁶⁹

Следует заметить, что в советские времена на первом плане был термин «империализм», а не «империя». Оставив в стороне вопросы о ленинской интерпретации империализма как «монополистического капитализма» и догматизации этого учения в советский период, необходимо признать, что Ленин понимал под «империализмом» то же, что и другие современные ему авторы, а именно политику раздела и передела мира между великими державами, которая уже к концу XIX столетия приобрела новое качество и новое измерение, и пытался объяснить именно этот феномен. На это и стремились обратить внимание некоторые исследователи на рубеже 1980-х и 1990-х гг.⁷⁰

В условиях резкого усиления после Второй мировой войны критики колониальной политики стран Запада понимание термина «империализм», аналогичное советскому, получило широкое распространение и за пределами советского блока, особенно в странах третьего мира. Хотя и здесь были примеры более расширительного его толкования. Так, в конце 1950-х гг. эфиопский историк И. Дэреса писал, что «народ Эфиопии на-

⁶⁸ См.: Словарь русского языка. М., 1985.

⁶⁹ Филиппова Т., Олейников Д. Указ. соч. С. 32.

⁷⁰ См., например: Гарипзанов И.Х. Римский империализм (анализ понятия) // Актуальные вопросы отечественной и всеобщей истории. Казань, 1991. С. 112.

чал сопротивление империализму еще во времена величия фараонов, Персии и Рима»⁷¹.

Интерпретация империализма как «нового миропорядка», развивавшаяся преимущественно в рамках левых идейно-политических традиций, пережила период «увядания» в 1970–1980-е гг., но обрела новую жизнь, влившись на рубеже XX и XXI вв. в русло споров о природе и последствиях глобализации. Примером служит, в частности, книга идеологов альтерглобализма Антонио Негри и Майкла Хардта «Империя», вышедшая в 2000 г. и переведенная на русский язык в 2004 г.⁷² Популярность этой книги в определенной части интеллектуальных кругов вводит в заблуждение некоторых отечественных авторов, утверждающих, что «в современных исследованиях предпринимаются попытки разделить понятия империализма и империи, при этом, понятие и образ империи могут иметь нейтральный, а иногда и положительный аксиологический оттенок – чаще всего в модусе политической и/или экономической необходимости»⁷³. На самом деле, у Негри и Хардта речь идет не об «империи», а об «Империи», как справедливо заметил Борис Кагарлицкий, «обязательно с большой буквы»⁷⁴, принципиально новой стадии развития человеческого общества, действительно противопоставляемой данными авторами «империализму».

Собственно же «имперский» дискурс уже два десятилетия развивается совсем по другому руслу. Он обращен не столько в будущее, сколько в прошлое и поэтому воспроизводит мно-

---

⁷¹ Цит. по: Цыпкин Г.В. Эфиопоцентризм и эфиопское общество // Европоцентризм и афроцентризм накануне XXI в.: африканистика в мировом контексте. М., 2000. С. 88. Автор статьи говорит о «своеобразном представлении» эфиопским историком «понятия “империализм”, являющегося для него синонимом любой территориальной экспансии». Однако из приведенной цитаты можно понять, что речь идет лишь об экспансии великих держав.

⁷² Негри А., Хардт М. Империя. М., 2004.

⁷³ Замятин Д.Н. Образный империализм // Полис. 2008. № 5. С. 45.

⁷⁴ См. рецензию в Интернет-журнале Скепсис. URL: http://scepsis.ru/library/id_189.html (дата обращения: 16.04.2018).

гие аргументы и логические построения, приводимые в дискуссиях, происходивших десятки и даже сотни лет назад. Политическую же актуальность этот дискурс сохраняет в первую очередь в России.

Именно после распада СССР, последствия которого оказались неоднозначными и усилили интерес к прошлому имперскому опыту, закономерно произошел перенос акцентов с понятия «империализм» на понятие «империя». Важную роль в этом сыграло и ослабление идеологического противостояния, сопровождаемое кризисом многих концепций общественно-политического развития. Однако определения империи часто стали даваться поверхностные, в лучшем случае характеризующие лишь одну из возможных и существующих форм данного феномена.

Примером может служить определение Ю.Е. Березкина в работе, посвященной империи инков: «Государство, объединяющее все население в пределах большой природно-ландшафтной и культурно-хозяйственной области или даже нескольких областей, при этом лишившее подчиненные политические единицы не только независимости, но и реальной автономии, есть империя»⁷⁵. Далее он утверждал, что «границы “имперского региона” складываются объективно, определяются историческими и природными условиями, в которых возникает та или иная держава», и что «о фатальном конечном провале всех попыток военного проникновения в климатически и культурно чуждые земли свидетельствует опыт не одних только инков и римлян, но и монголов, арабов и даже, в сущности, наших современников нацистов»⁷⁶. Непонятно, как в данное суждение можно было бы вписать опыт колониальных (морских) держав, например, той же Британия, власть которой распространялась и на арктические области современной Канады, и на африканские тропики. Вероятно, он просто игнорировался. Однако Березкин в своей книге проводил па-

⁷⁵ Березкин Ю.Е. Инки: Исторический опыт империи. М., 1991. С. 43.

⁷⁶ Там же. С. 192.

раллели между империей инков и СССР, где в Сибири, Прибалтике и Средней Азии, как известно, тоже не совсем схожие как климатические условия, так и культурные традиции.

Во многом совпадало с трактовкой Березкина определение «империи», содержащееся в статье А. М. Салмина, написанной сразу после распада СССР. С его точки зрения, речь тоже идет о «государственных образованиях, господствовавших в целом геополитическом регионе над народами, чья государственность при этом уничтожалась или частично сохранялась, утрачивая большую или меньшую часть суверенитета»⁷⁷. Данное определение, конечно, имеет ряд несомненных преимуществ перед ранее рассмотренным: в нем отсутствует «климатическая» привязка, оно менее категорично в отношении статуса включенных в империю стран. Однако к колониальным державам оно не применимо. В то же время Салмин довольно точно определил место империй в «иерархии» государственных образований – между племенными союзами, городами-государствами, государственными территориями, с одной стороны, и «идеальной космократией» – с другой⁷⁸.

Пожалуй, наиболее интересную и развернутую характеристику империи как таковой дала Л. С. Гатагова. Кроме того, в предложенном ею определении учитывались все основные черты, которыми наиболее часто наделялся в те годы имперский феномен. Гатагова выделила шесть «основных системных признаков государства имперского типа»: «сакральный характер власти, обычно осуществляемой без посредничества промежуточных – между правителем и народом – органов и учреждений»; «экспансия как некая потенция и как “modus vivendi” и ее следствие – размеры, масштабы территории»; «наличие центра и периферии, окраин, провинций, либо метрополии и колоний»; «полиэтничность и доминирующий (над всеми остальными, отнюдь не всегда численно) этнос или группа эт-

⁷⁷ Салмин А. М. Союз после Союза. Проблемы упорядочения национально-государственных отношений в бывшем СССР // Полис. 1992. № 1–2. С. 34.

⁷⁸ Там же.

носов»; «общая идеология», которой «может быть и религия, не обязательно исповедуемая большинством населения»; «претензии на мировое значение, а то и на мировое господство»⁷⁹. Перечислив и охарактеризовав данные признаки, Л. С. Гатагова, начинала оговаривать многочисленные исключения из правил. Некоторые из них, на наш взгляд, слишком серьезны, чтоб быть просто «исключениями», другие, напротив, представляются надуманными.

В наибольшей степени вызывают возражение признаки империи, которые Гатагова называет в первую очередь. Сакральный характер власти, осуществляемой правителем непосредственно над народом, с формальной точки зрения не был свойствен почти всем европейским государственным образованиям Нового времени, которые принято считать империями, с фактической точки зрения – большинству из них (колониальные державы, Австро-Венгрия, Германия времен Гогенцоллернов и т.д.). Вместе с тем этот признак имеет целый ряд малых государств, в отношении которых слово «империя» вообще никогда не употреблялось ни в одном из своих значений. Поэтому, с нашей точки зрения, не стоит данный признак считать одной из существенных характеристик государств имперского типа, а тем более отводить ему в иерархии имперских черт первое место.

Второй из выделенных Гатаговой признаков, несомненно, свойствен империям на этапе их возникновения и роста. Но перестает ли империя быть империей, если оказывается в состоянии долговременного кризиса и не приобретает территории, а теряет их? Можно ли, исходя из данной характеристики, считать «империей», например, Турцию XIX – начала XX в.? Или Испанию XVIII – начала XIX? С другой стороны, замечание Гатаговой по поводу того, что рост Российской империи, а тем более США (также включенных ею, таким образом, в число империй), представлял собой непосредственное расширение «центра» и вся страна становилась его «продолжением», отра-

⁷⁹ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 338.

жает черту, свойственную всем империям, чья экспансия распространялась не на территории, лежащие «за морем», а на те, что непосредственно примыкали к ее границам. В этом смысле и Римскую империю можно рассматривать как «продолжение» Рима. Однако это вовсе не позволяет отрицать то, что господствующим принципом, на котором были построены и Римская, и Российская, и Советская империи, были отношения «центр – периферия».

В то же время вопрос о том, что считать «центром» или «метрополией» имперского образования, действительно довольно сложен. Нужно ли, например, включать в состав метрополии в рамках Британской империи Шотландию или Ирландию (вариант – Ольстер)? А. Кива в свое время предложил версию, согласно которой «функции метрополии» в Советской империи «осуществлял военно-промышленный комплекс»⁸⁰. Однако по такой логике по части «метрополии» следует считать и уважаемый академический институт, в котором трудился данный автор, и сотни других подобных учреждений, как сосредоточенных в столице, так и разбросанных по всей стране. Впоследствии высокопоставленный чиновник Миннаца С. Кулешов на страницах журнала «Родина» выдвинул версию, согласно которой в СССР имперские функции осуществляла «не нация, не этнос, а партократия»⁸¹. Той же точки зрения придерживаются и некоторые западные исследователи. Но чиновничество, как и ВПК, есть лишь производное имперской системы, ее инструмент.

Трактовка метрополии преимущественно как функции тесным образом связана с идеей «трансляции» империи. Концепция эта зародилась еще в Византии, провозгласившей себя

⁸⁰ Кива А. Сверхдержава, разорившая сама себя // Международная жизнь. 1992, № 1. С. 23. В дальнейшем отношение данного автора к военно-промышленному комплексу изменилось и он стал предупреждать об опасности «тотального разрушения ВПК в условиях, когда мир еще полон непредсказуемостей». (Деловой мир. 1994. 10 февраля).

⁸¹ Кулешов С. Великодержавность – это качество жизни // Родина. 1995. № 2. С. 96.

наследницей Рима, и затем прошла немало стадий в своем развитии, существуя во множестве разновидностей. В 1960-е гг. примером такого подхода служили рассуждения У.К. Хэнкока. «Я не считаю, – писал он, – что метрополия представляет собой инертный географический объект – неменяющуюся Европу, противостоящую неменяющемуся Новому миру. Я думаю, что это функция – подвижная, гибкая, все более распространяющаяся на весь западный мир. ... Дальнейшее движение метрополии – игра, в которой ведущим игроком может оказаться иное общество, отличное от нашего. А может, она перешла от Рима не к нам, а на восток, в Византию, оттуда на север, в Москву, и вновь на восток, к Токио и Пекину?»⁸². Следует добавить, что при всем разнообразии трактовок процесса трансляции империи и переноса функций метрополии, никто все же не рассматривал его как процесс переноса военно-промышленного комплекса или партократии.

Для героя романа Й. Рота «Марш Радецкого», начальника одного из чешских округов Австро-Венгрии, словенца по происхождению, австрийского дворянина во втором поколении, Франца фон Тротта, «отчизной являлся императорский дворец в Вене». «Доведись ему представить свои политические взгляды касательно полезного переустройства разноплеменного австрийского государства, – пишет автор, – он признал бы желательным превратить все императорские земли в большие, пестрые сады и дворы императорского замка и все народы, населяющие монархию, в верных слуг Габсбургской династии»⁸³. Вполне сочетаются с такими представлениями слова белорусского советского писателя и поэта Петруся Бровки о главной площади Москвы: «Когда включаются кремлевские куранты и вслед за гулом Красной площади пробьет шесть раз, я уже не могу спать. Ритм жизни столицы, ритм труда захватывает всего и тебя, хочется работать. А мысленно ты на Красной площади и видишь всю нашу страну и огром-

⁸² Hancock W.K. Op. cit. P. 69.

⁸³ Рот Й. Марш Радецкого. М.: Азбука, 2008. С. 46.

ную семью своих сестер и братьев – друзей, вдохновенно строящих новую жизнь»⁸⁴.

С нашей точки зрения, понятия «центр» и «метрополия» следует разграничивать. «Метрополия» – это территория средоточия имперской жизни, не только (а иногда не столько) политический, но и экономический, социальный, культурный узел, стягивающий имперскую систему. «Центр» же прежде всего выполняет управленческие функции. При этом он тоже должен иметь привязку к некоему географическому объекту. Российский историк Л.Е. Горизонтов справедливо отметил некоторое время назад: «За последние годы немало сделано в плане исследования имперских окраин, и все больше обнаруживается, что ставшим вполне реальными окраинам зачастую противопоставляется абстрактный почти виртуальный Центр. Изучение архитектоники империи побуждает видеть в Центре отдельный и особый *регион*»⁸⁵. Однако он ставил знак равенства между имперским «центром» и тем, что в некоторых западных работах именуется «core-area» («сердцевинная территория» или «территория ядра») империи. В рамках избранного им подхода это представляется верным. Хотя, как правило, «центр» при исследовании имперских систем противопоставляется все же не «окраинам», а «владениям». В этом случае его следует рассматривать как место нахождения ключевой части политической элиты империи и создаваемых ею бюрократических структур. Территориальные границы «центра» при такой его трактовке будут более четкими и более узкими, чем границы «метрополии». Хотя по своему основному содержанию данная категория принадлежит, конечно, не к арсеналу географии как науки. В целом можно считать, что достаточно обоснованна точка зрения и тех, кто трактует Со-

---

⁸⁴ Бровка П. Священное место // Наша главная площадь. М., 1966. С. 309.

⁸⁵ Горизонтов Л.Е. Внутренняя Россия и ее символические воплощения // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления. Воронеж, 2004. С. 61.

ветский Союз как «империю Москвы»⁸⁶, и тех, кто считает его «империей Кремля».

Как правило, «центр», если не совпадает границами с «метрополией», находится внутри них: средоточие имперской жизни подразумевает и средоточие политических взаимодействий, тяготеющих к месту принятия решений. Но, вероятно, существуют и исключения. В частности, в условиях тирании, когда политика как таковая стремится к нулю, центр управления империей может достаточно продолжительное время представлять собой кочующую ставку.

Одним из аргументов противников использования термина «империя» в отношении Советского Союза, как уже было показано, стало утверждение о том, что понятия «центр» и «метрополия» не могут быть применены к России как из-за ее масштабов, так и прежде всего в силу того, что развивалась она медленнее и уровень жизни имела более низкий, чем многие «национальные окраины». Сами по себе эти факты трудно оспорить. Однако и в классических империях подобные диспропорции в развитии единого имперского организма вполне могли иметь место. Достаточно вспомнить, например, что периферийная Чехия в экономическом отношении развивалась гораздо быстрее австрийских земель – исторического ядра владений Габсбургов. Или то, что Египет и Балканы значительно опережали в развитии турецкие земли (Анатолию) в рамках Османской державы. А на этапе кризиса империи

⁸⁶ Такой образ имперского центра существовал в том числе в сознании рядовых жителей имперских провинций. Например, литовская крестьянка, жительница бывшего Мемельского края, воспоминания которой были записаны немецкой журналисткой, на рубеже 1980 и 1990-х гг рассуждала следующим образом: «Я думаю так: если мы освободимся от Москвы, и многие люди захотят получить свою землю обратно, и начнут на ней работать, будет хорошо. Москва забрала все, нам тогда ничего не досталось. Теперь мы непременно хотим стать самостоятельными». Таким образом, идентифицирующее «мы» противопоставлялось ею не России, где она в свое время провела несколько лет сибирской ссылки, а именно Москве. См.: Лахауэр У. Райская улица. Воспоминания Лены Григоляйт, крестьянки из Восточной Пруссии. М., 2003. С. 130.

метрополия, стремясь сохранить обширную колониальную периферию, как правило, затрачивала немалые средства для ее развития, прибегая к политике «пряника», не будучи способной применить «кнут». Это и приводит к возникновению новых диспропорций, причем не в пользу имперского «центра».

К тому же эксплуатацию имперским центром периферии нельзя сводить только к экономическим проявлениям. С учетом сложной природы империй и многообразия факторов, способствующих их формированию, необходимо признать, что экономическая выгода далеко не всегда играет решающую роль. Это касается даже классических колониальных империй. Так, один из отечественных исследователей пишет о французском империализме: «Случалось, что эксплуатация колониальных народов с помощью торговли, принудительного труда, фиска отходила на второй план, уступая место “налогу кровью”, как это было в первую мировую войну, когда владения Третьей Республики в Тропической Африке и на островах Индийского океана поставили в Европу около 180 тыс. солдат»⁸⁷.

Кроме того, следует подчеркнуть, что административно-политические границы в имперских образованиях носят произвольный характер, и выделять на основании их «центр» и «периферию» – полнейший абсурд. В случае с СССР очевидно, что Сибирь, Северный Кавказ или Калининградская область являлись имперской периферией не в меньшей степени, чем республики Средней Азии или Украина.

В имперское тело народы и территории оказываются объединены различными способами (добровольный переход под опеку или покровительство, совершение акта купли-продажи или обмена, дарение, право первооткрытия, экономическое или идеологическое подчинение и т.д.), но преимущественно через завоевание или какой-либо иной насильственный путь. При этом любая империя не может быть сведена к сумме состав-

---

⁸⁷ Субботин В.А. Колонии Франции в 1870–1918 гг. Тропическая Африка и острова Индийского океана. М., 1973. С. 332–333.

вивших ее компонентов, а представляет собой нечто большее, рождение некоего нового качества.

Очень важно правильно соотносить понятие «империя» с другими категориями политической науки, определив возможные варианты противопоставлений.

Безусловно, прав С.И. Каспэ, утверждая, что сочетание имперского феномена с тоталитарным политическим режимом в истории Советского Союза (добавим – также гитлеровской Германии) «не означает синонимичности двух понятий – “империи” и “тоталитаризма”»⁸⁸. Более того, с нашей точки зрения, одно не предполагает другое даже как тенденцию. В отличие от «тоталитаризма», «авторитарной диктатуры» и «демократии» «империя» не является разновидностью политического режима, она принадлежит к иному понятийному ряду, представляя собой прежде всего тип территориально-государственного образования.

А.М. Шлезингер упоминал в своей работе о полемике У. Черчилля с американцами по вопросу о том, совместима ли империя и демократия. Приводя известное заявление лидера тори президенту США Рузвельту: «Британский империализм распространил и продолжает распространять демократию куда более широко и успешно, чем любая из всех существовавших в истории систем правления», – Шлезингер не видел в нем большого преувеличения⁸⁹.

Данный аргумент игнорируется авторами, сосредоточившими свое внимание на критике советского строя. Восходящая еще к К. Витфогелю традиция отождествления империи и тоталитарной деспотии получила мощный импульс в конце 1980 – начале 1990-х гг. уже не только за рубежом, но и в нашей стране. Так, Ю.Е. Березкин, ограничившись по сути сравнением СССР и империи инков, делал глобальный вывод: «Любое имперское государство в силу самой своей природы стремится

⁸⁸ Каспэ С.И. Конструировать федерацию – *Renovatio Imperii* как метод социальной инженерии // Полис. 2000. № 5. С. 62.

⁸⁹ Шлезингер-мл. А.М. Указ. соч. С. 175.

подчинить себе и до предела формализовать все общественные и даже межличностные отношения, закономерно видя в зрелом гражданском обществе угрозу монополии своей власти – как в сфере управления и распределения, так и в духовной жизни⁹⁰. А С. Кулешов противопоставлял понятия «империя» и «гражданское общество»⁹¹.

Известный американский советолог, профессор Нью-Йоркского университета А. Янов допускает характерное смешивание понятий в ряде своих работ. Термины «империя», «тоталитаризм» и «фашизм» выступают у него фактически в качестве синонимов. При этом он полагает, что «у России во все не одна, а две исторические традиции – и притом прямо противоположные. И либеральная ее традиция оказалась древнее и укорененнее своей военно-самодержавной имперской соперницы»⁹².

Интересно, что и В. Соколов, подвергший обстоятельному критическому разбору одну из работ Янова, рассматривал понятия «империя» и «тоталитаризм» как взаимосвязанные. Сравнение Яновым постимперской России с постимперскими Германией, Японией и Китаем он дополнял, с его точки зрения, примером противоположного развития постимперской Турции. Однако в разряд «империй» (или «стран с вековой имперской традицией» в терминологии Янова) Соколов почему-то не спешил зачислить ни Британию, ни Францию, ни даже Австро-Венгрию⁹³.

Забавно, что уже через несколько лет после публикаций работ А. Янова и В. Соколова Анатолий Чубайс выдвинул лозунг строительства «либеральной империи» как гарантии или даже как средства спасения демократических преобразова-

---

⁹⁰ Березкин Ю. Е. Указ. соч. С. 185.

⁹¹ См.: Кулешов С. Указ. соч. С. 97.

⁹² Янов А. Российские либералы против русской истории // Дружба народов. 1996. № 11. С. 113.

⁹³ См.: Соколов В. Об империях, традициях и демократиях // Мировая экономика и международные отношения. 1996. № 4. С. 147–153.

ний. Фактически выступая с критикой идеи своего соратника (но ни разу его при этом не упомянув), Егор Гайдар на самом деле недалеко от него ушел, предложив свой взгляд на проблему. По сути, он изобрел собственную типологию политических режимов, когда-либо существовавших в истории человечества, выделив «традиционные монархии», «демократии» и «авторитарные режимы» (в последние, опирающиеся лишь на силу, им зачисляются и тоталитарные диктатуры). Большинство империй, полагает Гайдар, «по форме политического устройства» были «либо монархиями либо демократиями, но ограничивающими права и свободы жителей колоний». На одну доску, как следует из контекста, в качестве исключений ставятся «тоталитарный Советский Союз и авторитарная Португалия». Смысл этого заключается в том, чтобы доказать, что не случайно в обоих случаях «крах режима был по времени совмещен с крушением империи»⁹⁴. Исторических фактов, опровергающих эти построения, даже если не углубляться в древние времена Рима и Китая, как это попытался делать Гайдар, огромное множество. Достаточно упомянуть, что Британская империя пережила и крушение королевской власти в начальный период Великого Мятежа, и падение диктатуры, установленной Кромвелем, а вторая колониальная империя, Франции, – крушение режима Наполеона III, монархию которого не назовешь «традиционной». Конечно, распад империи является настолько сильным потрясением для метрополии, что в большинстве случаев ведет к смене политического режима, но, как будет показано, не всегда на более демократический. В чем можно согласиться с Егором Гайдаром (он не первый высказал данную мысль), так это в том, что любая империя недемократична, если говорить о взаимоотношениях центра и периферии.

«Империю» достаточно часто помещают в еще один понятийный ряд, который, с нашей точки зрения, также не является для нее «своим». Например, красноярский политолог В. В. Ива-

⁹⁴ Гайдар Е. Указ. соч. С. 60.

нов писал о необходимости «провести Россию между Сциллой империи и Харибдой конфедерации»⁹⁵. А В. Махнач утверждал в упомянутой уже статье: «Я с уверенностью могу заявить, что унитарное государство также не есть империя, равно как и федеративное государство не есть империя. От федерации империю отличает наличие стержневого ведущего имперского этноса, вокруг которого выстраивается здание империи. А от унитарного государства империю отличает наличие провинций, терпимое отношение к национальной самобытности»⁹⁶. Данный автор почему-то совершенно не учитывал явное наличие «стержневого» этноса в таких федерациях, как ФРГ, Бразилия, Австралия, наконец США, и вполне терпимое отношение к самобытности провинций (в том числе национальных) во многих нынешних унитарных государствах. На самом деле *по форме* (а «конфедерация», «федерация» и «унитарное государство» в настоящих условиях не что иное, как формы национально-территориального устройства) империя может быть и тем, и другим, и третьим. Более того, прогрессирующий опыт выхолащивания сути при сохранении формы федеративных отношений делает федерацию все более удобной для имперства.

В 2007 г. российский политолог Андрей Захаров писал о «федерализме с имперской спецификой», считая его «мутационной формой, сочетающей весьма широкое право на самоуправление, в особенности для национальных меньшинств (не чуждое, кстати, и большинству империй), с концентрацией и бесконтрольностью власти на общегосударственном уровне». При этом удобство данной формы для возможной имперской экспансии в современных условиях он полагал основной причиной сохранения федеративного устройства России⁹⁷. Послед-

---

⁹⁵ Иванов В.В. Российская федерация и внутригосударственная договорная политика. Красноярск, 1997. С. 105.

⁹⁶ Махнач В. Указ. соч. С. 31.

⁹⁷ Захаров А. Федерализм с имперской спецификой. URL: <http://www.politportal.ru/analysis/detail.php?ID=251> (дата обращения: 16.04.2018).

нее, безусловно, является преувеличением, однако сама возможность появления такой точки зрения показательна.

Одновременно в российской политологии получила распространение и иная точка зрения, согласно которой имперский и федеративный проект в институциональном отношении противоположны друг другу. При этом они в равной мере отличны от унитаризма, который для России не может представлять реальную альтернативу развития⁹⁸.

Можно заключить, что «империя» как тип государственного образования имеет три основополагающих признака. Во-первых, это «великая держава», по крайней мере по своему потенциалу. Империи знают периоды расцвета и упадка, но до тех пор, пока сохраняется потенциал великой державы, их при соответствии прочим условиям можно по-прежнему причислять к данному типу государственного образования.

Во-вторых, это гетерогенная природа данного образования. Империя состоит из территорий, значительно разнящихся по уровню и направленности экономического развития, этническому составу, историческому опыту населения, вероисповеданию, традициям в области политики и тому подобным признакам. Уже с этой точки зрения нельзя признать «империей», скажем, современную Японию.

В-третьих, самый важный признак – организация образования по типу отношений «центр – владения». Все компоненты империи находятся в более или менее жесткой зависимости от находящегося внутри данного образования «центра», причем именно «центр» определяет права «владений», а не наоборот.

Первые два признака характеризуют состояние страны, третий – политический процесс, функционирование государства, задавая обстоятельства и цели этого процесса. Как

⁹⁸ Эту идею развивала И.М. Бусыгина, презентуя результаты исследования, выполненного ею совместно с М. Филипповым. См., например: Национальный вопрос: ресурсы имперского и федеративного проектов в России. URL: <http://www.kennan.ru/index.php/rus/Novosti/Nacional-nyj-vopros-resursy-imperskogo-i-federativnogo-proektov-v-Rossii2/Nacional-nyj-vopros-resursy-imperskogo-i-federativnogo-proektov-v-Rossii> (дата обращения: 16.04.2018).

отмечает канадский профессор Д. Кицикис, «организация любой империи требует развития двух противоположных сил: одной, стремящейся к единству, и другой, стремящейся к разнообразию. Необходимой формулой является единство в разнообразии»⁹⁹. Однако следует отметить, что такая формула в принципе может поддерживаться и иной системой отношений между компонентами, особенно, если речь идет о современном этапе развития человеческой цивилизации.

Антиподами империи, судя по перечисленным характеристикам, являются «малая держава», «однородное государство» (в этом значении часто используется термин «национальное государство»¹⁰⁰) и «содружество».

Термин «содружество» вошел в оборот относительно недавно и употреблялся в основном для обозначения некоторых современных постимперских образований. Однако некоторые историки применяют его, как и понятие «империя», для характеристики гораздо более древних феноменов. Так, известный оксфордский ученый-византист Д. Оболенский использовал этот термин для характеристики «наднациональной общности христианских государств» и отношений Константинополя с восточно-европейским «периферийным доменом», полагая, что он более адекватно отражает реальное положение вещей, чем соединение «византийского империализма» и направленных против него «национальных стремлений того или другого народа»¹⁰¹. При этом Оболенский считает, что не следует приписывать слову «содружество» «точный конституционный смысл» или «искать ему параллели в современности». Кроме того, он подчеркивал «объединяющее воздействие культуры на челове-

---

⁹⁹ Кицикис Д. Османская империя // На перекрестке цивилизаций. М., 2006. С. 106.

¹⁰⁰ В этой связи примечательно, например, принятое в России на официальном уровне решение именовать происходящие в стране конфликты не «межнациональными», а «межэтническими».

¹⁰¹ Оболенский Д. Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 11.

ческие институты»¹⁰². Однако использование данного термина предполагает, на наш взгляд, проведение определенных параллелей с современностью, а противопоставление его понятию «империализм» требует более четкого определения специфики отношений между «центром» и «периферией» в данном случае.

Именно «содружество», а не «демократия» или «федерация», в свете современных воззрений, вероятно, может быть признано основным антиподом «империи». При этом противопоставление, если оставаться на позициях научной объективности, а не идеологических предпочтений, не должно проводиться исключительно по принципу «плохо – хорошо».

---

¹⁰² Там же. С. 10.

ДУХ И ЭСТЕТИКА ИМПЕРИИ

Рождая собственную идентичность и выступая в связи с этим в качестве одной из возможных политических ценностей, империя во многих случаях формирует отношение к себе, основанное преимущественно не на рациональных мотивах, а на принципе противопоставления «нравится – не нравится».

«В первую очередь меня привлекает не порядок, не могущество, не “железная рука”, а эстетика Империи. Хотя в известном смысле эти вещи взаимосвязаны», – утверждал петербургский писатель Павел Крусанов¹⁰³. «Эстетическая составляющая в империи – далеко не последнее дело», – заявил он в другой раз¹⁰⁴.

«В отличие от “материализма” мещанских демократий империя способна на избыточное сверхусилие во имя нематериальной и даже нечеловеческой цели, и в этой бессмысленности – ее величие», – отметила критик Ольга Славникова, рассуждая о романе Крусанова «Укус ангела»¹⁰⁵.

«Суть политического эстетизма, – полагает культуролог Константин Фрумкин, – заключается в том, что государство оценивается не с точки зрения современного жителя, а с точки зрения будущего историка. Характерно то, что при “историческом” подходе государство чаще всего оценивается по его

---

¹⁰³ Крусанов П. Меня привлекает эстетика империи... // Крусанов П. Все прочее – литература. СПб., 2007. С. 244.

¹⁰⁴ Крусанов П. Беседа о будущем // Там же. С. 276.

¹⁰⁵ Славникова О. Я люблю тебя, империя // Знамя. 2000. № 12. С. 197.

“блеску”, а под “блеском” понимается в первую очередь военное и внешнеполитическое могущество»¹⁰⁶.

Эстетика «имперства» и эстетика тоталитаризма несомненно имеют немало общих черт. Эти явления чаще всего путают, смешивают именно на уровне стиля. Но различий между ними оказывается значительно больше. Одно из них заключено в отношении к правителю, как к «императору» в первом случае и как к «вождю» – во втором. Император в данном случае – это прежде всего олицетворение государства, воплощающего в себе традицию, а затем уже конкретный человек. Личная харизма необходима лишь основателю империи (и то не всегда), поскольку за ним нет традиции. В дальнейшем происходит описанная Максом Вебером рутинизация, которая приводит к тому, что при наследниках и преемниках императорского трона харизма с личности переносится на институт. Император может продолжать оставаться для подданных и воплощением бога на Земле, но как человек, занимающий определенный пост, – как прелат, но не как пророк. Тоталитаризм же предполагает обожествление каждого конкретного вождя. Именно поэтому тоталитарные режимы сами по себе так уязвимы в условиях перехода власти от одного лидера к другому (вероятно, единственное государство, где в полной мере удалось наладить механизм преемственности в рамках тоталитарного режима, – КНДР). Для империи же эта проблема разрешается значительно легче.

При этом необходимо проводить границу между реальным продолжением и формальным соблюдением практик при утрате их фактического смысла. Так, после смерти Сталина советская империя устояла без особых проблем, но тоталитарный режим трансформировался в диктатуру авторитарного типа. В эстетическом отношении это проявилось наиболее четко. Не случайно столь широкое распространение в период правления Леонида Брежнева приобрело выражение «культ без

¹⁰⁶ Фрумкин К. Пространственная эстетика империи // Свободная мысль – XXI. 2002. № 9. С. 73.

личности», противопоставляемое «культу личности» Сталина. Брежнев был абсолютно нехаризматическим лидером, и предпринимавшие официальной пропагандой попытки его восхваления воспринимались обществом с насмешкой. Однако это несколько не мешало имперскому патриотизму, а в настоящее время в бывших республиках СССР брежневский период зачастую воспринимается с ностальгией, как «золотой век» советской империи.

Еще одно отличие собственно имперской эстетики от эстетики тоталитаризма заключено в том, что в первой делается акцент не просто на «единении», но на «единении многообразия». Военные парады и массовые праздничные действия должны воплощать в себе две взаимосвязанные характеристики империи – ее «величие» и разнообразие частей (народов, территорий и т.д.).

Можно наслаждаться как незыблемой величественностью, так и безудержной динамикой империи. Британский профессор Э. Стоукс, возглавивший в 1971 г. Смэтсовскую кафедру в Кембридже, в своей инаугурационной лекции, упомянув о современном звучании «киплинговского темперамента»¹⁰⁷, подчеркнул также, что «культ деятельной жизни» стал «одним из основных ингредиентов» при формировании империалистических воззрений выдающегося поэта и писателя¹⁰⁸. Советский исследователь творчества Киплинга А. Долинин тоже отмечает у него «ненасытную потребность в действии» и полагает, что потребность эта определила отношение писателя к олицетворявшему собой пассивное начало Востоку¹⁰⁹. Однако империя для Киплинга, по мнению Долинина, это прежде всего «носитель Закона всех Законов», олицетворение победы порядка над

---

¹⁰⁷ См.: Stoukes E. «The Voice of Hooligan»: Kipling and the Commonwealth Experience // Historical Perspectives. Studies in English Thought and Society in honour of J. H. Plumb // ed. by Neil McKendrick. London, 1974. P. 289.

¹⁰⁸ Ibid. P. 293.

¹⁰⁹ Долинин А. Редьярд Киплинг, новеллист и поэт // Киплинг Р. Рассказы. Стихотворения. Л., 1990. С. 14.

хаосом. Таким образом, темперамент Киплинга может быть связан также с тем, что «имперский мессианизм стал его религией, и с пылом апостола он бросился обращать в нее весь земной шар»¹¹⁰.

Пафос строительства и борьбы, идея активного осуществления цивилизаторской миссии становились важнейшими элементами идеологий, с помощью которых империи стремились оправдать свое существование и свою экспансию. Пример Англии в данном отношении особенно показателен, и творчество Киплинга не представляет собой некий изолированный феномен в культуре этой страны. Достаточно вспомнить, что самое популярное в конце XIX в. на Британских островах зрелище – мюзик-холл – имело репутацию «родника патриотизма», а термин «джингоизм» образован, как известно, от названия песенки, написанной в 1877 г. Дж.У. Хантом¹¹¹. Произведения Киплинга тоже были рассчитаны на широкого читателя и находили у него понимание и отклик¹¹².

По выражению известного палестино-американского исследователя Э.В. Саида, Восток в европейской культуре эпохи империализма воспринимался как «экзотическое, отдаленное и древнее место, где европейцы могут продемонстрировать свою силу»¹¹³. «Древность» в данном случае позволяет настолько придать масштабности и содержательности сфере приложения усилий, насколько это делает «дикость» в другом случае. Масштаб рождает ощущение величия, а контент позволяет наслаждаться разнообразием, в том числе неожиданностями. Отсюда и двойственные чувства романтических «империалистов» к подвластным территориям. Тот же Э.В. Саид отметил

¹¹⁰ Там же. С. 15.

¹¹¹ См. об этом: Summerfield T. Patriotism and Empire: Music-hall Entertainment. 1870–1914 // *Imperialism and Popular Culture* / ed. by John M. MacKenzie. Manchester, 1986. P. 17,25.

¹¹² См.: Кертман Л.Е. История культуры Европы и Америки. 1870–1917. М., 1987. С. 204–206.

¹¹³ Саид Э.В. Культура и империализм. СПб., 2012. С. 242.

их у киплингвского Кима: «с одной стороны – надзор и контроль над Индией, с другой – любовь и зачарованное внимание ко всем ее деталям»¹¹⁴. Отношение многих русских писателей, публицистов, мемуаристов к Кавказу, например, является абсолютно тем же.

Характерен, например, эпизод из пьесы Ростана «Орленок» (1900 г.), постановка которой произвела неизгладимое впечатление на юного Шарля де Голля. Ее главный герой – живущий на чужбине юный сын Наполеона. К нему тайно пробирается молодой француз, называющий себя «либералом» и «карбонарием», но сейчас он готов стать бонапартистом, ибо

История твердит о славе прежней,
И бьется жизнь в сердцах у нас мятежней,
Забыта кровь – нельзя побед забыть...

Юноши прекрасно понимают состояние души друг у друга, находя его весьма схожим. Однако на предложение принять участие в заговоре и попытаться захватить власть Орленок отвечает неожиданным отказом и дает резкую отповедь:

Я слушал вас, экстаз ваш очень мил,
И он во мне артиста восхитил,
Но понял я: не моего народа
Звучали здесь призывные слова.
А возвращала мне мои права
Литература и ... немножко – мода.

Значительно большее доверие и больший отклик вызывают у Орленка призывы другого заговорщика – старого наполеоновского солдата Фламбо.

Показательна эволюция во Франции XIX столетия образа Николя Шовена из водевильно-комедийного в драматический, а затем в определенной степени зловещий¹¹⁵. Интересно, что

---

¹¹⁴ Там же. С. 334.

¹¹⁵ См.: Пюимеж Ж. де. Шовен, солдат-землепашец. Эпизод из истории национализма. М., 1999.

в России в середине того же века популяризировался (картина В.К. Шебуева, драма Н.А. Полевого) весьма сходный образ купца Иголкина.

Отталкиваясь от опыта Первой мировой войны, Н.А. Бердяев полагал, что «Россия провиденциально империалистична, но лишена имперского пафоса, в этом ее своеобразие»¹¹⁶. На самом же деле «имперский век» и в России плодил своих героев. Показательна, например, характеристика, данная И.А. Гончаровым Н.Н. Муравьеву-Амурскому через тридцать лет после встречи с ним: «Какая энергия! Какая широта горизонтов, быстрота соображений, неугасающий огонь во всей его организации... Да это отважный, предприимчивый янки! Это и боевой отважный борец, полный внутреннего огня и кипучести в речи, в движениях». Далее Гончаров пишет о сохранившемся у него в памяти образе «пионера-бойца», который воевал с инородцами и чиновниками, «одолевал природу, оживлял, обрабатывал и населял бесконечные пустыни»¹¹⁷.

Другим героем, еще более значимым, стал генерал Скобелев, мировоззрению которого было свойственно сочетание панславизма и имперско-колониалистских настроений в рамках единой идеи великодержавности России. Истовому служению этой идее он готов был отдать весь свой пыл. Один из первых биографов Скобелева подчеркивал «удивительную подвижность и энергию его натуры»¹¹⁸. Сам же Скобелев полагал, что «Россия – единственная страна в Европе, где достаточно

¹¹⁶ Бердяев Н.А. Судьба России: Опыт по психологии войны и национализма. М., 1989. С. 102.

¹¹⁷ Гончаров И.А. По Восточной Сибири // Гончаров И.А. Собр. соч. М., 1954. Т. 7. С. 388–389.

¹¹⁸ Филиппов М.М. Михаил Скобелев. Его жизнь, военная, административная и общественная деятельность // Демосфен и Цицерон. Тиберий и Гай Гракхи. Богдан Хмельницкий. Джузеппе Гарибальди. Михаил Скобелев: Биограф. повествования. Челябинск, 1996. С. 529. (Библиотека Флорентия Павленкова.)

идеализма, чтобы воевать из-за чувств. Ее народ не уклоняется от жертв за веру и братство»¹¹⁹.

Смерть Скобелева вызвала немало откликов. В плане характеристики генерала, оценки его личности как российского «истого патриота» и державника показательное стихотворение Я. Полонского, посвященное его памяти. В нем есть и такие строчки:

И нет его, и эта сила
Разбита! Кто ее разбил?
Увы! никто...
Она сама себя разбила;
Невыносим ей был покой;
Опасности, кровавый бой,
Борьба была ее стихия.
Ее томила жажда дел.
И славы – избранных удел.
Плачь, сокрушенная Россия.
Он на тебя похож был – да!

Интересно, что, ненавидя всех немцев (в которых видел главных врагов России и славянства), а Бисмарка в особенности, Скобелев одновременно испытывал к нему некую симпатию как строителю Германской империи, чувствуя, очевидно, свое духовное родство с ним. Однако если Бисмарк ценил в России «устойчивость и постоянство», то Скобелев в самом Бисмарке ценил несколько иные качества. «Нет у нас таких патриотов, как Бисмарк, который высоко держит знамя своего отечества и в то же время ведет за собой на буксире государственных людей чуть ли не всей Европы... Ненавижу я этого трехволосого министра-русофоба, но вместе с тем и глубоко уважаю его как гениального человека и истого патриота»¹²⁰. С другой стороны, Скобелев, по утверждению его биографа, «не выносил людей

---

¹¹⁹ Михаил Скобелев. М., 1997. С. 9.

¹²⁰ Там же.

дряблых, пассивных, инертных и говорил, что они сделаны “из мокрой и слизистой тряпки”»¹²¹.

Подобное отношение характерно и для других «имперских героев». Во время русско-японской войны многие простые японцы «прощались со своими сыновьями на железнодорожных вокзалах, отдавали сбережения в национальный военный фонд, зажигали фонарики в честь победы, готовили перевязочные материалы и складывали оригами с пожеланиями успехов для солдат, находившихся на фронте». «Конфликт, рожденный в кулуарах правительства, начинался как холодно рассчитанная акция, призванная укрепить позиции Японии на шахматной доске международной политики. Но затем он превратился в народную войну, наполненную эмоциями и переживаниями людей... Победа над Россией была первой подлинно народной войной Японии»¹²².

Столь же иррациональной может быть и основа негативного отношения к империи, какой-либо конкретной, или ко всем империям как таковым. Неприятие империи может носить «эстетический» характер.

Примечательно, что сторонники империи зачастую обвиняют своих оппонентов в «слепой ненависти», подразумевая, что они не способны воспринимать рациональные аргументы. С противоположной стороны тоже звучат обвинения в «фанатизме». Тем самым косвенно признается ценность рационального обоснования своей позиции в рамках имперского дискурса, что необязательно означает готовность следовать в этом направлении на практике.

¹²¹ Филиппов М. М. Указ. соч. С. 523.

¹²² Мак-Клейн Д. Л. Япония. От сегуната Токугавы – в XXI век. М., 2007. С. 441.

РАЦИОНАЛЬНЫЕ АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ» ИМПЕРИИ

Какое-то примитивное идеологическое обоснование экспансионистской политики сопровождало процесс строительства империй с очень давних времен. Достаточно вспомнить крестовые походы, газават, теорию «Москва – третий Рим» и т.п. Однако при этом надо было доказать населению метрополии необходимость и/или желательность экспансии, показать ее конкретную выгоду.

В свое время отечественная исследовательница М.М. Яброва провела анализ английской литературы XVI–XVII вв. (времени зарождения империи), пропагандирующей колониальные захваты, и пришла к вполне обоснованному выводу о том, что авторы данного периода, выдвигая идею экспансии, «приводили массу аргументов ... вполне материальных и ощутимых и только на основе этого говорили о “славе нации”, “величии короля” и т.д.» Среди таких аргументов – экономическая выгода, включая захват богатств и сокровищ, возможность удаления с Британских островов «избыточного» населения, необходимость противостоять Испании, которая уже обзавелась обширными владениями за морем. В то же время М.М. Яброва отмечала: «Теоретики колониальной экспансии объективно и субъективно в своих произведениях рисовали перспективу создания обширной колониальной империи, империи по существу, а не по названию. Они были ее первыми апологетами»¹²³.

Задача оппонентов при таком подходе к обоснованию начала имперской экспансии либо, в более поздний период, не-

¹²³ Яброва М.М. Очерки истории колониальной экспансии Англии в эпоху первоначального накопления. Саратов, 1966. С. 19.

обходимости поддержания и сохранения империи предельно ясна – доказать ненужность и вредность имперского бремени для страны-метрополии титульной нации и всех тех сил, к которым обращаются апологеты. В этой плоскости спор, таким образом, сводится к попыткам соотнести выгоды и потери лишь одной стороны – той, что ассоциируется с имперским «центром», а точкой отсчета и единственным критерием при этом служат «национальные интересы». Заинтересованность в империи определяется факторами как материального (благо-состояние, стабильность), так и духовного («величие», «статус») порядка. Теми же, по сути, факторами, но в иной трактовке, обусловливается и противоположная позиция.

И та и другая сторона апеллирует в данном случае к реально существующим в обществе настроениям. Энтузиазм и скепсис неизбежно в этом отношении идут рука об руку. Мысль о том, что отказ от империи является благом для метрополии и господствующей нации, имеет хождение даже во времена имперского бума. Можно сказать, что те, кто придерживается такой точки зрения в период бурного роста державы, являются консерваторами в самом строгом смысле этого слова, ибо справедливо полагают, что экспансия подрывает традиционные порядки в метрополии, нарушает привычный ритм и образ жизни.

Успех экспансии, как любое другое достижение прогресса – на этот раз прогресса державного – снимает сомнения большей части скептиков. Однако при малейших серьезных трудностях в управлении империей – а они возникают неизбежно, среди определенной части населения метрополии вновь распространяются настроения в пользу изоляции от своих владений и связанных с ними проблем. Бернард Шоу еще в начале XX в. позаботился о том, чтобы с иронией отобразить подобную «узконационалистическую» позицию. В его пьесе «Другой остров Джона Буля» герой, англичанин, обращаясь к ирландцу, взывающему свободы и справедливости для своей родины, произносит такую тираду: «Я, видишь ли, хочу, чтобы и моей

стране тоже уделили, наконец, хоть капельку внимания. А этого не будет, пока ваша кампания галдит в Вестминстере, словно только и есть на свете, что ваши драгоценные персоны... Хватит! Отчаливайте! Подарить бы вас Германии, чтобы у кайзера хлопот стало выше головы. А старушка Англия занялась бы, наконец, своими собственными делами. Вот вам!»¹²⁴.

В период кризиса СССР критики советского строя широко использовали утверждение о том, что только роспуск империи принесет свободу русскому народу, избавив его от непосильного державного бремени. «Я утверждаю, что дорога к свободе и суверенитету самого русского народа лежит через разложение Советской империи» – писал А. Авторханов¹²⁵. Этот же автор в отличие от большинства прочих, разделявших данную позицию, не стеснялся признать, что такой подход в России восходит к революционной традиции, и процитировать известный лозунг Герцена времен польского восстания 1863 г.: «За вашу и нашу свободу!» Авторханов даже выдвигал тезис, согласно которому «только отказ от традиционной империи дает этносу метрополии шанс на выживание»¹²⁶.

По сути, вторил Авторханову украинский националист А. Боргард, автор одной из статей в бюллетене «Век XX и мир», опубликованной вскоре после распада СССР. «В подобных державных образованиях, испытавших более или менее полное отчуждение от народа (или народов), – писал он, – собственный национальный элемент, когда-то давший государству название и язык, ютится где-то внизу. Единственное его жизненное предназначение – это платить грабительские поборы и отдавать жизнь за расширение и без того неуправляемой империи»¹²⁷.

Идея пользы в немалой степени лежала в основе концепции «национального государства», выдвинутой французской

---

¹²⁴ Шоу Б. Другой остров Джона Буля. М., 1953.

¹²⁵ Авторханов А. Империя Кремля. Минск, 1991.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Боргард А. Толстый и тонкий // Век XX и мир. 1992. № 4. С. 43. Есть некоторые основания предположить, что данная и ряд других цитируемых далее

революцией. Стремясь поднять ту или иную подвластную нацию на борьбу против имперского «центра», внешние или внутренние противники конкретной империи зачастую также апеллировали к понятиям «интерес» и «польза». Примером может служить выдержка из обращения Наполеона к венграм в 1809 г.: «Союз ваш с Австрией сделался вашим несчастьем. Вы проливали кровь за нее в чужих странах, а дорогие вам интересы постоянно приносились в жертву интересам наследственных земель. Венгрия составляет самую лучшую часть ее империи, но она считается не более как простой провинцией ее, всегда подчиненная вождениям, ей чуждым»¹²⁸.

Однако в условиях, приближенных к современным, на этапе распада империй, спор о «выгоде» и «невыгоде» империи для «титულიной» нации и для прочих населяющих ее народов, для «центра» и для «периферии» в основном носил уже односторонний характер. Противники империи активно старались убедить «титულიную» нацию в том, что распад созданного ею образования будет благом для нее же самой. Но «державники» обычно избегали аргументации, связанной с открытым обоснованием корыстной национальной пользы, используя более изощренную систему доказательств своей позиции.

О формировании развитой системы проимперской аргументации можно говорить лишь применительно к XIX и особенно к XX столетию, т.е. к эпохе, когда для того, чтобы обосновать необходимость сохранения, развития либо восстановления какой-либо из империй, стало особенно важно обосновать сам принцип такой организации общества, его полезность не только для метрополии, но и для народов, населяющих ее колонии и провинции, а также для человечества в целом. Па-

---

публикаций в этом издании в начале 90-х гг. были инициированы редакцией и носили провоцирующий характер. Однако даже если они являются фальсификацией, то, безусловно, талантливой и отражающей в концентрированном, возможно, гротескном виде существующие настроения и суждения.

¹²⁸ Цит. по: Борецкий-Бергфельд Н. История Венгрии в Средние века и Новое время. СПб., 1908. С. 181.

раллельно и, очевидно, с некоторым опережением шел процесс создания противоположной – антиимперской – системы аргументации. «Литература по империализму возникла тогда, – пишет А. М. Шлезингер, – когда демократизация внешней политики сделала для политиков необходимым, а для интеллектуалов возможным представить на суд избирателей свои соображения в пользу или против экспансии»¹²⁹.

С нашей точки зрения, все многообразие доводов и аргументов, к которым прибегали с этой целью «империалисты» разных стран, можно свести к трем основным группам.

1. *Империя как гарант безопасности и мира.*

Наиболее распространенный аргумент состоит в том, что имперское владычество и имперская мощь избавляют покоренные народы и соседние страны от постоянных набегов и вторжений противника, от завоевания более страшным врагом и полного уничтожения.

Разновидностью данной аргументации является также обоснование тезиса «империи служат делу мира». С одной стороны, речь идет о предотвращении «центром», имперской государственной машиной конфликтов, прежде всего вооруженных, между населяющими империю народами, различными компонентами имперской периферии. Рассказ о том, как включение тех или иных земель в состав империи способствовало прекращению на них усобиц, входит в школьные учебники, наверное, всех стран мира, переживших имперскую стадию развития.

С этих позиций апологетами империй обычно подвергается критике тезис о праве наций на самоопределение. Яркий образец подобного рода рассуждений содержится в работе российского монархиста-державника, бывшего черносотенца, бежавшего из СССР в 1930-е гг., И. Солоневича. «"Империя – это мир", – пишет Солоневич. – Внутренний национальный мир. Территория Рима до империи была наполнена войной всех

¹²⁹ Шлезингер-мл. А. М. Указ. соч. С. 174.

против всех. Территория Германии до Бисмарка была наполнена феодальными междунемецкими войнами. На территории империи Российской были прекращены всякие международные войны и все народы страны смогли жить и работать в любом ее конце»¹³⁰.

В современных условиях этот же тезис развивает, например, автор одного из читательских писем в журнал «Дружба народов»: «...Империя – это мир. Право же наций на самоопределение – это бесконечная война. Потому что нации живут не в четко очерченных границах, а иногда, как в Боснии, и попеременно. И вообще в мире существует несколько тысяч языков, а государств – менее двухсот. Могут ли все народы образовать независимые государства?»¹³¹. «Наши американские партнеры и их отечественные единомышленники не устают говорить о зловещем возрождении русского империализма... На антиимпериалистические речи какого-нибудь сенатора Лугара только и остается ответить: «О, если бы!» Ибо империя – это мир, а имперская политика – это прежде всего принуждение разноплеменных народов к миру, то есть к безусловному соблюдению общих для империи правил совместного проживания», – писал, откликаясь на межнациональные столкновения в Кондопоге публицист Максим Соколов¹³².

Еще одно обоснование касается сферы межгосударственных отношений. Известен тезис о том, что глобальные катастрофические последствия столкновений великих держав сдерживают возникновение таких столкновений. Кроме того, согласовать интересы нескольких крупных государств легче, чем множества мелких, компромисс при желании здесь может быть найден быстрее. В. Шульгин, один из столпов дореволюционной российской имперской идеологии и политики, в кон-

---

¹³⁰ Солоневич И. Народная монархия. Минск, 1998. С. 14.

¹³¹ Негретов П. Мелкодержавный национализм (письмо читателя) // Дружба народов. 1995. № 12. С. 186.

¹³² Соколов М. Империя – это мир. URL: <http://www.izvestia.ru/sokolov/article3096248/> (дата обращения 16.04.2018).

це концов примирившийся с возрождением империи в новом, советском, варианте, писал по этому поводу: «Мир при всех своих заблуждениях ищет единства. Ибо только единство может спасти земной шар от самоубийственных распрей. В этом смысл создания великих империй. Всякому ясно, что несколько огромных кусков земли легче придут к соглашению, чем бесчисленное количество мелких лоскутов»¹³³.

В. Махнач обобщал исторический опыт: «...Западнохристианская империя и восточнохристианская с приемствующей ей Россией лучше выполняли функцию примирителя и восстановителя равновесия в мире, чем это делали Лига Наций между мировыми войнами и Организация Объединенных наций»¹³⁴.

Дж. Чемберлен в свое время утверждал: «Великим империям принадлежит будущее, а второстепенные государства, которые не прогрессируют, по-видимому, обречены на подчиненное положение. Такова характерная черта и преобладающая тенденция современной эпохи»¹³⁵. Сесиль Родс полагал, что целью Британской экспансии является «создание, наконец, настолько могущественной державы, что она сделает войны невозможными и поможет осуществлению лучших чаяний человечества»¹³⁶. Наконец, уже упоминавшийся Я.Х. Смэтс, который также считал, что «прошли времена малых независимых государств»¹³⁷, что они не могут обеспечить безопасность и процветание населяющих их народов и неизбежно будут служить «яблоком раздора» для великих держав, сумел, как известно, подвести под этот тезис солидное теоретическое обоснование –

---

¹³³ Шульгин В.В. Три столицы (сборник). М., 1991. С. 378.

¹³⁴ Махнач В. Указ. соч. С. 31.

¹³⁵ Цит. по: Узнародов И.М. Джозеф Чемберлен – радикал-империалист // Викторианцы: Столпы британской политики XIX в. Ростов н/Д., 1996. С. 152.

¹³⁶ Цит. по: Давидсон А. Сесил Родс – строитель империи. М.; Смоленск, 1998. С. 56–57.

¹³⁷ Smuts J. C. Plans for a Better World. London, 1942. P. 277.

философское учение, получившее название «холизм». Примеры подобного рода можно продолжить приводить.

2. *Созидающая роль империй.*

Важную роль в идеологическом обосновании существования империи играет тезис о «возможности великих свершений». Имеется в виду способности империй аккумулировать огромные ресурсы и средства, необходимые для осуществления грандиозных по своим масштабам проектов. Ранее речь шла только о строительстве – прокладке путей сообщения, линий связи, возведении имперских столиц и т.п. В Новейшее время к этому добавились дорогостоящие и амбициозные научно-технические начинания (например, полеты в космос). «Может ли империя созидать? – вопрошал Юрий Осипов. – Тогда кто же в России что-либо великое созидал, если не империя?»¹³⁸.

«Империя исполнена воли к экспансии и нарушению равновесия в мире, она строит пирамиды и возводит Колизеи, потому что способна на сверхусилие, на объективно ненужное сверхусилие, на то, чтобы что-то сделать *навечно*»? – провозглашал П. Крусанов¹³⁹.

3. *Цивилизаторская миссия империй.*

Естественно, что тезис о «цивилизаторской миссии» империи предполагает принадлежность ее метрополии к более развитой или в чем-то лучше устроенной цивилизации. Все прочие же составляющие империю страны, а также населяющие ее народы выстраиваются в той или иной иерархии. Идеологи одной и той же империи, живущие в один и тот же период, могут весьма существенно расходиться во взглядах на один и тот же народ. Однако сам принцип иерархии наций является неотъемлемой частью имперского подхода как такового. С этой стороны, концепция «цивилизаторской миссии» сты-

---

¹³⁸ Осипов Ю. Указ. соч.

¹³⁹ Крусанов П. Легионеры незримой империи // Крусанов П. Все прочее – литература. С. 48.

куется с той частью проимперской аргументации, что согласовывает существование и развитие империи с неизбежным эгоизмом господствующей в ней нации. Деятельность во благо цивилизации и извлечение метрополией банальной и очевидной выгоды для себя могут рассматриваться как дополняющие друг друга компоненты, две стороны одной и той же политики. Это, в частности, нашло воплощение в концепции «двойного мандата» Ф. Лугарда. Согласно ей один «мандат» на управление колониями вручает британскому правительству долг перед собственным народом, другой – долг перед развитием и распространением цивилизации¹⁴⁰.

В современную эпоху, когда соображений практической выгоды для метрополии в большинстве случаев стали стыдиться, а «цивилизаторской миссии» уделять все больше внимания, роль проводника цивилизации отводили уже не метрополии, а всей империи в целом. Соответственно, тезис о «приобщении к более высокой культуре» господствующей нации стал вытеснять тезис о «вхождении в братскую семью народов». Стремясь избежать все усиливающихся обвинений в унифицирующей роли, сторонники империи начали утверждать, что «цивилизаторская миссия» сводится в основном к стремлению помочь отсталым народам быстрее идти своим собственным путем развития. Данное, не столь уж принципиальное, видоизменение аргументации отражало помимо прочего и углубляющееся расхождение интересов империи как таковой и специфических интересов метрополии. Вероятно, можно считать некоей закономерностью то, что, достигнув определенной стадии развития, всякая империя превращается в самодовлеющую силу и стремится подчинить своим особым интересам и метрополию.

В системе проимперской аргументации компонент, связанный с обоснованием «цивилизаторской миссии», наиболее важен. Действительно, недопущение междоусобных войн на

---

¹⁴⁰ См. об этом: Глушенко Е. А. Ф. Лугард, его критики и последователи // Африка: колониальное общество и политика. М., 1993. С. 62–109.

присоединенных к империи и колонизируемых территориях, а также защита их населения от агрессии извне почти всегда фигурируют в качестве важнейших показателей привнесения сюда цивилизации. Вместе с тем осуществляемые в рамках империй крупные экономические проекты (прокладка транспортных магистралей и линий связи, создание новых промышленных зон и т.п.) в основном связаны с освоением прежде малонаселенных или слабо развитых территорий и способствуют разрушению барьеров, мешавших установлению тесных контактов между различными сообществами, а следовательно, и взаимообогащению культур. Однако все это не исчерпывает содержания «цивилизаторской миссии».

Таким образом, концепция «цивилизаторской миссии» не только тесно связана с двумя другими компонентами системы проимперской аргументации, но и выполняет роль мостика между ними. Отсюда, на наш взгляд, следует, что ее положение в данной системе является центральным. Поэтому можно согласиться с А.М. Шлезингером в том, что утверждение о цивилизаторской миссии – суть апологии империализма¹⁴¹.

Все перечисленные аргументы «империалистов» имеют объективную основу. Роль империи как гаранта безопасности может быть поставлена под сомнение лишь с точки зрения той цены, которую за эту безопасность приходилось платить. «Империию можно называть тюрьмой народов, но она еще защищает от внешних воздействий. Для грузин и армян российская тюрьма народов прежде всего выполняла эту функцию», – отмечает Алексей Миллер¹⁴².

Неоспоримо также, что те или иные имперские образования в большинстве случаев становились неодолимым препятствием на пути наиболее жестоких завоевателей как в древности, так и в настоящее время. Известно, что «единство республик

---

¹⁴¹ Шлезингер-мл. А.М. Указ. соч. С. 174.

¹⁴² Миллер А. Почему все континентальные империи распались в результате Первой мировой войны. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2006/04/11/miller2.html> (дата обращения: 16.04.2018).

СССР» рассматривалось согласно официальной концепции в качестве одного из основных факторов, обеспечивших «победу советского народа в Великой Отечественной войне». Действительно, во многом именно объединенные ресурсы огромной державы позволили переломить ход военных действий в борьбе с гитлеровской агрессией и внести решающий вклад в победу над фашизмом. Если бы Советская страна в свое время пошла по другому, не имперско-тоталитарному, пути развития, то исход этой борьбы мог бы оказаться совсем иным. В разгар перестройки известный отечественный политолог Ф.М. Бурлацкий попытался исследовать этот вопрос в одном из своих художественно-публицистических произведений. Такую же попытку предпринял Михаил Шатров в пьесе «Дальше, дальше, дальше...».

Подобные споры ведутся и в Англии. Но речь уже идет о единстве Британской империи, которое также рассматривается в качестве одного из решающих факторов победы во Второй мировой войне. Английский военный историк А. Клейтон пришел, например, к выводу о том, что, распались или будь разрушена эта империя в 1930-е гг., и последствия были бы катастрофическими для всего мира: Германия в таком случае победила бы Советский Союз, а Япония – Соединенные Штаты¹⁴³. И вновь следует признать, что помощь не окончательного еще отделившихся от метрополии доминионов и ресурсы многочисленных колоний помогли Англии выстоять в самой сложной ситуации, в 1940 г., когда она осталась фактически один на один с Гитлером.

Еще более очевидна роль французских владений в освобождении метрополии от господства гитлеровцев. В свое время де Голль подчеркивал необходимость тесной взаимосвязи освобожденных от господства вишистов французских колоний и движения сопротивления в самой Франции, называя это «могучим козырем» для ведения войны¹⁴⁴.

¹⁴³ Clayton A. *The British Empire as a Superpower, 1919–1939*. London, 1986. P. 517.

¹⁴⁴ Gaulle Ch. de. *Discours et Messages. 1940–1946*. Paris, 1946. P. 275.

Конечно, приведенные ранее суждения Солоневича об истории России и Германии не вполне соответствуют действительности. Однако создание империй действительно приводит к прекращению многих вооруженных конфликтов. А. Тойнби констатировал, в частности: «Когда местные государства пожирают одно другое, проливая моря крови, когда жестокость и нетерпимость становятся общественными добродетелями, универсальные государства возникают, чтобы остановить войны и заменить кровопролитие кооперацией»¹⁴⁵. «Империализм разделяет и порождает мировую войну. Но он же объединяет человечество, приводит его к единству», – полагал Н. А. Бердяев¹⁴⁶.

Эпоха, наступившая после Второй мировой войны, когда термина «великая держава» оказалось уже недостаточно для обозначения той мощи и влияния, которыми обладали США и Советский Союз, и возникло понятие «супердержава», дала немало доказательств того, что соперничество этих государств обеспечивало определенную стабильность в мировых делах и служило сдерживающим фактором развития локальных конфликтов. В. Дегоев, например, пишет о «беспрецедентной стабильности в мире, поддерживаемой за счет биполярной системы, силового паритета, раздела сфер влияния, четких правил глобальной игры в конфронтацию и сотрудничество»¹⁴⁷. Так это или иначе, но в истории цивилизованной Европы время с 1945 по 1990 г. – действительно не имеющий аналогов по своей продолжительности мирный период.

Вполне реальны и материально ощутимы результаты создающей деятельности империй, будь то система орошения на Ближнем Востоке или полеты в космос, римские дороги или Великая китайская стена, египетские пирамиды или транссибирская магистраль. Подобные начинания связаны как с соображениями престижа – империи стремятся материально во-

¹⁴⁵ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 500.

¹⁴⁶ Бердяев Н. Судьба России. С. 100.

¹⁴⁷ Дегоев В. Самоослепление // Полит. журнал № 45/46. 2006. 4 декабря. С. 5.

плотить свое величие, так и с потребностями экономического развития, а также с геополитическими и военно-стратегическими интересами. Ю.Е. Березкин, несмотря на весь антиимперский пафос своего сочинения, признает: «Сама по себе возможность концентрации ресурсов приводила в отдельных случаях к созданию выдающихся культурных ценностей, впечатляющих памятников человеческого творчества и труда». При этом он оговаривается, что творения эти сводятся к «гробницам правителей», «имперским столицам» и «магистральным путям сообщения»¹⁴⁸.

Реальную основу имеет и «цивилизаторская» аргументация. Тот же А.М. Шлезингер констатирует, что «цивилизаторская миссия не абсолютно пустая выдумка»¹⁴⁹. Действительно, объединение в рамках одного обширного государственного образования народов, имеющих разную историю, культуру и находящихся на разных ступенях развития, уже само по себе создает объективные предпосылки их сближения и выравнивания в развитии. При этом чаще менее развитые народы «подтягиваются» к более развитым, чем наоборот. Неудивительно, что «свое убедительное толкование цивилизаторской миссии», как отмечает Шлезингер, предложил даже Карл Маркс¹⁵⁰.

Осуществление цивилизаторской миссии в указанном отношении, безусловно, было свойственно и царской России, и СССР. Как полагает политолог Д. Орешкин, «империя строила на Кавказе то, что было не под силу Шамилю, – железные дороги, нефтяные прииски, города, создавала систему здравоохранения и образования, посылала учителей, инженеров, врачей»¹⁵¹.

Таким образом, речь, по сути, идет о трех реально выполняемых империями позитивных функциях. Причем зна-

---

¹⁴⁸ Березкин Ю.Е. Указ. соч. С. 210.

¹⁴⁹ Шлезингер-мл. А.М. Указ. соч. С. 174.

¹⁵⁰ Там же. С. 175.

¹⁵¹ Орешкин Д. Последний боец империи // Московские новости. 2005. 30 сентября – 06 октября.

чимость этих функций может быть осознана как современниками, так и в исторической ретроспективе. Более того, нельзя пока с уверенностью утверждать, что сейчас с этими функциями успешно справляются мировое сообщество (в том виде, в каком оно сформировалось), какие-либо международные организации или что-либо еще. Именно поэтому аргументацию «империалистов» до настоящего времени невозможно ни полностью опровергнуть, ни отбросить в сторону.

Однако и аргументацию противников империи тоже никто еще не смог опровергнуть достаточно убедительно. Причем подвергаемые критике пороки имперской формы политической организации общества фактически представляют собой не что иное, как оборотную сторону ее достоинств. Во многом это проблема цены, которую приходится платить за имперские достижения. Речь идет о национальном, расовом и прочем гнете, забюрократизированности управления, элементах паразитизма со стороны «центра», чрезвычайно разрушительных последствиях империалистических войн, если таковые все-таки развязываются, а также об упоминавшейся уже тенденции к всеобъемлющей унификации, уничтожающей своеобразие, традиции и культуру народов.

Эти пороки империи занимают главное место в системе аргументов против тезиса о «цивилизаторской миссии». Яркий пример критики «цивилизаторской миссии» дал Г.К. Честертон. Герой его «Ноттингхильского Наполеона», низвергнутый президент стертой с политической карты Никарагуа, отвечает своему оппоненту: «Провозглашая объединение народов, вы на самом деле хотите, чтобы они все как один переняли бы ваши обыкновения и утратили свои». И далее: «Вы действительно полагаете, будто эскимосы научатся избирать местные советы, а вы тем временем научитесь гарпунить моржей?»¹⁵². Вероятно, любой современный антиглобалист подписался бы под этими высказываниями.

---

¹⁵² Цитаты даны в переводе В. Муравьева.

«Ложь!» – восклицает Г.А. Зюганов в ответ на утверждение о том, что империя – это «всевластие чиновной бюрократии, удушающей цензуры и отсутствие элементарных свобод», а также «насилие над национальными чувствами, презрение к человеческой личности, попрание норм естественного людского общежития...»¹⁵³. Однако лидер КПРФ не привел ни одного убедительного довода, опровергающего эти обвинения, а сосредоточил свои усилия на том, чтобы показать положительные стороны «державы». В действительности империя – это и *то* и *другое*. Даже если оппоненты стараются не слышать друг друга, суть рассматриваемого спора все равно сводится не к наличию или отсутствию позитивного либо негативного в природе империй, а к соотношению в ней данных начал.

Не в состоянии парировать обвинения в унифицирующей роли империи, ее апологеты стихийно научились перехватывать у своих оппонентов довод о недопустимости разрушения всякого своеобразия и использовать его в своих целях. Как и любая другая система, империя есть нечто большее, чем сумма ее составляющих. «Россия есть некий организм в мире, имеющий свое специфическое призвание, свой единственный лик», – провозглашал в свое время Н. Бердяев¹⁵⁴. Однако то же самое можно сказать о любом другом крупном государственном образовании. Соответственно, каждая империя, как и любой другой сложный, исторически сформировавшийся социальный организм, имеет свои традиции, обычаи, культуру, свои уникальные институты и свой неповторимый опыт. Как уже отмечалось, она не может быть сведена к сумме составивших ее стран и народов.

Впрочем, в большинстве случаев апологетами империи речь ведется не столько о ее своеобразии, сколько о якобы уникальном характере одной империи – той, что ближе всего пишущему о ней автору. Заодно, как правило, отбрасывается весь комплекс общей антиимперской аргументации – к дан-

¹⁵³ Зюганов Г.А. Держава. М., 1994. С. 30.

¹⁵⁴ Бердяев Н. Судьба России. С. 101.

ному исключительному случаю он якобы не может быть применен.

Интересно, что уникальность «своих» империй их апологеты зачастую видят в одном и том же. Противопоставляя «свою» всем прочим, защитники одной империи наделяют ее теми же чертами, что и защитники других. Весьма распространена, например, версия о «преимущественно мирном» в отличие от других пути образования той или иной державы. Великое множество раз этот тезис применялся к истории России. Приведем типичное утверждение такого рода, взятое из статьи Э. Володина в газете «Литературная Россия»: «Империи создаются путем присоединения, захвата, завоевания земель, государств, народов (особый случай США, проделывавшие все это вместе, но еще и объявившие весь мир сферой своих жизненных интересов). В истории России наблюдается один постоянный процесс – добровольное вхождение, добровольное присоединение национальных общностей, не имеющих государственности, и государственных образований, стремившихся сохранить свою этническую основу, перед угрозой национального геноцида...»¹⁵⁵. Даже либерально настроенные и хорошо эрудированные исследователи первоначально весьма осторожно полемизировали с находившимся на подобного рода позиции. И. К. Пантин, например, в ходе дискуссии 1992 г. высказался в ответ на одно из таких рассуждений следующим образом: «Россия была империей. Своеобразной, оригинальной, но империей»¹⁵⁶.

Но фактически тот же тезис о добровольном присоединении народов выдвигался и в отношении других империй. Венецианские хронисты сообщали, что население Далмации «радушно» встречало завоевателей из Республики Святого

---

¹⁵⁵ Цит. по: Несостоявшийся юбилей: Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия. М., 1992. С. 421.

¹⁵⁶ Национальное государство: теория, история, политическая практика // Полис. 1992. № 5–6. С. 29.

Марка¹⁵⁷. Если верить официальной австро-венгерской историографии, то Габсбурги при строительстве своей державы руководствовались девизом «Пусть другие ведут войны, а ты, счастливая Австрия, заключай браки»¹⁵⁸. Рассказывая историю становления французской колониальной империи, благожелательно настроенные к ней авторы также стремились подчеркнуть, что в отличие от представителей других держав французы-первопроходцы устанавливали владычество своей страны на новых землях «мирными средствами», «так сказать без боев и без денежных расходов»¹⁵⁹.

Известный мыслитель русского зарубежья Г.П. Федотов в статье «Судьба империй», написанной в 1947 г., отмечал, что в России «в умах не только либеральной, но отчасти и революционной интеллигенции наивное представление о том, что русское государство, в отличие от всех государств Запада, строилось не насилием, а мирной экспансией, не завоеванием, а колонизацией». И продолжал далее: «Подобное убеждение свойственно националистам всех народов. Французы с гордостью указывают на то, что генерал Федерб с ротой солдат подарил Франции Западную Африку, а Лиотэ был не столько завоевателем Марокко, сколько великим строителем и организатором. И это правда, то есть одна половина правды. Другая половина, слишком легко бросающаяся в глаза иностранцам, недоступна для националистической дальновзоркости»¹⁶⁰.

Список империй, в отношении которых выдвигался тезис о мирном и ненасильственном приобретении владений, добро-

---

¹⁵⁷ См.: Ионина Н.А. Венеция. История. Легенды. Предания. М., 2008. С. 53–54.

¹⁵⁸ См.: Балакин В.Д. Тысячелетие Австрии // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 158.

¹⁵⁹ См. об этом: Субботин В.А. Указ. соч. С. 15.

¹⁶⁰ Федотов Г. П. Судьба империй // Федотов Г. П. Судьба и грехи России: избранные статьи по философии русской истории и культуры. В 2 т. СПб.: София, 1992. Т. 2. С. 317, 318. Необходимо отметить, что, противореча основной направленности этой своей работы, Федотов иногда сам не удерживается от того, чтобы оговорить некие особые характеристики России как империи, делающие ее немного лучше на фоне других. К тому же он не всегда точен в приводимых исторических фактах.

вольном вхождении народов в их состав, можно продолжить (в него войдет, в частности, и Британская империя). В настоящее время встречаются даже суждения, согласно которым «преимущественно мирными средствами» создавались даже державы Чингисхана и Тимура. Так, автор «справочника по Чингисхану», А.Ю. Краснолуцкий, утверждал, в частности, что этот завоеватель, «создавший самую большую империю», «был терпим»¹⁶¹. Хотя в приписываемых самому Чингисхану «поучениях» прямо говорится: «Для того, чтобы разогнать гордых и сильных / Применял разные способы / И стал я владыкою многих. Так-то!»¹⁶².

Столь же часто появляется мысль об «особом» характере колонизации, освоения присоединенных территорий. С точки зрения Смэтса, британские политические лидеры не стремились «стандартизировать» подвластные им народы, а, напротив, хотели «продвинуть их дальше и больше по пути национального своеобразия». Все прочие же империи, включая США, утверждал он, имели в своей основе идею ассимиляции¹⁶³. В других странах, напротив, считают британское колониальное владычество неким эталоном национального подавления.

В Португалии во времена Салазара на вооружение государственной идеологией были взяты идеи лузотропикализма, согласно которым «специфика португальского характера и генкультурного типа»¹⁶⁴ обуславливала большую по сравнению с другими европейскими колонизаторами гуманность и адаптивность португальцев, их предрасположенность к метисизации.

Насколько могут различаться мнения об этом, на наш взгляд, можно проиллюстрировать двумя цитатами, которые

¹⁶¹ См.: Алтын уруг, или Золотой род Чингисхана // Татарские края. 1999. 10.

¹⁶² Цит. по: Шастина Н.П. Образ Чингис-хана в средневековой литературе монголов // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1972. С. 474.

¹⁶³ Smuts J. C. Plans... P. 39.

¹⁶⁴ Сиим А.Ю., Добронравин Н.А. Этнокультурные и политические аспекты лузотропикализма // Радловский сб.: науч. исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2009 г. СПб., 2010. С. 188.

взяты из произведений отечественных историков, вышедших в свет почти одновременно, в 1992–1993 гг., и в которых трактуется один и тот же процесс – освоение русскими территорий угро-финских народов на раннем этапе становления Российской империи. С точки зрения Ю.Г. Алексеева, придерживающегося державнической позиции, русская колонизация «не знала ни истребления покоренных народов, ни изгнания их с исконной территории, ни превращения их в рабов, ни насильственного разрушения их хозяйственного уклада, ни принудительной языковой и культурной ассимиляции»¹⁶⁵. Как будто отвечая ему, марийский историк В.С. Патрушев, склонный к позиции национал-сепаратистской, пишет: «Теория мирной ассимиляции наиболее удобна для оправдания великорусской нации. Ведь любой порядочный человек при мысли о том, сколько людей и народов исчезли с лица земли по вине своего народа, должен почувствовать моральную ответственность за свой народ»¹⁶⁶. Характерно, что эти авторы придерживаются противоположных точек зрения и на соотношение уровней развития русского и финских народов в период колонизации. Следует отметить, что Патрушев (как и Алексеев) далеко не одинок в своих оценках. Так, заместитель председателя Все-марийского совета В. Яналов утверждал: «Нашествие славянских племен с Дона и Днепра на северо-восток континента ... застало финно-угорские народы на стадии формирования государственности, так что усилившаяся Московская Русь в XV–XVI веках встретила на востоке сопротивление отнюдь не диких финно-угров. Они имели укрепленные города и хорошо организованные многотысячные военные формирования, руководимые опытными предводителями – князьями, знали ремесленные искусства, кузнечное, торговое и военное дело. Огнем и мечом пришлось присоединять эти мятежные земли. ... Последующие три века в составе Российской империи не дали

¹⁶⁵ Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 85.

¹⁶⁶ Патрушев В.С. Финно-угры России (II тыс. до н.э. – начало II тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1992. С. 181.

возможности восточным финно-угорским народам достичь заметного прогресса в национальном развитии»¹⁶⁷. В учебнике истории, написанном для марийских школьников, говорится: «Царизм с самого начала проводил по отношению к марийцам политику национально-колониального гнета. Более того, само их присоединение сопровождалось неслыханными жесткостями по отношению к местному (как к мятежному, так и к мирному) населению»¹⁶⁸.

Подобное противоречие в оценках отнюдь не уникально. То же самое наблюдается в отношении башкир, которые традиционно считались лояльным имперским народом, немало послужившим защите, укреплению и расширению державы. Такой позиции придерживалась как дореволюционная, так и советская официальная историческая наука, несмотря на различие в их трактовке движений социального протеста. «Но даже в энциклопедиях даты башкирских восстаний произвольно путались и исчезали. В российских школьных программах они меняются и исчезают до сих пор. Известно, что при Советской власти, в целях дискредитации дореволюционной государственности, проводилась формальная апологетика многих антиправительственных и революционных движений: декабризма, бунтов, Крестьянских войн и т.д. Национальные движения либо искусственно включались в эту схему, либо объявлялись “реакционными, сепаратистскими движениями феодальной байской верхушки”, движениями “реакционными и не совпадающими с интересами национальных трудящихся масс”», – отмечали в постсоветский период башкирские ученые А. Бердин и Ю. Юсупов. Полемизируя с официальной советской историографией, они ставили национально-освободительную борьбу башкир выше почитаемых ею социальных движений, утверждая, что «в отличие от таких движений российского

¹⁶⁷ Яналов В. Финно-угорский мир на пороге XXI в. // Дружба народов. 1999. № 1. С. 172.

¹⁶⁸ Иванов А.Г., Сануков К.Н. История марийского народа. Йошкар-Ола, 1999. С. 24.

крестьянства, как мятежи И. Болотникова, С. Разина, отчасти К. Булавина и Е. Пугачева, характер которых А. С. Пушкин точно определил, как “российский бунт, бессмысленный и беспощадный”, башкирские восстания (или “башкирские войны”, как точно определяли их русские историки 18–19 вв.) в значительной мере не были ни “бессмысленными”, ни исключительно протестными по форме»¹⁶⁹.

Миф о «добровольном вхождении» тех или иных народов и государств в состав империи вообще является одним из распространенных мифов, связанных с имперским строительством. Как правило, он основывается на апологизации того или иного эпизода в истории взаимоотношений имперской системы и соответствующих народов или государств. Яркие примеры – Переяславская рада и Георгиевский трактат. И то и другое в российской и советской имперской традиции представляется даже не просто как клятва верности державе на вечные времена, но и как некий естественный основополагающий выбор в первом случае украинского, во втором – грузинского народа, ключевое событие их национальной истории. Что касается марийцев, то таким основополагающим выбором в официальной российской и советской историографии рассматривалась их присяга на верность, принесенная Ивану Грозному перед его походом на Казань, но игнорировались последовавшие вскоре жестокие и кровопролитные Черемисские войны. Миф о «добровольном вхождении» настолько прочно вошел в сознание россиян, что иногда приобретает курьезные формы, вроде утверждения о «450-летию воссоединения республики Кабардино-Балкария с Россией», содержащегося на сайте «Почты Дедушки Мороза»¹⁷⁰.

¹⁶⁹ Бердин А., Юсупов Ю. Башкирия в системе империй // Межнациональные отношения в Башкортостане: исторический и социокультурный аспекты: Матер. межрегион. науч.–практ. конф. Уфа, 2001. С. 36–42. URL: <http://www.rb21vek.com/page,1,3,469-bashkiriya-v-sisteme-imperiy.html> (дата обращения: 16.04.2018).

¹⁷⁰ URL: <http://pochta-dm.ru/content/view/52/2/> (дата обращения: 16.04.2018). Фактически каждое слово в этой фразе представляет собой нонсенс с научной точки зрения.

В ряде случаев миф о «мирном присоединении» поддерживается малочисленностью коренных народов, поскольку в сознании современных российских державников не укладывается, что когда-то эти народы могли позволить себе сопротивление империи («Великой России»). Это касается, например, Сибири, аборигенное население которой согласно распространенному стереотипу покорно и благодарно приняло русскую власть. Поэтому часто встречается противопоставление колонизации Сибири Россией и колонизации Северной Америки сначала Англией, а затем Северо-Американские Соединенные Штаты. Подчеркивается, что последняя была связана с вооруженным подавлением и истреблением индейских народов. Между тем реального различия на самом деле нет. Как отмечает современный историк А.С. Зуев, «практически все сибирские народы или их отдельные территориальные группы оказали русским сопротивление разной степени силы, упорства и длительности»¹⁷¹. Новосибирский исследователь Сергей Скобелев, взявшийся на основе работ своих предшественников опровергнуть представление о вымирании сибирских народов под имперским господством, тем не менее, вынужден был привести достаточно длинный, хотя и неполный, перечень вооруженных конфликтов русских завоевателей с коренным населением¹⁷². Для рядового современного россиянина подобные данные зачастую являются

---

¹⁷¹ Зуев А.С. Диалог культур на поле боя (о военном менталитете коренных народов северо-востока Сибири в XVII–XVIII вв.) // Путь в Сибирь. URL: <http://library.ikz.ru/georg-steller/aus-sibirien-2013–2006/zuev-a.s.–dialog-kultur-na-pole-boya-o-voennom> (дата обращения: 16.04.2018).

¹⁷² См.: Скобелев С. Демография как политика. Коренное население Сибири в составе Российской империи и СССР: динамика численности как отражение политики центра // АВ IMPERIO. 2002. № 2. С. 167–169. В заключении своей статьи автор, не затрудняя себя аргументами, противопоставляет Россию и Китай империи Габсбургов и Оттоманской державе с точки зрения больших возможностей для внутреннего самоуправления и свободы вероисповедания. Кроме того, судьба коренных народов Сибири в очередной раз противопоставляется более трагичной, по мнению этого автора, судьбе американских индейцев.

настоящим откровением. Характерно, что распространение в русском сегменте сети Интернет публикации, посвященной истории русско-чукотских войн¹⁷³ (растянувшихся более чем на сто лет, неоднократно приводивших к поражению русских сил и потому сопоставимых, например с англо-маорийскими войнами), привело к оживленной дискуссии на целом ряде разнообразных форумов.

В другой своей работе, озаглавленной «Конквистадоры империи», Андрей Зуев обращает внимание на то, что «брали» Сибирь не абстрактные «социальные группы» и «государственные институты», а вполне конкретные люди с вполне определенными устремлениями, образом мыслей и действий»¹⁷⁴. Исходя из этого справедливое замечание, необходимо сделать вывод о том, что обосновать, почему данные люди с их устремлениями и действиями должны были положительным образом отличаться от тех, кто выполнял аналогичные функции в других странах и в другие эпохи, нельзя иначе, как скатываясь к банальной идее национального превосходства. Тем не менее это обоснование апологетами империи, как правило, просто опускается. При этом первопроходцы новых земель империи становятся одними из ее героев. Реальные человеческие черты и исторические факты заменяются идиллическими мифами. Так произошло, например, с образом Ермака или Ерофея Хабарова. Последний оказался востребован сначала российской имперской мифологией в конце XIX столетия (когда в его честь наименовали целый ряд объектов на Дальнем Востоке), а затем уже советской, во второй половине XX в., в связи с новым этапом освоения Сибири и возобновившимся противостоянием с Китаем. Соответственно, как отмечает А. Зуев, «разбойничий налет казаков и промышленников, приведший к запустению Даурской

---

¹⁷³ См.: Войны полярного круга. URL: <http://parasonium.livejournal.com/10883.html> (дата обращения: 16.04.2018).

¹⁷⁴ Зуев А. «Конквистадоры» империи: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири // АВ IMPERIO. 2001. № 4. С. 108.

земли и массовому бегству местного населения, под пером историков 1960–1980-х гг. превратился в путешествие неутомимых и любознательных землепроходцев»¹⁷⁵.

Миф о «добровольном вхождении» существует и в виде рассуждений об осознанной коренным населением предпочтительности одного владычества другому. Характерен в этом отношении следующий пассаж из романа Бориса Алмазова, посвященного походу Ермака, которого представители коренных народов сравнивают с ханом Кучумом: «Ермак приходит, стариков спрашивает: “Сколько Кучуму давали?” “Двадцать куниц, десять соболей!” “Мне, говорит, десять куниц давайте, пять соболей, давайте, остальное менять будем. Или себе оставляйте”. Хороший Ермак, добрый. А русский государь сильный, много сильнее Кучума...»¹⁷⁶. Картинка в духе «теории рационального выбора» создается, исходя, видимо, из уверенности в обреченности сибирских народов на оплату ясака. Более забавно продолжение этого отрывка, где в пользу русского владычества приводится аргумент об отсутствии необходимости делать обрезание: «А еще хуже – Кучумовы шаманы. Придут, велят “Алла!” кричать. Кто не кричит, тому головы рубят, а кто кричит – тому еще хуже. Стыд подрезают – позорят, шибко больно! Шибко злые люди! Надо Ермаку ясак везти, припасы везти – он от Кучумовых шаманов огненным боем защитит...»¹⁷⁷.

Той же позиции придерживается и историк Вадим Эрлихман, приводя слова вождя одного из бурятских родов, ушедших в Монголию: «Наш хан провинившимся отсекает головы, а русский царь наказывает розгами. Пойдёмте отсюда в подданство к белому русскому царю»¹⁷⁸. Примечательно, что автор попытался выразить взвешенный взгляд на историю освоения Сибири Россией, признавая определенные издержки этого про-

¹⁷⁵ Там же. С. 83.

¹⁷⁶ Алмазов Б. Ермак Тимофеевич, Князь Сибирский. М., 2007. С. 395.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Эрлихман В. Навстречу Солнцу // Родина. 2006. № 11. URL: http://www.is-trodina.com/rodina_articul.php3?id=2038&n=104 (дата обращения: 16.04.2018).

цесса, но все же выступая категорически против проведения в данном случае параллелей с судьбой индейского населения, как в испанской, так и в британской империях. Однако он тоже, вероятно, не задумывается над вопросом о том, насколько обоснованно будет подчинение тех же народов империи в случае, если соседний «хан» перестанет «отсекать головы провинившимся»? Попытка ответа на этот вопрос при сохранении верности имперской апологии неизбежно ведет к провозглашению особых качеств «народа-покорителя».

Мифу о «вечной лояльности» имперской державе тех или иных ее народов противоположен миф о том, что все население того или иного имперского владения всегда стремилось к выходу из имперской системы.

Уникальность империи часто видят в ее особом, «свободном», устройстве. В «Краткой истории США», подготовленной правительственным агентством информации (ЮСИА), говорится в связи экспансией на рубеже XIX и XX вв.: «Будучи, однако, страной, которая на протяжении своей истории сама боролась с империями, и обладая уникальной демократической традицией, Соединенные Штаты проводили иной курс, чем их соперники из Европы. Эти “антиимперские” чувства породили другой тип империи – когда в подвластных США странах либо поощрялось установление демократической формы власти и со временем независимости, либо, как это произошло с Аляской и Гавайскими островами, имело место их добровольное вхождение в союз в качестве штатов»¹⁷⁹.

Почти то же самое в отношении своей державы утверждал английский историк А. Зиммерн, выступивший в середине 1920-х гг. с концепцией «Третьей Британской империи»: «Британская империя выжила в войне, поскольку в ней заложен жизненный принцип, которого лишены другие империи. И принцип этот, содержащий в себе зерно продления жизни, есть дух свободы. Британская империя живет сегодня потому, что ее институты суть свободные институты. Она выжи-

¹⁷⁹ Краткая история США. М., 1993. С. 130.

ла как один из стражей свободы во всемирном масштабе»¹⁸⁰. Еще в большей степени «дух свободы», по мнению данного автора, должен был соответствовать новой имперской модели, которая, как он полагал, пришла на смену предшествующим в истории Британии: первой, существовавшей до 1776 г., и второй, кульминацией развития которой явилась Первая мировая война.

Преемственность, таким образом, согласно Зиммерну, не отрицала новизны, а наследование былого величия должно было сочетаться с освобождением от прошлых несовершенств. Новому детищу, которое венчало предшествующее развитие, должна была быть уготовлена особая судьба. Примечательно, с каким упорством идеологи разных империй наделяли сакральным смыслом число «три»: «Третий Рим», «Третий рейх». С идеей и обоснованием его А. Мёллер ван ден Брук выступил фактически одновременно с А. Зиммерном. Лозунг «третьей России – народной империи» появился тогда же и в кругах русских эмигрантов-националистов¹⁸¹. Несколько лет назад автор этих строк высказал предположение, что в новом виде концепция «третьей империи» может возникнуть и в постсоветской России. Данный прогноз довольно быстро сбылся¹⁸².

Противники той или иной империи могут настаивать на ее уникальности. Происходит это обычно на первом, самом примитивном, уровне полемики и связано с опровержением тезиса о выгоде, получаемой от империи создавшим ее народом. Во время распада СССР и после довольно широко было распространено мнение о нем как о единственном в истории имперском образовании, в котором «метрополия» (под ней,

¹⁸⁰ Zimmern A. The Third British Empire. Londn, 1934. P. 1–2.

¹⁸¹ Дмитриевский С.В. Сталин: Предтеча национальной революции. М., 2003. С. 18. Существуют, правда, достаточные основания предполагать, что автор этой книги, впервые вышедшей в Берлине в 1931 г., был советским агентом-provokatorом.

¹⁸² См. об этом: Паин Э. Россия между империей и нацией // Pro et Contra. 2007. № 3 (37), май–июнь. С. 52.

как уже говорилось, чаще всего понимается Россия как таковая) жила хуже «колоний».

Отголоски подобного подхода обнаруживались и в некоторых серьезных исследованиях, авторы которых стремились занять максимально объективную позицию. Так, Л. С. Гатагова допускает в своей статье следующий публицистический пассаж: «И если заморские колонии зачастую не приносили метрополиям ожидаемых дивидендов, то и убытков особых не чинили (?!– О.П.). Россия же постоянно несла непосильные расходы, не справляясь в сущности с бременем имперства и нивелируя все подневольные народы, в том числе и русский народ, в хронической и беспросветной нужде. В какой еще метрополии уровень жизни коренного этноса был бы сопоставим с условиями существования жителей колоний?!»¹⁸³. Для сравнения можно привести отрывок из рассуждений А. М. Шлезингера о европейском колониализме, возможно, тоже содержащий некоторую долю преувеличения: «Был ли империализм выгоден империалистам? Попытка подвести баланс наталкивается на непреодолимые трудности с подсчетом. Некоторые отдельные лица и корпорации получили от империализма большую пользу. С другой стороны, правительства потратили на создание местной администрации, инфраструктуры, обороны и прочие общественные усовершенствования в колониях больше, чем получили взамен. С течением времени соотношение издержек и выгод стало явно не в пользу метрополии»¹⁸⁴.

В несколько иной плоскости суть уникальности отношений между «центром» и «периферией» в советской империи обозначил в одной из передач НТВ Егор Гайдар: «Советская империя была явлением весьма необычным в мировой экономической истории. Метрополии обычно создают сырьевую базу в колониях. В данном случае сама метрополия – Советский Союз – была сырьевой базой для своих восточноевропейских колоний». Это утверждение соответствует действительности.

¹⁸³ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 337.

¹⁸⁴ Шлезингер-мл. А. М. Указ. соч. С. 183.

Однако, с нашей точки зрения, речь в этом отношении должна вестись лишь о частном случае, а не обо всей империи. Советский Союз в немалой степени действительно являлся или, по крайней мере, выглядел огромной «метрополией» для восточноевропейских сателлитов. Но в рамках самого СССР поставляющие сырье районы – это тоже части имперской периферии.

Критики конкретной империи могут представлять ее как «самое страшное» имперское образование всех времен и народов. К недостаткам империи могут относить то, что в иных случаях может быть предметом гордости апологетов. Так, А. Авторханов, развивая свой тезис о СССР как «идеократической империи», не имевшей аналогов в прошлом, писал: «Колониальная система классического империализма в покоренных странах интересовалась в первую очередь и главным образом материальным фактором – выкачкой из колоний материальных ценностей; советский социалистический империализм интересуется в первую очередь и главным образом человеческим фактором – как привести в свою веру покоренные народы, как перековать людей, хорошо понимая, что после этого остальное приложится само собой...»¹⁸⁵.

Однако еще Чингис-хан согласно легенде поучал: «Прежде, чем собирать народы, / Надо душой овладеть у них. / Если душой у них овладеешь, / То тела их куда же денутся?»¹⁸⁶. Вряд ли сторонники «классического империализма», столь усердно стремившиеся доказать позитивную роль своих империй в деле распространения на периферию ценностей цивилизации, могут счесть утверждение Авторханова лестным. Фактически его тезис есть не что иное, как зеркальное отражение приведенного суждения Смэтса о Британской империи как единственном имперском образовании, в рамках которого не проводилась политика культурной ассимиляции.

С другой стороны, многие противники империй в отличие от Авторханова, наоборот, всячески подчеркивают общ-

¹⁸⁵ Авторханов А. Указ. соч.

¹⁸⁶ См.: Шастина Н.П. Указ. соч. С. 474.

ность имперской природы в данном отношении. А. Боргард, например, провозгласив, как и многие до него, что «империя – это постоянная агрессия против окружения», утверждает далее: «К обязательным приметам империи относятся идеология и язык общения – он единствен. Идеология и язык общения – это тот минимум, усвоив который всякий может стать полноценным подданным империи»¹⁸⁷. Реальные границы империи, с точки зрения данного автора, совпадают, таким образом, с областью ее непосредственного культурного доминирования.

Более мягкий вариант полемики апологетов и критиков империи не предполагает столь категоричного противопоставления их взглядов на сущность данного феномена. Империя подается апологетами как меньшее зло по сравнению с другими возможными вариантами развития общества. Пороки империи уже не отрицаются, а, наоборот, приписываются всему: времени, человеческой природе, законам общества. Таким образом, акцентироваться может уже не «уникальность», а «всеобщность». Стендаль писал в своей «Жизни Наполеона»: «... Утверждают, будто Наполеон насаждал в Италии свободу теми же способами, которыми действовал Магомет, проповедовавший Коран с мечом в руках. Новообращенных восхваляли, им покровительствовали, расточали им милости, а неверных безжалостно подвергали всем ужасам войны: грабежу, непосильным поборам... Упрекать в этом Наполеона – значит упрекать его в том, что он пользовался порохом, чтобы стрелять из пушек...»¹⁸⁸. Вопрос о цене, заплаченной за строительство империи, в данном случае не отрицается, но ответ на него дается позитивный – выгода (как правило, не сиюминутная) значительно превышает потери. Согласно Стендалю, «привычный для этого милого народа (венцианцев. – *О.П.*) уклад жизни был нарушен, но следующее поколение оказалось бы в тысячу раз более

---

¹⁸⁷ Боргард А. Указ. соч. С. 42.

¹⁸⁸ Стендаль. Жизнь Наполеона // Стендаль. Собр. соч в 15 т. М., 1959. Т. 11. С. 16.

счастливым под властью короля Италии»¹⁸⁹. По сути, Стендаль предвосхищает все рассуждения о цивилизаторской миссии и цивилизаторском бремени, получившие широкое распространение, как уже говорилось, в конце XIX и в XX столетии.

Еще одна мягкая разновидность подачи проимперской аргументации – признать пороки империи, но выделить такие позитивные стороны, которые оказываются более значимы. Таким позитивным моментом, если руководствоваться тезисом о том, что «худой мир лучше доброй ссоры», может стать уже факт отсутствия вооруженных конфликтов внутри империи. Дж. Оруэлл писал в одном из очерков в 1944 г.: «Британская империя в целом, при всех ее вопиющих безобразиях, застою здесь, эксплуатацией там, по крайней мере, имеет заслугу в том, что сохраняет внутренний мир. Вбирая в себя четверть населения планеты, Империя всегда ухитрялась обходиться самым небольшим количеством вооруженных сил»¹⁹⁰. Как видим, речь в данном случае вновь идет об «уникальности».

Таким образом, в составе противостоящих «империализму» идейно-политических сил можно выделить «национализм-патриотизм» в многочисленных вариантах (причем опирающийся как на подвластные народы и имперскую периферию, так и на «титულную нацию» и на «историческое ядро»); «либеральный космополитизм», «социалистический интернационализм», а также иной «империализм» и «духовный коллаборационизм», предполагающий следование за более сильным имперским соперником. Несмотря на разнообразие, их обвинения против империй имеют общие основания.

Проимперский лагерь на первый взгляд кажется не менее пестрым и разнообразным по составу. Однако фактически он объединен одной основополагающей идеей и ценностью – самой империей, и все внутренние различия сводятся лишь к ее

---

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989. С. 334.

интерпретации и степени сопряжения с другими ценностями и идеологическими компонентами.

И сторонники, и противники империи не только находят аргументы в поддержку своей позиции, имеющие объективное основание, но и творят мифы, в которые верят сами и пытаются заставить верить других. Сквозь призму державных ценностей те или иные события выглядят особым образом. Как отмечает известный турецкий писатель Орхан Памук, «29 мая 1453 года для Западного мира произошло падение Константинополя, а для Восточного – взятие Стамбула»¹⁹¹. В 1953 г. в Турции состоялись торжества, посвященные 500-летию этого события. Интересно, что торжества, посвященные именно «взятию» (не «освобождению» или «воссоединению») некоторых городов, проводятся и в современной России. Так, в 2010 г. отмечалось 300-летие со дня взятия Выборга.

Следует подчеркнуть, что в современных условиях отмечаются юбилеи, связанные со «взятием» городов и территорий, ранее заселенных другими народами, не теми, что проживают, хотя бы частично, там сейчас. В прошлом державная идеология имела меньше сдержек и в этом отношении. Например, в царское время на официальном уровне отмечались юбилеи взятия («покорения») Казани. Однако в XX и XXI вв. это стало невозможным при любой государственной идеологии. Поэтому в 2000-е гг., когда по России прокатилась волна региональных празднеств, посвященных 450-летию «добровольного вхождения» в ее состав тех или иных народов и территорий (в эпоху правления Ивана Грозного), для Казани был изобретен 1000-летний юбилей основания города. Схожим образом дело обстояло и с Астраханью, где тоже юбилей «взятия» заменили празднованием юбилея «основания» (на самом деле переноса города на новое место).

Как отмечал Г.П. Федотов, «вся история может быть рассматриваема (и даже преимущественно рассматривалась в узкополитической историографии) как смена процессов инте-

¹⁹¹ Памук О. Стамбул. Город воспоминаний. М., 2006. С. 228–229.

грации и дезинтеграции. Можно называть первый процесс ростом, развитием, объединением или же завоеванием, порабощением, ассимиляцией, второй – упадком, разложением или освобождением, рождением новых наций в зависимости от того, какая государственность или народность стоит в центре наших интересов»¹⁹².

Прежде сторонники империи, наделяя какую-то одну из них позитивными качествами в большей степени, чем оппоненты, склонны были подчеркивать ее уникальность, непохожесть на другие имперские образования. Противники же империи чаще прибегали к широким обобщениям и стремились к обличению данного феномена как такового. Неудивительно, что в течение нескольких десятилетий, до настоящего времени, термин «империя» имел негативный оттенок. В последние годы ситуация изменилась, и обличение современных империй зачастую связано со скрытой или явной реабилитацией тех, что уже стали достоянием истории. Одновременно произошла и реабилитация самого термина. В результате системы аргументации «за» и «против» оказались более сбалансированными и более соответствующими истинному положению вещей.

---

¹⁹² Федотов Г.П. Указ. соч. С. 304.

КАКИЕ БЫВАЮТ ИМПЕРИИ?

Исходя из негативной трактовки сущности империи, критик Советского Союза на рубеже 1980 и 1990 гг. обычно старался сравнивать его с наиболее одиозными из империй. Чаще всего речь шла о древних деспотиях. У политизированных публицистов появился спрос на историков Древнего мира: некоторые из них, идя по пути К. Витфогеля, поддались искушению экстраполировать свои знания и суждения о существовавших некогда державах на современные советские реалии.

Показательно в этом смысле интервью с эстонским египтологом Сергеем Стадниковым, опубликованное летом 1990 г. в газете Народного фронта Латвии «Балтийское время». Проведя разграничение между империями «континентального» и «колониального» типа, С. Стадников и беседовавший с ним журналист поставили Российскую империю в длинный ряд «сухопутных» имперских образований, включающий Персидскую, Римскую, Монгольскую, Турецкую и другие подобные державы. Первой в этом ряду, по мнению Стадникова, стоит древняя Ассирия. Именно такие империи, с его точки зрения, «показали примеры наиболее жестких за всю мировую историю государственных структур». Однако в статье не упоминались явно принадлежащие к «сухопутному» типу держава Габсбургов и империя Наполеона¹⁹³.

Континентальным противопоставлялись «разбросанные по всему земному шару редким (? – О.П.) архипелагом» империи «Португалии, Испании, Британии...». В данных империях,

¹⁹³ Балтийское время. 1990. 7 августа.

по мнению Стадникова, «четко разделены понятия “метрополия” и “колония”», «всегда ясно, что является захваченной территорией». На этом собственно их характеристика заканчивалась. Сергея Стадникова и беседовавшего с ним журналиста в гораздо большей степени интересовал «континентальный» тип. Однако специфику его в угоду политической и региональной конъюнктуре часто искали вовсе не там, где действительно она имела место. Так, Стадников утверждал, что именно в континентальных империях «обычно происходит интенсивное заселение захваченных территорий “своим” народом». Однако все три перечисленные им колониальные державы дали в своей истории ярчайшие примеры именно этого.

Ю.Е. Березкин, как уже отмечалось, в своей работе колониальные державы фактически игнорировал, поскольку они полностью не соответствуют его пониманию империи как государства, господствующего в рамках региона, границы которого объективно и «довольно жестко» определяются «историческими и природными условиями»¹⁹⁴. Кроме того, они не вписываются и в его трактовку империй как ступеней восхождения к тоталитаризму. Соответственно, различие империй, с этой точки зрения, сводится к расстоянию, отделяющему их от вершины данной пирамиды, на которой, согласно суждениям Березкина, находится Советский Союз. Впрочем, расстояние это в любом случае оказывается не очень велико, если уж между империей инков и советской державой им было найдено столь много общих черт.

В отличие от данных авторов Г.М. Дерлугьян, не будучи связан своими прежними научными пристрастиями, попытался объективно подобрать для Российской империи наиболее близкий тип, прежде всего с цивилизационной точки зрения. Им, хотя и с определенными оговорками, могла служить, по его мнению, Византия. При этом Г.М. Дерлугьян, вступая в полемику с приверженцами концепции евразийства, выдвигал тезис о том, что Россия есть не нечто среднее между Европой

¹⁹⁴ Березкин Ю.Е. Указ. соч. С. 192.

и Азией, а скорее «еще одна Европа»¹⁹⁵. Сам по себе этот вывод представляется нам интересным и достаточно обоснованным. Несомненна также известная преемственность России от Византии в том, что касается идеологии, нравов, институтов власти, а также геополитических интересов.

Однако сопоставление Российской, а тем более Советской империи с Византийской, на наш взгляд, позволяет обнаружить целый ряд принципиальных различий. Это разная роль этнического компонента в формировании имперского «ядра», разные масштабы географической экспансии, различие в оформлении политического строя, экономическом и политическом освоении присоединенных территорий и т.д. Нетрудно заметить, что больше всего черт сходства с Византией и непосредственная преемственность с ней наблюдались лишь в допетровской Руси. С течением времени и по мере развития Российской империи число этих черт уменьшалось. Таким образом, Г.М. Дерлугьян в своем стремлении обосновать, с одной стороны, самобытность пути постимперской России, а с другой – близость нашей страны к Европе и, соответственно, возможность заимствования ею европейских институтов раскрыл только одну весьма важную, но, вероятно, не определяющую черту Российской державы.

Однако уже из анализа этих работ, в большинстве своем достаточно поверхностных и несущих на себе отпечаток политической конъюнктуры, видно наличие нескольких возможных критериев для типологии империй – географического, цивилизационного, стадияльного, режимного, идеологического. Попытка сочетания фактически всех их была предпринята И.Г. Яковенко. В результате им были выделены три типа империй: «средневековая», «колониальная» и «посттеократическая»¹⁹⁶. В дальнейшем Яковенко несколько пересмотрел свою точку зрения на этот вопрос,

---

¹⁹⁵ Дерлугьян Г. Указ. соч. С. 93.

¹⁹⁶ Яковенко И.Г. От империи к национальному государству (Попытка концептуализации процесса) //Полис. 1996. № 6.. С. 126.

отказался от выделения «средневековых» и «посттеократических» империй, употребив вместо них расплывчатый термин «традиционные»¹⁹⁷ (по сути – идеократические). Данная типология получила достаточно широкое распространение и неоднократно воспроизводилась в различных работах, особой поддержкой она пользуется у коллег Яковенко – культурологов¹⁹⁸. Однако, с нашей точки зрения, она весьма уязвима. Во-первых, легко можно найти империи, которые в эту типологию не вписываются или вписываются с трудом: например, та же Австро-Венгрия¹⁹⁹ или Шведская империя. Сам Яковенко признавался, что не знает, что делать с империей Португальской. Во-вторых, налицо явная недооценка имперских качеств колониальных держав, которые, по мнению сторонников такого подхода, представляют собой «квазиимперии», «локальный феномен эпохи экстенсивной экспансии новоев-

¹⁹⁷ В статье «Страна в имперской ловушке» Яковенко пишет: «...Как минимум следует различать империи традиционные и колониальные». В работе «Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы» (Новосибирск, 1999) он выделяет «традиционные, колониальные и посттеократические» империи, при этом относит Россию/СССР то к «великим традиционным империям или империям лимитрофа» (с. 26), то к посттеократическим империям, предусматривая также возможность ее эволюции в колониальную (с. 95–96).

¹⁹⁸ См.: Гавров С. Н. Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М., 2004; Пелипенко А. А. Методология анализа и проблемы российской государственности. // *Общественные науки и современность*. 2000. № 5. С. 104–110; Он же. Закат империи. URL: <http://apelipenko.ru/Публицистика/Закатимперии.aspx>. (дата обращения: 16.04.2018).

¹⁹⁹ И. Яковенко, очевидно, распространяя наименование «Австро-Венгрия» на весь период существования Габсбургской державы, первоначально относил ее, как и Россию, к переходному «посттеократическому» типу. Однако его утверждение о том, что «интеграция средней Европы под эгидой «германского духа», т.е. онемечивание, переживавшееся как сакральная религиозно-цивилизаторская работа, – суть Австро-Венгерского проекта» (Полис. 1996. № 6. С. 127), представляется, мягко говоря, спорным, причем в наименьшей степени это характерно именно для «австро-венгерского» этапа. В статье «Я–русский. Кто я и зачем?» (Нева. 2004. № 6) Яковенко причисляет Австро-Венгрию уже к «традиционным» империям наряду с Византийской и Османской.

ропейской индустриальной цивилизации с целью господства над регионами, характеризующимися изобилием сырьевых ресурсов»²⁰⁰, что делает выделяемые типы неравнозначными. Приверженцы данной типологии, таким образом, вольно или невольно стремятся разделить империи на «плохие» и «хорошие», внося в их характеристику элементы субъективизма и политизации. Недаром концепция Яковенко оказалась близка тем, кто стремился «сформулировать новую, современную идеологию русского национализма»²⁰¹. В данном случае, как и во всех описанных, за основу бралось различие и сходство (часто весьма условное) существовавших политических режимов, а не империй как таковых.

Если первоначально колониальные державы рассматривались как более цивилизованные, уважаемые и приемлемые («положительные») формы имперской организации общества, то после распада СССР стало распространяться суждение о том, что Российское государство в отличие от колониальных империй «развивалось органично», а потому «Сибирь из нас не “вытянешь”, с Казахстаном разойтись сложно»²⁰². Ряд авторов подчеркивали при этом особенность метрополии от своих владений в колониальных образованиях. «В европейских империях метрополия всегда четко противопоставлялась колониальной периферии», – писал историк А.Б. Зубов, считая «европейскими» Британскую, Французскую (колониальную), Итальянскую, Нидерландскую,

---

²⁰⁰ Гавров С.Н. Указ.соч. А. Пелипенко указывал на «очевидные», с его точки зрения, различия между «колониальными и теократическими империями»: «Что общего между предприятием по ограблению колоний и реализацией на Земле божественного проекта? Только терминологический синкретизм и инерция словоупотребления заставляют называть и то и другое империей» (Пелипенко А.А. Методология анализа и проблемы российской государственности // Общественные науки и современность. 2000. № 5. С. 107).

²⁰¹ Редакционное вступление к переопубликованию статьи Яковенко. URL: <https://www.ari.ru/ari/2003/04/10/ot-imperii-k-nacionalnomu-gosudarstvu-popytka-konceptualizacii-processa>. (дата обращения: 16.04.2018).

²⁰² Левандовский А. Сибирь из нас не вытянешь // Родина. 1995. № 2. С. 100.

Португальскую и Испанскую империи, но почему-то не полагая таковыми Наполеоновскую державу, Австро-Венгрию или Третий рейх²⁰³.

В условиях повального увлечения противопоставлением, с одной стороны, тоталитарного восточного деспотизма и цивилизованного «демократического» колониализма, а с другой – «органичности» России и, видимо, «неорганичности» образований, метрополиями которых служили страны Запада, В.В. Грудзинский одним из первых обратил внимание на наличие по крайней мере двух моментов близкого сходства, казалось бы, противоположных имперских феноменов – Британской и Российской/Советской империй. Во-первых, речь шла о близости хронологических рамок их существования – с XVI столетия вплоть до второй половины XX в. Во-вторых, с точки зрения автора, речь в данном случае могла идти и о многочисленных структурных аналогиях. В частности, проводилась параллель между Украиной и Белоруссией, с одной стороны, и Шотландией и Уэльсом, так же «тесно связанных с метрополией узлами происхождения, культуры, религии, экономики» – с другой; между «мятежным Царством Польским» и «беспокойной Ирландией»; между «получившим автономию княжеством Финляндским» и «любой из британских самоуправляющихся колоний»; между «русскими владениями в Прибалтике, Средней Азии, Казахстане и на Кавказе» и «английскими коронными колониями»; между положением Бухарского эмирата в составе Российской империи и Египта в составе Британской²⁰⁴.

Фактически та же идея содержалась в статье Ю. Каграманова, опубликованной в начале 1995 г. в журнале «Новый мир». Правда, статья эта носила более публицистический характер, а потому несла более четкий отпечаток политической конъюнк-

²⁰³ Зубов А.Б. Советский Союз: из империи – в ничто? // Полис. 1992. № 1–2. С. 56.

²⁰⁴ См.: Грудзинский В.В. Британия и Россия: судьбы двух империй (К вопросу о политической эволюции) // Из британской истории нового и новейшего времени. Челябинск, 1992. С. 21–22.

ктуры: автор явно приукрашивал дореволюционный российский империализм, противопоставляя его советскому и даже экспансии западных держав. Тем не менее Ю. Каграманов признавал, что «завоевание, или, если угодно, освоение Сибири, имеет много общего с завоеванием-освоением англичанами и французами Северной Америки, а также Австралии» и что в Средней Азии «русские почти зеркально повторяли англичан (и наоборот), двигавшихся с противоположной стороны». В отношении Кавказа он допускал, что продвижение России на данном направлении «тоже может быть сравнимо с действиями англичан или французов на Ближнем и Среднем Востоке», однако полагал при этом, что речь шла и о «естественном» замещении той роли, которую играла на Кавказе Византия²⁰⁵.

Л.С. Гатагова в своих построениях исходила из тезиса о том, что «каждая из великих империй – это целая вселенная со своей системой мироздания и миропорядка, с трудом поддающимися типологизации и разного рода обобщениям»²⁰⁶.

Д. Фурман от попыток дать типологию империй первоначально уклонялся, удовлетворившись констатацией того, что «каждая империя – уникальное образование». В качестве примера наиболее несхожих империй у него фигурировали Британская и Оттоманская. Российская/Советская империя, как можно было понять из контекста, помещалась им где-то посередине между указанными двумя. При этом можно согласиться с тем, что одной из важнейших «уникальных» черт Российской и Советской империй было примерно равное соотношение в них «тяжелого русского “ядра”» и «предельно “пестрой”» периферии²⁰⁷.

Вряд ли столь же уникальной являлась другая, выделенная тем же автором характеристика – «компактность» данных

---

²⁰⁵ См.: Каграманов Ю. Империя и Ойкумена // Новый мир. 1995. № 1. С. 149–151.

²⁰⁶ Гатагова Л.С. Указ. соч. С. 336.

²⁰⁷ Фурман Д. Указ. соч. С. 37.

образований²⁰⁸. Имелось в виду, что новые имперские территории присоединялись непосредственно к российскому государственному «ядру», составляя его «окраины». Однако то же самое с равной или чуть меньшей долей уверенности можно сказать о Швеции в период расцвета ее имперского величия, Оттоманской империи, державе Наполеона, империи Габсбургов, Германии времен Гогенцоллернов и Германии времен Гитлера, а если обратиться к другим эпохам и континентам – о большинстве всех прочих империй.

Продуктивность сравнения Российской и Советской империй с перечисленными образованиями обусловлена также тем, что они интенсивно взаимодействовали, их судьбы тесно переплетались, они немало заимствовали друг у друга и история постоянно сводила их в качестве соперников. Например, известный российский специалист по истории империи Габсбургов Т.М. Исламов пишет в статье, посвященной перспективам исследования истории стран Средней Европы: «В тщательном изучении нуждается весь комплекс взаимоотношений Австро-Венгрии и России, двух соседних, в чем-то очень похожих полиэтнических империй, чьи фундаментальные геополитические интересы тесно переплетались со времени возникновения империи Романовых, толкая оба царствующих дома то на конструктивное сотрудничество в европейских делах, то на соперничество, ставшее непримиримым в канун Первой мировой войны»²⁰⁹. И далее: «Интересные результаты может дать сравнительное изучение Австро-Венгрии и России именно как многонациональных образований с особым упором на межэтнические отношения с учетом особенностей законодательства в сфере гражданского права, школы (языка, просвещения, культуры), роли и места церквей»²¹⁰.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Исламов Т.М. Изучение новой истории стран Средней Европы в Институте славяноведения и балканистики РАН // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 36.

²¹⁰ Там же. С. 37

Подведем некоторые итоги. Во-первых, более продуктивными и менее поверхностными представляются попытки сравнения близких по времени существования империй, чем поиск древних аналогов современных явлений. Во-вторых, большинство исследователей совершенно справедливо, на наш взгляд, делают упор на чертах сходства и различия в *структуре* различных империй, а не в их идеологическом оформлении, господствующем режиме и т.д.

С нашей точки зрения, в рассмотрении вопроса о типологии империй надо исходить прежде всего из их существенных характеристик. Таких, как уже отмечалось, три: потенциал и ресурсы, достойные великой державы, гетерогенность системы, образованной набором этнических и региональных составляющих, и подчинение «периферии» «центру» как господствующий тип отношений в данной системе. Важнейшей из этих характеристик является последняя. Следовательно, наиболее значимые различия империй заключаются в особенностях упомянутого подчинения, которое может быть прямым и косвенным, опосредованным и непосредственным, формальным и неформальным, явным и завуалированным и т.д. Это, в свою очередь, во многом зависит от удаленности «периферии» от «центра», степени их разнородности, характера предшествовавшей экспансии, т.е. непосредственно связано с двумя другими характеристиками. Поэтому можно полностью согласиться с А.Ф. Филипповым в том, что «на тип империи как политической организации пространства оказывает принципиально важное влияние тип пространства, а именно материковое или океаническое пространство»²¹¹. Таким образом, возникшее в Новое время деление на «континентальные» и «колониальные» империи приобретает, как представляется, решающее значение. В основном это деление совпадает с делением согласно геополитическому подходу на «сухопутные» и «морские» державы.

---

²¹¹ Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи... С. 110.

«Континентальные» империи характеризует, если использовать уже упоминавшийся термин, «компактность» территории. Завоеванная или иным способом присоединенная периферия непосредственно примыкает к «историческому ядру». Соответственно, данные приобретения чаще всего рассматриваются как простое расширение государства и в большинстве случаев политико-юридически оформляются в виде новых провинций, губерний, департаментов и т.д. Кроме того, соседние территории континентальной империи в большинстве случаев имеют немало общего. Специфические черты проявляются более четко по мере удаления от исторического ядра к границам периферии. В связи с этим административные границы в такой империи, с одной стороны, могут устанавливаться и меняться легко и произвольно, а с другой – в случае неизменности в течение длительного времени – могут приобретать решающее значение для размежевания и организации постимперского пространства.

Колониальные империи, напротив, характеризует то обстоятельство, что «историческое ядро», «центр», «метрополию» отделяют от большей части «периферии» («колоний») пространство океана. Именно океана, а не моря. Последнего может оказаться недостаточно, если вспомнить, что завоеванный Алжир воспринимался французами как простое «продолжение» их страны на юг, такое же продолжение, каким Сибирь была для России. Океанская же удаленность неизбежно приводит к особому, «заморскому», статусу обретенных владений, который является лишь внешним, видимым выражением соответствующего отношения к ним в метрополии. Несмотря на то что Индия была поистине «жемчужиной Британской империи», она никогда не рассматривалась как часть Британии как таковой. Иное дело, например, Грузия для России или Венгрия для державы Габсбургов – и в том и другом случае периферийные территории воспринимались вместе с «историческим ядром» как части единой страны.

Таким образом, колониальная империя представляет собой, как правило, более разнородную и усложненную конструкцию, чем континентальная. Но на деле это может означать более гибкую и эффективно работающую систему господства и управления. В то же время прочность экономических, политических, военных, образовательных, культурных и прочих связей в колониальной империи может быть не меньшей, чем в континентальной. По крайней мере наряду с национальным и национально-государственным самосознанием в данном случае формируется и общеимперское, которое для многих жителей империи может приобрести весьма большое и даже главенствующее значение.

Феномены континентальной и колониальной империй универсальны как в историческом, так и в географическом отношении. В частности, свои континентальные империи возникли в Средние века в Америке, население которой было изолировано от других очагов человеческой цивилизации. Морские империи создавались тоже не только вокруг европейских метрополий (даже если не принимать во внимание японский колониализм в позднее Новое и Новейшее время). Так, начиная с XVII столетия в западной части Индийского океана образовалась «Оманская империя» – владения султана Маскат и Оман, охватывавшие обширные прибрежные территории Азии и Африки, удаленные друг от друга и от метрополии на сотни и тысячи километров. Крушение этой державы произошло лишь во второй половине XIX в.

В плане различия континентальных и колониальных империй интересно сравнить некоторые монаршьи титулы, по сути, являвшиеся выражением государственной идеи.

«Большой титул» российских монархов по преимуществу включал в себя скрупулезное и в основном соответствующее действительности перечисление больших и малых владений. Расширялось государство – расширялся и титул. Постепенно и то и другое достигло невероятных размеров. Английский дипломат Э. Сатоу приводит в своем известном пособии по

дипломатической практике в качестве некоего занятого курьеза «большой титул» Александра III, заявленный в одном из официальных дипломатических писем: «Божией Милостию, Мы, Александр III, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский, Государь Псковский и Великий князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский, Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский и всея Северныя страны Повелитель; Государь Иверския, Карталинския и Кабардинския земли и области Арменския; Черкасских и Горских князей и иных Наследный Государь и обладатель; Государь Туркестанский; наследник Норвежский, Герцог Шлэзвиг-Голштинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский и пр., и пр., и пр.»²¹².

Под стать русскому был «большой титул» австрийских Габсбургов. Текст титула, принятого в 1806 г. Францом I, приводит в своем исследовании К. А. Макартни: «Мы, Франц Первый, Божией Милостью, Император Австрийский, Король Иерусалимский, Венгерский, Богемский, Далматинский, Хорватский, Славонийский, Галицийский и Лодомерский; Эрцгерцог Австрии; Герцог Лотарингии, Зальцбурга, Вюрцбурга и, у Франков, Штирии, Каринтии и Краины, Великий Герцог Кракова; Великий Князь Семиградья, Маркграф Моравии, Герцог Сандомира, Мазовии, Люблина, Верхней и Нижней Силезии, Аушвица и Затора, Тешина и Фриуле, Князь Берхтесгаденский и Мергентхеймский, владетельный Граф Габсбурга,

²¹² См.: Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М., 1961. С. 85–86.

Горца и Градиски; Маркграф Верхних и Нижних Лужиц и Истрии, Господин Земель Волинских, Подляхских и Бржеских, Триеста, Фриденгальта и Ойленбурга и Виндисхенской Марки, и пр., и пр.». Впоследствии этот титул в соответствии с изменением и границ, и геополитических приоритетов державы то расширялся, то претерпевал некоторые сокращения. Так, при Фердинанде в него вошло, а при Франце-Иосифе из него исключено упоминание о «королевствах» Ломбардии, Венеции и других итальянских владениях. Франц-Иосиф добавил также «Буковину» и «Каттаро»²¹³.

В отличие от этих пышных титулов титул английских королей был совсем иным. В XVIII и еще в середине XIX столетия в нем отсутствовало какое-либо упоминание обширнейших «заморских» колоний, зато скрупулезно перечислялись весьма скромные владения Ганноверской династии на Европейском континенте и унаследованные ее представителями бессмысленные уже звания. Так, на английских гинейх второй половины XVIII в. были вычеканены первые буквы слов «Великобритании, Франции (рудимент, оставшийся со времен Столетней войны. – О.П.) и Ирландии король и верный защитник, Брауншвейгский и Люнебургский герцог, Священной Римской империи архиказначей и курфюрст». Это дало повод Оливеру Голдсмиту, посвятившему данной проблеме одно из своих «китайских» писем, рассказать язвительный анекдот о короле некоего государства Манакабо, которому португальцы среди прочих даров вручили меч с бронзовой рукоятью. Меч так понравился этому монарху, что он решил присоединить его к своему титулу и отныне стал именоваться: «Талипот, бессмертный властитель Манакабо, вестник утра, светоч Солнца, повелитель всей земли и могущественный владетель меча с бронзовой рукоятью»²¹⁴.

---

²¹³ См.: Macartney С.А. The Habsburg Empire. 1790–1918. London, 1968, P. 834.

²¹⁴ Голдсмит О. Гражданин мира, или письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке. М., 1974. С. 293.

В XX в. отголоски этого события можно найти в сатирической повести-сказке Дж. Б. Пристли «31 июня»:

«– С вашего позволения честь имею объявить: его королевское величество Мелиот – король Перадора, высокий повелитель Бергамора, Марралора и Парлота, властелин Лансингтона, Нижних Мхов и Трех Мостов!»²¹⁵

– Ну, это уж слишком, – сердито сказала Мелисента. – Кому какое дело до этих Нижних мхов и Трех мостов!»

«Титулы, присваиваемые себе королями, – писал Голдсмит, – как и архитектурные украшения, должны отличаться величественной простотой, которая более всего внушает благоговение и трепет; излишние мелкие украшения ... свидетельствуют о низменном вкусе или скрытом убожестве»²¹⁶. Однако на деле короткие, но «величественные» титулы часто присваивались именно ничтожными властителями. Так титул неизвестного главы Центрально-Африканской империи Бокассы I был несколько скромнее, чем у короля Талипота, но зато не содержал упоминаний ни о каких «мечах с бронзовой рукоятью», так что вполне мог понравиться Голдсмиту: «Его Императорское Величество Бокасса I, император Колыбели Банту, неоспоримый отец Империи Возрождения и Высокого Национального Самосознания». Подобный титул означает лишь то, что его владельцу на деле предъявить нечего. Пышность титула маскирует пустоту. Если нет реального величия, его приходится выдумывать. «Большие титулы», напротив, предельно конкретны. Если принять предложенное Голдсмитом сравнение с архитектурой, то скорее речь идет не об «архитектурных украшениях», а о «блоках» и «кирпичиках», из которых состоит здание державы. А для того, чтобы оно было устойчивым и величественным, важны и самые маленькие из них – даже «Нижние Мхи» и «Три моста».

²¹⁵ В советской экранизации произведения элементы этого титула были приписаны другому властителю (претенденту на руку Мелисенты) и, что интересно, «три моста» были заменены «Нижними Отрогами».

²¹⁶ Там же. С. 292.

Любопытно поэтому, что только в последней четверти XIX в. в титуле британских монархов появляется первое упоминание огромных заморских владений, наличие которых давно уже являлось определяющим для судьбы страны. В 1876 г. королева Виктория по инициативе Б. Дизраэли становится «Императрицей Индии». При восшествии на престол Эдуарда VII в его титул по настоянию Дж. Чемберлена были введены слова «король всех британских доминионов, лежащих за морем». Эти нововведения совпадают с началом попыток «федерализации» империи. Таким образом, речь фактически шла о том, чтобы задействовать институт монархии для обеспечения целостности державы, здание которой стало давать первые трещины. До того монархия и держава существовали не то что бы абсолютно независимо друг от друга, но все же в разных плоскостях.

Полностью «имперским» – «Елизавета Вторая, Милостью Божией Королева Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и других Ее королевств и территорий, Глава Содружества наций, Защитница веры и пр., и пр., и пр.» – титул британского монарха стал только в 1952 г., т.е. тогда, когда распад империи шел уже полным ходом. Причем в государствах – членах Содружества (бывших колониях) этот титул звучал теперь по-другому, и на Цейлоне, например, Елизавета II должна была именоваться «Елизавета Вторая, Королева Цейлона и Ее других Государств и Территорий, Глава Содружества»²¹⁷.

То, что географическая структура империи в большей степени, чем идеология, определяет сущность данного образования, доказывает сравнение Британской и Французской колониальных империй. В отличие от британцев французские колонизаторы рассматривали свою экспансию как расширение своей «единой и неделимой» Республики. Однако, за исключением Алжира, колонии не воспринимались жителями метрополии как «продолжение Франции». Точно так же подавляющее большинство жителей колониальных владений ощущали себя в лучшем случае частью империи, но не Франции как таковой. Реально

---

²¹⁷ См.: Сатоу Э. Указ. соч. С. 369.

устанавливаемая в рамках империи система управления имела немало общих черт с английской. Франция, правда, не создала ни одного доминиона, но имела и «колонии», и «протектораты», и «военные территории», и «кондоминиумы», и «мандатории», и др. Синхронными и весьма сходными по протеканию оказались и процессы распада двух этих империй.

Определенным аналогом монаршьего титула при республиканской форме правления может являться статья или пункт конституции, либо ее преамбула, содержащая сведения о составе данного конкретного государства. С этой точки зрения вполне континентально-имперским был третий раздел советской конституции 1977 г. («Национально-государственное устройство СССР»), где в вполне сравнимой с монаршим титулом иерархии перечислялись все союзные республики и автономные образования, входившие в их состав.

Подобного подхода к типологии империй в последние годы придерживаются и другие авторы. Так, Д. Фурман, скорректировав и развив свое прежнее суждение, указывает на следующее принципиальное различие «колониальных империй западных стран и континентальных империй»: «В колониальных империях есть четкая и ясная грань между метрополией и колониями. Ясно, где кончается метрополия и где начинаются колонии. Эта грань прежде всего пространственная. Франция – колонии, Англия – колонии. Но с этой пространственной границей связаны культурные границы и правовые границы. Есть четкое разделение между гражданами метрополии и подданными империи»²¹⁸.

Однако деление на «континентальные» и «колониальные» державы, с нашей точки зрения, может быть дополнено. В связи с появлением феномена «супердержавы» рядом западных ученых активно развивалась идея «неформальной» империи. В первую очередь этот термин использовался для ха-

---

²¹⁸ Фурман Д. От Российской империи до распада СНГ // Публичные лекции «Полит.ру». URL: <https://polit.ru/article/2005/10/05/furman/> (дата обращения: 16.04.2018)

рактеристики отношений между СССР и странами Восточной Европы. В то же время выдвигалось предположение, что такую же империю имеют и Соединенные Штаты Америки. «Их (СССР и США. – О.П.) восхождение к статусу гегемона в мировых делах, в частности после второй мировой войны, может быть охарактеризовано как возникновение двух новых разновидностей неформального и в значительной степени непрямого империализма», – считал видный немецкий историк В.И. Моммзен²¹⁹. Речь, следовательно, идет о таком типе империи, в котором «периферия» – это ряд формально полностью независимых в политическом отношении государств, а «центр» – иностранная держава, путем военно-политического и/или экономического давления насадившая в них подконтрольные ей режимы. В то же время реальная степень самостоятельности таких режимов может быть значительно меньшей, чем у иного доминиона «континентальной» или «колониальной» империи.

«Непрямое» и «неформальное» имперское господство, конечно, имело место и раньше. «Скептики, возможно, будут утверждать, что неформальный контроль, являющийся выдающейся характерной чертой Соединенных Штатов, не может быть классифицирован как империя. Это возражение не выдерживает критики. На память приходят восточные рубежи Римской империи и территории, подчиненные Китаю за пределами границ непосредственного имперского господства», – замечал американский историк Майкл Хант, проводя, таким образом, аналогии с классическими образцами империй²²⁰. Еще больше примеров неформального господства в колониальных империях. Именно такова была, например, подчиненность уже самого Китая европейским державам и Японии в конце XIX – начале XX в. Великобритания подобным образом могла считать себя хозяйкой в Южном Иране, Западном Сиаме, ряде стран Латинской Америки. Для обозначения зависимой

²¹⁹ Imperialism and After. P. 333.

²²⁰ Хант М. Между империей и гегемонией: сумятица в политике США // Полис. 2008. № 6. С. 7.

данном образом «периферии» применялись термины «полу-колония», «сфера влияния» и т.д.

Среди континентальных империй особым сочетанием разнообразных формальных и неформальных владений выделялась наполеоновская держава. «Формы зависимости и угнетения – конкретное исследование каждой из них представило бы большой интерес – были самыми различными: от непосредственного включения территории в состав империи или возведения на престол ставленников Наполеона до порабощения посредством грабительских договоров», – отмечал в 1960-е гг. один из немецких историков-марксистов, характеризуя созданную Наполеоном систему²²¹.

Вероятность существования «неформальной» периферии обусловлена тем, что, как пишет А.Ф. Филиппов, «государство четко определяет свою территорию и на этой территории, равно как и вне ее (в делах международных) свою компетенцию. Империя такого ограничения не знает»²²². Вероятно, своя «неформальная» составляющая, большая или меньшая, может быть выявлена почти у каждой империи на том или ином этапе ее существования.

Нетрудно заметить, что в эпоху расцвета колониализма формальную политическую независимость сохраняли в основном либо те периферийные страны, где сталкивались интересы нескольких великих держав, в конце концов приходивших к некоему компромиссу, либо те, что представляли собой бывшие переселенческие колонии, которые относительно недавно завоевали свободу от бывшей метрополии и потому трепетно относились к ее внешним формальным атрибутам. Иное дело – Новейшее время, когда идеи империализма и колониализма оказались полностью скомпрометированными. В этих условиях «неформальное» господство не

²²¹ Хейтцер Г. Рейнский союз – основа наполеоновской системы порабощения Германии // Освободительная война 1813 г. против наполеоновского господства. М., 1965. С. 193.

²²² Филиппов А.Ф. Указ. соч. С. 104.

только маскируется более тщательным образом, но и получает значительно большее распространение. Отныне для той или иной империи оно может являться основополагающим. Причем особенно это относится к тем имперским образованиям, что укрепляли свои позиции и расширяли влияние на фоне дискредитации «империализма» как такового. Тот же В.И. Моммзен подчеркивал, что и Соединенные Штаты, и Советский Союз были «явственно антиимпериалистичны по своему происхождению»²²³.

Дискуссии о том, можно ли считать неформальную империю в полном смысле слова империей, продолжаются и в настоящее время, причем связаны преимущественно с оценкой нынешней позиции и политического курса США. С этой точки зрения интересны рассуждения американского политолога М. Ханта: «...Чем спорить о том, имеем ли мы дело с формальным или неформальным контролем, почему не задаться вопросом: кто в конечном счете принимает решение о том, оставаться ли местным правителям у власти или уйти? Кто принимает окончательное решение об альянсах и зарубежных военных базах и кому в итоге оказываются подчиненными местные военные?» Ответы на эти вопросы, по его мнению, предполагают, что «США является империей в течение длительного периода и в различных обличиях»²²⁴. Некоторые российские обличители американского империализма, в том числе претендующие на научную квалификацию, в вопрос о специфике неформальных империй предпочитают не вдаваться. А потому, чтобы подогнать США под некий имперский шаблон, иногда приводят доводы довольно курьезные, например, что «президент страны располагает значительным объемом властных полномочий» (со ссылкой на соответствующие статьи американской конституции)²²⁵.

²²³ Imperialism and After. P. 354.

²²⁴ Хант М. Между империей и гегемонией. С. 8.

²²⁵ Савченко Е.О. Имперский характер внешней политики США: Автореф. дис... канд. полит. наук. М., 2010. С. 7.

Конечно, не всякую зависимость одного государства от другого можно счесть разновидностью имперских отношений. Во-первых, эта зависимость должна быть достаточно сильной, прочной и продолжительной. Во-вторых, господствующая сторона должна вести себя так, как имперский «центр» ведет себя в отношении «владений», т.е. подчинять и свои, и чужие интересы неким «общим» соображениям державного порядка.

А.М. Шлезингер характеризовал «Американскую империю 80-х годов» как «квазиимперию». «Прежние империи управляли своими подданными. Американская империя почти не управляет», – полагал он²²⁶. С нашей точки зрения, это справедливо по отношению к Израилю, Канаде, Мексике, Австралии, Новой Зеландии и целому ряду других стран, упомянутых Шлезингером. Однако до настоящего времени имеется целая группа стран и территорий, которыми США «управляют» не в меньшей степени, чем СССР «управлял» странами Центральной и Восточной Европы.

Следует отметить, что, поскольку частное всегда богаче общего, ни одна из конкретных империй не может представлять какой-либо тип в абсолютно чистом виде. Примером может служить Британская империя, возможно, самая «колониальная» из всех колониальных. Тем не менее, как уже было сказано, она включала в себя огромную неформальную часть. Более того, сама метрополия – Соединенное королевство Великобритании и Ирландии – представляла собой по сути «континентальную» (как ни парадоксально звучит это применительно к архипелагу) мини-империю. Ирландию часто именуют «первой» или «белой» колонией Англии. На самом деле положение Ирландии в составе Британской империи и ее отношения с Лондоном скорее напоминают отношения Прибалтики с Петербургом или Чехии с Веной, чем, например, отношению Индии с тем же Лондоном. Нечто подобное можно сказать

²²⁶ Шлезингер-мл. А. М. Указ. соч. С. 235. Интересно, что А. Ф. Филиппов сразу после распада СССР характеризовал постсоветскую Россию тоже как «квазиимперию» (Филиппов А. Ф. Наблюдатель империи... С. 113).

о Шотландии и Уэльсе. Д. Ливен в своей статье, посвященной сравнению царской России и Советского Союза с другими имперскими образованиями, проводит, в частности, параллель между Шотландией и Украиной²²⁷. Термин «туземные колонии» в отношении этих территорий будет звучать весьма нелепо, а понятие «национальные окраины» вполне может быть применимо.

С другой стороны, царская Россия и Советский Союз представляют собой пример «континентальной» державы. Однако Русскую Америку и Порт-Артур легче охарактеризовать в «колониальных» терминах. Более того, «колониями» в исконном смысле этого слова фактически являлись российские поселения на Камчатке или в северной части Охотского моря – по суше добраться до них и сейчас невозможно, поэтому их положение с социальной, экономической и психологической точек зрения не отличается от островного.

В истории Российской империи возникали и другие колониальные проекты. Стоит вспомнить оккупацию Россией Ионического архипелага, попытки овладения Мальтой, планы создания российских колоний на различных островах Тихого океана и т.д. Эти попытки, как правило, не только не шли вразрез с потребностями развития континентальной имперской системы, но и были с ними непосредственно связаны. Так, создание форпоста на каком-либо из островов Эгейского моря должно было обеспечить возможность блокады Босфора и Дарданелл в периодически возобновлявшемся противоборстве с Турцией, а планируемая колония на Гавайских островах призвана была снабжать продовольствием не только Русскую Америку, но и Охотск и Камчатку²²⁸. Царская, а тем более Советская империи включали в себя и обширную «неформальную» часть.

---

²²⁷ Lieven D. The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Polities // Journal of Contemporary History. 1995. Vol. 30. P. 617. Такую же параллель, как уже отмечалось, проводил В. Грудзинский.

²²⁸ См. обо всем этом: Коршунов Ю.Л. Россия, какой она могла бы быть. История приобретений и потерь заморских территорий. М., 2007.

Австрия на рубеже 1770 и 1780 гг. и затем в 1858 г. предприняла попытки превратить в свою колонию Никобарские острова. Во второй половине XVIII столетия был короткий период существования австрийской фактории на восточном побережье Африки. Во второй половине XIX в. в державе Габсбургов вынашивались колониальные планы в отношении острова Сокотра, а затем части Соломоновых островов²²⁹. На рубеже XIX и XX вв. Австро-Венгрия наряду с другими странами приняла участие в подавлении восстания ихэтуаней в Китае и в результате получила собственный селтльмент в Тяньцзине (правда, площадь его была менее квадратного километра).

Наконец, если принять за эталон «неформальной» империи Соединенные Штаты Америки (по крайней мере в до-рейгановскую эпоху), то следует признать наличие в ее составе и довольно широкого набора «колониальных» владений (Микронезия, Восточное Самоа, Зона Панамского канала, Пуэрто-Рико и т.д.). В.Д. Моммзен признает: «...Несмотря на формальную дихотомию формальной и неформальной империи, или же прямого и непрямого управления, фактически они должны рассматриваться как дополняющие друг друга формы имперского доминирования; в большинстве случаев комбинация этих стратегических курсов доминировала в эпоху классического империализма и ... во многих случаях даже после окончания формального колониального управления»²³⁰.

Таким образом, каждый имперский тип, по сути, есть лишь «идеальный тип», в чистом виде в действительности не существующий. И каждое конкретное имперское образование в той или иной пропорции имеет черты, свойственные как минимум двум, а то и всем трем рассмотренным типам.

²²⁹ См. об этом: Бур Г. Колониальная политика Габсбургской империи // Вена по-русски. URL: http://www.russianvienna.com/index.php?option=com_content&view=article&id=542:2010-10-19-17-15-58&catid=22:2010-10-12-10-05-06&Itemid=164 (дата обращения: 16.04.2018).

²³⁰ Imperialism and After. P. 335.

Вероятно, не исключено, что государственное образование может постепенно трансформироваться из империи одного типа в империю другого. Так, историю Древнего Рима, возможно, следует рассматривать как превращение из колониальной империи в континентальную. М. Хант следующим образом характеризует имперскую эволюцию США: «Америка начиналась как континентальная империя еще со времен поселенческой аграрной колонизации (уже после обретения национальной независимости). В конце XIX в. США превратились в формальную империю с колониями за пределами страны и затем стали распространяться как неформальная империя на большую часть Центральной Америки и Карибского бассейна, вышли на просторы приморских территорий Восточной и Западной Азии, контролируя неформальные объединения клиентов. Не исключено, что их имперское влияние распространилось и на Западную Европу, особенно на ранних этапах холодной войны»²³¹.

И все же, как известно, все колониальные предприятия Наполеона в отличие от его действий на европейской арене потерпели крах. Его планам экспансии за пределами Европы не суждено было сбыться. В результате быстро растущей и набирающей силу континентальной державе пришлось одновременно играть роль «комитета по ликвидации имущества» своей обанкротившейся колониальной предшественницы. «Наполеон Бонапарт невольно стал могильщиком первой французской колониальной империи», – пишет П.П. Черкасов²³². Во многом именно своевременному сосредоточению планов и сил на континенте Наполеон обязан своими успехами. «На Эльбе и на Одере мы получим нашу Индию, наши испанские колонии и наш мыс Доброй Надежды», – заявлял он²³³. Переломным в этом отношении стал 1803 г., когда была провозглашена независимость Гаити, а Луизиана уступлена США. Затем

²³¹ Хант М. Указ. соч. С. 8.

²³² Черкасов П.П. Судьба империи. М., 1983. С. 25.

²³³ Mauro F. L'Expansion Europeenne. (1600–1870). Paris, 1988. P. 197.

были потеряны последние владения в Вест-Индии и на африканском побережье. Весьма символичным представляется акт сдачи без особого сопротивления Французской Гвианы в начале 1809 г. войскам незадолго перед тем изгнанного из Европы и перебравшегося в Бразилию португальского двора. Но все утраченные во времена Наполеона владения были лишь последними бастионами прежней империи. Фактически же, как констатирует французский историк Ф. Моро, «с ней было покончено еще до 1789 года»²³⁴. И решающим, видимо, стал удар, нанесенный в результате Семилетней войны.

Новый этап колониальной экспансии Франции начался лишь после краха наполеоновской державы. Наполеон III в отличие от своего дяди попытался в равной степени сочетать колониальную экспансию с континентальной. Наступали уже иные времена, близился глобальный раздел мира, и экспансия на европейском континенте уже не мыслилась без противостояния соперникам на колониальной периферии. Симптоматично, что Франция и Англия в 50е гг. XIX в. изначально попытались придать войне против России глобальный характер, создав на Балтике угрозу ее столице, атаковав ее владения на Севере и Дальнем Востоке и сделав основным театром военных действий Крымский полуостров. Однако колониальные достижения Франции в этот период оказались все же значимее и прочнее результатов ее континентальной экспансии. В 1870 г. претензии Наполеона III на политическую гегемонию в Европе потерпели крах, и в этом смысле его империя перестала существовать (так же, как и с формальной точки зрения). Но вторая в истории Франции колониальная империя, начавшая складываться еще до Наполеона III, продолжала благополучно развиваться и после его правления.

Дилемма «колониальная экспансия или экспансия на континенте» стояла перед Францией и позже. Так, Луи Жаколио, ярый сторонник первой, в одном из своих произведений призывает: «Если мы не хотим быть ни Византией, ни Испани-

²³⁴ Ibid.

ей, то мы должны увеличить флот, не заботиться о Европе и обратить всю нашу энергию на Крайний Восток и Тихий океан»²³⁵.

Россия сталкивалась со сходной дилеммой в выборе направлений экспансии (например, после поражения в Крымской войне), однако для нее расширение как на запад – в Европу, так и на восток – в Азию – означало развитие по континентальному пути. Хотя, конечно, владения, приобретаемые в первом и во втором случаях, различались по своим характеристикам.

В условиях глобального противостояния империи могут дополнять друг друга. Гитлер попытался пойти по пути Наполеона, стремясь, после того как Германию лишили ее колоний, прежде всего к завоеваниям на континенте. Успехи, которых он добился, казалось бы, опровергают тезис о необходимости «глобального» противостояния. Однако в данном случае не следует сбрасывать со счетов угрозы, существовавшие владениям реальных и потенциальных противников Гитлера со стороны Турции и Японии. Угроза со стороны последней в 1941 г. переросла в широкомасштабную агрессию. Можно также упомянуть о военных действиях, которые вела в Тропической и Северной Африке союзная Гитлеру Италия.

---

²³⁵ Жаколио Л. Питкернское преступление // Питкернское преступление. М., 1993. С. 175.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ СТРУКТУРА ИМПЕРИИ?

Ранее уже говорилось о том, что «центр» и «метрополия» в рамках имперской системы зачастую не одно и то же. Кроме того, эти термины следует отличать от понятия «историческое ядро» империи. В качестве «исторического ядра», т.е. источника, отправного пункта экспансии и некоего объединяющего территории звена, может фигурировать город – Рим, Венеция, Генуя и др., национальное государство – Англия, Франция и др., а также чье-либо владение (например, в случае с державой Габсбургов или Османской империей), этническая территория (Монгольская империя) и т.д.

Л.Е. Горизонтов, описывая «внутреннюю Россию», какой она представлялась в рамках царской империи, определяя ее ментальные границы и находя ее символические воплощения в таких понятиях, как «сердце», «центр» (притяжения), «корень», «зерно», «дом», «внутренний круг»²³⁶, характеризует именно «историческое ядро» данной империи. Для обозначения «метрополии» разными авторами тоже используется метафора «сердце». Так, Д. Кицикис пишет, что «сердце» Османской империи «билось между Эгейским и Черным морями, в треугольнике, образованном крупными городами: Фессалоникой, Стамбулом и Измиром»²³⁷. Н.А. Ерофеев характеризовал Британскую империю как «огромный экономический организм, сердце которого находилось в Лондоне», его пульс «бился в Ан-

²³⁶ См.: Горизонтов Л.Е. Указ. соч.

²³⁷ Кицикис Д. Указ. соч. С. 109.

глийском банке, в конторах Сити, в Лондонском порту»²³⁸. В современных популярных фильмах и передачах «сердце» былой империи обычно ассоциируется с ее столицей. Однако слово «сердце» применительно к «историческому ядру» имеет уже другое значение, подразумевая нечто наиболее сокровенное и ценное, а не приводящий в движение, обеспечивающий жизнедеятельность орган.

Пример царской России представляет особый интерес, поскольку управленческий «центр» империи находился в Санкт-Петербурге, который частью ментальной «Внутренней России» не являлся и даже не примыкал к ней, будучи отделен территориями «Русского Севера».

Если «историческое ядро» – это неприкосновенный эталон доимперского прошлого, корень, из которого выросла империя, то «метрополия», как уже отмечалось, генератор имперского настоящего. Относительно более высокая подвижность метрополии по сравнению с подвижностью исторического ядра вытекает из того, что очень сложно даже в ментальном отношении изменить прошлое, изменить же реальное будущее, вытекающее из настоящего, все же легче.

Смена ролей исторического ядра и метрополии возможна в условиях полного реформатирования империи, когда на смену одному имперскому образованию приходит другое. Анализ перехода от царской империи к советской дает немало материала для размышлений об этом. Так, первоначально «историческим ядром» советской империи, по сути, выступал Ленинград («город трех революций») – управленческий центр и часть метрополии потерпевшей крушение царской державы. Затем, по мере того как на смену отрицанию старой империи приходила идея преемственности между двумя державами, по сути, произошло соединение, а частично и слияние их исторических ядер. Показательным в этом отношении стало появление в СССР в 1970-е гг. популярного туристического маршрута по «Золотому кольцу России», куда кроме древнерусских горо-

---

²³⁸ Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. М., 1967. С. 11.

дов, объединенных в свое время вокруг Москвы, вошел и город Иваново, наиболее известный в то время как «родина первого совета». В Ленинграде же достопримечательности, связанные с именем Петра Великого, стали акцентироваться в неменьшей степени, чем крейсер «Аврора» или Смольный.

При всем различии конструкций континентальных и колониальных империй набор «кирпичиков», из которых они состояются, в каждом случае примерно один и тот же. Общие, свойственные всем империям, черты позволяют соотносить друг с другом основные типы подчиненных центру имперских составляющих.

В научной литературе, посвященной колониальным империям, достаточно давно утвердилось деление колоний на «переселенческие», «туземные» и «колонии-форпосты» – в зависимости от характера освоения и выполняемых в имперской системе функций²³⁹.

К переселенческому типу относятся колонии, представлявшие собой до прихода колонизаторов обширные и малонаселенные, но богатые ресурсами и имеющие благоприятные условия для жизни человека пространства. До включения в состав империи в них, как правило, не существовало устойчивых государственных образований и в целом уровень цивилизации находился на весьма низком уровне. В период освоения этих территорий на них устремляется основной поток переселенцев – «избыточного» населения метрополии, других частей империи, а также иных стран (в зависимости от воли имперского «центра»). Помимо добровольных в освоении принимают участие подневольные переселенцы: рабы, каторжники и др. Местные ресурсы и приток квалифицированной рабочей силы создают возможности для быстрого развития этих территорий, которое позволяет в исторически короткий срок догнать,

---

²³⁹ См., например: Ерофеев Н.А. Английский колониализм в середине XIX в.: Очерки. М., 1977. По поводу слова «туземцы» А. Тойнби замечает: «...Слово это, ныне почти утратившее унижительный оттенок, раньше означало нравственный ноль» (Тойнби А. Указ. соч. С. 589.).

а возможно, и перегнуть метрополию. Коренное население, зачастую довольно малочисленное, при этом уничтожается, ассимилируется либо загоняется в резервации и оказывается в меньшинстве. Общество формируется на новой основе, путем не просто смешения культур, но формирования новых традиций, устоев, институтов. Принципиально новая экономика, новая социальная структура, новые традиции и менталитет позволяют говорить о том, что у этих территорий начинается новая глава в их истории – по сути, с чистого листа начинает писаться история новой страны.

К этому типу относятся большей частью испанские и португальские владения в Южной и Центральной Америке, британские и французские в Северной, а также Австралия и Новая Зеландия. Переселенческие колонии могут представлять собой как обширные пространства, так и небольшие островные владения. В качестве примеров можно привести многочисленные и разновеликие острова Вест-Индии или Маврикий, который до появления здесь европейцев и вовсе был необитаем.

История знает немало примеров, когда переселенческие колонии могли переходить от одной империи к другой. При этом базовые атрибуты (например, язык) уже зародившегося, нового общества могли не меняться, несмотря на многократный рост его численности уже в рамках другой имперской системы. Самый известный случай такого рода – Квебек. Есть и другие примеры, когда усилия одной из империй по созданию переселенческой колонии на той или иной территории свертываются, но вскоре возобновляются другой империей и оказываются более успешными. Уже упоминавшийся Маврикий можно приводить в качестве иллюстрации ситуации как второго, так и первого типа. В начале XVIII столетия французы заменили отказавшихся закрепиться здесь голландских переселенцев, а через сто лет сложившийся на острове под эгидой французов социум перешел под власть Британской империи. Несмотря на то что после этого на Маврикий хлынул поток новых переселенцев, прежде всего из Индии, потомки которых

и составляют сейчас большинство населения острова, культурная основа, заложенная в годы французского владычества, осталась доминирующей.

В отличие от «переселенческих» «туземные» колонии – это либо многонаселенные, хорошо освоенные человеком территории, служившие колыбелью древних цивилизаций, с давно сложившимися традициями государственности, чрезвычайно сложной социальной и политической структурой, богатой культурной и религиозной жизнью, либо территории отсталые и относительно малонаселенные, но с настолько специфическими природными условиями, что нормально существовать там могут в основном лишь приспособившиеся к ним местные племена и народы. К первой категории относятся Индия, страны Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, часть Северной Африки и др.; ко второй – страны тропической Африки, некоторые районы Океании и, возможно, центральная часть Южной Америки. В туземных колониях колонизация может лишь трансформировать сложившееся здесь общество, его экономику и культуру, но не создать все это заново. Впрочем, страны второй категории остаются как бы «в резерве» для масштабного переселенческого освоения.

Следует также отметить, что история относительно недавнего прошлого знает примеры колоний, которые можно отнести к «полупереселенческому» типу. Это уже упоминавшийся французский Алжир (если его все же считать «колонией», а не «провинцией»), голландская, а затем британская Южная Африка, некоторые другие территории. С одной стороны, поток переселенцев сюда был довольно значителен, и они сумели создать свой особый социум или даже новую нацию (буры в Южной Африке). С другой стороны, они так и остались в меньшинстве по сравнению с коренным туземным населением. Как отмечает один из современных авторов, арабы и берберы Алжира «не смогли сохранить независимость страны, но оказались вполне способны сопротивляться ассимиляции, а уж об их физическом уничтожении не могло быть и речи. В результате

к пятидесятым годам Алжир представлял из себя сегрегированное общество, в котором 8,5 миллионов мусульман жили под управлением миллиона переселенцев. При этом колонисты не занимали каких-то специализированных ниш, а конкурировали с местными в главной для тех отрасли экономики – в сельском хозяйстве»²⁴⁰.

Наконец, особый тип колоний составляют «колонии-форпосты». Это, как правило, небольшие территории, зачастую остров или обладающий удобной гаванью участок континентальной береговой линии, лежащие на пересечении путей сообщения и выполняющие роль либо военной базы, либо торгового центра и транспортного перевалочного пункта, либо всего вместе. Иногда они служат стартовой площадкой для экспансии и затем сливаются с присоединенными территориями. В свое время форпостами Британской империи в Индии, как известно, были Бомбей, Мадрас и Калькутта. Свои форпосты на субконтиненте, которым суждено было остаться лишь форпостами, имели и другие европейские державы, участвовавшие в борьбе за него. Франция и Португалия сохранили их и после того, как эту борьбу проиграли. Целая сеть форпостов была создана впоследствии разными империями в Китае. К числу классических форпостов относятся Гибралтар, Мальта, Сингапур, Аден у англичан, Джибути у французов, Азорские острова, Кабо-Верде у португальцев и т.д. «Морским» форпостом Российской империи являлись Аландские острова.

Этнический состав, социальная структура, менталитет формировавшихся в форпостах обществ определялся функцией данных территорий в рамках имперской системы. Выходцы из метрополии и других отдаленных стран находились здесь, как правило, в меньшинстве и представляли собой в значи-

---

²⁴⁰ Читатель Сергей. Алжир: уроки забытой войны. Ч. 1: Переселенцы и повстанцы. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/92244p.html> (дата обращения: 16.04.2018). Показательно, что автор сначала называет Алжир «переселенческой колонией», а затем утверждает, что она развивалась как таковая лишь на первый взгляд.

тельной степени временное население – военных, чиновников, негоциантов. Те, кто все же осел здесь, выйдя в отставку или удалившись от дел, не были настроены выступать в роли пионеров или воспитывать в таком духе своих детей. Большинство же населения такой колонии составляли выходцы из сопредельных или близких территорий. Мигрируя сюда, они меняли традиционный род занятий и образ жизни, первоначально превращаясь в основном в подсобных рабочих, прислугу и т.д. Однако они гораздо активнее, чем выходцы из метрополии, оседали на данной территории, и в дальнейшем из их среды происходили местные ремесленники и торговцы.

Эта классификация элементов периферии («провинций» на этот раз) может быть применима и к континентальным империям, что хорошо прослеживается на российском материале.

Ранее уже говорилось о параллелях, проводимых между Сибирью и Дальним Востоком, с одной стороны, и переселенческими колониями в Северной Америке – с другой. Так, французский историк начала XX в. А. Лерой-Белье писал в «Империи русских царей»: «... Точно так же, как Северная Америка или Австралия, обширные внешние районы России представляют для Европы гигантское поле приложения человеческой активности с благодатной почвой для этого»²⁴¹. В последнее время такие сравнения стали достаточно распространены, причем в большинстве случаев авторы ссылались на авторитет А.П. Чехова, немало писавшего об этом во время своего путешествия на Сахалин²⁴². Обоснованность подобных параллелей подтверждается и историей Русской Америки, вполне органично ставшей частью США.

Общность черт наблюдается не только в характере освоения, структуре экономики данных территорий, но и в менталитете населяющих их жителей. Группа московских исследовате-

²⁴¹ Leroy-Beaulieu A. L'Empire des Tsars et les Russes. Lausanne, 1988. T.I. P. 11–12.

²⁴² См., например: Каграманов Ю. Указ. соч. С. 151; Цюрюпа А.И. Аляска, Камчатка и Сибирь в геополитическом ареале // Полис. 1998. № 2. С. 86.

лей, занимавшаяся в середине 1990-х гг. изучением религиозной ситуации в трех областях Большого Урала, пришла к выводу о том, что ситуация эта более напоминает северо-американскую, чем ту, что сложилась в центральных областях России²⁴³. Вполне вероятно, что это является некоторым преувеличением. С нашей точки зрения, Урал в настоящее время – это не «переселенческая», а скорее «полупереселенческая» территория, находящаяся на стыке «переселенческой» и «национальной» частей империи, а также ее «исторического ядра», а потому имеющая определенные черты сходства и с тем, и с другим, и с третьим.

К «переселенческим», безусловно, следует отнести и «казачьи» области Юга России, где православие оказывает особенно значительное влияние. Но и этот феномен вполне может иметь аналог на переселенческих территориях колониальных империй, где развитие могло вести как к религиозному «релятивизму» (используя терминологию авторов указанной ранее статьи), так и к приверженности традиционной для метрополии церкви.

В разряд «переселенческих» могут быть зачислены и другие территории бывшей царской и советской империй – Северное Причерноморье (образующее вместе с упомянутыми казачьими областями Новороссию), Дальний Север и т.д. Хотя не все они, подобно Сибири, в настоящее время стали особой «страной». Особый случай представляет собой Крым, издавна являвшийся очагом цивилизации и многократно становившийся частью или даже очагом различных государственных образований.

Для освоения этих территорий царское правительство привлекало не только выходцев из имперского «ядра» и некоторых приобретенных ранее владений, но и немецких колонистов, армянских, греческих, болгарских беженцев и др. Хотя в отдельных случаях определенные ограничения на колонизацию по национальному признаку в российской истории все же

---

²⁴³ См.: Филитов С., Щипков А. Урал. Прельщение монетаризмом // Дружба народов. 1996. № 12. С. 132–145.

имели место или планировались. Так, в начале XX в. приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер (до этого военный губернатор Приморской области) в отношении заселения подвластных ему территорий признавался, что «предпочитает пустыню, но русскую, чем край возделанный, но корейский»²⁴⁴.

В Новое время по числу и размерам переселенческих владений («освоенных территорий») Российская/Советская империя не имеет себе равных. Если же говорить о древности, то таких территорий было много в составе Римской империи, Арабского халифата и др. Однако и современные континентальные империи дают примеры переселенческих владений. Так, к этому типу в составе державы Габсбургов ряд авторов относят Буковину, присоединенную в конце XVIII столетия.

Аналогом «туземных колоний» в континентальных империях являются «национальные провинции» («национальные окраины»), которые можно еще назвать, пользуясь термином А. Каппелера, «обжитыми регионами»²⁴⁵. Проведение определенных параллелей между российским владычеством на Кавказе и Средней Азии и британским владычеством в Индии или французским в Индокитае, с нашей точки зрения, вполне правомерно. Отечественная исследовательница С. В. Лурье, в целом не очень склонная ставить Россию как империю на одну доску с другими имперскими образованиями, тем не менее, отмечает: «... Сколь различны между собой были Российская и Британская империя, не только по истории своей, но и по духу, по смыслу своему, по той реальности, которую они создавали в своих пределах. Однако при всем этом между Британской Индией и Российской Средней Азией сходства было гораздо больше, чем то представляется на поверхностный взгляд, в частности и в том, что касается наименее вероятного –

---

²⁴⁴ Цит. по: Туда, где кончается солнце: Воспоминания, свидетельства, документы. М., 2002. С. 50.

²⁴⁵ Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // АВ IMPERIO. 2000. № 1. С. 20.

в формах имперского управления»²⁴⁶. Но такую же параллель, с нашей точки зрения, можно проводить между Прибалтикой, Польшей, Украиной или, если обратиться к истории монархии Габсбургов, между Чехией, Словенией, Галицией и др. Основные различия населяющих эти территории народов состояли лишь в степени этнической или конфессиональной близости к «титульной нации», да в уровне экономического и социального развития, который в континентальной империи вполне мог быть выше на окраине, чем в центре. Необходимо еще раз подчеркнуть, что большинство этих территорий, так же, как и переселенческих, в рамках континентальной империи рассматривалось как часть единой страны.

Особенностями континентальных империй является возникновение на стыках различных этнических территорий многонациональных городских центров, которые зачастую становятся центрами провинций, границы которых не совпадают с этническими (и с историческими, как правило, тоже). В державе Габсбургов таким центром были, например, Черновцы, в Османской империи – Эдирне. Население этих городов формируется за счет представителей не только местных, но и главенствующих этносов (прибывающих сюда, в частности, в качестве чиновников). Ни один этнос не является доминирующим, что обуславливает космополитический (с этнической точки зрения) характер таких городов. В условиях распада империи они, однако, часто становятся ареной «этнических чисток». Подобные центры при этом не являются единственной разновидностью многонациональных космополитических городов, возникающих и развивающихся в рамках континентальных империй.

«Форпосты» континентальной империи – это удаленные пункты ее периферии, выполняющие ту же роль и те же функции военных баз, транспортных и торговых центров, что и соответствующие колонии. Они могут служить и перевалочными пунктами в обширных незаселенных или слабозаселен-

²⁴⁶ Лурье С. В. Историческая этнология. М., 1997. С. 409.

ных пространствах. К.С. Гаджиев, например, говоря об империях, созданных монголами и арабами, напоминает, что Ибн-Хальдун уподоблял пустыни морю (и там, и там отсутствуют препятствия), и полагает вслед за ним, что «города пустыни функционировали как порты»²⁴⁷. Речь может идти не только о пустыне как таковой, но и о степи, тундре, лесных и горных массивах. Так же, как их аналоги в колониальных имперских структурах, сухопутные форпосты могут выполнять роль плацдарма для дальнейшего проникновения в ту или иную страну и возможного ее подчинения.

В истории России классическим форпостом долгое время был, например, Охотск (затем выполняемые им функции оттянули на себя Петропавловск-Камчатский и Камчатка в целом). В XIX столетии к этой категории можно отнести многие основываемые на присоединяемых землях города с весьма характерными названиями: Владивосток, Владикавказ, Верный, Грозный и т.д. Часть их впоследствии утратила соответствующие характеристики, часть – сохранила до настоящего времени.

В континентальных империях чаще, чем в колониальных, встречается разновидность форпоста-крепости, не открывающего новые территории, а замыкающего уже присоединенные (с преимущественно оборонительными функциями). Ярким примером такого форпоста в составе сначала царской, а затем Советской империй является Кушка. «Город, в котором большая часть населения передвигается преимущественно в строевом порядке, а число жителей никогда не было постоянным. Город, ничтожно малый по занимаемой площади, но весьма значительный по своему удельному весу в истории Государства Российского. Город, дальше которого, как гласит офицерская поговорка, никого никогда не должны были посылать», – так характеризовался он в одном из журна-

²⁴⁷ Гаджиев К.С. Геополитика: история и современное содержание дисциплины // Полис. 1996. № 2. С. 181.

листских репортажей²⁴⁸. Примечательно, что основу населения Кушки составляли не только военнослужащие гарнизона, но и железнодорожники, обслуживающие проведенную через пустыню еще в самом конце XIX в. и до сих пор фактически заканчивающуюся тупиком ветку. Стремясь закрепить этот форпост за империей, еще царское правительство привлекало в район Кушки колонистов из внутренних областей, однако их число оказалось небольшим. Образ Кушки как «самой южной точки» империи тоже сформировался еще в царские времена и отражал именно оборонительный функционал. В советские времена сохранялась та же ситуация. Однако с началом Афганской войны Кушка превратилась в важный транзитный пункт, связывающий «ограниченный контингент» со своей страной, и это показывает, что долговременный оборонительный имперский форпост может поменять свой функционал на наступательный.

Калининградская область дает интересный пример сочетания черт «форпоста» и «переселенческой» территории. Присоединение ее после Второй мировой войны не только укрепило российское военное присутствие в центре Европы, создав там собственный плацдарм, но и позволило, по сути, замкнуть в кольцо ненадежные, с имперской точки зрения, прибалтийские провинции. Калининградская область была перегружена гарнизонами и военными объектами. Здесь стали базироваться основные силы Балтийского флота. В регионе также находились пункты грузоперевозок. В то же время Калининградская область слишком велика по своим размерам и слишком обжита в прошлом для «обычного» форпоста. Поскольку все прежнее население было депортировано, сюда были направлены переселенцы (в значительно степени с близлежащих территорий, в частности, из Белоруссии и северо-западных областей РСФСР). Обеспечение функционирования военной и транспортной инфраструктуры стало наиболее важным, но не един-

---

²⁴⁸ Переплеснин М. Кушка, как и прежде форпост. Теперь – туркменский... // Независимая газета. 1999. 31 декабря.

ственным родом деятельности для сформировавших собственную идентичность «калининградцев».

Типологию империй и типологию составляющих их элементов иногда пытались связать между собой. В этой связи следует упомянуть о подходе, предложенном видным английским историком, специалистом по имперской тематике Д.К. Филдхаузом. Прежде всего он делит европейские империи Нового времени на «старые» и «современные», считая важнейшим рубежом между ними 1815 г. Различаются они, во-первых, тем, что прежде колонии европейских держав «находились лишь в Америке и все были “поселенческими” колониями разного вида – “чистыми”, “смешанными” или “плантационными”. Современные же империи занимали в основном территории в Африке, Азии и на Тихом океане и состояли большей частью из “обретенных” (Д.К. Филдхауз употребляет слово “occupation”. – О.П.) колоний. Второе отличие, также во многом географического свойства, заключается в масштабах экспансии и скорости, с какой она осуществлялась. «В 1800 г. значительная часть Америки еще не находилась под эффективным управлением европейцев, и это через три века их активности здесь. В конце XIX – начале XX в. европейцы предъявили претензию на все континенты и субконтиненты и установили полное господство над ними в течение нескольких десятилетий»²⁴⁹. Третья черта определяется тем, что европейцы обрели господство над «многими цивилизованными и хорошо организованными неевропейскими государствами». Четвертая и пятая черты – это парадоксальное сочетание «большей политической централизации и относительной экономической свободы»²⁵⁰.

Сравнивая между собой «современные» империи, Филдхауз прежде всего разоблачает «заботливо взлелеянный миф» о том, что были «хорошие» и «плохие» империи, что одни «готовили свои тропические владения к независимому существо-

²⁴⁹ Fieldhouse D.K. The Colonial Empires. A Comparative Survey from the Eighteenth Century. London, 1982. P. 374.

²⁵⁰ Ibid. P. 372–4.

ванию», а другие «пытались сохранить их». «Такие различия льстили национальному тщеславию, – пишет Филдхауз, – и подчеркивались контрастами стиля, отражающими расхождение европейских традиций и колониальных ситуаций. Однако в целом такие различия не являются существенными. Разительная черта современных империй – сходство характеров и общность опыта»²⁵¹.

Филдхауз останавливается на все же существовавших, с его точки зрения, реальных отличительных чертах отдельных империй. В частности, уникальность Британской империи, полагал он, состояла в том, что это была единственная империя, включавшая в себя важные переселенческие колонии, что требует отдельного подхода к ней при сравнении с другими имперскими образованиями. Франция, Португалия, Россия и США, по мнению Филдхауза, стремились «инкорпорировать зависимые территории внутрь самих себя, хотя лишь Россия была в этом целиком последовательна», остальные же «рассматривали колонии как отдельные политические организмы»²⁵². Подобные различия, безусловно, необходимо учитывать. Однако все они, как представляется, дополняют рассмотренное типологическое деление, но не меняют его. В частности, «последовательность» России в попытках «инкорпорирования» объясняется именно континентальным характером империи. Наличие обширных переселенческих владений делает Британскую империю уникальной среди колониальных империй XIX–XX вв., но не среди империй вообще и т.д.

Противопоставление империй по принципу соотношения «переселенческих» и «национальных» владений встречается и у других авторов. Так, К. Фрумкин отмечает, что есть ряд случаев, «когда материалом для империи служили не столько покоряемые народы, сколько требующие освоения пустые пространства»²⁵³. В учете этих особенностей есть смысл. Однако

²⁵¹ Ibid. P. 374.

²⁵² Ibid. P. 375.

²⁵³ Фрумкин К. Указ. соч. С. 78.

вряд ли можно считать, что изменение упомянутого соотношения на разных этапах развития империи может иметь для ее характеристики то же значение, что и смена преобладания «континентальных» владений над «колониальными» или наоборот.

Среди зависимых государственных образований тоже, видимо, можно выделить свои «форпосты», «национальные» и даже «переселенческие» владения. Но степень их «включенности» в империю может быть разной, что, видимо, является одной из специфических характеристик данного типа имперских образований. Различие в формальном статусе якобы суверенных государств, естественно, отсутствуют. Его заменяет система реальных, даруемых «центром» «вольностей». О том, что распад «неформальных» империй тоже может носить драматический характер, свидетельствуют события 1989–1990 гг. в Восточной Европе, предшествовавшие распаду СССР.

Рассматриваемые типологии империй и имперских владений не могут охватить всего разнообразия феноменов. Необходимо, в частности, учитывать существование некоторых временных и переходных форм (примером может служить советская зона оккупации Германии). Однако, с нашей точки зрения, данные типологические схемы могут все же составить основу анализа особенностей конкретных имперских систем, их сопоставления.

В целом индивидуализирующая характеристика империи, по нашему мнению, кроме временной, географической и цивилизационной привязки должна включать ответы на следующие расположенные в порядке своей значимости вопросы:

1. В какой мере данная империя представляет собой единый территориальный комплекс, а в какой «архипелаг» – отделенных друг от друга владений?

2. Каково соотношение «формальной» и «неформальной» частей империи?

3. Каково соотношение «туземных» («национальных») и «переселенческих» владений, а также владений-«форпостов» в рамках имперской периферии?

4. Каков уровень развития формальных федеративных отношений между регионами империи?

5. Каковы характеристики официальных статусов, предоставленных различным имперским владениям и количественное соотношение владений с различными статусами?

6. Насколько совпадают «имперский центр», «метрополия» и «историческое ядро» империи и насколько обширную область по отношению к владениям они занимают?

КАК ВОЗНИКАЮТ И РАЗВИВАЮТСЯ ИМПЕРИИ?

Американский историк Д. Кэннедин, рассмотрев и классифицировав, подобно А. Шлезингеру-младшему, концепции империализма, замечает: «... Трудно поверить, что такой сложный и долговременный феномен как империализм имеет одно все заключающее в себе объяснение»²⁵⁴. Действительно, империя возникает под воздействием различных факторов, является следствием пересечения разнообразных исторических процессов, протекающих как в метрополии, так и на ее периферии, а также в глобальном масштабе.

Началу формирования империи, как правило, способствует внешний вызов. Что касается континентальных империй, то экспансия очень часто вырастает из освободительной или оборонительной борьбы. Так, сложно определить, с какого именно события оборонительные войны революционной Франции превращаются в процесс строительства империи, получившей наименование наполеоновской. Началом строительства Российской империи в настоящее время принято считать эпоху правления Ивана Грозного. При этом предпринятая Московским царством в тот период попытка экспансии на восток была продолжением многолетней борьбы с Ордой. Пример вырастания из континентального «освобождения» уже колониальной имперской экспансии дает история Испании. Первая

²⁵⁴ Cannadine D. The Empire Strikes Back // Past & Present. 1995. Number 147, May. P. 182.

экспедиция Колумба, как известно, последовала сразу же за завершением Реконкисты. Этому, впрочем, предшествовало растянувшееся на несколько десятилетий завоевание Канарских островов.

В то же время односторонне-упрощенным, не отражающим динамики развития представляется суждение А. Левандовского о том, что «внутренняя органика империи изменила большевистский замысел, первоначально ориентированный на разрушение всего имперского»²⁵⁵. Скорее наоборот: импульс, данный обществу революцией 1917 г., так же как в Англии времен Кромвеля и особенно во Франции времен Наполеона, через радикальное преобразование системы социальных отношений и возникновение совершенно новой парадигмы развития распространился на область внешней экспансии и державного строительства, а «антиимпериализм» сам выродился в новую имперскую идеологию. Характерно в этом отношении сравнение Сталина с Наполеоном и Кромвелем.

Достаточно размытым и абстрактным представляется суждение Г.П. Федотова о том, что «империя – это экспансия за пределы длительно устойчивых границ, перерастание сложившегося, исторически оформленного организма» и что «выход государства, даже непрерывно растущего, из его привычной геополитической сферы есть тот момент, когда количество переходит в качество: рождается не новая провинция, но Империя, с ее особым универсальным политическим самосознанием»²⁵⁶. В любом случае определить конкретное событие, которое может служить рубежом отсчета времени существования империи или начала ее строительства, как правило, достаточно сложно (если возможно вообще) даже в исторической ретроспективе.

Защитники империй стремятся акцентировать данные моменты, тем самым находя для экспансии дополнительное оправдание. К тому же следует учитывать, что трактовка обстоятельств начала экспансии особенно важна для создания

²⁵⁵ Левандовский А. Сибирь из нас не вытянешь // Родина. 1995. № 2. С. 100.

²⁵⁶ Федотов Г.П. Указ. соч. С. 305.

имперской мифологии. Подобный подход может применяться к различным событиям имперской экспансии, зачастую с полным извращением исторических реалий. Так, в аннотации к упоминавшемуся роману Бориса Алмазова о Ермаке читаем: «В сердце Сибири, за Уралом собирал разноплеменные орды хан Кучум, мечтающая напасть с востока на обескровленную войнами, истерзанную опричниной, истощенную лютыми набегами крымцев, ослабевшую Русь Московскую и добить ее. Не ведая, что уже волокут, надсаживаясь от непосильной тяжести, через горы Каменного пояса, через непролазную тайгу, к неведомым рекам и просторам сибирским быстроходные струги атаманы и казаки под водительством Ермака». Кстати, автор данного романа выдвигает версию о том, что некогда зауральские земли уже принадлежали русскому государству (непонятно только какому именно), а потому Ермак со своим отрядом шел не завоевывать, а «возвращать Сибирское ханство в подданство Москве»²⁵⁷. Тем самым предпринимается попытка вписать присоединение Сибири в процесс освобождения от ордынского ига.

Восстановление «исторических» границ – вообще пространственный аргумент для обоснования экспансии континентальных империй, а Российской и советской в особенности. Это, безусловно, касается экспансии России на запад, где «граница Владимира Святого» в царский период так и не была полностью достигнута, но относилось и к другим направлениям. «Удалые князья Киевской Руси, наметившие копьем свои границы Русской земли, не забыли Кавказа», – писал М.Н. Катков в год окончания Кавказской войны²⁵⁸. В советские времена серьезным аргументом в пользу создания Калининградской области считался прецедент оккупации Восточной Пруссии русскими войсками в период Семилетней войны. При этом достижения прежних держав, действительно, в немалой степени

²⁵⁷ Алмазов Б. Ермак Тимофеевич. М, 2007. С. 463.

²⁵⁸ Цит. по: Гордин Я. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб., 2008. С. 15.

вдохновляли правителей новых континентальных империй. Наполеон, как известно, ориентировался на достижения Карла Великого, а Муссолини – на успехи правителей Древнего Рима. В Германии, объединившейся под главенством Пруссии, «монументы национальным героям и императорам ставились не на исторической земле Франкфурта или Регенсбурга, а на сравнительно недавно захваченных территориях, что подчеркивало агрессивный характер новой Германской империи»²⁵⁹.

Для колониальных империй функцию оправдания присоединения того или иного «владения» во многих случаях выполняло первенство «открытия», заверенного установлением соответствующего государственного флага. Современный британский комик Эдди Иззард высмеял это в скетче «Нет флага – нет страны», где о строительстве Британской империи, говорится: «Мы крали страны при помощи ловкого владения флагом. Просто плавали по миру и втыкали флаги. “– Я провозглашаю Индию Британской!” “– Ты не можешь ее провозглашать, мы живем тут, 500 миллионов нас живет”. “– А флаг у вас есть?”»²⁶⁰.

Не каждая экспансия, даже осуществляемая в очень широких масштабах, приводит к возникновению империй. Примером этого могут служить Крестовые походы, которые разрушали старые имперские образования, но не создавали новых. Одна из причин такой ситуации, возможно, заключалась в отсутствии единого «ядра экспансии», способного стать «историческим ядром» будущей империи.

В конце XX в. получили распространение трактовки «империализма» как средства компенсации личной неудовлетворенности, в частности, в сексуальной сфере. Например, английский историк Д. Джадд пишет о Сесиле Родсе: «Лишенный той сексуальной ориентации и влечения, которые позволили бы ему стать мужем и отцом семейства, он доказы-

---

²⁵⁹ Шиндлинг А., Циглер В. Кайзеры. Ростов-н/Д, 1997. С. 31.

²⁶⁰ Приводится по видеоролику, показанному в программе «Мгновения» телеканала «Дождь». URL: http://tvrain.ru/teleshows/moments/tvorchestvo_komikov-20364/#top (дата обращения 16.04.2018).

вал свою потенцию обхаживанием и завоеванием не новых женщин, а новых территорий, и даже более экзальтированно, чем другие, служил при этом своему идеалу»²⁶¹. Этот же автор дает любопытную трактовку идеологии скаутского движения. Обрисовав бурную общественную жизнь метрополии в начале XX столетия, он обращает внимание на тот пыл, с которым в рамках движения бойскаутов и девочек-разведчиц, основанного полковником Баден-Пауэллом, стремились искоренить мастурбацию. «Мастурбация... рассматривалась не просто как грех, – пишет Джадд, – но как иссушающее силы занятие, ведущее к параличу и слепоте. Параллель, напрашивающаяся в данном случае между самоистощением нации, лишаящем империю мощи, и утратой жизненных сил через мастурбацию, слишком очевидна, чтобы игнорировать ее. Движение скаутов явно было полно решимости препятствовать любому растранижению значимых сил»²⁶². Сексуальным возможностям основателя скаутского движения Джадд также дает откровенно уничижительную характеристику, непосредственно выводя из нее некоторые особенности проповедуемой им идеологии: «Подобно ряду других выдающихся солдат и строителей империи вроде Сесилия Родса, генералов Гордона и Китченера Хартумского Баден-Пауэлл имел трудности в отношениях с женщинами и рассматривал женскую сексуальность как очевидную угрозу для мужчин. Бойскаутов он уверял, что сексуальные чувства являются “недостойными мужчины”»²⁶³.

«Экспансия» является наиболее значимой функцией лишь на этапе рождения империи. Первостепенной функцией, которая определяет дальнейшую жизнь имперского организма, служит все же «удержание». Экспансия же на этой стадии име-

²⁶¹ Judd D. Empire. The British Imperial Experience from 1765 to the Present. London, 1996. P. 122. См. также рецензию А.В. Соколова на данную книгу (Вопросы истории. 1997. № 4. С. 172–173).

²⁶² Ibid. P. 205.

²⁶³ Ibid.

ет смысл лишь настолько, насколько помогает или, по крайней мере, не мешает удерживать территории империи.

Вхождение в империю – это не только установление зависимости того или иного народа и территории от «центра». Это еще и неизбежное возникновение многообразных связей между частями периферии, как опосредованных – через тот же «центр», так и непосредственных. Поэтому любая страна, любой народ, будучи формально или неформально включены в состав какой-либо империи, по сути, становятся частью сложной многоуровневой системы, стремящейся к расширению, самосохранению и развитию²⁶⁴. Именно отсюда и проистекает уникальность каждой империи.

При этом разнообразие элементов, из которых образуется имперский организм, не становится меньше. Этому способствует и разнообразие способов и условий включения в империю. Как справедливо отмечал в отношении Российской империи казанский исследователь Р.А. Циунчук, «поливариантность, как и одновременность и разномасштабность (разве можно сравнить присоединение Сибири в XVI в. и, например, Осетии в XVIII в. или Дагестана в XIX в.), вхождения территорий в будущую империю отразилась в сохранении (а иногда даже в усилении) существовавших региональных экономических, политических и духовных различий даже многих великорусских по своему основному национальному составу регионов, например, Северо-Запада, Дона, Урала, не говоря уже о национальных территориях»²⁶⁵.

Однако функционирование и развитие системы предполагает трансформацию ее элементов, в том числе исчезновение некоторых старых и появление некоторых новых. Поэтому карта постимперского пространства, особенно если данная импе-

---

²⁶⁴ Под «системой» нами в данном случае понимается «устройство, структура, представляющая собой единство взаимосвязанных частей».

²⁶⁵ Циунчук Р.А. Российская империя: динамика системы «центр – регионы». URL: / <http://www.saratov.iriss.ru/empires/docs/Ciunchuk.doc> (дата обращения: 16.04.2018).

рия просуществовала достаточно долго, принципиально не может повторять ту, что существовала до момента возникновения имперской системы. Это хорошо видно на примере всех европейских империй со времен Древнего Рима. Так, о ситуации после распада империи Карла Великого А.П. Левандовский писал: «К прошлому возврата быть не могло. Это делал невозможным и самый факт существования (хотя и кратковременного) каролингской империи с ее церковной и светской административной системой и единой военной организацией, объединявшей наследие отдельных областей, что при слабости экономических связей имело решающее значение»²⁶⁶. Державы Александра Македонского и Карла Великого он вообще рассматривает в качестве поворотных пунктов развития цивилизации: «Империя Александра Великого распалась, но появился эллинистический Восток. Империя Карла Великого распалась, но появился феодально-католический Запад. Империя породила Европу»²⁶⁷.

Однако и в более поздние времена, когда экономические связи между частями Европы стали более прочными, возникавшие и распадавшиеся империи, даже те, что существовали исторически короткий период, радикальным образом перекраивали политическую, этническую и конфессиональную карту континента, границы европейских регионов. В свое время Наполеон, которому Карл Великий служил историческим ориентиром, словно катком прошел по Европе, уничтожив немало веками существовавших политико-государственных образований – от Священной Римской империи до республики Святого Марка и мальтийской цитадели ордена госпитальеров. Тем самым было расчищено поле для рождения новых организмов. Прирейнская область, Северная Италия, острова Средиземноморья – только некоторые из частей наполеоновской державы, переживших серьезную трансформацию за период своего недолгого пребывания в ней.

²⁶⁶ Левандовский А. Карл Великий. Через империю к Европе. М., 1995. С. 170.

²⁶⁷ Там же. С. 173.

Установление в посленаполеоновскую эпоху новых границ между государствами было связано не только с диктатом и произволом держав-победительниц, но и с новыми реалиями. Многие результаты трансформации стран и народов в горниле наполеоновской империи дали знать о себе в последующий период. О. Бауэр, например, считал Наполеона в немалой степени ответственным за генезис югославянского национализма во владениях Габсбургов: «Основанное Наполеоном I королевство Иллирийское впервые объединило Словакию (вероятно, имеется в виду Словения. – О.П.), Хорватию и Далмацию в одно государство, освободило крестьян от феодальных повинностей и подсудности феодалам, ввело славянский язык в народные школы. Уже в 1813 г. Австрия восстановила старый режим, но раз данный толчок продолжил оказывать свое действие»²⁶⁸.

Таким образом, вряд ли можно согласиться с отечественным исследователем Г.Г. Феоктистовым, который подразделяет имперские образования на «империи-конгломераты» (к ним он относит державы Александра Македонского, Карла Великого и Наполеона I), «империи-иерархии» и империи смешанного типа. При этом только «империи-иерархии» представляли собой «систему взаимодействующих частей»²⁶⁹. Конечно, степень интеграции разных имперских систем и степень вовлеченности в их состав тех или иных компонентов различны. Многое здесь зависит и от времени существования системы, и от интенсивности ее развития. Но ни одна империя не может распасться незаметно или «почти незаметно».

Важно также отметить, что из компонентов конкретной империи далеко не всегда можно произвольно собрать, как из некоей мозаики, новый политический организм. Об этом свидетельствует судьба многих постимперских и субимперских образований: Великой Колумбии, Вест-Индской федерации, федерации Родезии и Ньясаленда и пр. «Кубики и кирпичики»,

²⁶⁸ Бауэр О. Австрийская революция 1918 г. М.; Л., 1925. С. 4.

²⁶⁹ См.: Феоктистов Г.Г. Империя как тип структурного деления мира (опыт классификации) // Общественные науки и современность. 2000. № 2.

из которых возведено здание империи, как правило, пригнаны друг к другу не в рамках отдельных блоков, они являются частью единой конструкции.

Противопоставлять имперскую систему системе экономической в целом было бы некорректным. Связи в империи между ее компонентами – это и экономические связи в том числе. Любая империя есть не только политический, социальный, культурный, но и экономический феномен.

Возникновение империй, особенно в Новое время, в небольшой степени связано с развитием транспорта и путей сообщения. Вместе с тем объединение обширных и часто удаленных друг от друга территорий в единое политическое целое порождает новые проблемы сообщения между ними, которые империя, как уже отмечалось, способна разрешать. «Восхождение великих империй и эпоха политических объединений в целом, – пишет К. С. Гаджиев, – ассоциировалась с крупными сокращениями транспортных издержек. Такая растущая корреляция между нововведениями в транспорте и восхождением империй дала основание Такеру утверждать, что империя – это проблема транспорта». Далее, однако, он замечает: «Именно железнодорожный транспорт в значительной степени способствовал возникновению таких сухопутных империй как Германия, США, Россия»²⁷⁰. С нашей точки зрения, слово «развитие» в данном случае подходит больше, чем «возникновение». Развитие системы коммуникаций является составной частью процесса развития империи как таковой.

Восхождение имперской России как великой державы, начало ее экспансии в западном направлении в Петровское время связаны прежде всего с основанием Санкт-Петербурга, сочетавшего в себе функции морского порта и новой столицы. Расширение России в восточном направлении частично тоже было связано с морем, хотя основную роль в нем первоначально играло развитие сообщения по рекам и строительство сухопутных до-

²⁷⁰ Гаджиев К. С. Геополитика: история и современное содержание дисциплины // Полис. 1996. № 2. С. 181.

рог. О том, что это направление экспансии в конце XIX в. стало главенствующим, свидетельствовало строительство Транссибирской железнодорожной магистрали. Однако в этот же период в рамках Британской империи велось не менее масштабное железнодорожное строительство – магистрали прокладывались через всю территорию Канады, Австралии, других крупных британских владений. Правда, самый грандиозный и амбициозный проект – строительство трансафриканской железной дороги Каир – Кейптаун – остался в большей степени по причинам внешнего порядка нереализованным²⁷¹. Можно предположить, что определяющим в развитии транспортных путей является не только «сухопутный» или «морской» характер державы, но и такой, например, фактор, как наличие либо отсутствие в ее составе переселенческих территорий или колоний.

В развитых империях из формирования единого имперского рынка и разделения труда вытекает экономическая специализация колоний и территорий, которая в случае их небольших размеров (пространственных или демографических) приводит к пресловутой «монокультурности», о которой так много писали в советские времена и которую рассматривали как один из факторов «неоколониализма».

Создание общеимперского рынка труда приводит к масштабным перемещениям рабочей силы внутри империи, иногда на весьма большие расстояния. Речь идет не только о миграции жителей метрополии и других стран в переселенческие колонии или о вывозе туда же рабов, но и о перемещении «дешевой» рабочей силы из одних «туземных» колоний в другие. Как известно, по этим причинам большие общины индийского населения появились в некоторых бывших британских владениях в Африке, Южной Америке и Океании.

---

²⁷¹ Интересно, что одним из антагонистов Великобритании в этом отношении в конце XIX в. была Португалия, которая тоже стремилась объединить свои основные владения в Африке, связав их транспортным коридором, вытянутым, однако, по широте, а не по долготе (так называемая «Розовая карта»). Однако и этим устремлениям не суждено было сбыться.

Имперская элита неизбежно становится многонациональной, вбирая в себя аристократические и иные группы покоренных народов. «Даже формальный контроль всегда зависел от включения подчиненных групп в имперский проект путем уступок, делающих доминирование более удобным для управления и менее затратным», – справедливо отмечает М. Хант²⁷².

В рамках империи появляются этносы, активно участвующие а управлении другими народами, преимущественно поставляющие рекрутов для пополнения рядов чиновников или воинов. Если говорить о гражданской администрации, то отечественный политолог А. Кива приводил два примера подобного рода: вьетнамцы, «которые по воле французской колониальной администрации обслуживали их владения во всем Индокитае», и «народность Ибо в Нигерии, которую британская колониальная администрация использовала во многих районах этой колонии»²⁷³.

Одновременная экспансия по разным направлениям дает крупным империям возможность военного использования одних народов в борьбе с другими. Известным примером являются войска сипаев у англичан. Элитный спецназ в современной Великобритании до сих пор формируется из выносливых и солидарных между собой гуркхов. В Российской империи подобную роль играли, в частности, калмыки, переселение которых из западной Монголии в прикаспийские степи было санкционировано царским правительством. Современный казахстанский «геополитик» Ермек Нарымбаев обвиняет их в совместном с войсками Суворова истреблении «доверчиво-простодушных западных ногайцев» («по существу казахов») ²⁷⁴. В конце XIX в. Михаил Скобелев предлагал использовать только что покоренные кочевые племена Средней Азии наряду с казаками для похода в Европу (в первую очередь против Германии).

²⁷² Хант М. Указ. соч. С. 8.

²⁷³ Кива А. Указ. соч. С. 23.

²⁷⁴ Нарымбаев Е. Коридоры русской империи. URL: <http://zonakz.net/articles/13538> (дата обращения: 16.04.2018).

«По маленьким сердцам надо бить неожиданностью и кровавым террором», – писал он в одном из писем, вспоминая при этом гуннов и Тамерлана²⁷⁵. Следовательно, в крупных империях рано или поздно складывается сложная военная структура, включающая разные виды национальных подразделений, объединенных под общим командованием. В ряде случаев можно говорить и о формировании военного союза разных частей империи под главенством монополии.

Таким образом, суждение В. Тишкова о том, что «установить “государствообразующий народ” в империях невозможно, ибо правящие институты характеризуются не этнически и даже не географически, а особым политическим статусом, классовым характером либо династическим принципом»²⁷⁶, является, конечно, преувеличением, абсолютизирующим данную характеристику, и тем не менее содержит свою долю истины.

Империи, построенные на идее национального превосходства, оказываются наименее прочными и долговечными. Яркий пример тому – Третий рейх. Интересы развития имперской системы и во многом логика этого развития предполагают, что с имперской точки зрения не должно быть раз и навсегда «плохих» народов и раз и навсегда «хороших». Австрийская верхушка, как уже отмечалось, сумела на время спасти империю Габсбургов, разделив ответственность за нее с наиболее беспокойным из «покоренных» народов в тот момент – венграми. В советской империи примеры перехода из «плохих» в «хорошие» и из «хороших» в «плохие» дают, в частности, поляки и евреи.

Такие переходы могут быть обусловлены и соображениями имперской безопасности. В истории почти каждой империи можно найти свои «репрессированные народы», перемещенные «центром» в целях безопасности с одной территории на другую. Причем один и тот же народ мог рассматриваться в ка-

---

²⁷⁵ Михаил Скобелев. М., 1997. С. 481.

²⁷⁶ Тишков В. Что есть Россия и российский народ // Pro et Contra. 2007. № 3 (37), май–июнь. С. 23.

честве «ненадежного» сразу несколькими державами, действующими в одном регионе. Так, идея выселения корейцев с Дальнего Востока в 1930-е гг., вероятно, пользовалась одинаковой популярностью и в Москве, и в Токио. Сталинское правительство рассматривало их как потенциальных японских шпионов, а японцы видели в них основу для организации сопротивления на захваченных ими территориях²⁷⁷.

Знатных пленников и взбунтовавшихся вассалов, которым сохраняли жизнь после подавления мятежа, не обязательно вывозили на территорию метрополии. Часто их вместе с многочисленным окружением и челядью высылали на другую периферийную территорию, находившуюся достаточно далеко от их прежних владений. Так, Сейшельские острова, лежащие в центре Индийского океана, использовались Британской короной как место ссылки поверженных противников империи как с Африканского континента, так и из Юго-Восточной Азии.

На политическом уровне любая имперская система представляет собой сложную и довольно подвижную иерархию элементов, обладающих разными статусом, правами, возможностями для делегирования своих представителей в общеимперские структуры (в том числе управленческие). Конструкция эта в целом обладает определенной динамикой и обычно с формальной точки зрения имеет тенденцию к федерализации. Реальные границы автономии разных элементов имперской периферии могут меняться чаще и быстрее, чем формальный статус. Именно в этом в первую очередь находит выражение политика смены «кнута» и «пряника» со стороны «центра».

Классическим примером усложненности политической структуры империи обычно служит британская колониальная система. В момент наибольшего расширения этой самой большой в истории человечества империи в ее состав входили территории, имевшие статус «доминиона», «колонии», «протектората», «кондоминиума», «подмандатной территории» (часть которых находилась в ведении доминионов) и др. К ним следу-

²⁷⁷ См.: Туда, где кончается Солнце. С. 53–54.

ет добавить рассмотренную ранее имперскую систему метрополии и неформальную часть периферии²⁷⁸.

Использование имперским центром разнообразных подходов к управлению теми или иными владениями с учетом специфики каждого из них приводит к ситуациям, когда в некоторых владениях проводятся политические преобразования, являющиеся передовыми с точки зрения развития демократии не только для остальной империи, включая метрополию, но и в более широких пределах. Стоит напомнить, например, что избирательное право женщинам на равной основе с мужчинами впервые в мире было предоставлено в 1893 г. в Новой Зеландии, которая была тогда британской колонией, а в Европе женщины получили такое право в октябре 1905 года в Великом княжестве Финляндском, входившем тогда в состав Российской империи. Имперский центр может позволить себе идти на подобные эксперименты, хотя делает это не так часто и не из расположения к демократии, как таковой.

Громоздкость структуры управления империей, различие владений в статусе, запутанный клубок взаимоотношений, населяющих ее народов, во многих случаях не разобщают имперские компоненты, а скорее делают их более зависимыми друг от друга. «Наша страна обладает в не меньшей степени, чем экономическим, единым этнополитическим пространством», – писал в 1992 г. А.Б. Зубов, имея в виду только что развалившийся Советский Союз²⁷⁹. Однако такое пространство в той или иной мере формируется и во всех других империях, включая колониальные. Оно не является раз и навсегда данным, но в течение длительного исторического периода может развиваться в соответствии с некоей собственной логикой и воздействием окружающей среды. Степень единства и особенности такого

---

²⁷⁸ Д. Кэннедизн, перечислив элементы данной структуры, добавляет: «Предположение, что данная империя, столь обширная, столь разноликая и столь многорасовая, могла быть соединена воедино в силу какой-то одной простой причины, является полнейшим абсурдом» (Cannadian D. Op. cit. P. 183).

²⁷⁹ Зубов А.Б. Указ. соч. С. 70.

пространства мало зависят от сиюминутной воли правителей и существующего политического строя. Более того, они сами в немалой степени могут влиять на последний.

Как уже отмечалось, политическое строение империи легче просматривается при монархической форме правления. В то же время степень взаимосвязи имперской идеи и идеи монархической, а также степень зависимости самой империи от монархии и тем более от правящей династии может быть различной. По мнению некоторых исследователей, в современных империях наиболее тесной такая взаимосвязь была в Австрийской/Австро-Венгерской монархии, которую при всех изменениях структуры государства и его официального наименования корректнее было бы называть державой Габсбургов. Роберт Канн, американский историк австрийского происхождения, пишет, например: «В землях, собранных вместе под властью Габсбургов, династия являла собой сущность союза как такового и, соответственно, конституировалась как неотъемлемая часть имперской идеи»²⁸⁰. Неудивительно, что здесь падение монархии немедленно последовало за распадом империи.

В России же, напротив, монархия пала первой, а империя, просуществовав еще некоторое время при Временном правительстве, возродилась в новой форме под большевистской властью. Так же обстояли дела и в Германии, где падение власти кайзера само по себе вряд ли могло привести к изменению границ как континентальной, так и колониальной части империи. Французская колониальная империя несколько раз пережила смену династий и форм правления, что мало отразилось на ее судьбе. Если представить невероятную ситуацию, что в XIX или в начале XX столетия республикой стала бы Великобритания, то, видимо, это тоже не имело бы существенного значения для Британской имперской периферии. Характерно, что в начале 1950-х гг. британская политическая элита в какой-то степени пожертвовала монархическим принципом ради имперских

²⁸⁰ Kann R.A. Op. cit. P. 65.

интересов, допустив членство в Содружестве наций государств с республиканской формой правления.

За исключением, быть может, наполеоновской державы, Австрия, таким образом, была единственным имперским образованием Нового времени, судьба которого была тесно связана не только с судьбой монархической формы правления, но и с судьбой конкретной династии. Определяющее значение при этом имело то обстоятельство, что «историческим ядром» имперского образования в данном случае стала не основная территория проживания конкретного этноса, а лишь ее небольшая периферийная часть. Как отдельный этнос австрийская нация сформировалась уже в недрах империи, причем довольно поздно, фактически на этапе ее кризиса. А Австрия как страна возникла лишь в результате распада державы Габсбургов. Известный деятель социалистического движения О. Бауэр писал в начале 1920-х гг. об Австрийской республике: «... Немецкая Австрия не есть государственное образование органически выросшее. Оно представляет собой не что иное, как совокупность областей, оставшихся от прежней империи, после того как остальные народы отпали от нее»²⁸¹. Случай Австрии, с нашей точки зрения, является одним из наиболее ярких примеров того, как развитие имперской системы сопровождается процессами трансформации, затрагивающими абсолютно все элементы империи, включая ее ядро.

Однако, как уже отмечалось, интересы имперской системы как таковой и интересы ее исторического ядра далеко не всегда могут совпадать либо трактоваться как совпадающие. Более того, могут даже не совпасть объективные потребности развития и поддержания существования империи и субъективные настроения ее правящей элиты – «центра». На таком фоне значительно большую заинтересованность в империи могут проявить представители ее периферии (не только и, возможно, не столько географической, сколько социальной). Отсюда же вытекают как механизм «трансляции» имперской идеи, так

---

²⁸¹ Бауэр О. Указ. соч. С. 110.

и возможности социальной, а не только географической, подвижности «центра». Впрочем, та и другая в большинстве случаев совпадают.

В связи с этим не учитывающим всей динамики развития внутриимперских отношений представляется нам подход немецкого политолога В. Бюля, согласно которому основная дилемма империи – это дилемма контроля и кооптации в отношениях центральной и местной элит²⁸². То же можно сказать и о рассуждении А. Ф. Филиппова: «Центральная элита обычно без затруднений справляется с парадоксом, суть которого в том, что отдельная группа отождествляет себя со всеобщим. Этому способствует господство иерархической модели дифференциации общества. Периферийные элиты могут либо отождествлять себя полностью с империей, либо, напротив, отчетливо тематизировать свою особость и особость своей обозримой социальной области. Империя устойчива, покуда гармонизированы отношения центральной и периферийной элит и периферийные элиты балансируют между этими крайними возможностями»²⁸³.

Самая простая разновидность перемещения «центра» – это перенос столицы, который почти во всех случаях не означал кардинального перерождения империи. Еще Макиавелли советовал «государям» переселяться на захваченные территории, рассматривая это как один из наиболее эффективных способов их удержания. «Центральные правительства универсальных государств имеют определенную тенденцию изменять с течением времени свое место пребывания», – отмечал А. Тойнби²⁸⁴. Однако переезд государственно-бюрократической верхушки империи и ее прочное обоснование на новом месте вполне могут повлечь за собой такое масштабное перемещение экономических, военных, культурных и прочих ресурсов, которое будет

²⁸² См. об этом: А. Ф. Филиппов. «Наблюдатель империи»... С. 108.

²⁸³ Там же. С. 106.

²⁸⁴ Тойнби А. Указ. соч. С. 509.

означать серьезную перестройку данного организма и в какой-то степени его видоизменение.

Географическая подвижность центра, возможность его переноса из региона в регион свойственна в основном лишь континентальным империям. Наиболее яркие известные примеры – переезд императорского двора из Рима в Константинополь, основание Петербурга и т.д. Немало проектов переноса столицы СССР выдвигалось в период его кризиса.

Из колониальных империй только в Португальской однажды возникли предпосылки глобального «передвижения» имперского «центра». Планы перенести столицу монархии в американские владения имели хождение при португальском дворе еще до появления угрозы метрополии со стороны Наполеона. Когда же эта угроза стала реальностью, а затем, в 1807 г., началось вторжение французских войск, королевское семейство и вместе с ним около 15 тыс. человек «из числа первых семейств королевства, самых зажиточных и влиятельных», отбыли в Бразилию²⁸⁵. После этого заокеанская переселенческая колония стала «местом притяжения, куда стекались все активные элементы португальской колониальной империи»²⁸⁶. Только вследствие серии революций, происшедших как в Америке, так и в бывшей метрополии, перед правящей династией в начале 1820-х гг. возникла дилемма: Бразилия или Португалия. Удержать оба эти владения под одной властью в тех условиях оказалось невозможно. В результате произошло разделение королевского дома, Бразилия в 1822 г. была провозглашена самостоятельной империей и начала существование, не зависимое как от Португалии, так и от оставшихся у нее колоний.

При оценке этого поставленного историей эксперимента, хотя и неудавшегося, обращает на себя внимание прежде всего то обстоятельство, что перенос «центра» в данном случае был вызван не потребностью удержания и освоения

²⁸⁵ Помбу Р. История Бразилии. М., 1962. С. 283.

²⁸⁶ Культура Бразилии. М., 1981. С. 23.

вновь завоеванной или ранее пребывавшей в забвении периферийной территории, а наметившимся изменением соотношения сил в империи. Португалия к тому времени уже превратилась в захолустное европейское государство, зависимое от более сильных соседей по континенту. В то же время Бразилия, будучи уже сформировавшейся новой страной со своими интересами, обладала огромными ресурсами и потенциалом развития, значимость которых стала уже очевидной. Бразилия обеспечивала желанную безопасность от иноземного вторжения. Более того, с территории Бразилии «центр» мог успешно осуществлять экспансию, столь важную для нормального функционирования империи. Подтверждением этого служит оккупация французской Гвианы, а также оккупация и впоследствии аннексия «Сисплатинской провинции» (Уругвая). Возможным вариантом развития событий представляется превращение Португалии и ее колоний в Африке, Азии и на Тихом океане в «придаток» Бразилии. Все это демонстрирует, на наш взгляд, возможности развития и трансформации имперской системы без изменения сущности данного феномена.

Пример Португалии свидетельствует о том, что развитие имперской системы может привести к возникновению дуализма в управлении метрополией и наиболее значимым ее владением (значимость в данном случае может определяться географическими, демографическими, экономическими, культурными, но прежде всего политическими характеристиками). Такой дуализм может получить официальное политико-юридическое оформление. Это опять-таки более вероятно в континентальных империях: яркий пример – преобразование державы Габсбургов в 1867 г. в Австро-Венгрию. Однако подобие такого дуализма возможно и в колониальных образованиях. Э. Клейтон, например, пишет в своем исследовании, посвященном межвоенному периоду: «...Значимость сцепления Британии и Индии и степень автономии, которой пользовалась Индия даже в стратегических вопросах, в те времена были так велики, что

казалось, будто империя имеет две столицы – Лондон и Нью-Дели»²⁸⁷.

В процессе экспансии империи, смены ее направлений, изменения границ происходит образование своеобразных «точек сцепления» империи с другими политико-государственными образованиями и «пространствами». Такими «точками сцепления» становятся, в частности, форпосты-анклавы. Ключевая роль этих форпостов в развитии имперской экспансии на новых направлениях, равно как и в закреплении результатов этой экспансии, была рассмотрена ранее. «Точки сцепления» возникают также при разделе (как правило, неравном, в противном случае речь идет не о «сцеплении», а о «соприкосновении») владений и «сфер влияния» с другими имперскими образованиями.

Иногда даже самые захолустные и, казалось бы, мало-значимые части империи, будучи в положении «точек сцепления», могут сыграть в ее судьбе реальную роль. Примером служит развитие событий на периферии Французской колониальной империи после капитуляции метрополии в войне с гитлеровской Германией. К тому времени имелись три реальные «точки сцепления» Французской и Британской империй: острова Сен-Пьер и Микелон (микроскопическое французское владение, оставшееся от потерянной некогда Канады и в стратегическом отношении полностью от нее зависящее), небольшие анклавы, которые в свое время Франции удалось сохранить в Индии, и кондоминиум Новые Гебриды в Океании, которым Франция владела вместе с Британией. Вряд ли многие жители метрополии слышали о существовании данных колоний. Однако после ее разгрома и капитуляции именно эти частички имперской периферии быстрее и легче всего перешли под контроль де Голля и «Свободной Франции». На новых Гебридах это произошло уже 18 июля 1940 г. и стало толчком и сигналом для всех французских колоний в Океа-

---

²⁸⁷ Clayton. A. Op. cit. P. 3.

нии²⁸⁸. Таким образом, небольшие владения выполнили роль своеобразного символического плацдарма, с которого движение Сопrotивления начало отвоевывать у правительства Виши империю, а затем и саму Францию. Интересно также, что среди французских колоний в тропической Африке одними из первых на стороне де Голля оказались Камерун, часть которого лишь за 20 лет до того была отобрана у Германии и в котором опасались возвращения германских колонистов, удалившихся ранее на испанский остров Фернандо-По, и Чад, где губернатором был негр Эбуэ, а местное население было заинтересовано в активной торговле с британскими владениями в соседней Нигерии²⁸⁹.

Степень «включенности» того или иного элемента в имперскую систему может быть различной. Определяется она, как правило, весьма субъективно, в соответствии с пристрастиями и вкусами наблюдателя. Приведем пример двух противоположных трактовок степени вовлеченности Кавказа в российскую/советскую имперскую систему. Ю. Каграманов в цитированной уже статье утверждал: «...Феодальная верхушка Кавказа приняла, по крайней мере отчасти, предложенные Россией правила игры и сама подключилась к делу строительства империи, видя в ней наследницу не совсем забытой еще Византии». И далее: «Кавказ глубоко освоен русской культурой (в отличие не только от Средней Азии, куда русские пришли гораздо позже, но и от Прибалтики, завоеванной столетием раньше). ... В свою очередь Кавказ в лице местной интеллигенции встречно тянулся к русской культуре...»²⁹⁰. С другой стороны, азербайджанский публицист Эл Мехтиев предупреждал в 1990 г. об опасности грядущих конфликтов, корни которых «восходят к концу XVIII и первой четверти XIX в., когда Кавказ был поглощен империей, оставаясь по сей день

²⁸⁸ См.: Голь Ш. де. Военные мемуары. 1. Призыв. 1940–1942 гг. М., 1957. С. 149.

²⁸⁹ Там же. С. 134.

²⁹⁰ Каграманов Ю. Указ. соч. С. 151.

в ее чреве непереваренным камнем, и когда Азербайджан по линии Аракса был разделен между Россией и Ираном»²⁹¹. В словах каждого из авторов есть своя логика. Но вряд ли в данном случае истина лежит посередине. Скорее следует предположить, что «степень вовлеченности» также может меняться соответственно изменению самого элемента империи. Кроме того, необходимо учитывать различия, которые могут быть в этом отношении между различными сферами жизни имперского социума. Эндру С. Томпсон, например, обращал внимание на то, что в конце XIX в. различные части Британской империи по-разному воспринимались политическим сознанием и культурой Британии²⁹².

Возвращаясь к вопросу о трансформации имперских составляющих в рамках единой «работающей» системы, можно отметить, что ее ярким примером служит эволюция «туземных» владений колониальных держав. Меняется не только экономическая специализация и социальная структура общества, но и облик страны. Недаром большинство важнейших городов современного третьего мира являются «имперскими» по своему происхождению. Это либо административные центры, основанные теми же европейцами для управления уже завоеванными территориями, либо бывшие «колонии-форпосты», служившие европейцам стартовой площадкой для освоения новых регионов.

Территория, выполняющая в рамках имперской системы функции форпоста, редко сохраняет преемственность с предшествующим типом своего развития (в качестве исключения можно привести Мальту). Сформировавшийся в новых условиях социум обретает собственную структуру и традиции. После распада империи он может образовать новую, вполне успешную (Сингапур) или не очень успешную (Джибути) страну. Даже входя в состав другого государства, такая территория, как пра-

---

²⁹¹ Атмода. 1990. 5 марта.

²⁹² Томпсон Э. С. Имперские языки: постскрипtum для // AB IMPERIO. 2005. № 2. С. 65.

вило, становится особой его частью, сохраняя свою специфику. В первую очередь это относится к колониальным форпостам, причем не только к таким значительным, как поглощенный Китаем Гонконг, но и к Гоа, Пудучерри (Пондишери), Диу и ряду других территорий, вошедших в состав Индии, Уолфиш-Бей, оказавшемуся частью Намибии, и др.

ЧТО ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ ИМПЕРСКАЯ (НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ) ОБЩНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ?

В силу своей природы любая империя сталкивается с противоречием между стремлением к унификации и универсализации своего внутреннего социального пространства и необходимостью признания его многообразия. Напомним, что объективное разнообразие составляющих – одна из главных характеристик империи как таковой. Сохранить это разнообразие, как и умножить его через дальнейшее расширение имперских границ, можно, лишь проявляя известную терпимость к чужому. Павел Крусанов, автор «имперского» фантастического романа «Укус ангела», пишет об «официальном космополитизме империи», о том, что «звание гражданина империи здесь всегда важнее национальности». Ряд апологетов империи, как уже отмечалось, провозглашают терпимость к базовым принципам империи, что, однако, не соответствует историческим фактам. Любой завоеватель, любое правительство, обладающее достаточными возможностями, так или иначе стремятся подогнать своих подданных под единый собственный стандарт. Таким образом, противоречие в данном случае проистекает из столкновения двух базовых принципов имперской природы.

Между тем это противоречие может быть преодолено. Единство имперского организма, его системное содержание не могут не найти отражения в нравах, обычаях, сознании людей, населяющих империю. Это означает, в частности, неизбежное

для империй Нового и Новейшего времени формирование наднациональной общности, возникающей как результат длительного существования различных народов в рамках единого политического, социального и экономического организма.

И.Г. Яковенко предположил, что «если базовый интегратор национального государства – нация, то базовый интегратор традиционной империи ... – Идея. Она возникает в ценностях Веры (идеологии) и особом социокультурном комплексе – имперском сознании. На уровне отдельного субъекта имперское сознание реализуется в формах конфессиональной (идеологической) самоидентификации: правоверный, добрый католик, православный, советский человек»²⁹³. Трактовка коммунистической идеологии как своеобразной формы религии в настоящее время достаточно широко распространена и, безусловно, имеет определенное основание. Однако сводить имперскую идентичность к конфессиональной по сути, на наш взгляд, так же неверно, как и, наоборот, конфессиональную к имперской.

«Базовым интегратором» империи, как и любого другого устойчивого государственного образования, является некая особая общность, характеризующаяся, подобно нации, наличием особой самодостаточной традиции, переплетающейся с традициями, но несводимой ни к одной из них. Нельзя отделять имперскую идею от самой империи, а саму империю – от населяющих ее «субъектов». «Империя – это и люди, это особый менталитет», – обоснованно напоминает в конце своей статьи Л. С. Гатагова²⁹⁴. Именно в этом, а не в конфессиональном контексте и следует, на наш взгляд, рассматривать общность, сложившуюся за семидесятилетие существования СССР.

Академик Ю. В. Бромлей, один из творцов концепции «советского народа», в конце концов признал, что данная исто-

²⁹³ Яковенко И. Г. От империи к национальному государству... С. 119. См. также: Российское государство... С. 155.

²⁹⁴ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 351.

рическая общность не была «уникальной»²⁹⁵. Однако это только подтверждает объективную реальность ее существования. В равной степени пристрастными представляются трактовки этой общности и как «единого советского народа – новой социальной и интернациональной общности»²⁹⁶, и как «хамского “советского народа”»²⁹⁷. Хотя вряд ли были абсолютно правы и те западные советологи, которые полагали, будто «советский народ» – это «не более чем идеологическая конструкция, метафора того, что должно быть, а не описание того, что есть на самом деле»²⁹⁸. Возникшая общность, как и любая другая, была далека от какого бы то ни было идеала (или антиидеала), но ее формирование было вполне закономерным процессом.

Авторы одной из статей, опубликованной в бюллетене «Век XX и мир» вскоре после распада СССР, отмечали: «...Семь десятилетий совместного проживания, хотим мы того или нет, сформировали таки некоторые общие черты, ставшие родовыми признаками “советского человека”. И пресловутый “*homo soveticus*” – вовсе не плод публицистического разума».

Тем не менее вряд ли стоит ставить знак равенства между «советским народом» и «российской нацией», рассматривать их как этапы развития одной и той же общности или, по крайней мере, полагать, что второе легко может быть сформировано на базе первого.

В основе «советской» общности лежит определенная культурная традиция, которая не является простым синтезом национальных культур народов империи. Традиция эта, возможно, и была лишена «исторических корней», но развивалась быстро и бурно, породив многообразие и богатство, которому могут позавидовать многие создававшиеся веками «национальные» культуры. В ее «активе» имелась не только «романтика рево-

---

²⁹⁵ См.: Бромлей Ю.В. «Этнический парадокс» современности в историческом контексте // Новая и новейшая история. 1989. № 5. С. 62–69.

²⁹⁶ Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981. С. 57.

²⁹⁷ Дружба народов. 1995. № 12. С. 187.

²⁹⁸ Imperialism and After. P. 58.

люции, воспеваемая бардами-шестидесятниками», как это утверждают некоторые авторы²⁹⁹. При этом имперская культура действительно «развивается, в значительной степени, как воспевание власти»³⁰⁰, но в столь же значительной степени может представлять собой и критику той же власти. И то и другое может делаться талантливо и искренне. Знаменитая песня Виктора Цоя «Мы хотим перемен» останется таким же достижением советской (т.е. имперской) культуры, как и, например, фильм «Коммунист» Юлия Райзмана. Значительная же часть этого культурного потока, как и всякого другого, вовсе аполитична.

Каждая сфера жизни человеческого общества достаточно автономна. Поэтому состояние (периоды подъема и упадка) имперской культуры и состояние имперской системы в целом не обязательно должны совпадать. Советская культура 1960–1970-х гг. оказалась столь мощным явлением, одновременно целостным и многообразным, что представляла собой мощный центр притяжения в течение двадцати лет, последовавших после распада СССР. Однако культурная жизнь ни новой России, ни большинства других бывших составляющих Союза оказались не в силах в этот период составить достойную конкуренцию его культурному наследию. И наследие это в большинстве своем оказалось невозможно разделить по национальным квартирам. Так, лучшие фильмы Георгия Данелия и в период своего создания, и в постимперских условиях невозможно отнести ни к русской (российской), ни к грузинской культурной традиции. Они остаются принадлежностью именно советской культуры.

Любое подобное деление, конечно, условно. Художник – это прежде всего индивидуальность. Речь идет о том, в каком культурном контексте, кем и как его творчество может быть востребовано. В данном случае немаловажную роль играет проблема идентичности. Идентичность самого художника

---

²⁹⁹ Травина Е. Старые мифы о главном // Звезда. 2007. № 11. С. 142.

³⁰⁰ Верхотуров Д. Н. Идея сибирской самостоятельности вчера и сегодня. М.; Владимир, 2009. С. 324.

и его творчества может быть одновременно двойной, тройной и так далее. Иногда это четко прослеживается. Так, в творчестве Раймонда Паулса, одного из самых популярных композиторов СССР поздних лет его существования, постоянно присутствовали советская и латышская составляющие. Да и многие другие произведения искусства имели интернациональный характер, создавались совместно художниками, принадлежащими к разным культурным традициям или стоящими над ними. Специфика культурного потока империи заключается в том, что он является достаточно цельным в своей многообразии и развивающимся по своему особому руслу. При этом само тело империи, а не ее идеология, может в первую очередь определять данное русло. Песня «Ноктюрн», написанная армянином Арно Бабаджаняном на стихи русского Роберта Рождественского и исполняемая азербайджанцем Муслимом Магомаевым, не имеет никаких политических коннотаций, но она вряд ли появилась бы вне контекста советской культуры.

При этом география существования данной традиции после распада империи может и не совпадать с ее бывшими границами, что отражает, с одной стороны, степень реального включения в имперскую общность населения тех или иных владений (где-то большую, где-то меньшую), а с другой – миграцию наиболее интегрированных в эту общность групп населения. Интересно, с нашей точки зрения, было бы проанализировать в этом отношении состав современной лиги КВН, в которой не представлены некоторые бывшие советские республики, но зато активно участвуют команды из Израиля, Германии и США.

Формирование имперской общности частично является следствием проводимой государством целенаправленной политики идентичности. Однако во многом этот процесс носит объективный характер и связан с уже рассмотренной тенденцией к превращению империи не только в единый политический, но и в единый экономический и социальный организм.

Определенная общность людей неизбежно складывается в рамках любого политико-государственного образования, и империя в данном случае не является исключением. Осознанное или неосознанное чувство принадлежности к такой общности не обязательно должно противоречить национальной идентичности, и вполне может быть найден способ их сосуществования. При этом у разных людей в разные периоды их жизни может превалировать как «этническое», так и «метаэтническое» или «этатистское» самосознание (терминология Ю.В. Бромлея). Социологические исследования, проведенные в Соединенном Королевстве в начале 1980-х гг., показали, что «британцами» (а не «англичанами», не «шотландцами» и др.) идентифицировали себя 38% взрослого населения Англии, 35% – Шотландии, 33% – Уэльса, 67% – Ольстерских протестантов и 15% – Ольстерских католиков³⁰¹.

Специфика империй состоит в том, что различий в идентичности населяющих ее групп больше, чем в других государственных образованиях. Именно поэтому метаэтнические общности, возникающие все же в рамках империи, обладают значительной устойчивостью, что лишний раз свидетельствует о масштабности перемен, происходящих в этих рамках. Большое значение для поддержания имперской идентичности имеет практика «великих свершений», военных испытаний и побед, освоения новых пространств, особая роль городов в имперских системах (как управленческих, торговых, военных, образовательных центров), утверждение общих стандартов городского быта, досуга и т.д.

Если имперская система успешно функционировала в достаточно долгий исторический период, то порожденная ею общность может оказаться настолько устойчивой, что переживет, по крайней мере в некоторых своих проявлениях, развалившуюся державу на многие десятилетия. Немецкий

---

³⁰¹ См.: Rose R. Understanding of U.K. The Territorial Dimension in Government. London, 1982. P. 12.; Kavanagh D. British Politics. Continues and Change. Oxford, 1985. P. 14.

писатель Франц Фюман (сам дитя имперских распадов – выходец из Судет, осевший в ГДР), путешествуя в середине 1970-х гг. по Венгрии, писал в путевом дневнике, обращаясь к себе самому: «Ты ищешь понятия для следующего факта – распространение специфических черт городского образа жизни и гостеприимства на территории бывшего государства Габсбургов. И вот простой пример вместо утомительного описания: “яйцо в бокале” известно в любой дыре между Веной, Прагой, Будапештом и Львовом, но, кроме первоклассных ресторанов, не известно нигде в Саксонии, Бранденбурге, Силезии. Как назвать эту общность? “Каканской”? (от иронического названия Австро-Венгерской империи – “Kakanien”, основанного на сокращении “K. und K.” – “Kaiserlich und studies? Koniglich” – имперский и королевский”, которое ставилось перед названием всех ее ведомств и учреждений, например “K. und K. Post” (нем.) – “имперская и королевская почта”. – примеч. ред. книги), – в этом уже с самого начала заключена слишком отрицательная оценка. “Австрийской” – отрицает многонациональное происхождение этого блюда, “Юго-восточноевропейской” – тогда выходит “Юго-Восточная Европа” начинается северо-западнее Баварии и кончается на греко-албано-болгаро-румынской границе, назвать “Балканской” или “Левантийской” будет совсем неверно. Ну так как же? В бывшем владении Габсбургов” – почему бы не так? Что в этом определении плохого?..»³⁰². Какими неисповедимыми путями господство Габсбургов смогло повлиять на обычай подавать яйцо на стол в бокале – неизвестно. Но, по нашему мнению, в данном писа-

³⁰² Фюман Фр. Двадцать два дня, или Половина жизни // Фюман Фр. Половина жизни. Избранная проза. М., 1982. С. 276. Интересным образом с текстом Фюмана перекликаются рассуждения редакторов журнала «AB IMPERIUM» о кризисе западной «русистики»: «Чем они занимаются? Историей СССР? Его нет, какова актуальность изучения давно распавшегося государства? Russian History? Кто такие «русские» (и что делать со всеми остальными)? История Евразии? Но почему тогда она посвящена в основном Восточной Европе, игнорируя Индию и Китай? Slavic Studies? А что делать с тюрками и евреями?» (Герасимов И., Могильнер М. Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему идет? // 2007. Логос № 1 (58). С. 222.

тельском рассуждении схвачена самая суть рассматриваемой проблемы.

Общие узнаваемые культурные символы и обычаи могут достаточно долго сохраняться в культурной жизни и в повседневности бывших владений и после распада колониальных империй (коррида в испанской Америке, крикет и ранний утренний чай на территории бывшей Британской империи и т.п.).

Уместно в этом смысле вспомнить рассказ Йозефа Рота «Бюст кайзера», о котором идет речь в статье Д. Е. Фурмана. Герой рассказа – старый австрийский генерал, живущий в своем имени, оказавшемся на территории ставшей независимой Польши. По просьбе местных властей он вынужден снять с пьедестала у себя перед домом бюст Франца-Иосифа. Генерал решает устроить бюсту пышные похороны, в которых неожиданно решают принять участие люди самых разных национальностей, живущие в округе, – украинцы, поляки, евреи... «Кого же хоронили со слезами на глазах все эти разные люди? – задается вопросом Д. Е. Фурман и тут же отвечает: “Тюрьму народов”, Австро-Венгрию, которая была их общей родиной, и их общей молодостью, и “добрым старым временем”»³⁰³.

В то же время наличие общей идентичности, в той или иной степени признаваемой большинством населения империи, не является такой уж надежной опорой, препятствующей ее распаду.

Некоторые авторы склонны неоправданно абсолютизировать имперскую идентичность. Г. Г. Феоктистов, например, полагает, что «империя иерархического типа» способна превратиться в национальное государство «с гражданской нацией, объединяющей все этносы и кланы»³⁰⁴. Против этого говорит, в частности, то обстоятельство, что империя, как отмечалось, уже в силу своих масштабов не только нивелирует существующие нации, но и создает новые.

---

³⁰³ Фурман Д. О будущем “постсоветского пространства”. С. 49.

³⁰⁴ Феоктистов Г. Г. Указ. соч. С. 106.

Имперская идентичность, как правило, в той или иной мере сочетается у индивидов в первую очередь с этнической идентичностью или же с конфессиональной, если деление на конфессии является более значимым, чем деление по этническому принципу (например, в Османской империи в основной период ее существования). Еще одним важным ее компонентом может быть региональная идентичность, особенно там, где в течение длительного времени существовал конгломерат государств со сходным этническим составом, или там, где возникают переселенческие территории.

При этом идентичность на основе принадлежности к единой империи в разной степени характерна для разных типов народов, ее населяющих. В наибольшей мере она свойственна представителям господствующего (государствообразующего) народа, а также представителям так называемых «малых народов» империи (для которых принадлежность к ней является определенной гарантией от поглощения и ассимиляции более крупными соседями, возможно, к данной империи относящимися) и народов, рассеянных по имперскому пространству. Вероятно, эта идентичность также более свойственна городскому населению, чем сельскому. Однако не во всех случаях.

Даже во времена расцвета империи осознание идентичности с ней характерно не для всех ее подданных. Для некоторых из них империя, напротив, выполняет роль «другого», отталкиваясь от образа которого, они ощущают идентичность другого рода. Безусловно, прав М. Урнов, утверждая, что «идентификационная система любого субъекта, будь то индивид или социальная группа, – феномен очень сложный», что она включает в себя многочисленные предметы идентификации, выстроенные по иерархическому принципу, но довольно противоречиво, «с огромным числом обратных связей»³⁰⁵. Более того, в современных условиях эта система усложняется еще больше, и, как пишет другой автор, «на первый план выходят

---

³⁰⁵ Урнов М. О национальной идентичности // Вестник московской школы политических исследований. 1996. № 6. С. 171.

лояльности региональные, культурные, конфессиональные, стилевые»³⁰⁶. В ряде случаев чувство принадлежности к какой бы то ни было общности не играет особой роли, и человек полагает себя «гражданином мира» и считает себя принадлежащим лишь к роду человеческому.

Определить тот след, что оставила империя в менталитете населявших ее народов, представляется задачей более сложной, чем поиск у них восходящих к империи общих черт образа жизни. В силу обширности пространства и значительности человеческих ресурсов любой империи единый общеимперский менталитет почти всегда существует не в чистом виде, а в «наложении» на специфические черты национального и регионального сознания. Кроме того, трудно отвлечься от обычного культурного влияния бывшей метрополии, которое, конечно же, может быть весьма ощутимо и в постимперский период.

---

³⁰⁶ Малахов В. Скромное обаяние расизма // Знамя. 2000. № 6. С. 180.

ПОЧЕМУ И КАК РАСПАДАЮТСЯ ИМПЕРИИ?

Очевидно, что в XX в. империи чаще рушились, чем создавались. Упадок империи как особой формы организации общества и пространства происходит вследствие развития двух взаимосвязанных тенденций, по сути являющихся двумя сторонами одного и того же процесса, – глобальной интеграции и одновременно повсеместной фрагментации, становящейся результатом усиления поисков «самобытности» и «непохожести». А.М. Салмин в одной из своих работ в 1992 г. высказал предположение о том, что империи, будучи функцией всей мировой системы, «исчезают не только и не столько в силу внутренних потрясений, сколько просто потому, что “мир стал иным”»³⁰⁷.

Не только противники, но и сторонники империй зачастую стремятся объяснить рост антиимперских настроений в период распада некими рациональными мотивами: первые считают эти мотивы истинными, а вторые – ложными. Например, М. Калашников и Р. Русов, имея в виду распад СССР, утверждают: «Глупые массы разрушили великую страну, так и не поняв этой великой миссии, думая, будто полеты в космос отбирают у них сосиски и колбасу»³⁰⁸. На самом деле рациональ-

---

³⁰⁷ Салмин А.М. Союз после Союза. Проблемы упорядочения национально-государственных отношений в бывшем СССР // Полис. 1992. № 1–2. С. 34.

³⁰⁸ Калашников М., Русов Р. Фрагмент из книги «Сверхчеловек говорит по-русски» // Сверхновая реальность. № 1. URL: <http://www.sverxnova.com/index.php?aid=13> (дата обращения: 16.04.2018).

ная мотивация в действиях представителей того и другого лагеря в условиях кризиса и распада имперских образований далеко не всегда является адекватной.

Технический прогресс, повышение уровня жизни и образования (особенно в развитых странах), распространение и углубление демократических норм и порядков привели к ломке многих пространственных, информационных, политических и идеологических барьеров между государствами. Появилась возможность апелляции к мировому общественному мнению. Уменьшилась значимость государственных границ.

С другой стороны, в большинстве случаев человек бывает не в силах оставаться «один на один» с миром. В противостоянии «большому» сообществу ему необходимо заручиться поддержкой «малого». Американский фантаст Пол Андерсон, столкнувшийся в одном из произведений два мира – объединенный в целое («Эутопия») и разделенный на огромное множество мелких государств («Вестфалия»), вложил в уста своего героя, представителя Эутопии, следующие рассуждения: «...Хуже всего, что мы стали исключительно единицами, у нас нет чувства принадлежности. Наша единственная обязанность имеет негативный характер: мы обязаны ни к чему не принуждать никого другого. ... Мы развлекаемся во время разных торжеств и церемоний, но я спрошу тебя: а какова их ценность? Мы сделали наш мир единым и потому его цвет и контрасты, потеряли гордость нашей непохожестью. ... Зато жители Вестфалии, несмотря на все их недостатки, знают, кто они, чему принадлежат и что принадлежит им. Свои традиции они не хоронят в книгах, это – часть их жизни. ... Они верят в свои ритуалы, верят, что стоит жить и умирать ради семьи, короля, народа. ... Если они смогли остаться такими, одновременно создавая науку и технику, разве не стоит нам поучиться у них?»³⁰⁹.

Конечно, «национальная ограниченность» имеет свои недостатки. Еще в конце XIX в. Бернард Шоу на примере Болгарии и Сербии едко высмеял этот феномен в пьесе «Человек и ору-

³⁰⁹ Андерсон П. Эутопия. М.: Флокс, 1993.

жие». Неприятие спесивой национальной ограниченности, тщателься в то же время во всем походить на «великих», стало одной из главных причин, приведших знаменитого драматурга и общественного деятеля, придерживавшегося левой ориентации, в лагерь тех, кто поддержал правительство в ходе Англо-бурской войны.

В целом же стремление к разнообразию заложено в самой человеческой природе. При нормальных условиях своего существования люди хотят жить в мире несхожих культур и традиций. Чем больше их будет, тем лучше. У некоторых творчески одаренных личностей это желание приобретает обостренную форму. Отсюда, вероятно, и возникают подвижники, немало сил кладущие на то, чтобы помочь другим народам возродить, а то и создать их культуру и язык, вроде немецкого поэта XIX в. Г. Зауэрвейна, писавшего стихи на лужицком, литовском, валлийском и корнуэльском. Сколько бы не возмущались великодержавные националисты и имперские ортодоксы тем, что в их времена создаются искусственные государства, искусственные народы и искусственные языки, попытки эти будут продолжаться.

Национализм является самым простым, а потому основным вариантом антиимперской мобилизации. «Исторический факт, как мобилизующая политическая сила – возрождение общности, утверждение идентичности, становление новых культурных практик – повсюду в не-европейском мире побуждал и поднимал на борьбу против господства Запада. Борьба с этим не более уместно, чем бороться с ньютоновским законом всемирного тяготения», – писал Э.В. Саид³¹⁰.

С другой стороны, чтобы сохранить себя и нормально развиваться, каждая «непохожесть», как правило, должна обладать и своей территорией. Те же подвижники, стремящиеся разнообразить мир, заботятся и о сохранении собственного «дома». Этот же «дом», или по крайней мере «отдельную квар-

---

³¹⁰ Саид Э.В. Указ. соч. С. 443.

тиру», хотело бы иметь, наверное, большинство тех, кто желает жить в мире «разнообразия».

Тяга к полифоничному, многоцветному миру усиливается с развитием цивилизации. Это одна из причин кризиса «имперско-державной» формы организации общества, а также «национального государства».

Однако стоит вспомнить, что империя, как было показано, сама по себе тоже есть «непохожесть» и представляет собой часть «разнообразия». Косвенно это признают даже наиболее яростные противники империи в момент противоборства с ней. «Наши политические противники – люди из принципиально другой цивилизации, – писала в 1989 г. Лариса Лисюткина, – у них другие представления о добре и зле, другая культурная символика. Мы не можем чтить их святыни и в те юбилеи, когда они маршируют с флагами и песнями, мы проливаем слезы. У нас и у них разные праздники, разные герои и разная скорбь»³¹¹. После распада империи кто-то может сказать то же или почти то же самое, если не о «представлениях о добре и зле», то уж по крайней мере о новых «праздниках и юбилеях» или о «культурной символике». Именно поэтому империя может исчезнуть как «функция», но не как «культура» и «традиция».

Рассмотренные факторы определяют общую тенденцию кризиса «имперства». Однако существуют и конкретные причины распада любой империи.

Одной из них является длительное несоответствие между усилиями и ресурсами, затрачиваемыми на удержание владений, и позитивно оцениваемыми (элитой и массами) следствиями этого удержания. Такое несоответствие приводит к распространению критических настроений по отношению к проблемным владениям («хватит с ними возиться», «хватит их кормить» и т.п.). Следующий шаг – то самое «Отчаливайте!», описанное Бернардом Шоу в «Другом острове Джона Буля».

Любопытно в связи с этим отметить, что если при анализе распада СССР акцент делается обычно на предпосылках

³¹¹ Атмода. 1989. 30 октября.

более общего плана, то причины распада Британской империи в настоящее время, напротив, анализируются, как правило, исходя из конкретных условий, в которых протекал этот процесс.

Резюмируя дискуссии последних десятилетий вокруг вопроса «Почему распалась Британская империя?», В.Д. Макинтайр пишет: «Историки согласны с тем, что его необходимо рассматривать на трех уровнях – метрополии, глобальном (имеются в виду отношения империи с внешним миром. – *О.П.*) и колоний, но далеко расходятся в оценке значимости, придаваемой каждому из них»³¹². Те же три уровня – метрополии, периферии и глобальный, вероятно, могут быть выделены при анализе причин распада любого другого имперского образования, включая СССР. При этом процессы, происходящие в метрополии и на периферии, естественно должны непосредственно сопоставляться друг с другом, а глобальный уровень предполагает сравнение потенциала и состояния всей империи с потенциалом и состоянием ее противников и конкурентов на мировой арене.

Таким образом, все конкретные причины распада любой империи, с нашей точки зрения, могут быть сведены к изменению соотношения сил как внутри, так и вне данного имперского образования. Внутри – между «центром» и «периферией», между общеимперскими институтами и антиимперскими настроениями. Вне – между центрами притяжения на мировой арене (не обязательно имперскими по своей природе), а также между способностью империи обеспечивать влияние за пределами своих границ и негативным отношением к ней в мировом сообществе и общественном мнении. Другой вопрос, что именно, какие факторы меняют соотношение сил.

Внешний фактор очевиден, если империя перед распадом терпит военное поражение от более сильной державы или группы держав. Однако его влияние обнаруживается, даже если распад империи происходит в мирное время. Империя не мо-

---

³¹² McIntyre W.D. *British Decolonization, 1946–1997. When, Why and How did the British Empire Fall?* London, 1998. P. 79.

жет «развалиться сама, без мощных толчков извне». Но толчки эти не обязательно должны представлять собой прямое военное давление или организацию некоего заговора. Это может быть экономический перевес, победа в соревновании идеологий, наконец, демонстрация динамики развития и процветания на фоне застоя и упадка. В результате меняются «гравитационные поля» мировой политики. Британцы и французы не без основания полагают, что в большой степени обязаны распадом своих колониальных империй после Второй мировой войны Соединенным Штатам и Советскому Союзу. Де Голль, например, в своих мемуарах пишет о роли «пропаганды и обещаний Америки, России, Китая» в процессе распада французской колониальной империи³¹³.

Возможность воздействия супердержав на колониальную периферию во многом стала следствием ослабления позиций ведущих европейских стран в области экономики и военной сфере. «И с точки зрения экономической мощи, и с точки зрения военной силы европейские страны несомненно оказались на заднем плане», – делал вывод П. Кеннеди, проведя сравнение совокупного потенциала Британии, Франции и Италии с потенциалами США и СССР на рубеже 1940 и 1950-х гг.³¹⁴ Однако впоследствии западноевропейские страны укрепили свои позиции. А пойдя по пути интеграции и достигнув устойчивого экономического роста, они стали, даже если бы отсутствовала на то политическая воля их руководителей, весьма мощным центром притяжения для многих «формальных» и «неформальных» составляющих Советской империи. Точно так же значительно усилившаяся Турция в немалой степени «оттянула на себя» тюркские республики СССР.

Можно лишь с оговорками согласиться с мнением Д. Е. Фурмана о том, что, «хотя Австро-Венгрия и Турецкая им-

³¹³ Gaulle Ch. de. Memoires d'Espoir. Vol.1: Le Renouveau. 1958–1962. Paris. 1970, P. 42.

³¹⁴ Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. London. 1989. P. 476.

перия были, безусловно, стареющими разлагающимися образованиями, они все же не столько умерли от старости, сколько были «убиты» державами-победительницами в первой мировой войне»³¹⁵. По крайней мере такое «убийство» не входило первоначально в намерения этих держав или просто находилось за пределами их возможных ожиданий. То же можно было сказать и о большинстве их союзников из числа представителей освободительного движения. «Никто не вступал в войну для того, чтобы разрушить Германскую, Российскую, Оттоманскую или Габсбургскую империи, – пишет американский историк венгерского происхождения Бела Кирали, – и уж, конечно, никто не стремился создавать первое социалистическое государство – СССР. Никто, даже Ленин, не мечтал о возникновении его в ближайшем будущем. Все это были непредвиденные последствия Первой мировой войны»³¹⁶. Д. Ливен утверждает в отношении державы Габсбургов: «За очень небольшим исключением, различные национальности и не желали разрушения империи, и не верили, что в их силах сделать это»³¹⁷. Судьбу Австро-Венгрии решили не субъективные желания и воля политиков, а объективно происходившие процессы постепенного разрушения имперской системы, обусловленные воздействием как внутренних, так и внешних факторов. Как точно заметил А. Стыкалин, «не только поражение Германии, но и ее несостоявшаяся победа с дальнейшим усилением мощи означали бы для Австро-Венгрии политический проигрыш»³¹⁸. Развитие событий внутри державы Габсбургов при таком варианте вероятнее всего было бы аналогично развитию событий внутри Британской империи

³¹⁵ Фурман Д. Е. О будущем «постсоветского пространства» // Свободная мысль. 1996. № 6. С. 40–41.

³¹⁶ Kiraly B. K. Total War and Peacemaking // Essays on World War I: Total War and Peacemaking, A Case Study on Trianon // War and Society in East Central Europe. Vol. 6. P. 16.

³¹⁷ Lieven D. Op. cit. P. 626.

³¹⁸ Стыкалин А. «Европейская необходимость» и наследие Габсбургов // Свободная мысль. 1997. № 6. С. 125.

после Второй мировой войны. По сути, то же самое, вероятно, ждало бы и Россию, если бы она оставалась в лагере Антанты до победы этого блока в Первой мировой.

Бесспорные примеры сознательного «убийства» империй – решения Венского конгресса, а также перекройка карты мира после разгрома гитлеровской Германии и Японии. Но и в этих случаях нельзя игнорировать роль внутренних факторов, особенно с учетом скороспелости ликвидированных образований, в силу которой процесс интеграции приобретенных владений и подавления организованного сопротивления завоеванных народов был далек от завершения к моменту решающего военного поражения. Поэтому отчасти можно согласиться с суждением И. Яковенко о том, что «действие как внешних интеграторов, так и внешних дезинтеграторов не следует преувеличивать. В общем случае внешним силам удается реализовать сценарий раздробления (или, соответственно, сохранения) только тогда, когда вектор внешнего воздействия совпадает с балансом внутренних факторов»³¹⁹. Но только если вести речь о наличии внутренних факторов, а не о том, что они непременно играют ведущую роль.

Распад СССР необходимо отнести к числу тех случаев, в которых внутренние факторы играли, безусловно, ведущую роль. Сложность ситуации заключается в том, что распад империи сопровождался радикальной сменой социального строя и политического режима. При этом соотношение различных факторов было, вероятно, одинаковым для всех трех составляющих. Несмотря на очевидную несостоятельность и легко объяснимую психологическую мотивированность различных конспирологических теорий, игнорировать внешние факторы невозможно. При всей спорности многих суждений А. Зиновьева трудно что-то возразить, например, против следующих его слов: «Переворот, который произошел в горбачевские

³¹⁹ Яковенко И. Страна в имперской ловушке. О естественных границах и оптимальных размерах территории России. URL: <http://www.online.ru/spflet/eurasia/sept99/jakovenk.html> (дата обращения: 16.04.2018).

и ельцинские годы, был результатом и внешних, и внутренних факторов – их разорвать нельзя. Нельзя отделить Холодную войну от того, что происходило в России. Не будь Запада, не было бы никакого диссидентского движения, не стали бы видеть рай на Западе и так далее. Этот переворот – это тоже результат, достигнутый в рамках современной западноевропейской цивилизации»³²⁰.

Соотношение внутренних и внешних факторов определяет форму и скорость распада империи. «Обвал» и «размывание» – этими терминами мы хотели бы обозначить два основных варианта развития данного процесса.

Под «размыванием» нами понимается процесс постепенного отделения от империи разных частей ее периферии в результате внешнего давления и внутренних конфликтов. Именно так прекратила свое существование Римская держава, а в Новейшее время – Британская и Французская колониальные империи. Процесс этот может длиться десятилетиями и даже веками. Его направленность становится ясной лишь в достаточно отдаленной исторической ретроспективе, так как отдельные серьезные неудачи и поражения любая империя может терпеть даже в периоды своего наивысшего развития.

Продолжительность периода «размывания» в какой-то степени увеличивает возможности для постепенного привыкания к новой действительности. С другой стороны, трудность осознания происходящего рождает немало иллюзий, заставляет радетелей империи сосредоточиваться на борьбе, которая может лишь оттянуть, но не предотвратить неизбежную раз-

---

³²⁰ Зиновьев А. Постсоветизм // Полит. Ру. 2005. 21 сентября. URL: <http://www.polit.ru/article/2005/09/21/psizm/> (дата обращения: 16.04.2018). Зиновьев также признавал, что революция 1917 г. и строительство социализма в СССР не «было простым результатом внутреннего развития России». Таким образом, его позиция была, конечно, значительно сложнее, чем позиция тех, кто видит роль Запада исключительно в сознательных «кознях», причем либо в 1917, либо в 1991 г. Хотя и Зиновьев многократно повторял, что СССР «убили».

вязку. Инерция этой борьбы иногда сохраняется даже после того, как распад становится свершившимся фактом.

«Размывание» обычно начинается с окраинных, наиболее удаленных от имперского ядра территорий. «Большую империю, как и большой пирог, легче всего уменьшить, обламывая по краям, – утверждал Б. Франклин в своих язвительных «Правилах, преподанных министру при вступлении его в должность». – Обратите поэтому ваше внимание сначала на ваши *наиболее отдаленные* провинции с тем, чтобы, когда вы избавитесь от них, за ними могли по очереди последовать другие»³²¹.

Продолжая сравнение с пирогом, Франклин советовал незадачливому министру «позаботиться о том, чтобы *провинции никогда не объединялись с метрополией*». «Тщательно создавая и сохраняя такие различия вы ... будете действовать как мудрый кондитер, который, чтобы облегчить себе резание пряника, заранее делает насечки на тесте в тех местах, по которым он должен разломить готовый пряник на отдельные части», – утверждал Франклин³²². На самом деле «кондитер» не может не делать свои насечки – это заложено в самой природе империи, в той самой иерархии, в которую неизбежно выстраиваются различные части империи исходя из разнообразия способов их включения в ее состав, неравномерности своего развития, постоянно возникающих противоречий между общеимперскими и региональными интересами и т.д.

В другом своем произведении будущий идеолог американской революции, не избавившись еще от иллюзий по поводу достижения согласия с метрополией, указывал другой фактор, определяющий степень устойчивости различных частей империи. Призывая в свидетели авторитет Никколо Макиавелли и ссылаясь на его «Государя», Франклин делал вывод о том, что «страна, полностью заселенная какой-то нацией, не является пригодным владением для другой, отличающейся от

³²¹ Франклин В. Избранные произведения. М., 1956. С. 347.

³²² Там же.

нее по языку, нравам и религии»³²³. Эти строки были написаны в начале 1760-х гг., когда после окончания Семилетней войны обсуждались условия заключаемого с побежденной Францией мира, и смысл данного произведения сводился к попытке доказать британскому правительству преимущества приобретения Канады и Луизианы перед удержанием за собой другого бывшего французского владения – Гваделупы. Показательно, что, опровергая один из доводов противников присоединения к Британской империи территорий, находящихся в глубине Американского континента, – их труднодоступность и удаленность от метрополии, автор трактата проводил параллель с современной ему Россией. «Никто не предвещает распада русской монархии по причине обширности России, и тем не менее позволю себе сказать, что ее восточные части уже сейчас гораздо менее доступны из Петербурга, чем область Миссисипи из Лондона», – писал Франклин³²⁴. Таким образом, речь фактически шла о том, что любые переселенческие колонии и территории – более прочная часть империи, чем «национальные» и «туземные» (хотя Гваделупа тоже относилась к переселенческому типу, но была раньше освоена, и возникновение нового социума там было более очевидно).

История немало поиронизировала над этими рассуждениями. Переселенческие американские колонии уже через десять с небольшим лет после написания памфлета отделятся от Великобритании (в чем самому Франклину и суждено будет сыграть довольно заметную роль). А, например, «туземная» Индия останется в составе империи еще на два столетия. Еще дольше в составе англоязычной «переселенческой» Канады будет оставаться отобранный у Франции Квебек, население которого, тем не менее, сохранит свой язык, культуру и «нравы». Впрочем, можно привести примеры, подтверждающие верность рассуждений Франклина (например, значимость Канады

---

³²³ Там же. С. 257.

³²⁴ Там же. С. 254.

для имперской системы оказалась большей, чем могла бы быть у Гваделупы).

Необходимо, видимо, констатировать, что степень этнической близости населения метрополии и населения колонии или имперской провинции не определяет прочность взаимной связи данных компонентов империи на том или ином этапе ее развития, в том числе в условиях назревающего или уже начавшегося распада. Существенное значение имеют такие факторы, как зависимость местной элиты от империи, степень ее интеграции в имперскую элиту, внутриэлитные отношения и др.

Другую форму распада империй можно определить, с нашей точки зрения, как «взрыв», или «обвал». Это не только завоевание извне с последующим переустройством постимперского пространства победителями (Наполеоновская держава, Третий рейх, Японская империя и др.), но и происходящая при благоприятных внешних обстоятельствах серия успешных национально-освободительных революций (Австро-Венгрия осенью 1918 г.), то же самое в сочетании с гражданской войной, дополнительно разрушающей прежде единое государственное образование (Россия 1917–1918 гг.), наконец, «радикальные реформы», заканчивающиеся также серией национально-освободительных революций и роспуском державы (СССР 1989–1991 гг.).

Результативность освободительного движения в разных частях империи при «обвале» может быть неодинаковой. Какие-то территории сразу завоевывают независимость, а какие-то могут остаться в составе старого имперского образования или войти в состав нового. Казанский историк и политолог Р.Ю. Беляков еще в начале 1990-х гг. предпринял, на наш взгляд, интересную попытку сформулировать «причины успешного завершения процесса обретения независимости» применительно к российским условиям 1917–1918 гг. Особое место среди них он отвел «психологической готовности» принять эту независимость, причем прежде всего в метрополии, а затем непосредственно на месте. Заслуживает внимания еще

один выделенный им фактор – «руководство процессами обретения независимости со стороны тех сил, которые наиболее последовательно руководствовались национальными идеями»³²⁵. В других аналогичных случаях (например, Австро-Венгрии) этот фактор, вероятно, мог и не работать. Тем не менее аналогичным образом можно, на наш взгляд, определить совокупность факторов, обуславливающих различие политических реалий, складывающихся в разных частях развалившейся империи (удержание рычагов власти прежней административной элитой, хаос войны «всех против всех» и т.п.).

«Обвал» может увенчать собой долгий период «размывания» империи. Такова была, например, судьба Оттоманской державы. В течение примерно двухсот лет она постепенно теряла свои владения и попадала в зависимость от других центров силы. Однако к исходу Первой мировой войны потенциалом великой державы Турция все еще обладала. Лишь военная катастрофа 1918 г. и последовавшие за ней действия стран Антанты по расчленению державы положили конец существованию данного имперского образования. Подобный «обвал» произошел с Португальской колониальной империей после «революции Гвоздик» 1974 г. Отличие ее от Турции заключалось в том, что колонии, имевшиеся у Португалии к моменту распада, давно уже не обеспечивали стране статус великой державы «первого ранга» на международной арене. Кроме того, отсутствовало непосредственное вмешательство извне – столь мощный фактор в случае с Оттоманской державой. Именно поэтому многие в Португалии восприняли распад империи прежде всего как избавление от тяжелого бремени бесконечных и бесплодных войн «на удержание». Это, впрочем, не означало, что распад империи не создал проблем и для этой страны

Возможен и такой вариант распада империи, как «объединение краев» уже после «обвала». Высказывались опасения, что по такому пути может пойти развитие постсоветской России. Не исключено также, что такое «размывание» может увенчать-

---

³²⁵ Беляков Р.Ю. Указ. соч. С. 59.

ся новым «взрывом». «Обвал» и «размывание» вполне могут предшествовать и следовать друг за другом.

Однако, сколько бы не был продолжителен период предшествовавшего «обвалу» кризиса империи, сам «взрыв» всегда неожидан. Поэтому в его условиях происходящее обычно воспринимается трагически даже теми, кто не питал симпатии к прежним. «В тот день, – писал в 1919 г. о Февральской революции Леонид Андреев, – она (Россия. – О.П.) была великой Империей. А ныне – это груда обломков и мусора без названия, кровавый хаос братоубийственной войны, слезы и гибель миллионов людей, страдания всего народа, дантовский ад, воплощенный в действительную жизнь»³²⁶. Почти то же самое писал о России в 1918 г. Киплинг. Конечно, он в первую очередь был озабочен отказом большевиков выполнять союзнический долг и угрозой того, что пожар революции может перекинуться в Англию. И все же нетрудно заметить, что Российская империя, которая в «Киме» персонифицировалась в образе молодого, заносчивого и грубого офицера, отныне воспринималась им совсем по-другому:

Мир вам, милые джентльмены, но ступайте-ка стороной!
Мы роем народу могилу с Англию величиной.
Была у него держава, и сила, и слава над ней...
Империя строилась триста лет и рухнула в триста дней!

***

Мир вам, добрые джентльмены, и удачи во всех делах!
Какая держава так быстро превращалась в пепел и прах?
Меж севом и урожаем – все дни и часы сочтены –
Ни куска, ни крова, ни веры, ни имени, ни страны!

³²⁶ Андреев Л. Верните Россию! М., 1994. С. 172.

Накинь рядно, опуская на дно,
Заровняй могилу дерном!
Не пытай судьбу, чей народ в гробу, –
А кто еще на слом, господа,
Кто следующий – на слом?

(перевод М. Гаспарова).

Обвальный характер процесса имперского распада многих застаёт врасплох. Политические элиты и население в целом оказываются зачастую неспособны не только найти ответы на вызовы новой политической реальности, но и даже какое-то время адекватно ее воспринимать. «Переход страны от имперской к постимперской фазе был хотя и мирным, но чрезвычайно резким, что не могло не породить ряда внутренних конфликтов и перекосов в системе», – отмечал Н. В. Петров, рассуждая о распаде СССР и современной России. Эти перекосы, по его мнению, «связаны прежде всего с ментальностью политических элит, в которой рудименты имперского мышления занимают большое место, и с самосознанием граждан»³²⁷.

Но именно скоротечность «обвала» и его относительная внезапность создают иллюзию обратимости происшедших событий, реальной возможности восстановления разрушенной империи из ее обломков. Это чувство до некоторой степени позволяет избежать ощущения «вселенской катастрофы» даже тем, кто весьма подвержен влиянию имперского патриотизма. Впрочем, данная иллюзия в какой-то мере все же способна претвориться в жизнь, однако лишь при том условии, что новая империя не будет в полной мере повторять прежнюю ни по форме, ни по содержанию.

Процесс распада империи может сопровождаться процессом создания нового имперского образования – либо с тем же «ядром», но принципиально иных типа и конфигурации, либо почти на том же самом пространстве, но в совершенно

---

³²⁷ Петров Н. В. Наследие империй и регионализм // Наследие империй и будущее России. М., 2008. С. 451.

иной форме. В первом случае примером, на наш взгляд, может служить рассмотренная смена имперских этапов в истории Франции XVIII–XIX вв. Примером из другого ряда является становление на территории бывшей царской России стремительно трансформирующегося в новую империю Советского Союза. Нельзя счесть серьезным преувеличением утверждение советолога-эмигранта О. Субтельного о том, что «историческое значение усилий Сталина по “строительству социализма в одной отдельно взятой стране”, по-видимому, не идет ни в какое сравнение с его свершениями, связанными с созданием империи»³²⁸.

А. Авторханов в связи с этим утверждает, что «по национальному вопросу в советском государстве стратегических расхождений между Лениным и Сталиным не было. Расхождения касались только тактики, методов имперской политики и темпов денационализации национальностей»³²⁹. «Ленин боролся против царской империи не потому, что она империя, а потому, что она царская»³³⁰. И, наконец: «Если бы Ленин родился в Англии и там же пришел к власти, то Британская империя существовала бы и поныне»³³¹.

Однако вряд ли вожди Советского Союза изначально были настроены на строительство «революционной» империи и действовали в данном случае по заранее обдуманному плану. В результате процесс ликвидации старой империи и процесс строительства новой на той же территории происходили одновременно, иногда вступая в противоречие между собой, а иногда дополняя друг друга.

С этой точки зрения представляет интерес, например, путь, по которому происходило новое национально-государ-

³²⁸ Субтельный О. Грубый просчет советологии: недооценка национального вопроса // Записки по проблемам национальностей. New York; М., 1993. Вып. 2. С. 25.

³²⁹ Авторханов. А. Указ. соч. С. 18.

³³⁰ Там же. С. 4.

³³¹ Там же. С. 12.

ственное размежевание в Средней Азии в первой половине 1920-х гг.: с одной стороны, ликвидация губерний и генерал-губернаторств, какое бы название они при этом ни носили, с другой – ликвидация вассальных государственных образований. Вместо всего этого – образование «республик» и «автономий» по национальному признаку. Или процесс создания все новых автономий для малых народов Центральной России, развивавшийся параллельно с попытками новой экспансии в Прибалтике, Закавказье и Восточной Европе. Именно в этом контексте следует, видимо, рассматривать все действия, связанные с «укрупнением» и «разукрупнением» союзных республик. Первые способны были вести к усилению союзного начала, вторые – к усилению начала имперского (в отношении РСФСР было наоборот).

Не случайно эти события так по-разному интерпретировались в период, предшествовавший распаду Советского Союза. В противоположность О. Субтельному или А. Авторханову Э. Володин в уже цитированной нами статье сокрушался: «В 1917 году восторжествовала “мудрая национальная политика”. За два десятка лет умудрились настрогать республик и автономий столько, что СССР предстал лоскутной империей наподобие Австро-Венгрии или империи Карла Великого – гроздя национализма созрели в недрах каждого лоскута и на всем пространстве лоскутного одеяла»³³². А вот как оценивает сущность и результат данного процесса А. М. Салмин: «В целом *формальное* национально-государственное устройство СССР являлось не столько последовательным и пунктуальным воплощением принципа национального самоопределения, сколько компромиссом между стремлением к унитарности и необходимостью пойти на уступки “националам” в некоторых конкретных случаях»³³³. Однако такое «формальное» деление в ряде случаев само по себе играло важную роль. Автор статьи о белорусском национализме, О. Буховец, признает, например, от-

³³² Цит. по: Несостоявшийся юбилей. С. 422.

³³³ Салмин А. М. Союз после Союза. С. 35.

носителем созданию БССР: «...При всей декоративности этой государственности самого факта ее существования оказалось достаточно для укоренения белорусского национального самосознания. Того самого, которое в начале XX века в народе вообще отсутствовало»³³⁴.

Достаточно хорошо изучено также то, как ниспровержение прежних, имперских по сути, традиций, институтов и символов в Советской России, а затем в СССР сопровождалось рождением новых, часто совершенно различных по форме, но сходных по содержанию. Иногда, впрочем, происходило и прямое их заимствование. По мнению историка В.П. Булдакова, весь цикл «культурогенеза, связанного с вырождением и возрождением имперства», охватывает в истории России 1900–1930-е гг., в то время как этап «взрыва» империи можно ограничить февралем 1917 – июлем 1918 г.³³⁵

Тем не менее «антиимперское» происхождение Советской империи все же давало знать о себе и в последующем. Латышский писатель и публицист Имант Аузинь отмечал, например: «В советских штанах разгуливал все тот же имперский и шовинистический медведь... Иные больше боятся этих “штанов”, мы – самого медведя. Уже давно, еще с шестидесятых годов. Медведю, правда, иногда можно было напомнить:

– Как ты себя ведешь?! У тебя ведь такие приличные новые штаны!

Хотите – верьте, хотите – нет, но часто помогало»³³⁶.

Таким образом, революции могут обуславливать как «убийство» империи, так и ее зачатие. Причем иногда одна и та же революция может выполнять и ту, и другую функцию, в ко-

³³⁴ Буховец О. Судьба «белорусской идеи»: из Золушек в принцессы? // Дружба народов. 1994. № 7. С. 173.

³³⁵ Булдаков В.П. 1917 год: взрыв на стыке цивилизаций // Историческая наука в меняющемся мире. Вып.2: Историография Отечественной истории. Казань, 1994. С. 9.

³³⁶ Аузинь И. Эхо – еще не душа. Публицистические заметки последних лет // Дружба народов. 1996. № 11. С. 150.

нечном счете обеспечивая преемственность между двумя имперскими образованиями.

«Трансляция» имперского центра приводит к тому, что в качестве нового объединителя пространства разрушенной или разрушающейся империи может выступить один из народов ее периферии, объявив себя «законным наследником» бывшей державы. Исторических примеров такого рода немало. Идеологическое обеспечение подобного права наследия вольно или, скорее, невольно может сложиться еще в период существования старой империи. Такое возможно и в современный период. Например, автор одной из заметок начала 1990-х гг. свидетельствовал, что в Башкирии еще во времена застоя имел хождение лозунг «Башкирия – сердце России», и приводил в связи с этим шутку своего знакомого «национала»: «Через сто лет башкиры станут доказывать всему миру, что именно они и есть чистые русские»³³⁷. Однако из подобных фактов и складывается, очевидно, при определенных условиях идея имперской преемственности.

Может ли быть собрано из элементов распавшейся империи новое значительное образование, уже неимперского толка? На наш взгляд, одним из немногих примеров подобного рода стала послевоенная Германия, собранная из осколков тяжелого «ядра» развалившегося континентального гиганта. Поглощение ГДР завершило формирование единого Германского государства, которое, как и ранее, представляет собой объединение нескольких конфессий и конгломерат различных политических традиций. Политическая система ФРГ не позволяет говорить о ее имперской природе. Однако это, безусловно, особый случай, поскольку речь идет одновременно и о национальном государстве, к тому же его образование стало возможным в условиях, чрезвычайно благоприятных для нового политического конструирования, инициируемого и контролируемого из-

---

³³⁷ Петров И. Башкиру – башкирово, русскому – русское // Век XX и мир. 1992. № 6. С. 57.

вне. Другие подобные случаи, видимо, могли иметь место в не менее исключительных обстоятельствах.

Зачастую в распаде империи винят неумную и недалечно-видную политику «центра». Так, Ефим Бершин, описывая ситуацию лета 1990 г., пишет: «Центр сам отделился от окраин. Центр запер себя в пределах Садового кольца, пытаясь выжить. Но невозможно было выжить ни на кого не опираясь. Центр предал собственные окраины»³³⁸. Безусловно, субъективный фактор в условиях распада империи также играет немаловажную роль и от политики правителей зависит немало.

Если речь идет об «убивании» империи извне, то решающим моментом в этом является даже не нейтрализация имперского центра, а способность противников парализовать историческое ядро и метрополию империи. Точно так же, как освободительная борьба перерастает в имперскую экспансию, защита имперских рубежей или неудачная борьба за их расширение может перерасти в войну отечественную (т.е. направленную на защиту и освобождение отечества). Воля к сопротивлению в данном случае зависят от состояния метрополии и исторического ядра.

Однако вопрос об обратимости процесса распада империи на той или иной его стадии, пока он не получил еще своего завершения, достаточно сложен.

Д.Е. Фурман первоначально полагал, что «в процессах умирания империй... к одному конечному результату вело все – и действия тех, кто сознательно империю разваливал, и тех, кто ее укреплял»³³⁹. Впоследствии он дополнил и развил свою позицию: «Регулярно по ходу всей истории распада этого (постимперского. – *О.П.*) пространства все усилия, которые были направлены на его сохранение, вели к его распаду, а те усилия, которые были направлены скорее наоборот, на его разрушение, могли вести к его восстановлению и укреплению. Процесс, который в конечном счете сводится к дезинтеграции

³³⁸ Бершин Е. Дикое поле. Приднестровский разлом. М., 2002. С. 102.

³³⁹ Фурман Д.Е. О будущем «постсоветского пространства». С. 40.

пространства, не зависит от человеческих усилий, и его почти невозможно было ни ускорить, ни замедлить»³⁴⁰. Д. Ливен, констатируя огромное сходство между меттерниховской Австрией и николаевской Россией, подчеркивает и принципиальное различие двух политических курсов, каждый из которых стал ответом на «вызов национализма»³⁴¹. Тем не менее обе эти державы почти синхронно потерпели крах.

Поскольку меры по укреплению империи могут давать лишь временный эффект, власти вполне могут поддаться соблазну противопоставить национализму народов владений национализм господствующего этноса. В результате происходит усиление политики унификации и разного рода гонений, что вызывает ответную реакцию. Именно это, по мнению Г.П. Федотова, произошло с царской державой в последние десятилетия ее существования. «Русские националисты первые заметили опасность, угрожающую Империи. Они ответили на нее усилением русификации, травлей инородцев, издевательством над украинцами и еврейскими погромами. Они старательно раздували искры сепаратизмов. Два последних императора, ученики и жертвы реакционного славянофильства, игнорируя имперский стиль России, рубили ее под самый корень», – писал он³⁴².

Однако истории известны случаи, когда империя, пережив серьезный удар, сумела не только выстоять, но и возродиться, и даже достичь еще большего величия. Так, например, рушилась и возрождалась Византия. Один из наиболее ярких примеров того же рода в Новое время – Британская империя после Войны за независимость североамериканских колоний. Переселенческие колонии в Северной Америки вплоть до 70-х гг. XVIII в. являлись ключевым владением Великобритании, игравшим первостепенную роль в формирующейся имперской системе. Урон, нанесенный системе после того, как эти коло-

³⁴⁰ Он же. От Российской империи до распада СНГ.

³⁴¹ Lieven D. Op. cit. P. 623.

³⁴² Федотов Г.П. Указ. соч. С. 322.

нии добились независимости, был настолько силен, что казалось, будто она обречена распасться полностью. Тем более, что вскоре возникла серьезная угроза метрополии на континенте. Экономический потенциал тогдашней Англии, прочность ее политических институтов и мощь ее военно-морского флота позволили при компетентном руководстве спасти и страну, и империю. Британцы вынуждены были сменить геополитические приоритеты ее развития и, самое главное, по-новому строить свои отношения с оставшимися и вновь создаваемыми переселенческими владениями. «Уроки, извлеченные из поражения Первой империи в борьбе с Американской революцией, были положены в качестве краеугольного камня в основание Второй империи и затем Третьей и последней», – утверждал английский историк Д. Адамсон³⁴³. Однако при всех изменениях это был один и тот же организм. Кроме того, стоит учесть, что если на «вторую» империю пришелся пик державного могущества Великобритании, то «третья и последняя», по сути, лишь маскировала кризис, а затем и начавшийся распад системы.

Через несколько десятилетий после образования США независимость завоевали испанские и португальские переселенческие колонии, расположенные в Новом Свете. И почти все свои «туземные» владения этим странам удалось сохранить: Испании – до начала XX столетия (некоторые и после), а Португалии – вплоть до середины 1970-х гг. При этом происходило и расширение границ их владений. Голландия окончательно потеряла свою переселенческую колонию на мысе Доброй Надежды, а также ряд других ключевых владений в эпоху наполеоновских войн. Но вплоть до 1940 г. она сохраняла контроль над гигантским Индонезийским архипелагом. Однако во всех этих случаях речь идет скорее о консервации остатков империи, чем о ее возрождении и развитии. Прежний потенциал этих образований и их статус на международной арене уже никогда не был восстановлен. И Голландия, и Испания, и Португалия в пе-

³⁴³ Adamson D. The Last Empire. Britain and Commonwealth. London, 1989. P. 34.

риод «консервации» не только не имели статуса ведущих держав, но и не могли всерьез претендовать на его возвращение.

Восстановить империю в прежней форме представляется невозможным, если сама метрополия отвергла ее основные атрибуты (провозглашение Австрии республикой, падение советской власти в Москве). В таком случае приверженцами распавшейся империи неизбежно предпринимаются попытки перенести ее прежние символы власти в ту или иную часть бывшей периферии, где, по их мнению, складываются для этого наиболее благоприятные условия. В этой связи можно упомянуть две попытки восстановить власть Карла IV Габсбурга в Венгрии, предпринятые в 1921 г., или предложение некоторых представителей радикальной части «народно-патриотических сил» России, сделанное в начале 1990-х гг. лидерам Приднестровья, провозгласить их республику «освобожденной территорией Советского Союза». Теоретически вероятность успеха таких попыток в силу подвижности имперского «центра» и неупорядоченности постимперского пространства нельзя отрицать. Тем более, что прежнюю имперскую идею вполне могут подхватить в некоторых новых независимых государствах новые лидеры, сменившие у власти быстро обанкротившихся либералов и националистов. Таким образом, на территории бывшей империи могут появиться своеобразные имперские «заповедники», где в той или иной мере возрождаются (по крайней мере внешне) незабытые еще символы, идеологемы и институты власти. Однако если такой «заповедник» начнет разрастаться, то речь будет идти скорее о создании новой империи, чем о возрождении старой.

Итак, если разрушены сами основы империи, то в прежнем виде она уже не может быть восстановлена. Апелляция к «славному прошлому» в лучшем случае позволит лишь прикрывать строительство нового имперского образования. Но, как было показано, то же самое и даже со значительно большим успехом может быть достигнуто и под революционным знаменем, путем отрицания имперского наследия.

Вместе с тем вряд ли способна принести успех сознательная ставка на некий новый империализм (а тем более «новый старый», стремящийся к возвращению уже некогда отвергнутой, давно ушедшей в прошлое модели). Искусственность такого курса, проводимого зачастую теми политиками в метрополии, кто только что был среди «разрушителей державы», порождает его вопиющее несоответствие реалиям постимперского пространства. Для того чтобы революция придала стране динамизм и создала возможности для внешней экспансии в том или ином виде, она должна, во-первых, не стесняться называть себя таковой, а во-вторых, выдвинуть некие новые идеи и ценности, которые можно было бы предложить другим народам.

Таким образом, оказывается вполне возможно как строить империю под лозунгом ее разрушения, так и разрушать ее под лозунгом строительства, «случайно» империю «убить» и нечаянно ее спасти. Все это лишний раз доказывает, как часто в политике достигнутые результаты по сути обратны поставленным стратегическим целям или, по крайней мере, сильно расходятся с ними. Однако, как показывает ход истории, не всегда такой результат, исходя из представлений о прогрессе, пользе, приносимой стране и человечеству, может быть расценен как худший по сравнению с тем, к которому стремились первоначально.

Часть II

ПОСЛЕ ИМПЕРИИ

Постимперский порядок вещей противоречив и неустойчив. Как уже отмечалось, цена, заплаченная за распад империи, может быть весьма высокой и вполне сопоставимой с достигнутым позитивным результатом. При этом под сомнением оказывается оправданность двух основных лозунгов, сопровождающих, как правило, распад имперской системы – «мир» и «свобода».

В ЧЕМ ИСТОКИ И СМЫСЛ ПОСТИМПЕРСКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ?

Как уже отмечалось, империя никогда не распадается на те же части, из которых когда-то была составлена. Одним из наиболее опасных и тяжелых последствий распада империи является та борьба, что неизбежно развертывается на занимаемом ею ранее пространстве между различными населявшими ее народами и этническими группами. Борьба эта связана с определением новых параметров данного пространства и зачастую приобретает вооруженные формы.

Конфликты, возникающие по мере распада империи, обескураживают тех, кто связывал с этим распадом только светлые ожидания. Они же подкрепляют доводы тех, кто ожидал только плохого и полагал, что, увидев ужасные последствия распада империи, все одумаются и вернут все на круги своя. Тема постимперских конфликтов является актуальной в первые годы после распада империи и теряет свою остроту по мере привыкания к конфликтам и снижения их интенсивности.

Ряд авторов склонны полагать, что правители империй нарочно запутывают границы владений таким образом, чтобы в случае распада породить максимально большее число конфликтов между населяющими империи народами. Так, Ефим Бершин, по сути, повторив стереотипные суждения советского времени о «минах замедленного действия», оставленных империалистами в Африке, о коварных англичанах, «навечно

стравивших между собой Индию и Пакистан» и являющихся «авторами» конфликта в Палестине, после этого говорит о сталинских «подарках», которые дали о себе знать «с задержкой 60–70 лет»³⁴⁴. Подобные рассуждения и сравнения в наши дни широко распространены.

В этом есть доля истины, но только доля. Прежде всего необходимо заметить, что разделительная политика англичан, которая действительно обличалась в советской историографии, вряд ли была основной причиной конфликтов на Ближнем Востоке и на полуострове Индостан. Следует напомнить также, что англичане, предоставляя независимость своим бывшим владениям, пытались не только разделять, но и объединять их, например, создав Федерацию Родезии и Ньясенда. Результаты этого оказывались не менее негативными.

Проведение же параллели между последствиями распада Британской и Советской империй в данном отношении не очень уместно, так как распад последней происходил слишком быстро и не контролировался имперским центром. Соответственно границы владений на этом этапе фактически не претерпевали изменений, а оставались теми же, что были установлены тогда, когда имперская верхушка должна была в первую очередь заботиться не о том, что будет после распада, а о том, как этот распад предотвратить. Не вызывает сомнений, что политика Сталина в отношении проведения новых границ на подконтрольной (формально или неформально) его империи территории была достаточно продуманна и работала на удержание имперской системы. Более того, некоторые конструкции, созданные в тот период, до сих пор играют значимую роль в удержании постсоветской России от дальнейшего распада. Одной из таких конструкций являются, например, три автономии на

---

³⁴⁴ Бершин Е. Дикое поле. Приднестровский разлом. М., 2002. С. 50–51. «Заблуждаются те, кто думает, что административные границы внутри СССР наносились произвольно и бездумно. Они были тщательно продуманы, но продуманы таким образом, чтобы непременно взорваться в случае распада страны» (Там же. С. 50).

западном Кавказе, разделяющие близкородственные адыгские народы, причем две из них (Кабардино-Балкария и Карачаево-Черкессия) являются для этих народов общими с чуждыми по языку и ряду других черт представителями тюркского мира³⁴⁵.

Интересно также, что самые значительные сталинские перекройки территории не привели к возникновению открытых и острых конфликтов после распада империи. Примером в данном случае может служить обретшая новые очертания Польша или национально-территориальное размежевание в Средней Азии. Достаточно устойчивыми образованиями в своих новых границах оказались также Белоруссия и Украина, «собранные по кусочкам» в рамках советской империи. Наиболее конфликтная зона – Крым – вряд ли была включена Хрущевым в состав Украины с расчетом на постимперские разборки. Именно масштабы проведенных в имперский период территориальных изменений в ряде случаев и затрудняют их последующий пересмотр.

Таким образом, конспирологическая, по сути, теория о «минах замедленного действия», вероятно, не может быть отброшена полностью, но имеет ограниченное значение. Наиболее серьезные конфликты, возникшие на постимперском пространстве, скорее связаны либо с проблемами, которые имперскому центру не удалось разрешить, либо с проблемами, которые были обусловлены спецификой самого процесса распада империи. Механизм зарождения таких конфликтов на примере распада Австро-Венгрии хорошо описан одним из британских историков: «Различные национальности жили не на отдельных землях, а сосуществовали по всей территории бывшей империи. Где бы ни прочерчивались границы новых государств, неизбежно возникали национальные меньшинства, подпада-

---

³⁴⁵ Справедливости ради необходимо отметить, что эта конструкция, созданная в первой половине 1920-х гг., оказалась вскоре нарушенной сначала разделением Карачаево-Черкессии, а затем, уже в годы Великой Отечественной войны, выселением карачаевского и балкарского народов. Восстановлена эта конструкция была уже в послесталинский период.

ющие под управление составляющих большинство национальностей, которые конституировали себя в качестве властителей этих государств, слишком мало внимания уделяя при этом правам данных меньшинств»³⁴⁶.

Сразу после распада Австро-Венгрии на территории Восточной Европы возникло множество узлов конфликтов (такие страны, как Польша и Венгрия, после 1918 г. имели конфликты по всем своим границам, а Польша еще и внутри себя), некоторые из которых не развязаны до сих пор. Рубежи между новообразовавшимися странами в ряде случаев разрушили не только прежде единые провинции и экономические районы, но и города (Тешин между Польшей и Чехословакией, Комаром между Чехословакией и Венгрией). Многими десятками исчисляются войны, разразившиеся в третьем мире после ухода колонизаторов. Ареной многочисленных конфликтов стала и территория бывшего СССР. Почти все они, за исключением чеченского, имеют скорее постимперскую, чем имперскую природу.

Как уже было показано, смешение национальностей и условность границ свойственны не только континентальным, но и колониальным империям (по крайней мере их периферии), а потому после предоставления колониям независимости там происходят сходные процессы.

Постимперские конфликты, с нашей точки зрения, можно разделить на шесть типов.

1. *Между народами бывшей имперской периферии, стремящимися захватить спорную территорию для своих вновь образованных государств.* Вероятно, это самые многочисленные конфликты, наиболее «естественным» образом обусловленные постимперским вакуумом власти и необходимостью установления пространственных границ новых политических систем. К данному типу относятся, например, польско-чехословацкий конфликт из-за Тешинской области, индо-пакистанский из-за

---

³⁴⁶ Carsten F. L. The First Austrian Republic. 1918–1938. A Study based on British and Austrian Documents. Hants, 1986. P. 1.

Кашмира, армяно-азербайджанский из-за Нагорного Карабаха, арабо-израильский и др.

Причина таких конфликтов – произвольный характер внутренних и внешних границ империи, теряющих свою легитимность вместе с ее распадом. Б. Львин, опубликовавший в 1990 г. статью в бюллетене «Век XX и мир» и полагавший распад СССР неизбежным и желательным, признавал, тем не менее: «Нации СССР еще по-настоящему не определили своих границ. Те границы, что есть сейчас, проведены по разным принципам: где по географическим (по хребтам гор и рекам), где по историко-династическим (границы давних феодальных княжеств и царств), где по этнографическим. Часто же при определении и изменении границ решающим был произвол правящих клик»³⁴⁷. Все это вместе взятое и порождает неизбежные конфликты постимперского периода. Одним из наиболее распространенных вариантов их идеологического обоснования становится решение вопроса о том, что имеет большее значение – историческое прошлое или современный этнический состав населения (литовско-польский конфликт вокруг Виленского края).

Распад империи ставит также под сомнение законность, обоснованность и незыблемость ее рубежей с другими государственными образованиями. «Неизвестно, какова будет судьба внешних границ СССР, проведенных когда-то царскими генералами по живому телу народов», – предупреждал Б. Львин³⁴⁸. Для колониальных образований эта проблема даже более важна – степень произвола при размежевании колониальных владений обычно была наиболее высокой.

Если процесс распада империи затягивается на длительный период, процесс «доосвобождения» владений может быстро переходить в столкновение уже созданных ранее независимых государств, соперничающих в получении новых терри-

---

³⁴⁷ Львин Б. Долой империю! Задачи национально-освободительной антиимпериалистической борьбы на современном этапе // Век XX и мир. 1990. № 8. С. 11.

³⁴⁸ Там же. С. 13.

торий. При этом часть их может брать в союзники распадающуюся державу. Именно такой оказалась расстановка сил во 2-й Балканской войне, последовавшей в 1913 г., фактически вслед за 1-й, в которой Турция потерпела поражение.

Еще одна разновидность конфликтов данного типа является следствием попыток установить контроль над вышедшей из-под власти империи территорией со стороны соседнего государственного образования или образований (зачастую тоже возникших в результате распада империи, только другой и в более ранний период). Попытки эти вызывают сопротивление местных сил. Примерами являются конфликты, возникшие после аннексии Восточного Тимора Индонезией, Западной Сахары Марокко и Мавританией. Стремление избежать угрозы подобного развития событий надолго задержало предоставление Великобританией независимости Белизу (на территорию которого претендовала Гватемала) и обусловило позицию, занятую в отношении будущего Фолклендских островов.

2. *Между титульной нацией нового независимого государства, иногда стремящегося к воссоединению с другой, близкой по этническому составу, страной, и сепаратистами из числа национальных меньшинств, ранее в большей степени ориентированных на служивший им гарантом «центр», а ныне стремящихся к дальнейшему дроблению территории и образованию своего государства.* К данному типу относятся, например, конфликты в Пенджабе (Индия), на Кипре, на постсоветском пространстве – в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье и т.п. Борьба какого-то одного национального меньшинства может быть поддержана всем нетитульным или даже титульным населением той или иной территории. Так, описывая провозглашение в августе 1990 г. Гагаузской республики (Гагауз Ери), Е. Бершин отмечал: «На буджакском юге проживали не только гагаузы, но и болгары, молдаване, небольшое количество русских и евреев. Однако создание республики поддержали все»³⁴⁹.

---

³⁴⁹ Бершин Е. Указ. соч. С. 92.

Любопытно, что в отношении Грузии в среде российских публицистов и экспертов стал использоваться термин «малая империя», авторство которого приписывается академику А.Д. Сахарову³⁵⁰. Речь идет об интервью, которое Сахаров дал журналисту журнала «Огонек» Григорию Цитриняку в июне 1989 г.³⁵¹ Основное содержание интервью составляло обоснование выдвинутого академиком конституционного плана, предусматривавшего превращение разваливавшегося СССР в конфедерацию, где широкими правами должны были быть наделены как союзные, так и автономные республики. Если бы этот план был реализован, то это, несомненно, сказался бы в первую очередь на территориальной целостности тогдашней РСФСР. Из текста очевидно, что Сахаров не делал в этом отношении различий между субъектами СССР. Тем не менее именно приведенный им в качестве одного из аргументов пример Грузии затмил собой в сознании толкователей все остальные мысли академика, суть и направленность предложенного им плана радикальной реформы государственных основ³⁵².

Для этого типа конфликтов также характерен спор о значимости исторического прошлого по сравнению со значимостью современного этнического состава населения (и, соответственно, с выбором, которое это население делает). В качестве примеров можно привести конфликты в Южной Осетии, Боснии и Герцеговине, Косово (хотя в последнем случае речь идет о государстве-преемнике, и конфликт может трактоваться как продолжение имперского распада). Именно в условиях таких

---

³⁵⁰ См., например: Жидков С. Бросок малой империи. URL: <http://www.arsuaga.ru/portal/book/export/html/493> (дата обращения: 16.04.2018); Маркедонов С. Будни «малой империи». URL: <http://www.apn.ru/publications/article1348.htm> (дата обращения: 16.04.2018).

³⁵¹ Народный депутат СССР академик А.Д. Сахаров. Степень свободы. Огонек. 1989. № 31, июль. С. 26–29.

³⁵² Подробнее см.: Подвинцев О.Б. Специфика использования термина «малая империя» в современной России применительно к оценке политических и исторических феноменов // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Философия. 2012. Т. 10, вып. 3. С. 139–144.

конфликтов чаще всего практикуются этнические чистки. Как известно, термин «этническая чистка» вошел в международный оборот в связи с конфликтами в бывшей Югославии.

3. *Между политическими, этническими, племенными, клановыми и региональными группами, пытающимися захватить власть в образованном государстве.* После обретения независимости в состоянии такого рода конфликтов оказались, в частности, Бирманский Союз, Республика Конго–Леопольдвиль, Нигерия, Таджикистан. В этих конфликтах, как правило, прослеживается несколько линий раскола и ни одна из сторон не может изначально рассматриваться в качестве доминирующей. Так, в отношении гражданской войны в Таджикистане Азиз Ниязи отмечал, что «конфликт развивался на разных уровнях: таджики – нетаджики; город – село; индустриальное – традиционное общество; горные – долинные, северные – южные таджики; вражда регионов»³⁵³. Многосторонность подобного вооруженного конфликта можно проиллюстрировать описанием положения, в котором оказалось зимой 1949 г. правительство Бирмы: «...На окраинах Рангуна шли бои с каренами, восточные области были заняты каренскими и монскими националистами, Аракан – мусульманскими повстанцами-муджахидами и коммунистами партии “Красный флаг”, Средняя Бирма – отрядами КПБ (которую принято было называть компартией “Белый флаг”) и народными добровольцами». При этом «порой антиправительственные силы были более враждебно настроены друг к другу, нежели к рангунским властям»³⁵⁴.

Вопрос о том, какие именно имперские владения, обретая независимость, оказываются подверженными такому типу конфликтов, заслуживает отдельного рассмотрения. Однако можно предположить, что вакуум власти, который стремятся

³⁵³ Ниязи А. Таджикистан: региональные аспекты конфликта: 90-е годы. URL: <http://www.analitika.org/article.php?story=20050307124326973> (дата обращения: 16.04.2018).

³⁵⁴ Можейко И.В., Узянов А.Н. История Бирмы (Краткий очерк). М., 1973. С. 273–274.

заполнить различные силы, возникает либо в условиях отсутствия зрелого освободительного движения при слабости старой имперской администрации (как произошло в Таджикистане, получившем независимость «за компанию» с другими союзными республиками, в условиях раскола элиты и отсутствия сильного харизматичного руководителя), либо когда победившее освободительное движение, напротив, слишком мощное, но при этом состоит из двух или более соперничающих фракций (как в Бирме, где ситуация осложнилась незадолго до провозглашения независимости гибелью ряда авторитетных деятелей освободительного движения, включая его признанного лидера – Аун Саны).

Увеличение роли политико-идеологической составляющей в конфликте такого рода может привести к сведению его к единой линии конфронтации с одновременным приданием ему более затяжного характера, сопровождающимся перетеканием гражданской войны в противостояние уже сформировавшихся на различных частях территории данной страны государственных образований. Происходит это, вероятно, в первую очередь под воздействием внешних сил и ведет к все большему их вовлечению в конфликт. С нашей точки зрения, такая схема с определенными оговорками может быть применена и к развитию событий во Вьетнаме в постколониальный период.

Три рассмотренных типа конфликта имеют очевидное территориальное измерение, следующие три типа такого измерения, как правило, не имеют, либо оно слабо выражено. А потому они в большинстве случаев не порождают полномасштабных войн, но вполне могут вылиться в погромы и этнические чистки.

4. Между коренным населением (титულიной нацией) вновь образованного государства и колонистами, которые целенаправленно размещались на данных землях имперским правительством или обосновались здесь самостоятельно, но пользовались привилегированным положением. В постимперских условиях ко-

ренное население стремится как защитить себя от колонистов, так и свести с ними счеты.

Конфликт вокруг интересов русскоязычного меньшинства в Латвии и Эстонии не является простым этническим конфликтом. Отсутствие подобного конфликта в Литве обусловлено не только иной пропорцией между представителями титульной нации и русскоязычными, но и теми изменениями внутриимперских границ, которые обеспечили значительное приращение литовской территории. В результате «нулевой вариант» решение вопроса о гражданстве для обретшей независимость Литвы стал единственно возможным. И это при том, что в Литве в 1990–1991 гг. борьба с союзным центром за независимость по сравнению с другими прибалтийскими республиками развивалась по сценарию наиболее жесткого противостояния.

Колонисты из метрополии в национальных владениях, как правило, селятся анклавно, составляя значительную долю населения лишь в отдельных районах и особенно в городах.

Подобного рода конфликты все же могут приобретать и форму территориального размежевания, особенно в приграничных территориях, где риски ирредентизма наиболее вероятны, что вызывает особую ярость победивших националистов. Соответственно растут и риски «этнических чисток». Нечто подобное произошло, например, в отношении русскоязычного населения Выборга в конце апреля 1918 г. после взятия города войсками белофиннов.

Пример тому конфликт в Приднестровье, которое в отличие от основной территории Молдавии может быть отнесено к типу переселенческих или полупереселенческих территорий, являясь по сути окраиной Новороссии³⁵⁵. Однако он составляет исключение и имеет больше сходства с конфликтами, относи-

---

³⁵⁵ Не случайно, как отмечает К. Мацузато в отношении историографической основы идеологии Приднестровской государственности, «региональный (неэтнический) подход не мог не стать ведущей идеей новорожденной историографии» (Историографический диалог вокруг непризнанных государств. Приднестровье, Нагорный Карабах, Армения, Южная Осетия и Грузия. Саппоро, 2007. С. 9.)

мыми ко второму рассмотренному типу. Значение в данном случае имело не только то обстоятельство, что существовал относительно недавний, с 1918 по 1940 г., опыт отдельного существования Приднестровья и Бессарабии – остальной части Молдовы (причем разоблачение Пакта Риббентропа–Молотова делегитимизировало не только присоединение Бессарабии к СССР, но и объединение с Бессарабией Приднестровья). Не менее важно было и то, что молдавские националисты рассматривали независимость своей республики лишь как этап на пути ее объединения с Румынией, только что свергнувшей диктатуру Чаушеску и переживавшей экономический, социальный и политический кризис, не менее, а, возможно, более острый по сравнению с тем, что охватил бывшие республики СССР. Как справедливо отмечает Д. Фурман, «сила и решительность “русскоязычного” сепаратизма в Молдавии, несомненно, прямо связана с силой угрозы, возникшей перед молдавскими “русскоязычными”. Угроза ликвидации границы по Пруту создает границу по Днестру»³⁵⁶.

Именно в переселенческих анклавах реваншистская постимперская идентичность наиболее сильна. Это показывают и события, связанные с государственным определением Крыма в 2014 г. Активный участник этих событий, народный депутат Украины V–VII созывов три года спустя признавал: «В украинские времена Крым никогда не был украинским, но и сейчас Крым не 100% российский... Крымчане всегда были более русскими, чем жители материковой России»³⁵⁷.

Нечто подобное характерно для Северной Ирландии, где конфессиональные различия на столетия сохранили разграничение между коренным населением и потомками переселенцев.

³⁵⁶ Фурман Д. Молдавские молдаване и молдавские румыны (Влияние особенностей национального самосознания молдаван на политическое развитие Республики Молдова. URL: http://www.intelros.ru/pdf/nauchnie_tetrady/01/2.pdf (дата обращения: 16.04.2018).

³⁵⁷ «Мы шли ва-банк, считая, что Крым уже Россия» // Газета.Ru 2017. 10 января. URL: <https://news.rambler.ru/world/35787653-my-shli-va-bank-schitaya-chtokrym-uzhe-rossiya/?smi2=1&updated=news> (дата обращения: 16.04.2018).

5. *Между коренным населением вновь образованного государства и выходцами из других частей империи* Этот конфликт характерен для бывших «национальных», «туземных» владений, на которые по экономическим или политическим причинам переселялись консолидированные представители или целые общины немногих отдаленных народов – «плавильный котел» в этом случае не работал. Речь идет, в частности, об индийцах в Уганде и на островах Фиджи, корейцах в Маньчжурии (после перехода ее в 1945 г. под власть Гоминьдана), китайцах в Восточном Тиморе, представителях «репрессированных народов» в Средней Азии и др. Зачастую такой конфликт разрешается только изгнанием представителей «некоренных» народов, которых не ждут и на их «исторической родине» (турки-месхетинцы, которые, будучи изгнаны из Средней Азии, не смогли вернуться в Грузию, крымские татары, негостеприимно встреченные на Украине, индийцы, бежавшие из Уганды в Великобританию и т.д.).

6. *Между коренным населением метрополии и выходцами из бывших имперских владений.* Этот конфликт, как правило, наиболее поздний и наиболее затяжной. После распада империи поток иммигрантов (первоначально политических, а затем в возрастающей степени трудовых) и беженцев из бывших владений в бывшую метрополию обычно только усиливается. Например, в Великобританию на рубеже 1950 и 1960-х гг. ежегодно прибывало около 100 тыс. афро-азиатских иммигрантов. В результате, как выразился Д. Макинтайр, «прощальным подарком Империи постимперской Британии стало ее нынешнее мультикультурное общество»³⁵⁸. «Вне всякого сомнения, одна из наиболее прискорбных характеристик эпохи – значительный рост числа беженцев, мигрантов, перемещенных лиц и изгнанников, – больший, нежели когда-либо прежде в истории. Большинство из них как сопровождение и, по иронии ситуации, как отдаленное последствие великих постколониальных

---

³⁵⁸ McIntyre W.D. Op. cit. P. 132.

и имперских конфликтов», – отмечал Э.В. Саид³⁵⁹. Все увеличивающееся число иммигрантов, часто с иным цветом кожи и в большинстве случаев с разительно отличающимися традициями и образом жизни, неизбежно порождает в бывшей метрополии расовую и межнациональную напряженность.

Разновидностью такого конфликта в бывшей метрополии являются преследования, которым могут подвергаться коренные жители в этническом и/или конфессиональном отношении, принадлежащие к народам бывших владений, ставших независимыми государствами. К ним может проявляться гораздо большая, чем ранее, нетерпимость со стороны представителей «государствообразующей» нации. Это относится в первую очередь к пространству бывших империй, где метрополия была частью завоеванной территории, например, к Турции. Орхан Памук, вспоминая стамбульский погром 1955 г., направленный в первую очередь против греков, а также армян и евреев, размышляет: «В годы моего детства и юности в Турции существовали сильные националистические движения, представители которых были уверены, что любой, кто употребляет слово “Константинополь”, мечтает о том, что придет день, когда в этот город вернутся старые хозяева, отнимут его у турок после пятисотлетней оккупации, выгонят нас или превратят в граждан второго сорта... А между тем во времена Османской империи многие турки спокойно называли свой город Константинополем». Писатель обращает внимание на тот факт, что «за последние пятьдесят лет Стамбул покинуло больше греков, чем за 500 лет, прошедших после 1453 года»³⁶⁰.

Следует также напомнить, что распад великих империй ослабляет сдерживающе-контролирующий механизм развития любых национальных и конфессиональных конфликтов. События последних лет еще раз подтвердили эту истину. Г.И. Мирский пишет по этому поводу: «Иногда даже кажется, что человечество, вздохнув с облегчением после того, как исчезла угро-

³⁵⁹ Саид Э.В. Указ. соч. С. 657.

³⁶⁰ Памук О. Стамбул. Город воспоминаний. С. 229–230.

за ядерной мировой войны, почувствовало себя свободным для того, чтобы заняться настоящим делом – решать временно отложенные этнические споры. В самом деле: ведь “блоковой дисциплины” больше нет, многие народы уже могут решать свои насущные проблемы без оглядки на возможную реакцию сверхдержав, в зависимости от которых они находились в течение десятилетий»³⁶¹.

Развитие подобных конфликтов неизбежно порождает гонения по национальному признаку, а следовательно, и поток беженцев. При этом представителям некоторых этнических групп порой просто некуда бежать, так как они не являются желанными ни на «новой», ни на «старой» родине, ни в бывшей метрополии, которая вынуждена брать на себя ответственность за их судьбу. Наиболее показателен в этом отношении случай турок-месхетинцев. Летом 1989 г. значительная часть этого народа стала жертвой массовых погромов и вынуждена была бежать из Ферганской долины в Узбекистане, куда была выселена в сталинские времена. Тем не менее на их исторической родине, в Грузии, в этот период утверждался националистический режим, не собиравшийся принимать иноверцев, не говорящих по-грузински, на своей территории. К тому же приток турок-месхетинцев в Грузию вызвал резкий протест местного армянского населения. Большая группа беженцев из Средней Азии осела в юго-западных районах Краснодарского края, где в связи с этим возник новый очаг межнациональной напряженности. В конфликт внесли свой вклад местные власти и казачество. В течение ряда лет федеральное правительство России демонстрировало озабоченность данной проблемой. В поддержку турок-месхетинцев неоднократно выступали российские правозащитные организации. Однако погасить конфликт так и не удалось. В результате в середине 2000-х гг. уже правительством США была реализована программа переселения турок-месхетинцев из Краснодарского края за океан.

---

³⁶¹ Мирский Г.И. На развалинах империи. Этнические и национальные проблемы в бывшем Советском Союзе. М., 2000. С. 15.

Происходящее заставляет многих по-новому взглянуть на прежний порядок вещей. Характерны в этом смысле признания В. Иорданского: «Пожалуй, только сейчас, когда, говоря о миграции населения, подразумевают массовое бегство тысяч и тысяч людей от преследований или прямого насилия, когда миграции имеют, как правило, сугубо вынужденный характер и происходят после этнических чисток, можно полностью оценить огромную положительную роль таких территориальных образований, каким был Советский Союз»³⁶² – или ирония А. Фадиной: «Прошли безвозвратно те проклятые застойно-перестроечные времена, когда избиение или гибель нескольких десятков людей в самых отдаленных точках страны могли шокировать ее»³⁶³. Проимперски настроенные силы активно используют это обстоятельство. В середине 1990-х гг. В. Мукомель констатировал в одной из работ, посвященных межнациональным и региональным конфликтам на постсоветском пространстве, что «спекуляции на эту тему давно стали неотъемлемым элементом политической жизни России и сопредельных государств»³⁶⁴.

Необходимо отметить, что узлы противоречий, завязанные в результате крушения империи, могут очень долго оставаться неразвязанными и давать знать о себе. Распад одной империи может актуализировать противоречия, восходящие к другой, более ранней. Об этом свидетельствуют, в частности, события 1990-х гг. на Балканах, которые своими корнями уходят не только в распад державы Тито, но и в события, связанные с крушением Австро-Венгрии и Османской империи. Так называемая «Занзибарская революция», разразившаяся

---

³⁶² Иорданский В. Евразийская перспектива: реальность или миф? // Россия на новом рубеже. М., 1995. С. 264–265.

³⁶³ Фадин А. Постсоветский мир: первые уроки распада. По ту сторону «грузинского урока» // Век XX и мир. 1992. № 6. С. 47.

³⁶⁴ Мукомель В. Вооруженные межнациональные и региональные конфликты: людские потери, экономический ущерб и социальные последствия // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С. 300.

после получения независимости от Великобритании, в первую очередь привела к гонениям на арабское население, сформировавшееся на острове еще во времена, когда он был владением, а потом и центром Оманской империи.

Некоторые этнические и территориальные конфликты, рождаемые распадом империи, могут в полной мере проявляться не сразу, а по прошествии достаточно длительного времени. Так, актуализация конфликта, связанного с территориальным разделением лезгинского народа, после распада СССР оказавшегося по разные стороны российско-азербайджанской границы, происходит, во-первых, по мере роста численности данного этноса, во-вторых, в силу усложнения отношений между двумя бывшими советскими республиками.

Следует отметить, что распад империи нередко создает проблемы и для соседних государств. Например, появление независимого Азербайджана сразу же и неизбежно породило у руководства Ирана опасения по поводу выдвижения требований «воссоединения» с новым государством населенных азербайджанцами иранских провинций³⁶⁵. При этом азербайджанские власти и вообще широкие политические круги этой страны вовсе не заинтересованы в обострении отношений с Ираном, что означает фактическое отречение от своих соплеменников, живущих в этой стране. Их представителей не зовут, например, на съезды азербайджанцев мира под предлогом, что в данном случае речь идет не о диаспоре, а о коренных жителях³⁶⁶. Однако настороженность Ирана неизбежно вызывает сам факт существования независимого азербайджанского государства. В начале 2010-х гг., возможно, под влиянием «Арабской весны», ситуация избегания конфликта в отношениях между Ираном и Азербайджаном сменилась его постепенным нагнетанием.

---

³⁶⁵ См. об этом: Гаджиев К. С. Геополитика Кавказа. М., 2003. С. 341.

³⁶⁶ III съезд азербайджанцев мира вызвал неоднозначную реакцию в политических кругах Азербайджана // Кавказский узел. 06 июля 2011 г. URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/188531/> (дата обращения: 16.04.2018).

И в случае с колониальными, и в случае с континентальными империями в число наиболее пострадавших из-за разделения наций неизбежно входили те, что играли ведущую роль в создании и функционировании данных имперских систем. Они же занимали в этих системах если не господствующее, то по крайней мере «титularyное» положение, а потому ассоциировались – когда справедливо, когда несправедливо – с имперским «центром». После распада Австро-Венгрии только в Чехословакии осталось около 3 млн немцев, большинство которых компактно проживали на западе страны³⁶⁷. Участь венгров оказалась еще хуже: 3 млн представителей этого народа оказались за пределами своего национального государства, население которого составило лишь 8 млн человек. Половина этих венгров компактно проживали на территориях, непосредственно примыкавших к венгерским границам³⁶⁸. После распада СССР 17% русских и 15% других титульных наций новых независимых государств оказались за пределами своей этнической родины³⁶⁹.

Дополнительные осложнения в данном случае вызывают устойчивые исторические представления в сознании титульного народа. Так, проблема разделенности этноса новыми государственными границами ощущалась венграми более остро еще и потому, что Венгрия потеряла города и территории, занимавшие важнейшее место в ее истории. Например, Братислава (Пожонь) более 200 лет (с 1541 по 1784 г.) была столицей Венгерского королевства, а ряд трансильванских князей входил в число наиболее почитаемых исторических государственных деятелей Венгрии – фигуры трех из них представлены в важнейшем национальном мемориале, созданном в конце XIX в.

---

³⁶⁷ Об этническом составе населения Чехословакии в межвоенный период и проблеме национальных меньшинств в политической жизни страны см., например: Гаек И. Мюнхен. М., 1960.

³⁶⁸ См.: Краткая история Венгрии с древнейших времен до наших дней. М.: Наука, 1991, С. 359–360.

³⁶⁹ Мартынова М.Ю. Распад федераций и этнические конфликты: общее и особенное // Этнические проблемы и политика государств Европы. М., 1998. С. 250.

на Площади Героев в Будапеште. В России в постсоветский период критиками распада СССР едва ли не чаще всех других «утраченных территорий» упоминался «город русской славы» Севастополь.

С титульной имперской нацией обычно ассоциирует себя часто довольно многочисленная «переселенческая» община «национальных окраин» («туземных колоний»). Оказавшись после распада в новых независимых национальных государствах, где новая титульная нация стремится взять реванш и скорейшим образом утвердить себя в качестве главенствующей во всех сферах жизни общества, эти люди очень быстро попадают в трудное положение. Более уязвимыми и особенно болезненно воспринимающими свое новое положение являются представители средних слоев населения, которым есть что терять и у которых нет возможности предотвратить эти потери.

Степень уязвимости «переселенческой» группы повышается, если в силу расовых, исторических и культурных отличий и предубеждений она мало смешивается с коренным населением. Самым известным примером этого может служить ситуация в Южной Африке. Подобная же ситуация характерна для Казахстана, в советские времена именовавшегося «лабораторией дружбы народов». «Да, в позднюю советскую эпоху в Казахстане каждый пятый брак был этнически смешанным, и по этому показателю республика уступала только Латвии, где каждый четвертый брачный союз являлся, так сказать, интернациональным. Это – правда. Но правда и то, что в Казахстане большая доля межэтнических браков имела мало отношения к практике создания семей казахами и, особенно, казашками. Такой высокий показатель получался за счет часто заключающихся брачных союзов между русскими, украинцами, немцами, татарами и белорусами» – отмечает современная казахстанская исследовательница³⁷⁰. В некоторых случаях число колонистов из «родственных», «близких» или «совместимых» групп может

³⁷⁰ Бекбосунова Д. Особенности межнациональных браков в Казахстане. URL: <http://www.dialog.kz/?lan=ru&id=95&pub=1556> (дата обращения: 16.04.2018).

быть большим, чем численность представителей титульного этноса империи. Так, в Тунисе численность итальянцев в конце XIX – середине XX столетия значительно превосходила численность французов (при этом многие из них «галлизировались»), тем не менее и те и другие после получения страной независимости в равной степени не смогли адаптироваться к новым условиям.

Все указанные факторы порождают поток беженцев, иммигрантов, «вынужденных переселенцев» из числа представителей титульной нации и непосредственно связанных с нею этнических групп. Сразу после распада державы Габсбургов более 350 тыс. венгров, в основном принадлежавших к среднему классу, были лишены своих жилищ и вытеснены из сопредельных стран на урезанную территорию своего национального государства³⁷¹. «Вплоть до второй мировой войны беженцы были оплотом правых сил и обладали несоразмерным своей численности влиянием в парламенте и в общественной жизни. Особо важное значение имело присущее им страстное бескомпромиссное стремление к возвращению всех утраченных Венгрией территорий. Оно сильно ограничивало свободу внешнеполитических действий Венгрии, исключая возможность налаживания отношений с соседями и способствуя роковому сближению страны с фашистской Италией и нацистской Германией», – пишет У.Р. Брубейкер³⁷².

Специфической, но в рамках тех же тенденций была ситуация после распада Третьего рейха. По решению держав-по-

³⁷¹ См.: War and Society in East Central Europe. New York, 1982. Vol. 6. P. 49. В «Краткой истории Венгрии» говорится о «более 300 тысячах венгерских магнатов и чиновников», бежавших в основном в Будапешт (Краткая история Венгрии. С. 362). У.Р. Брубейкер называет цифру 424 тысячи переселенцев за первые шесть лет после окончания Первой мировой войны, из которых около 85% прибыли в Венгрию в период с последних месяцев 1918 г. до конца 1920 г., благодаря чему население Венгрии в новых границах увеличилось примерно на 5%.

³⁷² Брубейкер У.Р. Постимперская ситуация и разъединение народов в сравнительно-исторической перспективе. URL: <http://www.hrighs.ru/text/b3/Chapter2.htm> (дата обращения: 16.04.2018).

бедительниц почти все немецкое население было выселено не только с отторгнутых от Германии территорий, но и из всех стран Восточной Европы, захваченных или входивших в сферу влияния нацистской империи. Только из Чехословакии было депортировано более 3 млн немцев, что сопровождалось целым рядом массовых расправ. «Вопрос об исторической оправданности депортации немцев еще более сложен. Сейчас уже почти никто не отрицает, что с моральной точки зрения случившееся оправдано быть не может, даже если учитывать предшествовавшие выселению жестокости нацистов. Исторические проблемы не решаются методом “око за око”. В то же время, учитывая психологическую обстановку середины 40-х годов, сложно представить себе дальнейшее мирное сосуществование чехов и немцев в Чехословакии», – размышлял историк Ярослав Шимов в радиопередаче, посвященной взаимоотношению чехов и немцев³⁷³.

Во многом таким же образом обстояли дела при распаде колониальных империй. Постепенный исход англичан и других европейцев наблюдался в большинстве «туземных» колоний Британской империи после обретения ими независимости. По утверждению президента Португалии М. Соареша, более миллиона его соотечественников вынуждены были после распада империи покинуть бывшие колонии³⁷⁴. Число англичан и французов, оказавшихся в тех же обстоятельствах, было еще большим. При этом вряд ли можно согласиться с польским публицистом Рышардом Капуциньским в том, будто португальцев из Луанды, а русских из Баку изгоняла «нечистая совесть колонизаторов»³⁷⁵. Даже если принимать во внимание лишь

³⁷³ Шимов Я. Чехи и немцы: история непростого соседства. URL: <http://www.radio.cz/ru/rubrika/progulki/chexi-i-nemcy-istoriya-neprostopogo-sosedstva> (дата обращения: 16.04.2018).

³⁷⁴ Беседа М. Соареша с Ю. Щекочихиным // Лит. газета. 1993. 7 июля.

³⁷⁵ См.: Капуциньский Р. Империя // Знамя. № 2. 1994. С. 139–140. Суждения польского автора тем более сомнительны, что в отличие от Варшавы Баку в имперские времена развивался преимущественно как многонациональный космополитичный город, а Луанда и вовсе была основана колонизаторами.

психологические факторы исхода, важнейшим из них будет душевный дискомфорт, связанный с крушением прежнего уклада жизни и нестабильностью нового положения вещей.

«Разделенность» бывшего имперского этноса, безусловно, стимулирует в нем реваншистские настроения, в том числе в их самой крайней форме. Не в состоянии, по крайней мере в течение какого-то времени, повлиять на ситуацию за границей, эти настроения вполне могут обрушиться на «внутреннего врага». Вполне возможно, что цивилизованный консерватизм просто растворится в этой ситуации либо окажется оттеснен с политической сцены. Фактор «разделения» нации по итогам Первой мировой войны сыграл, например, определенную роль в установлении фашистских режимов в Германии и Австрии.

В Венгрии еще при правительстве Кароли с целью «освобождения оккупированных областей» была создана организация «Пробуждающиеся мадьяры». Вскоре, однако, ее целью было провозглашено создание «свободной от евреев национальной Венгрии, служащей защитой от большевизма и сирийской опасности»³⁷⁶. Члены этой организации были активными участниками и даже зачинщиками еврейских погромов, прокатившихся по Венгрии в начале 1920-х гг.

В дальнейшем соотечественники, перебивавшиеся в Венгрию из сопредельных стран, кто в поисках возможности получить образование на родном языке, кто спасаясь от дискриминации, в немалой степени способствовали тому, что националистические чувства продолжали оставаться сильными. В начале Второй мировой войны с помощью Гитлера венграм удалось присоединить населенные соотечественниками территории к своему государству. Платой за это стало дальнейшее участие в военных действиях против СССР. Значимость достигнутого национального единства оказалась столь велика, что Венгрия являлась единственным союзником фашистской Германии, сохранившим ей верность до конца. Более того, именно

---

³⁷⁶ См.: Хейфец М.Я. Мировая реакция и еврейские погромы. Т. 2: Венгрия 1918–1922. Харьков, 1925. С. 25.

на завершающем этапе войны (правда, не без помощи немецких войск) в Венгрии был установлен собственно фашистский режим и начались этнические чистки. Однако все присоединенные территории были вновь отторгнуты победителями. Не считая Германии, Венгрия, по сути, стала единственной страной в Европе, к которой был применен самый жесткий подход: за ее счет компенсировались территориальные потери других стран. В результате территория Венгрии стала даже чуть меньше, чем была до войны.

Среди постимперских конфликтов следует выделить те, что возникают на периферийных территориях, где переселенческая община из числа представителей метрополии либо имела небольшой численный перевес над «туземцами», либо, составляя меньшинство, сосредоточивала в своих руках все основные ресурсы и рычаги управления. В первом случае метрополия при поддержке «переселенцев» обычно стремилась сохранить за собой данные территории, закрепить их в своем составе уже в постимперских условиях. Во втором случае «переселенцы» пытались удержать свое господствующее положение уже в рамках ими же созданного и провозглашенного независимого государства. Все это неизбежно вступало в противоречие с интересами и настроениями «непереселенцев». Конфликты такого рода свойственны разным имперским типам. Так, история распада Британской империи дает примеры постимперских конфликтов подобного рода как в «колониальном» (ЮАР, Южная Родезия), так и в «континентальном» (Ольстер) вариантах.

Если обратиться к последствиям распада Французской империи, то наиболее острым был конфликт в Алжире. Если бы на рубеже 60-х гг. здесь победили «ультра» из числа местных французов и военных, Алжир вполне мог бы стать подобием Южной Америки с ее режимом апартеида. По крайней мере, как признает французский политолог, профессор Сорбонны Филипп Ардон, к моменту прихода к власти де Голля «алжирская политика определялась в Алжире проживающими там

французами, которых поддерживала армия, а не на заседаниях правительства в Париже»³⁷⁷. Кстати, наличие сходных режимов на севере и юге африканского континента, возможно, создало бы совершенно иную ситуацию в третьем мире и в его отношениях с развитыми странами. Таким образом, совпадение векторов развития событий в двух крупнейших полупереселенческих колониях могло в значительной степени изменить ход мировой истории.

Однако обеспокоенность судьбой проживавших в Алжире французов в немалой степени способствовала тому, что правительство Франции оказалось в тупике длительной войны «на удержание» данной колонии. Кроме того, в силу упоминавшихся географических и исторических факторов эта война рассматривалась националистами не как колониальная, а как шедшая непосредственно на французской территории. Отсюда опасность прихода к власти праворадикальных сил и установления диктатуры возникала не только для Алжира, но и для метрополии. В результате подавление алжирских «ультра» стало одной из труднейших задач консервативной администрации во главе с де Голлем. После предоставления независимости Алжиру около миллиона проживавших там европейцев, преимущественно французов, вынуждены были выехать из этой страны. Оценивая трудность и значимость алжирской проблемы, советский историк Н. Н. Молчанов писал: «В истории распада колониальной системы империализма не было столь сложного, иногда, казалось, безвыходного положения, в которое попала Франция из-за Алжира. Ни одной бывшей колониальной державе не доводилось испытывать подобных внутренних конфликтов в связи с борьбой колониальных народов за освобождение»³⁷⁸.

На постсоветском пространстве к такого рода конфликтам можно отнести события в Приднестровье, а на территории бывшей Югославии – войну в Боснии. В том и другом случае конфликт можно признать одним из наиболее ожесточенных

³⁷⁷ Ардан Ф. Франция: Государственная система. М., 1994. С. 12.

³⁷⁸ Молчанов Н. Н. Указ. соч. С. 383.

и опасных, способных втянуть в него соседние государства. К этому же ряду проблем, вероятно, следует отнести и ситуацию с Калининградской областью Российской Федерации, представляющей собой созданную во времена СССР особую переселенческую территорию-форпост, не способную вписаться в новые, постимперские, реалии.

С нашей точки зрения, достаточно очевидна несостоятельность и пристрастность рассуждений Р. Капущиньского на рубеже 1990-х гг.: «...Есть разница между португальцем и французом, покидающим Африку, и русским, который вынужден переселиться из солнечного Баку или из прекрасной своей архитектурой Риги в такой угрюмый ужасающе холодный Норильск или гнетуще грязный и продымленный Челябинск. И то, что русские не хотят покидать Эстонию или Армению, меня не удивляет»³⁷⁹. Нет нужды доказывать, что далеко не все «англизычные» жители Южной Родезии с легкой душой покидали Солсбери, дабы переселиться в какой-нибудь не менее продымленный, чем Челябинск, Бирмингем, и далеко не все французы из Алжира мечтали осесть в каком-нибудь из депрессивных шахтерских городков Эльзаса. Специфика российской ситуации заключена не в различии климатических условий (очень сильно различающихся на огромной территории страны) и не в некоей неспособности русского народа обустроить место своего проживания, а в континентальном характере империи и многочисленности русскоязычной диаспоры новых независимых государств.

В целом в России 1990-х гг. беспокойство за судьбы русскоязычного населения в ближнем зарубежье ощущалось достаточно сильно. Для того было немало оснований. Даже в отношении Балтии приходится признать, что жесткость национальной политики, направленной на вытеснение «неграждан», иногда бывала не меньшей, чем жесткость курса на ассимиляцию (вернее, даже не на ассимиляцию, а на «разбавление») коренной нации, проводившегося во времена империи. Отсюда,

³⁷⁹ Капущиньский Р. Указ. соч. С. 140.

как осторожно констатировали латвийские социологи, «переход русских с позиций имперского сознания на идейные позиции, характерные для национального меньшинства, оказался непростым»³⁸⁰. Правда, в странах Балтии с их достаточно высоким уровнем жизни и близостью к европейскому центру цивилизации русскоязычные оказались все же в положении не худшем, а во многом и лучше, чем иностранные рабочие в развитых странах Запада: турки в Германии или арабы во Франции. Поэтому если представители русского меньшинства хотели выезжать, то, как правило, не на историческую родину, где их ждал более низкий уровень жизни и меньшая уверенность в будущем. Европейское направление эмиграции для многих русскоязычных жителей Прибалтики оказывалось более привлекательным, чем российское. Напротив, экономические, социальные и политические реалии некоторых новых независимых государств Центральной Азии и Закавказья вызвали мощный поток оттуда русскоязычных беженцев. Ситуация, как известно, дополнительно осложнялась вытеснением русскоязычных из некоторых национальных регионов самой РФ.

В результате проблемы оказавшихся за границей соотечественников приобрели в постсоветской России большое политическое значение и не раз становились ставкой в игре различных сил. «Не будет мира и покоя в самой России, если она не обеспечит мира и покоя нашим зарубежным соотечественникам», – провозгласил еще в 1993 г. В. Гуцин³⁸¹. Под этим тезисом были готовы подписаться представители почти всех основных партий, существовавших в тот период в стране. Д. Ливен, отмечая, что 25 млн русских в новых независимых государствах потенциально могут стать орудием в попытках восстановить российское господство в пределах бывшего СССР, делал вывод: «Хотя постимперские травмы России не обязательно глубже и сложнее, чем понесенные в свое время другими имперски-

---

³⁸⁰ Волков В.В. Латвия: Смена этнокультурной доминанты русской молодежи //Социологические исследования. 1998. № 4. С. 29.

³⁸¹ Гуцин В. Указ.соч.

ми нациями, они, конечно, более важны и потенциально более опасны»³⁸².

Однако, как убедительно показал в своем исследовании И.А. Зевелёв, отношение России к проблемам соотечественников в ближнем зарубежье фактически весь постсоветский период представляло собой сочетание прагматичной политики и громкой риторики. Можно также согласиться с предположением данного автора о том, что «заявления России о защите соотечественников, быть может, помогли психологически справиться с последствиями распада Советского Союза. Такая риторика оказалась способной частично снять противоречия, связанные с политикой государственного строительства в пределах нынешних границ России, хотя они по представлению многих россиян и не отражали ни исторического опыта, ни представлений о “своем” пространстве»³⁸³.

Несмотря на то что ущемление в правах и интересах русскоязычного населения в Эстонии и Латвии в реальности было меньшим, чем в ряде других бывших республиках Советского Союза, российские политики и «патриотическая общественность» в первую очередь сосредоточили свои усилия по проявлению солидарности с соотечественниками за рубежом именно на этом направлении. Этому достаточно легко найти объяснение. Во-первых, именно потому, что здесь не было опасности погромов и этнических чисток, вмешательство со стороны России было менее опасно для русского меньшинства. А, например, в Средней Азии, где русскоязычное население могло подвергнуться полномасштабным гонениям со стороны представителей коренных национальностей, ни вмешательство России, ни местные режимы не смогли бы его защитить (ситуация еще больше осложнялась, если репрессий в отношении русскоязычных под-

---

³⁸² Lieven D. The Russian Empire and the Soviet Union as Imperial Polities // Journal of Contemporary History. 1995. Vol. 30.P. 612–613.

³⁸³ Зевелёв И.А. Соотечественники в российской политике на постсоветском пространстве: наследие империи и государственный прагматизм // Наследие империй и будущее России. М., 2008. С. 282–283.

данных можно было ожидать от самого режима). Во-вторых, из-за того, что большинство русскоязычных жителей Балтии не собирались никуда уезжать, они сумели придать организованный характер действиям в защиту своих интересов и прав. А достаточно развитое и децентрализованное информационное пространство делало их проблемы более видимыми миру.

В течение 1990-х гг. Россия неоднократно пыталась оказать воздействие на правительства Латвии и Эстонии с целью улучшить положение русскоязычного населения в этих государствах. Различные политические силы в России стремились использовать данную проблему в своих целях. Однако отдельные попытки российского руководства проводить жесткую линию в этом вопросе давали лишь обратный эффект и способствовали политической мобилизации в поддержку консервативно-националистического лагеря в Риге и Таллинне.

Более эффективным оказалось давление стран Запада, особенно в связи с открывшимися для балтийских республик перспективами вступления в НАТО и ЕС: власти Латвии и Эстонии значительно смягчили свою позицию в вопросах предоставления гражданства, использования государственного языка и т.д. Доля «неграждан» в Эстонии (с учетом естественной убыли) сократилась за два десятилетия независимости с 30 до 10%, в Латвии – более чем в два раза. Права русскоязычного населения продолжают оставаться предметом острого конфликта как во внутривнутриполитической жизни балтийских республик, так и в их отношениях с внешним миром. Однако накал этого конфликта постепенно уменьшается. В то же время «обиды» российских державников на народы Балтии, сыгравшие особую роль в распаде СССР, а затем ущемившие права лояльных России соотечественников, столь велики, что некоторые из них мечтают о том, что в будущем мире от прибалтов «не то что костей, даже воспоминаний не осталось»³⁸⁴.

---

³⁸⁴ Шевцов В. Российская империя: ретроспектива и утопия // Время новостей. М.: Лимбус Пресс, 2007. № 10, 23 января. Речь идет о книге Михаила Юрьева «Третья империя. Россия, которая должна быть».

Структура иммиграции в Россию из других бывших союзных республик уже к исходу первого десятилетия после распада СССР радикально изменилась. Со второй половины 1990-х гг. масштаб миграции русскоязычного населения из стран ближнего зарубежья стал постепенно, но неуклонно уменьшаться. В докладе, опубликованном в 2005 г. в «Аналитическом вестнике Совета Федерации Федерального Собрания РФ», так определялись причины данного явления: «К настоящему времени остановлены военные действия во всех регионах крупных конфликтов в странах СНГ, что привело к сокращению потоков вынужденной миграции. Кроме того, контингенты, наиболее недовольные местными условиями и инициативные, успели выехать раньше, а оставшиеся с течением времени вынуждены постепенно адаптироваться к новым условиям. Россия, со своей стороны, теряет привлекательность из-за периодических военных действий в Чечне, политической нестабильности (особенно в 1998–1999 гг.), сложных и запутанных бюрократических процедур, связанных с переселением, неустойчивости рубля»³⁸⁵. В 2000-е гг. по мере экономического подъема стала быстро расти трудовая иммиграция в Россию, прежде всего за счет представителей коренных этносов ближнего зарубежья. Внесение в 2006 г. в законодательство поправок, помимо прочего облегчивших приобретение российского гражданства для лиц, родившихся или получивших образование на территории РСФСР, не смогло изменить структуру иммиграции.

В этих условиях конфликт, связанный с иммигрантами из бывших имперских владений, прибывающими в бывшую метрополию и сохранившиеся под ее властью провинции, посте-

---

³⁸⁵ О миграционных процессах и мерах миграционной политики в современной России. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2005/vestniksf277-25/vestniksf277-25080.htm#p4> (дата обращения: 16.04.2018). В докладе также приведены данные о вынужденных переселенцах и беженцах, общая численность которых на 1 января 2003 г. составляла 505,7 тыс. чел. Около 43% их (217,3 тыс.) составляли жители Казахстана, 12,9% (65,2 тыс.) – Узбекистана, 8,9% (45 тыс.) – Таджикистана.

ленно приобретает все большее значение по сравнению с конфликтами вокруг «колонистов» и их потомков в тех же самых владениях. Постсоветская Россия, таким образом, и в этом отношении имеет сходство с метрополиями бывших колониальных держав.

ЧТО ДАЕТ РАСПАД ИМПЕРИИ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ДЕМОКРАТИИ?

Для развития и распространения демократии последствия распада империи имеют разное значение. Конечно, любое имперское образование в силу подчиненности «периферии» «центру» недемократично по своей сути. В той мере, в какой распад империи означает *самоопределение* различных этносов и территориальных сообществ, он является торжеством демократии. Но распад империи неизбежно приводит к кризису и прежнюю систему связей между государством и личностью, а следовательно, делает возможной ее замену на менее демократическую. Однако такая возможность реализуется далеко не всегда.

Одна из причин этого кроется в отсутствии прочных альтернативных политических структур. В результате в новых независимых государствах вертикаль власти может оказаться не менее жесткой, чем в империи, но при этом она будет «короче», а следовательно, менее способна «амортизировать» произвол. Сразу после распада Советского Союза об этом предупреждал в своей статье А.Ф. Филиппов: «При становлении государств, вынужденных противоборствовать универсальным силам империи, оформляется абсолютизм, в конструкции которого поначалу переносится слишком много от имперского полновластия»³⁸⁶.

В условиях постимперского переустройства в различных частях бывшей периферии к власти часто приходят всяческие «царьки» и «узурпаторы», многие из которых хотели бы видеть

³⁸⁶ Филиппов А.Ф. Указ. соч. С. 112.

себя великими правителями. Самое курьезное и одновременно трагическое воплощение имперская идея нашла в непродолжительном царствовании бывшего капитана французской армии Жана Беделя Бокассы, провозгласившего себя Центрально-Африканским императором Бокассой I. С одной стороны, он подражал своему кумиру – Наполеону, с другой – сам был «продуктом распада» Французской колониальной империи. Правление императора-людоеда (в прямом смысле этого слова), как известно, нанесло огромный ущерб этой стране.

Кроме того, после распада империи заканчивается «цивилизаторская миссия» более развитых (в том числе в политическом плане) регионов империи по отношению к более отсталым. Обретя независимость, они могут замкнуться в рамках своих далеко не демократических традиций. Этому способствует то обстоятельство, что неизбежно происходит размежевание участвовавших в освободительном движении либеральных и националистических сил. Опять-таки сразу после распада СССР А. Кива, совершенно справедливо предупреждал: «Надо иметь в виду, что, когда “сходятся вместе” задачи демократической и национально-демократической (национально-освободительной) революции, “национальное”, как правило, теснит “демократическое”»³⁸⁷. В пользу такого вывода мог свидетельствовать как опыт распада «континентальных» Австро-Венгерской, Российской, Германской и Турецкой империй после Первой мировой войны, так и опыт распада колониальных держав после Второй мировой. «Кто помнит крушение английской, французской и португальской колониальных империй и образование на их месте множества молодых государств, тот без труда может усмотреть сходство между теми процессами, которые происходили тогда, и теми, что происходят ныне у нас, – писал А. Кива. – ... Заменяя слово “метрополия” на “центр” я как бы снова очутился в молодых государствах где-то в начале и даже середине 60-х годов»³⁸⁸.

³⁸⁷ Кива А. Указ. соч. С. 21.

³⁸⁸ Там же. С. 20.

Следует вспомнить, что в 1960-е гг. социально-политические реалии стран, добившихся своей независимости в результате крушения колониальных империй, зачастую рассматривались как свидетельство полного провала «цивилизаторской миссии» как таковой. Известный американский социолог Э. Шилз полагал, например, что «культура центра в колониальных странах не способна пропитать периферию», и, исходя из этого, констатировал, что «ни одному из бывших колониальных обществ не удалось преобразоваться после получения независимости в современное массовое общество, гражданское в своей политической жизни»³⁸⁹. Этот вывод, безусловно, содержал в себе не только зерно истины, но и большую долю преувеличения. Цивилизаторская миссия, как уже отмечалось, не была «пустой выдумкой», и обретение независимости вовсе не перечеркивает ее результатов. Однако на начальном этапе становления молодых государств местные националисты и традиционалисты, как правило, оказываются в более благоприятном положении, чем демократы и сторонники прогресса. Даваемые ими объяснения и рецепты именно в силу своей простоты оказывались более понятны и по крайней мере в какой-то момент более привлекательны.

Таким образом, в самом процессе распада империи заложены тенденции, ведущие как к расширению, так и к ограничению демократии. Очевидно, что отношения Москвы и Тбилиси или Лондона и Дели сейчас несравненно более «демократические», чем в имперские времена. Тем не менее при всей жесткости колониальной политики в английских владениях существовали, видимо, все же более демократические порядки, чем в Пакистане времен Зия-уль-Хака или в Уганде при правлении Иди Амине. Сходный вывод напрашивается при сравнении ситуации советских времен и порядков, воцарившихся в ряде бывших союзных республик.

³⁸⁹ Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход //Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. М., 1972. С. 355.

Как отмечал после украинских событий 2004 г. немецкий политолог П.В. Шульце, «большинство государств СНГ пока следуют курсом, основанным на авторитарных административных и централистских концепциях, где изменений или вовсе нет или же они идут по традиционной модели “революции сверху”». При этом политические режимы, которые следовали этой модели, как признавал данный автор, апеллируя прежде всего к российскому случаю, «довольно успешно легитимизировали себя тем, что обеспечивали политическую стабильность и экономическое благополучие». Только «оранжевая революция», по мнению Шульце, впервые после распада СССР привела к возникновению «новой парадигмы власти в Восточной Европе»³⁹⁰.

Отсутствие всякой демократии на постсоветском пространстве, как правило, ассоциируется с политическим режимом в Туркменистане, которому действительно присущи почти все основные черты классического тоталитаризма. Действующий в момент распада СССР имперский наместник последовательно устранил все помехи для безграничной власти – от «воров в законе» до сторонников либерализации. Тоталитарная основа режима настолько устойчива, что фактически выдержала испытание переходом власти от одного лидера к другому.

Определенное отступление от канонов и стандартов демократии наблюдается и в более «цивилизованных» частях империи, где гораздо четче прослеживается влияние западных либеральных традиций. В период поздней перестройки мощным фактором, определявшим расстановку политических сил в СССР, стал единый фронт «демократов», опиравшихся на поддержку крупных городов и прибалтийских «националистов». Однако при внимательном наблюдении он оказывался не таким уж единым. Это проявилось, в частности, на Съезде народных депутатов СССР во время обсуждения вопроса о праве на забастовку. Академик Сахаров пред-

---

³⁹⁰ Шульце П.В. Борьба за ближнее зарубежье: Украина, Россия и Европейский союз // Оранжевая революция». Украинская версия. М., 2005. С. 255.

ложил от лица «демократов» законодательно закрепить право на политическую стачку. Однако он не только встретил обычное сопротивление «консерваторов» и «реакционеров», но и не получил поддержки от большинства прибалтийской делегации. Для прибалтов политическая стачка в тех условиях ассоциировалась прежде всего с возможными действиями «Интерфронтов», имевших серьезную поддержку на крупных предприятиях, где работало большинство «русскоязычных». Общедемократические ценности вступали, таким образом, в противоречие с национальной идеей, и предпочтение отдавалось вовсе не им.

Освободительное движение в Прибалтике в период перестройки встречало довольно настороженное отношение со стороны либеральных кругов на Западе. Отчитываясь о визите делегации Народного фронта Латвии (НФД) в Европарламент, один из ее руководителей, Янис Юрканс, вынужден был констатировать: «Чем больше фракция, тем меньше интереса проявляла она к делам балтийских стран»³⁹¹. Объяснялось это, по-видимому, не только симпатиями к Горбачеву и все еще существовавшей боязнью поссориться с Советским Союзом – сказывалось еще и различие систем ценностей. В этом плане заслуживает внимания еще одно признание Юрканса: «Отзывчивой оказалась фракция правых, состоящая из представителей Французского национального фронта и Республиканской партии ФРГ. Однако эта фракция заслужила недобрую славу»³⁹². Показательна политическая судьба самого Юрканса, принадлежавшего к либеральному крылу НФЛ. Став министром иностранных дел в независимой Латвии, он довольно скоро вынужден был оставить этот пост, поскольку, с точки зрения своих бывших товарищей по борьбе за свободу, недостаточно рьяно защищал «национальные интересы» и занимал слишком мягкую позицию в вопросе о правах русскоязычного населения. В то время автор одной из статей, явно симпатизировавший освободительному движению в Прибалтике, вынужден был все же

³⁹¹ Атмода. 1989. 13 ноября. С. 7.

³⁹² Там же.

констатировать: «Бывшие лидеры или перестраиваются вправо, или уходят»³⁹³.

В целом можно признать, что за годы, прошедшие после распада СССР, дифференциация стран постсоветского пространства с точки зрения состояния дел с демократией усилилась и стала более четкой и устойчивой. Примерно такая же дифференциация происходила и среди регионов Российской Федерации, рыхлость политического пространства которой в конце 1990-х – начале 2000-х гг. сделала столь востребованным термин «региональный политический режим».

«Урон от распада государства и последующей длительной депрессии оказался таким, что стало трудно даже представить, как гражданское движение за демократизацию и неолигархическое рыночное развитие могло бы вообще возродиться», – полагал в конце 2000-х Георгий Дерлугьян, имея в виду не только добившиеся независимости страны постсоветского пространства, но и российские регионы³⁹⁴ и, вероятно, все же несколько сгущая краски.

Какие части империи от ее распада выиграют, а какие проиграют с точки зрения развития демократии, далеко не всегда можно предсказать. Насколько предсказуемо было, например, в период распада державы Габсбургов то, что на ее чешских и словацких землях будет установлен внутренне вполне устойчивый демократический режим, а венгерское территориальное ядро окажется под властью сменяющих друг друга авторитарных диктатур? Или, когда настала очередь Британской империи, то, что после ухода колонизаторов в Индии укрепится вестминстерская форма правления, будут проходить свобод-

---

³⁹³ Зубов А. Балтия: трагедия сбывшейся мечты // Октябрь. 1994. № 2. С. 169. О размежевании националистов с бывшими союзниками – «космополитично» ориентированными либералами – в постсоветской Белоруссии писал, например, О. Буховец (Буховец О. Указ. соч. С. 174).

³⁹⁴ Дерлугьян Г. Адепт Бурдые на Кавказе. Эскизы к биографии в миросистемной перспективе. М., 2010. С. 500.

ные выборы и открытая партийная борьба, а в Уганде вскоре придет к власти кровавый деспот?

Можно констатировать в частности, что различие в развитии демократии не зависит напрямую от скорости распада империи. Плавный переход Австралии к независимости несколько не сказывался на степени развития демократии в этой стране. Столь же плавный переход к независимости Южной Африки означал постепенное сползание к диктатуре.

Безусловно, для демократизации имеют значение уровень и характер экономического развития. Последний во многом определяет соотношение потерь и выгод для данной страны или региона в результате распада империи. Однако диктатура может быть установлена и в условиях экономического кризиса и при достаточном экономическом благополучии.

Существенное влияние на процессы демократизации оказывают доимперский исторический опыт населения тех или иных территорий постимперского пространства, восходящие к тому времени традиции, а также тяготение различных частей постимперского пространства к тем или иным внешним «центрам притяжения». На это указывает, в частности, Д. Фурман, отмечая, что в поздний период существования СССР «реальные, неформальные механизмы социальной жизни начинают все больше и больше определяться не нормами коммунистической идеологии, а нормами национальных культур». По мнению данного автора, «фактически внутри СССР начинают складываться абсолютно разные общества. И то, что после распада СССР невероятно быстро они пошли совершенно разными путями и очень быстро достигли предельных точек, возможных в их политическом развитии, говорит о том, что все это уже было заложено в них»³⁹⁵.

И все же, с нашей точки зрения, различие в состоянии дел с демократией в рамках постимперского пространства

---

³⁹⁵ Фурман Д. От Российской империи до распада СНГ // Публичные лекции «Полит.ру». URL: <https://polit.ru/article/2005/10/05/furman/> (дата обращения: 16.04.2018). В ходе дискуссии, возникшей после прочтения данной лекции,

во многом обусловлено не только национальными традициями и внешним влиянием, но и местом и особенностями развития той или иной страны в прежней политической имперской системе, а также общей ситуацией и расстановкой политических сил, сложившимися в конкретной стране в период распада данной системы, – это те основные внутренние условия, в которых происходит заполнение возникшего вакуума власти.

На основании этого представляется возможным выделить типы постимперских стран и регионов.

1. «Гнилые местечки» постимперского пространства – территории, слабые с точки зрения экономики, этнических притязаний населения, амбиций и ресурсов элиты, характеризующиеся отсутствием значимых местных акторов. Их появление в качестве самостоятельных или автономных политических систем во многом обусловлено причудами административного деления, существовавшего в распавшейся империи. Такие территории легко могут быть «куплены» или «завоеваны» извне. Примерами в данном случае могут служить малые страны Центральной Америки после завоевания независимости от Испании. Немало таких стран было и среди государств, освободившихся от колониальной зависимости во второй половине XX столетия. Достаточно вспомнить историю с вооруженным захватом Коморских островов отрядом международных авантюристов и наемников. Среди республик бывшего Советского Союза образований подобного типа нет. Но их было довольно много на региональном уровне в РФ до того, как политика централизации и унификации российского политического пространства не привела к некоторым результатам. Примерами могут служить Чукотка, Корякский, Коми-Пермяцкий округи, некоторые небольшие области. Если термин «несостоявшиеся государства» вообще имеет право

Дмитрий Фурман признался, что не может объяснить историческим опытом и национальными традициями специфику политического режима Молдовы, противопоставляемого им в то время всем остальным государствам – членам СНГ (Там же).

на употребление, то он подходит, пожалуй, именно к данному типу.

2. «Вотчины режимов личной власти» В этих государствах и регионах уже должен наличествовать ресурс – экономический или/и этнический, достаточный для обеспечения независимого или автономного существования. Однако, как правило, это территории, большинство населения которых в период распада империи не стремилось активно к независимости или самостоятельности и не было готово к ней. В условиях крушения прежней политической системы возникает вакуум власти и бонапартистская ситуация, в которой достаточно сильный руководитель, дистанцируясь от идеологии или навязывая свою, становится ключевым фактором формирования политического режима. Жесткость этого режима будет зависеть в основном от особенностей традиций и конфигурации внешних полей воздействия. Крайним случаем, наверное, следует считать пресловутого императора Центрально-Африканской империи Ж.П. Бокассу. Но во главе режима в таких странах оказывались и значительно менее одиозные лидеры, в том числе те, кто с тем или иным успехом проводил политику модернизации. Под этот тип безусловно подпадают государства Центральной Азии. Из субъектов РФ к нему можно отнести не только многие республики – Татарстан при Минтимере Шаймиеве, Башкортостан при Муртазе Рахимове, Калмыкию при Кирсане Илюмжинове, но и мегаполис Москву при Юрии Лужкове и ряд других регионов. В какой-то степени к этому типу сейчас можно отнести и Россию в целом.

3. «Территории доминирования идеологии». Это те территории, где велась наиболее острая борьба противников и сторонников империи в период ее распада. Идеологический фактор, игравший большую роль в этот период, сохраняет свое значение и в дальнейшем. Любая идеология в той или иной мере обладает тоталитарным потенциалом. В постимперских условиях речь идет, как правило, о той или иной разновидности национализма – либо разросшегося на волне борьбы за национальное освобождение, оттесненного после победы либеральных и прочих

попутчиков, либо питаемого ущемленным достоинством и ностальгией по утраченному величию прежде господствовавшей нации. И то и другое в случае экономических неурядиц и угрозы социальных потрясений чревато угрозой установления тоталитарного режима (классический германский пример). Такая угроза реализуется далеко не всегда, национализм может проявляться и в мягкой форме, тем не менее он приводит к ограничению прав и свобод отдельных категорий населения, преимущественно по национальному признаку. К данному типу относятся постсоветские Латвия и Эстония.

4. «Территории институциональных конфликтов» (например, между президентом и парламентом, губернатором и мэром, этническими группами, создавшими собственные партии, и т.д.). Расстановка сил, благоприятствующая возникновению таких конфликтов, часто обусловлена ситуацией, связанной с распадом империи. При этом речь может идти о сложносоставных образованиях, конфигурация которых вызрела в теле империи путем объединения различных территориальных или/и этнических элементов и которым удалось сохранить ее полностью или в большей степени в условиях имперского распада. Эти образования могут быть как гигантскими (Индия, Украина), так и небольшими (Ливан, Дагестан). Демократия в случае таких конфликтов возникает стихийно, как следствие определенной расстановки сил, она не имеет под собой достаточной базы и, соответственно, может легко прекратить свое существование в случае, если конфликт будет разрешен. Если же ситуация конфликта длится достаточно долго, то может возникнуть «привыкание» к демократии. Можно согласиться с составителем рейтинга «демократичности» российских регионов Н.В. Петровым в том, что «для рейтинга электоральной демократичности и, хочется верить, для демократичности вообще конфликты-противостояния, в том числе приводящие к смене власти на выборах, важнее, чем наличие «губернатора-демократа»»³⁹⁶.

---

³⁹⁶ Петров Н.В. Пермская область оказалась демократичнее Москвы и Санкт-Петербурга// Панорама исследований политики Прикамья: Альманах. Пермь,

5. «Территории существующей или формирующейся системной демократии». Это те территории, где по каким-либо причинам демократическая составляющая в антиимперском движении оказалась значительно сильнее консервативно-националистической, а позитивные последствия распада империи стали сопоставимы с негативными. Этнический фактор на этих территориях не должен быть четко выражен, а экономический потенциал, напротив, должен быть значителен. Развитию по этому пути может способствовать выполнение данной территорией в рамках распавшейся имперской системы таких специфических и разноплановых функций, как «торговый перевалочный пункт», «образовательный и научно-технологический центр», «каторга» (как ни парадоксально) и др. В данном случае помимо соперничества сильных акторов происходит развитие институтов гражданского общества и формирование политической культуры гражданского типа. При этом отсутствует доминирующая идеология. Такие общества в принципе могут сохранить свои характеристики, пережив приход к власти правителя, склонного к авторитаризму, и даже «перевоспитать» его.

Конечно, не каждая часть постимперского пространства может быть однозначно отнесена к одному из данных типов. Естественно также, что с течением времени различные постимперские регионы и государства могут переходить из одного типа в другой. Рассмотренный критерий вообще не является абсолютным. Как следует из сказанного ранее, речь идет лишь об одном факторе, влияющем на уровень демократичности в рамках постимперского пространства, но факторе, который представляется очень важным.

ОБРАТИМ ЛИ ПРОЦЕСС РАСПАДА ИМПЕРИИ?

«Империю распадаются без наркоза!» – предостерегал в 1990 г. Б. Львин³⁹⁷. Но это не так. «Миф – обезболивающий наркотик, которым история облегчает страдания обреченных», – справедливо отмечал А.А. Пелипенко³⁹⁸, рассуждая о процессе распада империй, но имея в виду все же несколько иные мифы, чем те, о которых речь пойдет далее.

Существуют по крайней мере две иллюзии, способные облегчить восприятие происходящего. И одной из них является иллюзия обратимости процесса распада империи, которая, как уже было показано, вполне может получить распространение в обоих вариантах распада империй, как в условиях «размывания», так и вследствие «обвала».

В первом случае, поскольку фазы распада растянуты во времени, каждый шаг в направлении дезинтеграции может рассматриваться как ограниченное по своим масштабам и последствиям событие. Потери, которые несет империя, предстают временными неудачами в длительной позиционной борьбе, которую предстоит вести дальше и окончательный исход которой пока неясен.

«Обвал», напротив, скоротечен по времени и поэтому воспринимается энтузиастами и апологетами империи как некий кошмар, который не может продолжаться вечно или даже

³⁹⁷ Львин Б. Указ. соч. С. 11.

³⁹⁸ Пелипенко А.А. Закат империи.

сколько-нибудь длительный период. И если уж великая держава разваливается столь быстро и легко, то предполагается, что она точно так же может быть восстановлена. Один из лидеров державников в 1990-е гг., В. Алкснис, заявлял в интервью, данном сразу после Беловежских соглашений: «...Когда сегодня говорят “бывший Советский Союз”, я этого не признаю. Это каким-то политикам хотелось бы похоронить Союз. Но он живой! Жив наш народ, десятки, сотни миллионов людей объединены понятием “советский народ”, и не так-то просто это вытравить из их душ». На прямой вопрос «Когда начнется возрождение Союза?» Алкснис ответил, хотя и уклончиво, но все же вполне оптимистично: «Уже весной в обществе настроение будет иным»³⁹⁹. Автор одного из откликов на это интервью писал, что прочитал его, «и на душе стало немного веселей».

Распространению и укреплению иллюзии обратимости способствует также сохранение в течение определенного времени экономической, в особенности транспортной, инфраструктуры империи. М. Геллер, завершая свою трехтомную «Историю Российской империи», отмечал, в частности: «...Сохранились как кровеносные сосуды одного организма железнодорожные линии, нитки газо- и нефтепроводов, экономические связи, стягивающие далекие регионы. Сохранилось живое наследство империи после того, как ее политические формы были разбиты»⁴⁰⁰. На практике эти «кровеносные сосуды» в конечном счете либо рвутся, либо образуют иную схему, питая новый организм. Но это тоже происходит не сразу и возникает надежда, что «экономика все-таки возьмет свое» или «не выдержит надругательства над собой», как предрекал тот же Алкснис. Экономика по большому счету действительно свое бе-

³⁹⁹ Алкснис В. И все-таки я верю // Советская Россия. 1991. 11 декабря.

⁴⁰⁰ Геллер М. История Российской империи. М., 1997. Т. 3. С. 282. По утверждению известного специалиста в области экономики европейских стран Ю.В. Шишкова, Британская империя в первый послевоенный период, особенно в 50-х гг., «имела почти такую же степень торговой зависимости», как бывшие союзные республики в конце 90-х гг. (Заглядывая в XXI век: Европейский Союз и Содружество независимых государств. М., 1998. С. 181).

рет, но далеко не всегда при этом оправдывает ожидания тех, кто полагал прежние экономические связи и интересы невынужденными, – распад империи в значительной мере освобождает их от пут политической целесообразности.

Неустойчивость многих режимов, приходящих к власти в новых независимых государствах, быстрота изменения политической ситуации, изменчивость военной удачи в вооруженных конфликтах вместе с упомянутым новообращением бывших оппонентов порождают иллюзию обратимости прошедшего – не абстрактной («когда-нибудь в будущем», «через сто или тысячу лет»), что обеспечивало бы постепенную адаптацию к сложившемуся положению вещей, а вполне конкретной, за которую следует бороться сейчас.

Современный российский публицист Егор Холмогоров, представитель радикальной части державно-патриотического лагеря, используя в отношении Грузии упоминавшийся термин «малая империя» (предложенный, напомним, академиком Сахаровым), утверждает, что единственный рецепт разрешения ее проблем – это включение в состав прежней-новой «большой» империи: «Единственное решение, которое всерьез может предложить Грузии Россия, – это реинтеграция в покинутую (но отнюдь не исчезнувшую *de facto*, хоть и покоцанную и распущенную *de jure*) империю. Тем самым проблемы “малой империи” растворяются в проблемах империи большой, не имеющей никаких оснований ни абхазов вынуждать быть грузинами, ни грузин – абхазами, ни как-то еще, но при этом не позволяющей бегать по горам с автоматами ни грузинам, ни абхазам, ни чеченцам. В большой империи большая часть нынешних конфликтов станет попросту неактуальна, причем их снятие отнюдь не требует признания поражения ни одной из сторон»⁴⁰¹.

При этом важную роль в восприятии происходящего играет тот фон, на котором разворачивается распад империи,

---

⁴⁰¹ Холмогоров Е. Империя – это мир... А «малая империя» – это перманентная война. URL: http://www.globalrus.ru/all_discussions/georgia/74495 (дата обращения: 16.04.2018).

в частности, положение и состояние других крупных государственных образований в данный период. Особенно это касается держав, выступавших в течение длительного исторического периода в качестве основных противников и соперников разваливающейся или уже развалившейся империи.

Г.П. Федотов некогда, предрекая распад СССР, надеялся, что «даже чувство сожаления от утраты былого могущества будет смягчено тем, что никто из былых соперников в старой Европе не займет ее (России. – О.П.) места. Все старые Империи исчезнут»⁴⁰². Однако, когда почти через полвека этот распад действительно произошел, для сравнения выбирались уже совсем другие, не принадлежавшие к «старой Европе», державы.

В 1990-е гг. российскими политиками и общественным мнением страны очень болезненно воспринимались любые факты, свидетельствующие о подлинном или мнимом росте державного могущества США в современном мире. В этих условиях расширение НАТО на восток не могло не вызвать жесткого сопротивления в России в силу даже не столько объективного содержания этой акции, сколько ее символического значения. Г.А. Зюганов с удовлетворением констатировал в одной из своих работ: «Решение о расширении НАТО на восток стало холодным душем для многих российских политиков. ... Впрочем, нет худа без добра. Такая угроза консолидировала национальную элиту России, во всех остальных отношениях разобщенную идеологическими противоречиями»⁴⁰³.

Следует также отметить, что за полвека СССР оказался единственной из великих держав высокого ранга, прекратившей свое существование путем «обвала», а не через более-менее длительный процесс «размывания». К тому же предыдущие «обвалы», как правило, становились результатом военного поражения. Отсюда – тезис о том, что Советский Союз потерпел поражение в холодной войне, которая трактуется как разно-

⁴⁰² Федотов Г.П. Указ. соч. С. 327.

⁴⁰³ Зюганов Г.А. География победы. Основы российской геополитики. М., 1998. С. 142.

видность обычного конфликта между державами-соперницами. Синдром позорного поражения культивировался ностальгирующими, взыскующими реванша силами.

Составив резкий контраст с происходящим на постимперском пространстве, интеграционные процессы в других районах земного шара могут также приобрести большое значение. В современной России, в частности, довольно расхожим является мнение: «весь мир объединяется, и только мы...» Наиболее часто при этом ссылаются на опыт Западной Европы. (Ранее уже говорилось о том, что укрепление европейского «центра силы», с нашей точки зрения, явилось одним из значимых факторов, объективно способствовавших распаду Советской империи.) «Сегодня Европа объединяется. Но нам она не указ. Мы хотим доказать аксиому, заранее зная ее недоказуемость», – писал один автор в одну из газет вскоре после распада СССР, предлагая при этом на всем постсоветском пространстве отменить в паспортах графу о национальности и создать «объединенную нацию наподобие США», назвав ее «евроазиатами»⁴⁰⁴.

Нередко ссылаются также на страны АСЕАН и усилия по созданию зоны свободной торговли в Северной Америке. По всей вероятности, роль определенного «раздражителя» в российских постимперских условиях сыграло возвращение Гонконга и Макао в лоно континентального Китая. С учетом того, что Гонконг сто лет (а одна из двух его частей – сто пятьдесят) развивался в совершенно иных политических и культурно-исторических условиях, чем остальной Китай, данный факт в большей степени, чем даже объединение Германии, можно трактовать не только как «воссоединение нации», но и как «расширение державы».

А. Мотыль, анализируя возможности «восстановления империи», выделял четыре влияющих на нее и находящихся в комбинации друг с другом фактора: глубину спада, его равномерность, относительную силу ядра, целостность импер-

---

⁴⁰⁴ Несостоявшийся юбилей. Почему СССР не отпраздновал своего 70-летия? М., 1992. С. 540.

ской территории. По его утверждению, «вероятность полного имперского возрождения оказывается высокой, когда спад не слишком существенен и к моменту краха равномерно затрагивает все имперские владения, относительное могущество государственного ядра велико, а сама империя территориально монолитна»⁴⁰⁵. Данный автор рассматривает и другие возможные варианты сочетания названных факторов, апробируя свои построения путем анализа очень ограниченного числа исторических случаев (распад Австро-Венгрии, Османской, кайзеровской и царской держав, а также СССР), к тому же весьма спорно интерпретируемых с исторической точки зрения⁴⁰⁶. Тем не менее факторы, которые выделил Мотыль, действительно можно признать наиболее значимыми с той оговоркой, что в обоих случаях «возрождения», анализируемых им (царская Россия – СССР и кайзеровская Германия – Третий рейх), речь, как уже отмечалось, шла о создании на прежней территории новых имперских образований.

Если бывшая метрополия вместе с теми владениями, что могут еще оставаться под ее властью, оказывается слишком сильна или, напротив, слишком слаба по сравнению с любым из «новых независимых государств», образовавшихся на бывшей имперской периферии, то это должно вести к затягиванию постимперской стабилизации.

В первом случае у метрополии слишком велик соблазн действовать по отношению к бывшим подвластным странам прежними методами, сохраняя роль «старшего брата» или «строгого учителя». Такова, по сути, ситуация, сложившаяся в рамках постимперского пространства после распада СССР.

⁴⁰⁵ Мотыль А. Указ. соч. С. 156.

⁴⁰⁶ Например, А. Мотыль утверждает, что по итогам событий 1918–1921 гг. на территории бывшей Российской империи «периферийные зоны преуспели в отстаивании своей независимости» «в тех регионах, где государственное строительство было поддержано германской и австро-венгерской интервенцией, а также, где фронтовые разрушения оказались умеренными» (Указ. соч. С. 160), что совершенно не объясняет сохранения независимости Польши или Латвии и утрату ее Украиной.

Д. Ливен отмечает, что нынешняя Россия сохранила «главную драгоценность имперской короны» – Сибирь, а потому и не перешла автоматически в класс второразрядных держав, как это случилось в свое время с Турцией, Австрией и Англией⁴⁰⁷. Об этом же пишет А. Арбатов: «Несмотря на утрату своих колоний и протекторатов на западе и на юге, на востоке Россия сохранила свою богатейшую и обширнейшую провинцию – Сибирь и Дальний Восток»⁴⁰⁸.

Возможности обретения Россией прежнего имперского статуса уменьшались в той мере, в какой «центр» фактически переставал использовать те преимущества, что остались у него благодаря сохранению «коронных земель» на востоке. «С падением советской империи и дезинтеграцией ее централизованной экономики и огромной военной силы Москва фактически забросила эти земли», – констатировал А. Арбатов⁴⁰⁹. Отсюда возрастает опасность развития в этих регионах сепаратизма и ирредентизма, тем более, что это вполне укладывается в логику продолжения имперского распада. Б. Мартынов писал в связи с этим: «Лидерство Китая в регионе, не сбалансированное с Российской стороны форсированным “подтягиванием” Сибири и Дальнего Востока (как в экономическом, так и в демографическом плане), несомненно активизирует потенциал сепаратизма к востоку от Урала, пребывающий сейчас как бы в “латентном” состоянии, но имеющий весьма давние корни...»⁴¹⁰.

Одним из подтверждений правильности этих слов стало постепенное распространение настроений в отдельных регионах Сибири и Дальнего Востока в пользу передачи этих территорий на тех или иных «выгодных» условиях другим странам,

---

⁴⁰⁷ Lieven D. Op. cit. P. 612.

⁴⁰⁸ Арбатов А. Национальная идея и национальная безопасность // Мировая экономика и международные отношения. 1998. № 6. С. 18.

⁴⁰⁹ Там же.

⁴¹⁰ Мартынов Б. Время сосредоточиться. Россия в новой геополитической ситуации // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 110.

прежде всего Японии и США, якобы способных стать гарантами защиты от исходящей от Китая опасности. Причем во главу угла, как ни парадоксально, часто ставились национальные интересы русского населения данных территорий. «Надо всерьез ответить на вопрос, – писал в своей статье один из камчатских ученых, апеллировавший к историческому прецеденту с продажей Аляски, – реально ли ... собственными силами предотвратить или хотя бы взять под строгий контроль расширение Китая, если не до финской границы (по грустному анекдоту 60-х годов), то хотя бы до Станового хребта? И если мы честно признаемся себе в том, что подобное в исторической перспективе нереально, тогда перед нами возникнет новая проблема: что лучше для русских – сохранить национальное самосознание и культурную специфику в среде родственной европейской (по происхождению) культуры, как это удалось в США и Канаде многим нашим соотечественникам, или в один прекрасный миг оказаться один на один с заведомо чуждым китайским “океаном”?»⁴¹¹.

В другой статье, опубликованной осенью 1998 г. в «Комсомольской правде» и посвященной вариантам распада России, мимоходом упоминался известный анекдот доперестроечных времен – о том, чтобы «объявить войну США и тут же сдать им в плен». При этом автор отмечал, что в этом «шутливом предложении... гораздо меньше шутки, чем кажется»⁴¹². Подобные рассуждения, очевидно, основывались на настроениях, получивших распространение именно в конце 1990-х гг. Вполне вероятно, что у другой, большей, части общества это вызывало обратную реакцию, усиливало ностальгию по имперской мощи и величию, хотя и не подкрепленную, как правило, готовностью к служению и принесению жертвы.

⁴¹¹ Цюрюпа А. И. Аляска, Камчатка и Сибирь в геополитическом ареале // Полис. 1998. № 2. С. 87.

⁴¹² Анисимов Е. Весной России не станет // Комсомольская правда. 1998. 26 ноября.

Основным параметром изменения ситуации в 2000-е гг., как представляется, стал резкий скачок цен на нефть и начавшийся в стране экономический подъем, что в сочетании с новым политическим курсом значительно расширило возможности центра. Таким образом, локомотивом, выведшим страну из глубокого экономического, социального и политического кризиса, послужили именно переселенческие территории восточной части страны. Для того чтобы удостовериться в этом, достаточно взглянуть на состав «голубых фишек» российского фондового рынка.

Получив в свое распоряжение дополнительные ресурсы, расширяющие возможности для маневрирования, и задавшись целью укрепления единства страны, новое российское руководство на рубеже XXI в. легко определило два основных направления, на которых опасность этому единству была наиболее очевидной: Северный Кавказ и Дальний Восток. Напомним, что в первом случае речь шла о ярко выраженной «национальной окраине», во втором – о недостаточно освоенной переселенческой периферии. И на том и другом направлении отчетливо ощущались импульсы, исходившие от сложившихся или значительно выросших за границами Российского государства новых центров силы. Однако характеристики этих центров, особенности их потенциала и механизмов влияния коренным образом различались.

Вполне закономерно, что стратегии, избранные федеральными властями в отношении Северного Кавказа и Дальнего Востока, тоже радикально различались. Однако эти стратегии вряд ли могут быть признаны достаточно продуманными и дальновидными. Основу стратегии по отношению к Северному Кавказу составила политика подкупа местных элит. Имелось в виду вложение в регион огромных финансовых средств, большая часть которых оказывалась в распоряжении местных руководителей, и предоставление (в данном случае прежде всего Чечне) самой широкой внутренней политической автономии, фактически установление режима протектората.

Прямо противоположным ситуации в нынешнем постсоветском пространстве было положение в бывших владениях Габсбургов после распада Австро-Венгерской державы. По населению, территории, экономическому потенциалу и политическому влиянию Австрия уступала всем своим бывшим владениям, составившим новые независимые государства. В этих условиях у населения бывшей метрополии были основания не только для уязвленного чувства национального достоинства, но и для тревоги за свою безопасность в будущем.

Если Австрийская республика оказалась самым слабым и уязвимым из государств, образовавшихся на территории бывшей державы Габсбургов либо принявших участие в ее разделе, то независимая Венгрия была следующей в этом списке. Вполне логичным представлялся бы в этих условиях союз двух бывших метрополий дуалистической державы. Однако Венгрии и Австрии трудно было прийти к согласию между собой с учетом, в частности, территориальных уступок, которые Венгрия вынуждена была сделать под давлением держав Антанты, а также ряда иных обстоятельств, связанных с историей данных народов⁴¹³. В результате «постимперское пространство» на территории бывшей державы Габсбургов оказалось крайне неустойчивым. «Мирное урегулирование 1919 года вместо реформирования уходящей корнями в древность политической структуры Дунайской империи на демократической и федеративной основе создало небольшие государства-наследники с доминированием в них джинго-национализ-

---

⁴¹³ Претензии венгров на сохранение господства в исторических границах своего древнего королевства и исключительную роль в державе Габсбургов, по мнению некоторых авторов, стали основным препятствием на пути спасения империи в условиях кризиса, поскольку австрийская элита в этом отношении не была связана подобными комплексами. Так, австрийский историк Гельмут Румплер утверждает, что в условиях Первой мировой войны в империи Габсбургов «южнославянский вопрос так и не был решен из-за упорного венгерского сопротивления до самого конца» (Румпер Г. Карл I Австрийский. 1916–1918 // Кайзеры. Ростов-н/Д: Феникс, 1997. С. 474.

ма», – негодовал американский историк венгерского происхождения Стефен Кертеж⁴¹⁴.

Значительно лучше в этом смысле было положение метрополий после распада колониальных империй. Отделенные от бывшего центра значительными расстояниями новые независимые государства, образовавшиеся на месте имперской периферии, не могли составлять какую-либо, даже потенциальную, угрозу для страны титульной нации. Между тем возникший в результате распада сразу нескольких империй «океан» третьего мира был слишком велик и границы отдельных «постимперских пространств» оказались в значительной степени смазаны. Поэтому у бывшей метрополии в той степени, в какой о них можно вести речь, оказывались достаточно сильные конкуренты (для Британии, например, Индия, Австралия, ЮАР и др.). Кроме того, политика «неоколониализма» изначально имела пределы, заданные расстановкой сил в послевоенном мире.

Тем не менее вера в то, что все неизбежно наладится, у стойких или колеблющихся сторонников империи может сохраняться достаточно долго и периодически усиливаться. Однако вера эта становится все более фантастической и все менее подкрепленной рациональными аргументами. Подобная вера является средством адаптации к реальности преимущественно «пассивных» сторонников империи, тех, кто не собирается противодействовать распаду в силу своего характера или не способен сделать это в силу обстоятельств, отсутствия для этого реальных возможностей.

Как уже отмечалось, страной, которая в Новое время неоднократно переживала падение «своей» империи и ее возрождение, является Франция. Наиболее яркий случай «возвращения» к империи связан с приходом к власти и правлением Наполеона III. Хотя о полноценной континентальной империи речь в данном случае не шла, большое значение имел в 1850-е

---

⁴¹⁴ War and Society in East Central Europe / Ed. by B. Kirdy, P. Pastor, I. Sanders. New York: Brooklyn College Press, 1982. Vol. 6. P. 39.

гг. реванш в отношении России и Австрии, входивших в число великих держав, сокрушивших наполеоновскую Францию в 1814–1815 гг. Эти победы сопровождались продолжавшимися успешными колониальными мероприятиями.

Как отмечают исследователи, среди тех, кто поддерживал Наполеона III в период его прихода к власти, значительную долю составляли «бывшие солдаты Империи и все те, кому дорога была национальная слава Франции»⁴¹⁵. В ходе очередной революции вновь проявилась энергия нации, общество пришло в движение, а затем все вошло в привычное русло, в немалой степени благодаря ностальгии о прежнем имперском величии и сожалению о его стремительной и, казалось, несправедливой утрате. Как признавал К. Маркс, принятая французами в 1848 г. конституция оказалась вскоре ниспровергнута «не головой человека, а прикосновением одной лишь шляпы; правда, эта шляпа была наполеоновской треуголкой»⁴¹⁶. К тому же «Луи-Наполеон стал императором с молчаливого согласия европейских держав, которые видели в нем гаранта порядка и спокойствия в стране, доставлявшей много хлопот великим державам»⁴¹⁷.

Правление Наполеона III продолжалась во Франции дольше, чем правление его дяди, но не было таким величественным. Успехи первый лет сменились неудачами, а затем и бесславным концом. Именно это обстоятельство, вероятно, вдохновляло современных российских авторов, утверждавших, что «Путина правильней сравнивать с Наполеоном III, поскольку наполеоновской эпохе в истории России соответствует советский период»⁴¹⁸. Признавая слабость прямых исторических параллелей

⁴¹⁵ Смирнов А. Ю. Указ. соч. С. 254.

⁴¹⁶ Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: в 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 437.

⁴¹⁷ Смирнов А. Ю. Указ. соч. С. 246.

⁴¹⁸ Цуладзе А. Указ. соч. После выхода из экономического и политического кризиса у России появится реальный шанс стать нормальной европейской страной. URL: <https://forums.drom.ru/garazh/t1151205022-p.12.html> (дата обращения? 16.04.2018).

лей, стоит отметить, что важным сходным моментом в политике Наполеона III и Путина, на который редко обращают внимание, было стремление «успокоить» общество, предложить ему в качестве основополагающей ценности «стабильность». Еще в своем обращении к избирателям в качестве кандидата на пост президента республики Луи-Наполеон обещал: «Мое содействие заранее принадлежит всякому справедливому и твердому правительству, которое восстановит порядок в умах и в делах, которое будет деятельно покровительствовать религии, семье и собственности – этим вечным основам всякого социального строя, которое вызовет возможные реформы, прекратит распри, примирит партии – одним словом, я наперед заявляю свое сочувствие тому правительству, которое даст беспокойной стране возможность рассчитывать на будущность»⁴¹⁹. В области внешней политики будущий император обещал стремиться к сохранению мира, оставляя, однако, для себя возможность маневра на будущее: «Франция со времени первой Революции была воинственна, потому, что ее вынуждали к этому. На вторжение она отвечала завоеванием. Теперь, когда ее никто не вызывает, она может посвятить свои силы мирному прогрессу, не отклоняясь, впрочем, от честной и решительной политики. Великая нация не должна высказываться напрасно: лучше ей всем не высказываться, чем обращаться к пустым угрозам»⁴²⁰. Подобные призывы, по общему признанию, отвечали настроением значительной части тогдашнего французского общества. Однако они фактически ограничивали рожденную революцией энергию, без которой строительство новой континентальной империи под эгидой Франции не было возможным.

К. Маркс, еще имея в виду начало эпопеи Наполеона III, полагал, что «пародия на империю была необходима для того, чтобы освободить массу французской нации от ига традиции»⁴²¹. Его суждение подтвердилось лишь отчасти: на-

⁴¹⁹ Цит. по: Смирнов А. Ю. Указ. соч. С. 123.

⁴²⁰ Там же. С. 125.

⁴²¹ Маркс К. Указ. соч. С. 513.

полеоновский миф действительно оказался во многом дискредитирован, но реваншистские настроения во Франции после событий 1870–1871 гг. были не менее, а, возможно, даже более сильны, чем после падения державы Бонапарта. Вплоть до Первой мировой войны идея реванша в Европе (скорее уже национального, а не имперского) не оставляла французов, что, как уже отмечалось, не мешало им успешно расширять границы своей колониальной державы, которая с конца XIX в. уступала только по величине британской.

Победа в 1918 г. обеспечила долгожданный реванш. Однако достигнут он был слишком дорогой ценой. Соответственно девальвировался и рост имперского могущества, который опять же был ощущен прежде всего в колониальном измерении. Возложить на себя бремя континентального доминирования Франция не только не могла, но и уже не особенно хотела. Хотя ее правительства какое-то время и питали иллюзии на этот счет.

Таким образом, более ста лет при всех перипетиях, которые претерпело национальное самосознание французов, связанное с определением места своей страны среди европейских держав и роли на континенте, колониальная империя являлась некоей константой, позволяющей в том числе амортизировать травмы от происходивших в Европе катастроф.

Не удивительно, что после Второй мировой войны во Франции сопротивление консервативных сил распаду колониальной империи первоначально оказалось более сильным, чем в Британии. Даже в начале 1954 г. лидеры Народно-республиканского движения по-прежнему утверждали, что «война в Индокитае является ни безвыходной, ни безнадежной»⁴²². Во время войны в Алжире наступило отрезвление нации в том числе здраво мыслящих консерваторов. Политика де Голля получила поддержку, и на референдуме 1962 г. уже 90% выразили одобре-

---

⁴²² См.: Наринский М.Н. Борьба классов и партий во Франции 1944–1958. М., 1983. С. 196.

ние заключению Эвианских соглашений⁴²³. Для реформистского империализма во Франции просто не оказалось свободного политического пространства. К тому же во Франции державное величие, как уже отмечалось, не ассоциировалось исключительно или даже в первую очередь с колониальной империей.

По наблюдению Р. Капущиньского, польского писателя и журналиста совершившего длительное путешествие по СССР на рубеже 1980 и 1990-х гг., для многих активистов и лидеров демократического движения того времени в стране были характерны определенная двойственность сознания, размытость системы ценностей. Он следующим образом характеризует этот тип будущего российского политика: «В самолете мой сосед справа Леонид П. – московский демократ. Московские демократы новая категория людей, продукт перестройки. ... Западный демократ и московский – это две разные интеллектуальные формации. Западный демократ свободно разбирается в кругу проблем современного мира, он размышляет над тем, как сделать жизнь хорошей и счастливой, как заставить современную технику служить человеку еще лучше, как добиться от каждого большей материальной и духовной отдачи. Все это пока остается вне поля зрения московского демократа. Его интересует только одно: как свергнуть коммунизм. ... Где-то в середине пути мой сосед начинает размышлять вот над чем: отделится ли Армения от империи или нет? Как демократ, он согласен на ее отделение, как москвич, предпочел бы этого избежать»⁴²⁴. Наблюдение это тем интереснее, что Р. Капущиньского трудно заподозрить в каких-либо симпатиях к коммунизму.

В среде «московских демократов» бытовала точка зрения, согласно которой вполне можно сохранить империю, освободив ее от коммунизма. Более того, они уповали при этом на помощь и поддержку Запада, который, по их мнению, тоже

---

⁴²³ См. об этом: Черкасов П.П. Агония империи: Политические кризисы, военно-колониалистские путчи и заговоры во Франции в период Алжирской войны 1954–1962 гг. М., 1974. С. 247.

⁴²⁴ Капущиньский Р. Империя // Знамя. 1994. № 2. С. 128.

должен быть заинтересован в крушении коммунизма, но не в распаде Советской, Российской державы, который якобы неизбежно породит хаос. Отражение этих взглядов можно обнаружить в статье Г. Гусейнова, Д. Драгунского и В. Цымбурского, опубликованной в бюллетене «Век XX и мир» одновременно со статьей Б. Львина, заключающей в себе противоположную точку зрения. Авторы пугали Европу и Запад в целом «волнами трайбализма», которые покатаются на них от бывших советских территорий, и «повторной “версализацией”», отодвигающей «чаемый 1992 год – год объявленной европейской интеграции – куда-то за горизонт нашего столетия»⁴²⁵. Выход они видели в строительстве «России народов» в границах СССР, которая должна была стать частью некоей «Демократии Севера» – единого блока обновленной России, США и единой Европы. Причем проблема, с точки зрения авторов, не имела других вариантов разрешения: «Одно из двух: или трайбализация захлестнет нашу страну, а с нею и общеевропейский процесс, или Россия народов, пересилив недуг трайбализма – от русского до эстонского, станет частью нового миропорядка, вместе с Соединенной Европой и Северной Америкой»⁴²⁶.

После крушения СССР раздвоенность сознания критиков советского строя из числа «московских демократов» быстро проявилась. Настроения в пользу «единой и неделимой» подогревались все более дававшими о себе знать негативными последствиями предыдущей фазы имперского распада. Даже многие представители левой части демократического лагеря активно стали выступать тогда против самой возможности суверенизации российских республик и регионов, способной привести к образованию новых независимых государств. При этом, вопреки логике и развитию событий, подразумевалось, что разрушить новорожденную российскую государственность нельзя в принципе и вопрос состоит лишь в том, каким спо-

⁴²⁵ Гусейнов Г., Драгунский Д., Цымбурский В. Империя – это люди. Общий дом и неоплеменное сознание // Век XX и мир. 1990. № 8. С. 21.

⁴²⁶ Там же. С. 22.

собом и чьими руками она будет сохранена. Так, руководитель одной из местных организаций Социал-демократической партии России писал в партийную газету: «Бесконечные войны, остановка производства, голод и одичание, власть дудаевых и шанибовых, господство вооруженного пахана – вот будущее, которое ждет Россию, если план конфедерализации начнет претворяться в жизнь. Но претворяться в жизнь он не будет. Российский народ не настолько глуп, чтобы допустить подобное развитие событий. Если российская государственность не будет сохранена на демократических началах, то ее сохранят по-другому – другой ценой и другие люди из числа хорошо известных всем красно-коричневым»⁴²⁷.

Однако конфликт идентификаций и конфликт ценностей большинство деятелей и участников демократического движения, перешедших на державные позиции, стремились «подогнать» друг под друга. «Считалось, и не без оснований, – писал весной 1994 г. Э. Паин, – что нельзя покончить с коммунизмом, не разрушив империю. Сегодня едва ли кто станет утверждать, что, лишь развалив российскую государственность, мы ликвидируем опасность реставрации коммунизма. Наоборот, коммунисты все чаще блокируются теперь с националистами и сепаратистами всех мастей, и поэтому борьба за сохранение целостности России – это одновременно и борьба с национал-коммунизмом»⁴²⁸. Фактическая поддержка, оказанная левой оппозицией действиям федерального центра на первом этапе Чеченской войны, опровергла это утверждение, и Паин вновь ощутил себя на позициях, противоположных позициям коммунистов, лишь покинув администрацию президента. Окажись война успешной, коммунисты, вполне возможно, примирились бы с возрождением империи в новом «демократическом» обличье.

---

⁴²⁷ Альтернатива. 1993. № 1 (27), Январь.

⁴²⁸ Паин Э. Грозит ли России судьба СССР? // Дружба народов. 1994. № 6. С. 164.

Державное существование России вскоре после распада СССР вновь стало рассматриваться как предопределенное всем прошлым развитием страны и даже мира в целом. В данной связи можно вспомнить уже упоминавшиеся статьи В. Гущина в «Независимой газете». Об этом же примерно тогда писал Э.А. Поздняков, автор монографии по проблемам национализма и национальных интересов: «Тысячелетнее ее (России. – О.П.) собрание, собрание, над которым трудились веками многие поколения лучших людей России – не простая случайность, не чья-то прихоть, не ничтожный исторический факт, с которым можно обращаться как угодно, принижать ради чуждых России ценностей и интересов; собрание это было исторической Необходимостью и потому наполнено глубочайшим смыслом. Державная Россия есть один из краеугольных камней не только в фундаменте нашей общественной жизни, но и всего земного мироздания, без которого они если и не рухнут, то окажутся в “аварийном” состоянии»⁴²⁹.

Автор одного из писем в бюллетень «Век XX и мир» уже в 1992 г. констатируя широкое распространение формулировок типа «великая тысячелетняя история» и «великий подвиг строительства России», задавался вопросом: «И стоило ли отречься от строительства светлого будущего, чтобы осмыслить историю России как подвиг строительства Великой Империи?»⁴³⁰. Однако многие из тех, кто ранее участвовал в борьбе с советским строем, а ныне пекся о державно-государственных интересах России, подобным вопросом даже не задавались.

В то же время некоторые авторы полагали, что СССР просто был «плохой» державой, а сейчас нужно строить «хорошую». Именно с таким подходом связаны крайности процесса реабилитации понятия «империя». В. Махнач, например, сделав вывод о том, что «по всем возможным параметрам, за исключением декорации, Советский Союз не был империей»,

⁴²⁹ Поздняков Э.А. Нации. Национализм. Национальные интересы. М., 1994. С. 119.

⁴³⁰ Век XX и мир. 1992. № 3. С. 6.

«а потому в 1991 г. нам не империю развалили, а затруднили многих (в том числе малые народы) устраивавший процесс ее восстановления»⁴³¹. Однако Махнач дистанцируется от тех, кто победил в 1991 г., а следовательно, и от последствий этой победы.

«Если выстраивать аналогии, то вполне возможно, что в 1917 г. повторился отнюдь не 1453 год Византии, а 1204-й, после чего, как известно, империя была восстановлена. Я думаю, что никто не будет всерьез утверждать, что имперская идея в России исчерпала себя и империя восстановлена быть не может», – утверждал Махнач в другой работе⁴³².

Вскоре после распада СССР стали открыто предприниматься попытки возрождения собственно имперской идеологии на государственном уровне. Среди политиков новой формации, оказавшихся у власти в России, одним из первых с «обновленной» державно-имперской идеей выступил Сергей Станкевич, уже в марте 1992 г. опубликовавший в «Независимой газете» программную статью. Эта идея была встречена многими комментаторами пренебрежительно и саркастически, как некий любопытный казус. «В пространном экзерсисе С. Станкевича, претендовавшем на доктринальность, – писала, например, Л. С. Гатагова, – имела место безнадежная затея: вывести новую “породу” государственности (прямо по Трофиму Лысенко) – что-то вроде демократической империи или имперской демократии, т.е. объединить в одной упряжке коня и трепетную лань»⁴³³. Ирония истории заключалась в том, что через некоторое время после своей публикации Станкевичу пришлось, вспомнив этнические корни, просить политического убежища в Польше, давнем оплоте сопротивления имперским устремлениям России.

---

⁴³¹ Махнач В. Указ. соч. С. 33.

⁴³² Махнач В. Империи в мировой истории с точки зрения этногенеза. URL: <http://rusecka.h1.ru/Path-Theory/Imperie-2.htm> (дата обращения: 16.04.2018).

⁴³³ Гатагова Л. С. Указ. соч. С. 349.

Однако уже в середине 1990-х гг. немало политиков выступило примерно с теми же идеями, что содержались в манифесте Станкевича. Например, Борис Федоров пытался на манер западных правых консерваторов соединить в своей программе радикальные рыночные реформы и «закручивание гаек во внутренней политике», обращение к традициям нации и жесткий курс на международной арене. Все это должно было происходить, по его замыслу, под флагом «патриотизма», противопоставленного «национализму» и «коммунизму». «Какими бы плохими не были правители, их можно сменить, а Родину сменить нельзя. Только патриоты без родимых пятен национализма и коммунизма смогут поднять Россию с колен. Еще есть время подумать. Патриотизм – это не столько славное прошлое, сколько светлое будущее», – писал Б. Федоров в одной из своих программных статей за полгода до завершения первой Чеченской войны⁴³⁴. Но отсутствие массовой поддержки такой позиции (что в конце 1995 г. продемонстрировали итоги выборов в Госдуму) вскоре заставило этого политического деятеля сменить ее. Через несколько лет имя Б. Федорова оказалось связанным в первую очередь с предложением выбрать «аргентинский путь» выхода из разразившегося кризиса и пожертвовать финансовой самостоятельностью страны.

В 2003 г., уже в эпоху Путина, вновь перед выборами в Государственную думу, идею возрождения России как «либеральной империи» высказал Анатолий Чубайс. Эта идея стала частью предвыборной платформы Союза правых сил, который, однако, по итогам голосования тоже потерпел сокрушительное поражение.

Обращение к державной теме С. Станкевича, Б. Федорова, А. Чубайса и других деятелей, относивших себя к лагерю «либералов-рыночников» и непримиримых критиков советской системы, вполне могло диктоваться лишь конъюнктурой и политическим расчетом. Но сами эти расчеты, как и их провал,

⁴³⁴ Известия. 1995. 5 января.

могут служить индикатором определенных настроений и тенденций в российском обществе.

Отсутствие реальных основ для возрождения России как империи отмечают представители самых разных идейно-политических лагерей, противостоящих проимперским силам. Так, В Соловей, позиционирующий себя как «русский националист», утверждает: «Дело вовсе не в том, что для реставрации империи не хватает экономических, технологических или военных ресурсов – в конце концов, создавая империю, Россия находилась далеко не в лучшем состоянии с точки зрения экономики, технологии, военного дела. Дело в том, что Россия исчерпала морально-психологические и идеологические ресурсы имперского строительства. Сегодня у нее нет идеологии, которая бы легитимировала создание империи. Такие идеологии существуют на уровне идей-конструктов, но они не пользуются популярностью и влиянием, не «заводят» общество, не обладают мобилизационной способностью»⁴³⁵.

Фактически о том же самом пишет один из эстонских публицистов: «При анализе поведения России главной проблемой является тенденция трактовать ее как неоимперское государство. Это ошибка категории, которая вынуждает аналитиков искать рациональные мотивы, осознанную деятельность и разумные планы там, где их быть не может. В 1991 году Россия, правда, отринула сателлитов, но, по сути, вернулась в имперское детство, на сей раз безо всякой идеологии. Россия является империей-импотентом, как Рим после нашествия германских племен»⁴³⁶.

Того же мнения придерживаются и радикальные противники российской власти из числа национал-сепаратистов. Некий

---

⁴³⁵ Соловей В. От империи – к русскому национальному демократическому государству. URL: <http://www.politstudies.ru/extratext/lm/flm008.htm#35vs> (дата обращения: 16.04.2018).

⁴³⁶ Лобякас А. Постимперская Россия – ненормальная страна // Eesti Paevaleht. 2007. 12 января. URL: <http://inosmi-back.rian.ru/translation/232162.html> (дата обращения: 16.04.2018).

Ахмад Ичкерийский, например, утверждал в статье, опубликованной в мае 2006 г. (в момент, когда стабилизация на Северном Кавказе достигла своего пика) на сайте «Кавказ-центра»: «Нынешняя русско-кавказская война, как в зеркале отражает то, что происходило в прошлые века. Разница лишь в том, что тогда русская империя была на подъеме и вела наступление, а сейчас агонизирующая империя зла отступает по всем фронтам, стараясь сохранить свое прогнившее влияние на Кавказ»⁴³⁷.

Имперская импотенция современной России, на наш взгляд, обусловлена спецификой революции 1989–1991 гг., сыгравшей ту же роль, что нашествие германских племен на Рим. Были разрушены прежние идеи, мифы и цели, но при этом ни стране, ни миру не было предложено взамен чего-либо настоящего нового, великого, способного побудить к самоотречению, вдохновить на свершения. Именно в этом коренное отличие от революции 1917 г.

Е. Гайдар в своей упоминавшейся работе декларирует уникальность возникновения новой империи на руинах царской державы, утверждая при этом, что «СССР возник в результате братоубийственной Гражданской войны, невиданного в истории террора и гибели миллионов людей», и тут же приводит аргумент совершенно иного порядка: «В подавляющем большинстве случаев реставрация империй в силу обстоятельств, обусловленных долгосрочными тенденциями социально-экономического развития, невозможна»⁴³⁸. Такое противоречивое смешение признания всепоглощающей злой воли по отношению к прошлому и экономического детерминизма по отношению к настоящему показательно для представителя элиты, пришедшей к власти в России в результате событий 1991 г. На самом деле создание советской империи, как уже отмечалось, вряд ли явилось результатом беспрецедентных действий горстки фанатиков или проявлением в политической

⁴³⁷ Времена ныне не те // Kavkazcenter.com. URL: <http://www.kavkazcenter.com/russ/content/2006/05/16/44485.shtml>. (дата обращения: 16.04.2018).

⁴³⁸ Гайдар Е. Указ. соч. С. 9.

сфере неких экономических реалий и потребностей. Следует напомнить, что исторический опыт возникновения новых империй в пламени революций не единичен. Однако стремления просто укрепить позиции своего государства, расширить его границы и сферы влияния (т.е. идеи имперской экспансии как таковой) для возрождения империи, как правило, оказывается недостаточно. Тем более в современном мире.

Россияне, пройдя через горнило испытаний 1990-х гг., не обрели уверенности в себе как в общности, не говоря уже о готовности к совместному выполнению какой бы то ни было исторической миссии. К тому же содержание данной миссии никому не известно. «Проблема нелюбви к России в том, что цивилизационная модель у нас подкачала, не вдохновляет ни соседей, ни партнеров, ни нас самих. Мы сами себе не нравимся, так с чего мы понравимся кому-нибудь еще», – утверждает еще один оппозиционный публицист, призывая «оставить все подростковые великодержавные комплексы»⁴³⁹.

Отсутствие потенциала для державного возрождения обнаруживается и в идеологической сфере. Такое возрождение невозможно без разрыва с прошлым. Между тем российские державники не решаются выйти за рамки сложившихся традиций и даже символов. Это заметно, например, по рассмотрению вопроса о возможности переноса российской столицы. Сторонники державности из числа политических маргиналов вполне обоснованно обращали внимание на тот факт, что «всякий новый этап в развитии России был связан с переносом столицы», утверждая при этом, что «возрождение России как империи невозможно, если Москва будет оставаться столицей»⁴⁴⁰. И, казалось, после прихода к власти В.В. Путина руководство страны было готово идти по этому пути. Однако все ограничилось переездом в Санкт-Петербург Конституционного суда.

---

⁴³⁹ Осс Н. Прощай, великая Россия // Газета.ru. 2009. 6 февраля. URL: <http://www.gazeta.ru/column/oss/2937043.shtml> (дата обращения: 16.04.2018).

⁴⁴⁰ Проект «Тверь – столица России» в печати // Вече Твери сегодня. 2001. Июнь. URL: <http://tver-free.narod.ru/articles.htm> (дата обращения: 16.04.2018).

Вообще большинство представителей державно-патриотического лагеря негативно и болезненно относятся к тому, чтобы считать 1991 год новой точкой отсчета в истории страны. Они стремятся отстоять непрерывность и преемственность истории российского государства, зачастую пытаясь максимально «удревнить» ее. Причем это очень часто может парадоксальным образом сочетаться у них с резкой критикой советского строя или каких-либо других исторических реалий. Такое стремление опереться на тысячелетнюю традицию свидетельствует об ощущении слабости собственных позиций, страхе перед настоящим и будущим, отсутствии четкого целеполагания и представления о дальнейших действиях.

Очевидным проявлением слабости державной идеологии в России можно считать введение уголовной ответственности за публичные призывы к сепаратизму. С одной стороны, появление такой инициативы, поддержанной всеми партиями, представленными в Государственной думе, означает признание актуальности проблемы. С другой стороны, власти не видят другой возможности разрешения ее, кроме прямого силового давления, которое, как свидетельствует современный опыт, никогда не может уничтожить почву для сепаратизма, а зачастую способствует его распространению. «Можно подумать, что власти считают, что у сторонников единства России в случае возникновения вопросов о нахождении того или иного региона в составе России не останется аргументов для убеждения своих соотечественников», – заметил один из комментаторов⁴⁴¹.

Опыт как Британии, так и России, с нашей точки зрения, свидетельствует, что те консервативно ориентированные политики, которые в условиях распадающейся империи строят свои расчеты на простейшем педалировании призывов к державному и национальному возрождению, как правило, терпят поражение. Надежды на «демократическую империю» рано или

⁴⁴¹ Мельников А. «Уголовный клей» для непрочной страны // znak.com 2013. 25 декабря. URL: <http://znak.com/moscow/articles/25-12-18-04/101718.html> (дата обращения: 16.04.2018).

поздно утрачиваются, «стыдливый» и половинчатый империализм также не может привести к желаемым результатам. И в том и другом случае обнаруживается отсутствие в различных слоях общества должной готовности к самопожертвованию. Большинство исследователей и практикующих политиков видят причину этого лишь в отсутствии некоей пассионарной идеи, способной увлечь общество (которую, соответственно, надо лишь «найти»). Однако очевидно, что комплекс факторов, обуславливающих данное состояние общества, значительно сложнее.

Тем не менее важно отметить, что в Британии и России многие представители реформистского империализма чувствовали себя победителями и действительно таковыми были. За плечами одних была победа над гитлеровской Германией и прочими врагами империи, за плечами других – победа над коммунизмом. Ощущение величия этих побед, с нашей точки зрения, облегчало в какой-то степени примирение с неоправдавшей надежды действительностью.

В связи с этим, вполне объяснимо что желание возродить империю плавно перетекает из области конкретных планов в область надежд и мечтаний. Отсюда, на наш взгляд, широкое распространение в современной российской массовой литературе фантастических (преимущественно утопических) произведений на имперскую тему. «Имперская утопия – очень востребованная у нас фантастическая тема с отчетливым реваншистским привкусом», – констатирует критик Борис Невский⁴⁴². Примечательно также следующее замечание автора одного из обзоров произведений «имперской» фантастики: «Империя существующая не в реальности, но в головах (то, что мы имеем “в жизни”, вряд ли кого-то может вдохновить), указывает литературе на плодотворную возможность ухода уже не на окраины действительности, но в сослагательное наклонение»⁴⁴³.

---

⁴⁴² Невский Б. Грозы и кошмары человечества. Утопия и антиутопия // Мир фантастики. 2007. № 49, сентябрь. URL: <http://www.mirf.ru/Articles/art2195.htm> (дата обращения: 16.04.2018).

⁴⁴³ Славникова О. Указ. соч. С. 189.

МОЖЕТ ЛИ ИМЕТЬ БУДУЩЕЕ ПОСТИМПЕРСКОЕ СОДРУЖЕСТВО?

Приемлемым или даже благоприятным вариантом развития событий для радетелей распадающейся империи может быть ее сохранение или восстановление примерно в тех же границах и с тем же потенциалом, но в новой, не имперской по сути, форме, когда на смену господствующему принципу подчинения периферии центру придет добровольная интеграция.

Представление о том, что Европейский союз и Содружество Независимых Государств являются организациями однотипными, вполне сопоставимыми, было достаточно широко распространено в 1990-е гг., причем не только среди российских, но и среди западных авторов. «Процесс формирования двух разных, однако дополняющих друг друга организаций уже начался, – писал, например, в конце 90-х К. Коукер. – Европейский союз, по видимому, приобретает значение “твердого ядра” для западных стран, объединенных нерасторжимым валютным союзом, на периферии которого находятся Британия и другие государства. На востоке имеется аналогичное объединение – Содружество Независимых Государств (СНГ); у него есть свое “твердое ядро” – Россия и Беларусь, а другие бывшие советские республики хотя и находятся на периферии, тем не менее входят в сферу его влияния»⁴⁴⁴.

Известный российский историк М. М. Наринский и политолог А. В. Мальгин в 2001 г. утверждали, что «исследовате-

⁴⁴⁴ Коукер К. «Сумерки Запада». Главы из книги // Иностранная литература. 2000. № 5. С. 256.

лям постсоветского пространства волей неволей приходится давать ответы на несколько принципиальных вопросов. 1) Каковы итоги развития СНГ: безоговорочный успех или полный провал? 2) Что такое Содружество Независимых Государств: «механизм развода» после распада СССР или перспективное интеграционное объединение новых независимых государств? 3) Какой должна быть политика России в отношении СНГ: усилия по его укреплению или отказ от несостоятельного замысла?» По их тогдашнему мнению, «10 лет существования СНГ подтвердили отсутствие простых, однозначных ответов на эти вопросы»⁴⁴⁵. Однако, как представляется, уже последующие три-четыре года продемонстрировали, что четкие ответы на эти вопросы, вероятно, все же существуют. Причем носят они негативный по отношению к будущему СНГ характер. Дальнейшее развитие событий только подтверждало это. «Если подвести итог развития СНГ, с точки зрения целей интеграции, преследуемых Россией, новое сообщество потерпело крах», – обоснованно утверждала в 2007 г. французская исследовательница А. де Тенги, называя СНГ «пустой скорлупой»⁴⁴⁶. А известный эксперт в сфере внешней политики России Т. Пархалина, подводя итоги восьмилетнего периода президентского правления В. Путина, за неимением лучшего смогла лишь констатировать: «Несмотря на свою слабость и политические противоречия, СНГ выжило, хотя его практический ответ на новые вызовы, в целях реагирования на которые оно создавалось, является разочаровывающим»⁴⁴⁷. В дальнейшем в России о СНГ вспоминали все меньше.

---

⁴⁴⁵ Проблемы развития Содружества Независимых Государств на современной этапе // Международная конференция «10 лет СНГ – поиски, потери, приобретения». Волгоград, 25–27 сентября 2001 г. <http://www.rami.ru/publications/2001-09-25/narinskiy-malgin.rtf> (дата обращения: 16.04.2018).

⁴⁴⁶ Тенги А. де. Выход из империи: тяжелое наследство // Полис. 2008. № 6. С. 61. Впервые данная статья была опубликована во французском издании в 2007 г.

⁴⁴⁷ Пархалина Т. Российская внешняя политика: основные тенденции // Два президентских срока В.В. Путина: динамика перемен. М., 2002. С. 257.

Тем не менее необходимо отметить, что в период существования СНГ не было недостатка в заявлениях о том, что СНГ «возрождается», «укрепляется», «сплачивается» и т.д. Причем звучали эти заявления не только из уст политиков. «После саммита глав государств СНГ в Астане в сентябре 2004 года даже самые оппозиционные к политике В. Путина газеты были вынуждены сделать заключение о том, что “похороны СНГ откладываются”», – писал, например, Рой Медведев⁴⁴⁸. Как уже отмечалось, иллюзии относительно превращения СНГ в полноценный политический союз, а тем более в монолитное политическое образование к тому времени уже в основном рассеялись. Но Р. Медведев утверждал: «Надо укреплять и развивать Содружество, создавая здесь единое экономическое, информационное, оборонное, культурное, но не политическое пространство»⁴⁴⁹.

Не лишне напомнить, что саммит, о котором шла речь, состоялся за несколько месяцев до «оранжевой революции» на Украине, ставшей самым значительным провалом российской «интеграционной» политики в ближнем зарубежье после распада СССР. Не удивительно, что уже в 2005 г. президент Путин вынужден был публично признать то, о чем давно говорили другие: СНГ было создано для «цивилизованного развода» и в основном является дискуссионным форумом. Как отмечала А. де Тенги, «подобный пересмотр позиций в сторону более скромных целей, стоящих перед Содружеством, обезоруживает критиков его низкой эффективности, он возвращает смысл идее Содружества, позволяет ему продлить существование»⁴⁵⁰. Тем не менее в дальнейшем российские руководители на какое-то время вернулись фактически к прежней риторике в отношении СНГ.

Не удивительно, однако, что в 2008 г. в ходе грузинского кризиса выяснилось, что СНГ просто некому защищать, оно

⁴⁴⁸ Медведев Р. Владимир Путин: Третьего срока не будет? М., 2007. С. 276.

⁴⁴⁹ Там же. С. 280.

⁴⁵⁰ Тенги А. де. Указ. соч. С. 64.

никого уже серьезно не интересовало и не играло никакой существенной роли. В связи с войной между двумя членами этого объединения, заявлениями о выходе из него не было созвано никакого экстренного совещания, чтобы обсудить возникшие вопросы. Противоборствующие стороны даже не попытались обратиться за помощью к своим партнерам в данной организации.

Шаг Грузии к выходу из СНГ тоже практически был направлен против России. Причем, несмотря на фактическую войну между двумя странами, выход Грузии из СНГ, как представляется, был обескураживающим для российских властей. Они не нашли ничего лучшего, как заявить, что по уставу содружества страна, желающая покинуть его, должна уведомить об этом не менее чем за год, и еще год делали вид, что Грузия остается членом СНГ. Непонятно, на какое изменение ситуации в течение данного периода надеялись российские руководители, демонстрируя, что организация, о которой идет речь, более заинтересована в своих членах, чем эти члены в ней. Неожиданностью и, по сути, конфузом стало и то обстоятельство, что ни одна из стран, состоящих в СНГ, не признала независимость Абхазии и Южной Осетии ни вслед за Россией, ни в дальнейшем.

Курьезом, связанным с СНГ как политическим союзом, является тот факт, что опальные политики, бежавшие из своих стран, могут находить убежище в государствах – партнерах по Содружеству. Наиболее яркий пример в этом отношении – семья бывшего президента Кыргызстана Курбанбека Бакиева, укrywшаяся после второй кыргызской революции в Белоруссии. Демонстративные высказывания Александра Лукашенко в поддержку свергнутого кыргызского президента, появление в Минске брата Бакиева, разыскиваемого через Интерпол, вызывали болезненную реакцию в Бишкеке. Кыргызские власти даже обращались в исполком СНГ с требованием определить позицию по этому вопросу. Интересно, что предыдущий свергнутый президент Кыргызстана нашел прибежище в Москве,

куда по прежнему стремились некоторые отстраненные от власти лидеры бывших союзных республик.

Следует признать, что все то, что объединяет страны СНГ, в экономическом, культурном и прочих отношениях, – это не потребности будущего развития, а наследие прошлого. «Когда ... госсекретарь США Хилари Клинтон заподозрила Путина в “ресоветизации” сопредельных стран, российский президент назвал подобные измышления чушью и сослался на “общие язык, менталитет и инфраструктуру” бывших республик Союза... Главное же, о чем Путин не упомянул, поскольку этого и не существует в природе, – это “общие планы на будущее”. А без них любое подобие СССР будет обречено на нелепое и трагичное существование»⁴⁵¹.

Иллюзия трансформации в «содружество» сопровождала распад большинства империй в XX столетии и сохранялась даже тогда, когда процесс распада империи достигал своего апогея. Именно слово «содружество» считал наиболее подходящим для нового определения природы Британской империи генерал Я.Х. Смэтс. Историки, пытаясь выяснить происхождение термина, находят примеры его использования еще в средневековой Англии. Однако согласно наиболее распространенной версии в близком к современному значению его впервые употребил будущий премьер-министр либерал лорд Розбери, находясь с визитом в Австралии в 1884 г. К началу Первой мировой войны это слово имело уже определенное хождение. Смэтс, как Л. Кэртис, Б. Шоу и ряд других деятелей, немало сделал для его дальнейшей популяризации.

Идея преобразования империи в «содружество», по сути, сводилась к сохранению всего позитивного, что осталось в прежнем имперском образовании после освобождения от его негативных черт. На смену отношениям «центр» – «периферия» должен был прийти добровольный, равноправный и взаимовы-

---

⁴⁵¹ Бологов П. Как вернуть будущее. Может ли Россия стать лидером объединенного советского пространства. URL: <http://www.lenta.ru/articles/2013/03/15/monsters/> (дата обращения: 16.04.2018).

годный союз бывших имперских составляющих. Именно «содружество» и заложенные в нем принципы должны были стать основой «Третьей Британской империи». Но активно разрабатываемая в Британии концепция «содружества наций» имела универсальный характер. С точки зрения Я. Х. Смэтса, содружество – это «сообщество государств и наций», «система наций»⁴⁵². Причем не «статичная система», а «динамичная развивающаяся система, всегда идущая навстречу новой судьбе». В рамках содружества не ставится задача создания единой общности, отсутствует идея ассимиляции⁴⁵³.

Идея преобразования в содружество возникла и муссировалась и в других имперских образованиях. В этом русле можно, например, рассматривать трансформацию державы Габсбургов в Австро-Венгрию и дальнейшие планы по Австро-Венгро-Чехии, федерации австрийского, венгерского, чешского, югославского, польского и украинского государств, и частично по Дунайской федерации. Полноценным преемником французской колониальной империи должен был стать Французский союз (по конституции IV Республики), а затем Французское сообщество (по конституции V Республики). В этой плоскости необходимо обсуждать и многочисленные проекты реформирования Союза ССР, имевшие хождение в период перестройки и увенчавшиеся скоропалительным созданием СНГ. Подобные планы, будучи порождением кризиса и начинающегося распада империи, служат при этом основным проявлением реформистского подхода к ее судьбе.

Однако британцы дальше других пошли по пути трансформации своей империи не только в теории, но и на практике. Если первоначально Британское содружество образовали только метрополия и шесть ее «белых» доминионов (пять переселенческих колоний, включая Ньюфаундленд, и Ирландия), то во второй половине XX столетия в его состав в качестве равноправных членов вошли почти все бывшие Британские владения,

⁴⁵² Smuts J. C. Plans for a Better World. Speeches. London, 1942. P. 37.

⁴⁵³ Ibid.

ныне ставшие независимыми государствами. Специалист по истории Содружества, британский профессор Д.А. Лоу, возглавляющий «смэтсовскую» кафедру в Кембриджском университете, сообщив, что к началу 1990-х гг. членами Содружества состояли 50 государств, расположенных на разных континентах, богатых и бедных, населенных людьми с самым разным цветом кожи и т.д., выносит резюме: «Взятые вместе, они заключают в себе четверть населения земного шара и составляют треть общего числа существующих в мире национальных государств. При любой калькуляции они образуют огромный международный конгломерат, который не имеет себе реального подобия»⁴⁵⁴.

В рамках Содружества вырабатывались новые механизмы взаимодействия его членов, создавались новые структуры, которых не было в рамках империи. Главы стран – членов этого союза регулярно собирались на конференции, где обсуждаются наиболее значимые в политическом отношении проблемы. Существует «ассоциация парламентов» Содружества, также регулярно проводящая свои конференции, многочисленные другие организации. Между партнерами по Содружеству сохраняются тесные связи в сфере образования и культуры. Важным событием в мире спорта становятся проводимые в рамках Содружества игры и другие состязания. «Всегда необходимо помнить..., – писал Д.А. Лоу, – что Содружество представляет собой не просто еще одну, несколько меньшую “Организацию Объединенных Наций”. ООН – это организация правительств. Содружество же есть нечто большее, чем это»⁴⁵⁵.

Тем не менее, уже в начале 60-х гг. Британское Содружество с должным основанием стали сравнивать со Священной Римской империей в позднем Средневековье. Деятельность Содружества во многом носит формальный, внешний, ритуальный характер. Многие прежде существовавшие связи и отношения оказались радикальным образом нарушены. «Британское Содружество на первый взгляд представляет собой наи-

⁴⁵⁴ Low D.A. Eclipse of Empire. Cambridge, 1993. P. 333.

⁴⁵⁵ Ibid. P. 336.

более успешную попытку превратить империю в ее достойного заместителя, но это не так, – признает Д.К. Филдхауз. – Содружество не имеет являющихся необходимыми функций или общих обязательств. Это – клуб, члены которого имеют опыт зависимости друг от друга и видят преимущества будущего сотрудничества в некоторых сферах»⁴⁵⁶. Автор статьи о Содружестве в «Блэквелловской энциклопедии политических наук» в 1990-е гг. констатировал: «В то время как легко недооценить значимость органической ассоциации, которая проистекает из общего опыта, приобретенного под британским управлением, использования английского в качестве языка общения, и находит свое наиболее яркое выражение в преданности Елизавете II, критики Содружества утверждают, что оно не обладает силой, необходимой для принятия решений, не имеет реального политического веса и в то же время является “жерновом на шее”, а также “пустопорожней церемонией”, “клубом бывших однокашников” и поэтому ставят под сомнение полезность его дальнейшего существования»⁴⁵⁷.

Якобы крепнущее Содружество достаточно долго выполняет роль иллюзорной опоры новой державности. «Мы находимся в последней фазе перехода от управляемой из центра империи к свободному партнерству равных и независимых государств. Идея опеки быстро уступает путь концепции партнерства. Все это вполне нормально и неизбежно, и нет никакой причины для неверия в то, что это партнерство будет процветать», – утверждал в британском парламенте депутат-консерватор Бернард Брэйи, когда не прошло еще и месяца после Суэцкого кризиса⁴⁵⁸. «Если система не распалась до настоящего времени, – продолжал он, – то она обязана этим не столько традиции или чувству, или даже привычке ассоциации, сколько существованию вполне реальных и ощутимых уз вза-

---

⁴⁵⁶ Fieldhouse D.K. Op. cit. P. 380.

⁴⁵⁷ The Blackwell Encyclopaedia of Political Science. Oxford: Blackwell, 1992. P. 120–121.

⁴⁵⁸ Hansard. H. of C. 1956. Vol. 561. Col. 752. 30 November.

имной заинтересованности»⁴⁵⁹. Брэйи явно испытал влияние идей Смэтса, ссылаясь на которого, он заявлял: «Никто из нас не в состоянии предугадать, какую конечную форму примет Содружество»⁴⁶⁰.

Необходимо отметить, что за два года до Суэца тон Брэйи по поводу Содружества был все же несколько иным, наполненным большим пафосом и оптимизмом: «Я рассматриваю Содружество как семью суверенных наций, круг которой постоянно расширяется, по мере того как, продвинувшись вперед, ранее зависимые народы берут на себя ответственность за свою судьбу. Я рассматриваю его как партнерство многих рас, преодолевающее пропасть между Востоком и Западом, между белой и черной расами, между христианами и нехристианами. Я рассматриваю его как символ человеческого братства и наилучшую надежду для мира»⁴⁶¹.

Но Брэйи и подобные ему энтузиасты нового Содружества чем дальше, тем больше оставались в меньшинстве в Британии конца 1950-х – начала 1960-х гг. Вера в Содружество и поддержка его быстро таяли. «Не только рассеялся романтический взгляд, – характеризовал этот период Р. Бойсон, – но и наш народ просто перестал внимать жалобам Содружества, с которым только умеренно-левые интеллектуалы, да часть лондонского истеблишмента чувствовали отныне какую-либо реальную связь. Было бы лучше, если бы мы сразу начисто оборвали все узы и, провозгласив собственную независимость, вернулись, как раньше, к роли островного государства. Наша продолжающаяся вовлеченность в Содружество ежедневно напоминала нашему народу о закате британской мощи, а иммиграция из Нового Содружества (т.е. бывших «туземных» колоний. – О.П.) создавала проблемы, возбуждавшие негодование многих людей»⁴⁶².

---

⁴⁵⁹ Ibid.

⁴⁶⁰ Ibid.

⁴⁶¹ Ibid. Vol. 525. Col. 2415. 02.VI.1954.

⁴⁶² Boyson R. Op. cit. P. 137–138.

Результаты социологических опросов начала 1960-х гг., казалось бы, противоречат этой и ряду других подобных оценок. Так, Дж. Барнс, автор одного из разделов монографии «Век консерваторов», приводит данные Института Гэллопа, согласно которым в сентябре 1961 г. 48% британцев считали отношения с Содружеством наиболее важным приоритетом для своей страны, в то время как отношения с США – 19%, а с Европой – только 18%. Барнсу эти сведения нужны для иллюстрации следующего положения: «Невозможно объяснить взрыв чувств, вызванных Суэцкой операцией, иначе, чем глубокой психологической связью с Империей, если не всей страны, то по крайней мере консервативной партии, ее сторонников и значительной части населения»⁴⁶³. Однако после Суэца эта связь стала довольно быстро разрушаться. Данные опроса скорее фиксировали силу инерции. К тому же респонденты, очевидно, под «Содружеством» в силу инерции в первую очередь имели в виду «белые доминионы». Еще сохранялись принципы имперской солидарности и живы были воспоминания о той помощи, что они оказали в первый годы войны с гитлеровской Германией. К «туземным» владениям отношение становилось иным. Буквально через несколько лет недовольство наплывом «цветных» иммигрантов из бывших колоний уже вполне явственно охватило достаточно большую часть британского общества.

Соблюдение имперских церемоний и ритуалов в постимперский период представлялось совершенной бессмыслицей тем, кто прошел уже путем адаптации, особенно в ее «националистическом» варианте. В одной из своих поздних работ И. Пауэлл, говоря в очередной раз о бессмысленности существования Содружества, выражал надежду на то, что «настанет день, когда министры королевы перестанут советовать ей совершать еще одно, и еще одно прохождение через фантасмагорию ликующих толп и бессмысленных церемоний, выставяющее на посмешище власть, которая была, но которой нет более»⁴⁶⁴.

⁴⁶³ Conservative Century. The Conservative Party since 1900. Oxford, 1994. P. 337.

⁴⁶⁴ Powell E. Reflections. P. 255.

В дальнейшем часто стало цитироваться определение, которое И. Пауэлл дал Британскому Содружеству в начале 1960-х гг.: «увенчанный короной призрак империи, восседающий на руинах ее»⁴⁶⁵. С такой оценкой нельзя не согласиться. Подобная судьба, видимо, уготовлена всем детищам тех экспериментов, что связаны с попыткой трансформации распадающейся империи в «добровольную ассоциацию» составлявших ее стран и народов.

Не состоявшись в качестве единого политического организма и культурно-исторического целого, Британское Содружество долго не могло обрести себя и в качестве полноценной международной организации с четко зафиксированными и облеченными в правовые нормы интересами участников. Известный французский политолог профессор Сорбонны К.–А. Кольяр писал по этому поводу на рубеже 1970-х гг.: «Существующие между государствами Содружества связи одновременно и прочны, и хрупки, часто трудно осязаемы и во всяком случае не подлежат чисто юридическому анализу»⁴⁶⁶. Он замечал осторожно: «С точки зрения тех авторов, которые рассматривают эволюцию Британской империи как процесс распада федерации, в настоящее время эта дезинтеграция достигла крайних пределов»⁴⁶⁷.

Действительно, Содружество больше уже не представляло собой единства в экономическом отношении – многие прежние связи давно распались. Не могло оно также служить гарантом безопасности своих членов, новым доказательством чему стали события 1983 г. на Гренаде. Более того, Содружество не способно было предотвратить возникновение острых конфликтов между странами-членами и способствовать их разрешению. Вопреки надеждам тех, кто некогда стоял у истоков Британ-

⁴⁶⁵ См., например: Stokes E. Op. cit. P. 285; Ерофеев Н.А. Закат Британской империи. С. 246 (в переводе Ерофеева: «...Перед нами призрак Британской империи, сидящий с коронной на голове на своей собственной могиле»).

⁴⁶⁶ Кольяр К. Международные организации и учреждения. М., 1972. С. 118.

⁴⁶⁷ Там же. С. 117.

ского Содружества, оно не стало единым блоком государств ни в военном, ни в политическом отношении.

Однако справедливости ради необходимо отметить, что Британское Содружество не только выжило после основной фазы постимперской адаптации, но и с 1990-х гг. даже переживает определенный ренессанс, существенно укрепив свой авторитет среди других международных организаций и союзов. Оно в немалой степени способствовало, в частности, распространению демократических порядков и институтов в бывших британских владениях.

Принципиальным шагом в этом направлении стало в 1961 г. фактическое исключение из состава Содружества ЮАС. Произошло это под давлением азиатских и африканских членов Содружества. И факт того, что бывшая метрополия и «белые доминионы» посчитались с этим давлением, отказались от «расовой солидарности», имел принципиальное значение для будущего этой организации. Вероятно, значимость этого шага становится ясной только спустя десятилетия, когда на Юге Африки произошло крушение режима апартеида и удалось добиться достаточно плавного перехода к демократии и строительству общества на многорасовой основе. Более 50 экспертов из стран Содружества оказывали помощь ЮАР в организации и проведении исторических выборов 1994 г., впервые в стране прошедших на основе всеобщего и равного избирательного права. Около 100 специалистов из 19 государств работали на Юге Африки после этого, помогая переходу к демократии в данной стране⁴⁶⁸. Возвращение ЮАР в лоно Содружества стало показателем признания мировым сообществом происшедших в ней демократических перемен (для Испании в свое время таким показателем стало принятие в НАТО, куда она безуспешно пыталась вступить при Франко).

Отказ от режима апартеида в ЮАР позволил занять более жесткую позицию по отношению к диктаторским режимам в бывших «туземных» колониях. На 43-й парламентской ас-

⁴⁶⁸ The Parliamentarian. 1998. No 1, January. P. 48.

самблее стран – членов Содружества, состоявшейся в сентябре 1997 г., было с гордостью отмечено, что «парламентская демократия в Содружестве укоренена более, чем в любой другой подобной международной группировке, и что если в 1991 г. не менее чем в 9 государствах-членах существовали военные или однопартийные режимы, то теперь таких стран осталось только две (Нигерия и Сьерра-Леоне)»⁴⁶⁹. Политика эта продолжалась. Так, с 1999 по 2004 г., после военного переворота и вновь в 2007 г., после введения военного положения в стране и объявления об отсрочке давно ожидаемых парламентских выборов, было принято решение о приостановлении членства Пакистана в Содружестве. В 2002 г. аналогичному наказанию подверглось и Зимбабве, несмотря на значение данной страны как символа борьбы с колониализмом.

Повышение престижа Содружества привело к тому, что заявки на вступление в данную организацию стали поступать даже от стран, не входивших в Британскую имперскую систему. В 1995 г. в эту организацию были приняты Мозамбик, в колониальный период принадлежавший Португалии, и Камерун, малая часть которого находилась в прошлом под британским управлением. В 2009 г. ряды членов Содружества пополнила Руанда, в колониальный период принадлежавшая сначала Германии, а затем Бельгии. Для страны, пережившей период геноцида и острейших внутренних усобиц (в которые оказались втянуты и сопредельные государства), принятие в Содружество стало подтверждением восстановления ее «цивилизованного» статуса на международной арене. «Наше правительство рассматривает это как признание большого прогресса, сделанного страной за последние 15 лет. Руандийцы готовы использовать экономические, политические и культурные возможности, предоставленные Содружеством», – заявила по этому поводу министр по информации Руанды Луиза Мушикивабо⁴⁷⁰.

⁴⁶⁹ Ibid. P. 47–48.

⁴⁷⁰ Руанду приняли в Британское Содружество наций // Корреспондент.net.

В СНГ именно в период войны между Россией и Грузией, наоборот, пытались предотвратить выход из организации одного из ее членов или по крайней мере снизить производимый этим эффект. Относительно успешный опыт наследия Британской империи остается ныне не востребованным на просторах бывшего Советского Союза. Лишь отдельные эксперты обращали внимание на данное обстоятельство. Так, обозреватель портала «Фергана.ру» Михаил Калишевский в 2009 г. справедливо констатировал: «При всей условности аналогий между Британским Содружеством и СНГ нельзя не заметить близости институциональных параметров обоих этих объединений... Однако к СНГ вплоть до сегодняшнего дня предъявляются требования и демонстрируются ожидания, свидетельствующие о непонимании сути «содружества» как вполне определенного типа межгосударственных отношений»⁴⁷¹.

Примечательно, что «ренессанс» Британского Содружества, происходил в условиях, когда, во-первых, прежняя имперская система давно ушла в прошлое во всех своих основных проявлениях, а во-вторых, бывшая метрополия уже не в состоянии претендовать в данном сообществе на роль гегемона. Стоит напомнить, что столь благоприятный для Содружества шаг, как вытеснение из его состава ЮАС, в свое время означал очередную капитуляцию сил империи.

А. М. Салмин, например, еще в начале 1992 г. высказывал мысль о том, что «союз с наднациональным контролем и регулированием нужен в первую очередь для защиты прав личности и прав народов»⁴⁷². Но и тогда, и теперь к такому мнению мало кто прислушивался из реальных политиков, чему, впрочем, в немалой степени способствовали и объективные обстоя-

---

2009. 29 ноября. URL: <http://korrespondent.net/world/1022268-ruandu-prinyaliiv-britanskoe-sodruzhestvo-nacij> (дата обращения: 16.04.2018).

⁴⁷¹ Калишевский М. Незамеченный опыт Британского Содружества // Фергана.ру. 2009. 3 декабря. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=6393> (дата обращения: 16.04.2018).

⁴⁷² Салмин А. М. Союз после Союза. С. 55.

тельства. Однако, если предположить, что членство в СНГ было бы реально поставлено в зависимость от соблюдения в стране основных прав человека и демократических свобод, то следует признать, что это создало бы не только условия для привлечения в это объединение стран Балтии, но и возможности более эффективного давления на их правительства в том, что касается защиты интересов русскоязычного населения. Такое содружество могло стать привлекательным и для ряда бывших стран советского блока – неформальной периферии империи. Конечно, какими-то членами СНГ пришлось бы при этом пожертвовать, но шансы на их возвращение в состав содружества оставались бы велики. В первой половине 2000-х гг. такой путь развития для СНГ был закрыт.

На исходе 2000-х гг. российское руководство начало связывать перспективы реинтеграции постсоветского пространства с Таможенным союзом в рамках ЕврАзЭС, соглашение о котором было заключено с Казахстаном и Белоруссией. Однако, как быстро выяснилось, возможности расширения объединения ограничивались двумя другими членами ЕврАзЭС – Кыргызстаном и Таджикистаном, а также представляющей особый случай Арменией, и ожидания экономического эффекта оказались преувеличенными. Показательно, что в 2013 г. перспектива подписания Украиной и Молдавией соглашений об ассоциации с ЕС, делавшая невозможным их присоединение к Таможенному союзу, вызвала со стороны Москвы те же меры давления, что и в прошлом. Таким образом, новое объединение на постсоветском пространстве начинает выглядеть таким же искусственным и не носящим добровольного характера, как и прежнее. Для руководства Украины и Молдавии и основными аргументами в пользу вхождения в Таможенный союз вновь стали экономическое и политическое давление со стороны Москвы и позиция пророссийски настроенных меньшинств в этих странах. «Для Украины не столь важно интегрироваться в Таможенный союз, нам важнее не дезин-

тегрироваться», – заявил летом 2013 г. министр иностранных дел этой страны⁴⁷³.

С политической точки зрения перспективы Таможенного союза весьма сомнительны именно в силу того, что отношения в нем начинают строиться так же, как ранее в СНГ: экономические преференции со стороны России в обмен преимущественно на символическое проявление лояльности к ней. Членство того или иного государства постсоветского пространства в Таможенном союзе превращается для российского руководства в самостоятельную ценность. При этом игнорирование геополитических и прочих рисков для обеспечения такого членства (как это происходит в случае с Арменией) делает Таможенный союз все более формальной организацией, подобной СНГ или Союзному государству России и Белоруссии.

Сохранившиеся у России державные ресурсы, как ни парадоксально, препятствуют нормальному развитию ее отношений с соседями. «Может быть объединение и взаимопонимание, но какая конфедерация может получиться у кролика и слона?» – вопрошал М. Чаклайс⁴⁷⁴. Подобное отношение к идее сближения с Российской Федерацией довольно часто можно встретить в новых независимых государствах. Современная Россия, несмотря на сохранение в своем составе обширных, богатых ресурсами пространств северо-востока Евразии, не может и вряд ли сможет в обозримом будущем стать достаточно сильной, чтобы навязывать свою волю другим странам, но остается недостаточно слабой, чтобы стать участником добровольного объединения равных. «СНГ так же невозможен как единство равноправных государств, как не был возможен Советский Союз», – справедливо полагал Д. Фурман⁴⁷⁵.

---

⁴⁷³ Цит. по: Украина никогда не отворачивалась от Таможенного союза («Zaxid.net», Украина) // URL: <http://www.inosmi.ru/sngbaltia/20130708/210759732.html> (дата обращения: 16.04.2018).

⁴⁷⁴ Чаклайс М. Указ. соч. С. 146.

⁴⁷⁵ Фурман Д. От Российской империи до распада СНГ.

Доводы сторонников иной точки зрения выглядят менее убедительными. Излагая свое видение имперского будущего нашей страны, В. Гущин высказывал предположение, что Украина сможет представлять собой «достаточно серьезный противовес политике России, если она вдруг вознамерится превысить свои имперские полномочия, которые, как известно, не безграничны»⁴⁷⁶. При этом проводилась параллель с отношениями, сложившимися между Мексикой и США. Однако сравнение это, даже если предположить, что автор верно представляет себе суть данных отношений, вряд ли выдерживает серьезную критику. США и Мексика никогда не были частью одной империи (по крайней мере формальной), а потому Мексика не опасается реваншистских настроений более сильного партнера и не стремится всеми силами доказать свое равенство с ним или превосходство. Кроме того, Соединенные Штаты в отношениях с южным соседом имеют все возможности для подкрепления своих амбиций солидной экономической помощью. В отношениях между Россией и Украиной ничего этого нет. А потому «мексиканский» статус страны вряд ли в обозримом будущем окажется приемлемым для какого бы то ни было политического режима в Украине или любой другой республике бывшего СССР. Этот вывод, на наш взгляд, полностью подтверждается и развитием российско-белорусских отношений в течение последние годы. Таким образом, с нашей точки зрения, можно согласиться с Д. Фурманом в том, что «на постсоветском пространстве может быть только два процесса: если интеграции, то имперской направленности, если дезинтеграции, то путем ухода от России»⁴⁷⁷.

В этой связи можно вспомнить планы создания Дунайской федерации (или конфедерации) – так и не осуществленную идею постимперского содружества в Юго-Восточной Европе.

---

⁴⁷⁶ Гущин В. И все-таки России имперской быть // Независимая газета. 1993. 17 сентября.

⁴⁷⁷ Дискуссия в Фонде «Либеральная миссия». URL: <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=553> (дата обращения: 16.04.2018).

Планы эти могли служить оболочкой для реваншизма и стремления подвергнуть ревизии послевоенные договоры. Однако к концу межвоенного периода, по утверждению некоторых исследователей, появился и иной подход к данной проблеме, позволяющий в равной мере учитывать интересы других народов. Так, американский исследователь венгерского происхождения С.Б. Варди, рассматривая эволюцию отношения венгерских историков к Трианонскому договору и его последствиям в межвоенный период, писал: «К концу 1930-х – началу 1940-х гг. многие венгерские историки становились более реалистичны относительно шансов своей нации – или же отсутствия этих шансов – на тотальную ревизию. Более того, растущему числу их, чем дальше, тем сильнее, претили Германия Гитлера и ее тяжеловесная роль в венгерских и дунайских делах. Поэтому, ведомые к тому же ранее раздавшимися громкими призывами некоторых интеллектуалов-популистов, они стали все больше и больше склоняться к идее некоего компромисса и сотрудничества со своими не столь крупными соседями. Одной из грез стала идея частичной ревизии, осуществляемой в контексте воскрешения Дунайской конфедерации, которая могла бы занять место не существующего более государства Габсбургов»⁴⁷⁸. Однако Вторая мировая война, считает Варди, привела к «росту национальной конфронтации в Дунайском регионе», что и положило конец этим надеждам. Необходимо отметить, что и в 1920-е гг. по крайней мере некоторые из разработчиков и глашатаев идеи Дунайской конфедерации склонны были рассматривать свой проект как утопический⁴⁷⁹.

Важно добавить также, что Дунайская конфедерация фактически во всех планах, которые строились по ее поводу, представляла не как равноправный и самодостаточный союз. Такие планы были сопряжены либо с идеей внутреннего доминиро-

---

⁴⁷⁸ Vardy S.B. Trianon in Interwar Hungarian Historiography // War and Society in East Central Europe. New York: Brooklyn College Press, 1982. Vol. 6. P. 381–382.

⁴⁷⁹ См. об этом, например: Айрапетов А.Г. От империи Габсбургов к идее Дунайской конфедерации // Вопросы истории. 2004. № 2.

вания одного из ее участников (Венгрия), либо с идеей внешнего патронажа, направленного против третьей стороны (Италия в середине 1930-х гг. против Германии, Великобритания в конце Второй мировой войны не столько против Германии, сколько против СССР). И, хотя эта идея муссировалась в течение нескольких десятилетий и к ней обращались очень разные политические силы, не удалось даже формально объединить бывшие владения Габсбургов (собственные, либо вместе с сопредельными странами и территориями). Вначале возможность создания такого образования исключалась спецификой процесса распада Австро-Венгрии (и Британское Содружество, и Французский Союз, и СНГ появились именно в период распада соответствующих империй и провозглашались в качестве их преемников). Дальнейший же ход событий, с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что эксплуатация вполне реальной (как было показано ранее), но целиком основанной на прошлом общности не только малоперспективна для выполнения серьезных политических задач, но и все более затратна в плане поддержания определенных политических иллюзий, ценность которых, напротив, снижается.

Таким образом, процесс трансформации империи в содружество, как он мыслился его вдохновителями и организаторами, ни в одном случае не удался. Ни в одном случае не удалось, с одной стороны, сохранить имперскую мощь, престиж, возможность для аккумуляции ресурсов и осуществления грандиозных проектов, своеобразие имперских наднациональных институтов и т.д., а с другой – преобразовать структуру, основанную на отношениях «центр» – «периферия» или «метрополия» – «колонии», в равноправную и добровольную ассоциацию стран и народов.

Как бы ни складывалась судьба «содружеств», на постимперском этапе порождаемые ими иллюзии облегчают процесс адаптации к новым условиям тем, кто исповедовал имперскую систему ценностей. В одной из своих статей Инок Пауэлл сравнил веру в то, что империя может трансформировать-

ся в «Содружество», с употреблением страной «вызывающего галлюцинации наркотика»⁴⁸⁰. Однако наркотик, как известно, в зависимости от обстоятельств и дозировки может быть не только ядом, но и лекарством, помогающим выздоровлению организма или облегчающим переносимые страдания. Надо также иметь в виду, что течение болезни бывает нелинейным: улучшение состояния может сопровождаться новыми обострениями и приступами. Соответственно, меняется и потребность в лекарстве.

Надо признать, что для тех, кто продолжает сожалеть о распаде бывшей державы, ее существование в астральном образе Содружества первоначально являлось весьма значимым, так как создавало некую иллюзию и облегчало постепенное привыкание к новому порядку вещей. По мнению Д.А. Лоу, для Британии специфическое значение Содружества, в частности, состояло в том, чтобы «смягчить травму перехода к постимперской эре»⁴⁸¹. Такую же роль сыграло СНГ в первые годы после распада Союза ССР. Однако время все же лучший лекарь душевных ран. Поэтому чем больше времени проходит с момента распада империи, тем менее востребована микстура под названием «Содружество» и тем важнее для этого объединения найти новые функции, что удастся далеко не всегда.

---

⁴⁸⁰ The Salisbury Review. 1988. 12. P. 42.

⁴⁸¹ Low D.A. Op. cit. P. 335.

В ЧЕМ СОСТОИТ НАСЛЕДСТВО ИМПЕРИИ И КАК ИМ РАСПОРЯДИТЬСЯ?

Процесс распада империи обычно сопровождается большим напряжением сил и значительными жертвами для метрополии и той части общества, что служит опорой имперским структурам. Негативные последствия безуспешных попыток удержать империю находят свои проявления в экономической, социальной и собственно политической сферах, осложняют нравственно-психологический климат в обществе, порождают проблемы на международной арене.

Рассуждения об уникальности травмы, получаемой в результате распада империи той или иной страной, несостоятельны. Причем речь идет не только о странах, традиционно и стереотипно связываемых в современном общественном сознании с имперским прошлым («обреченных быть великими»). Ту же травму переживали в свое время и народы, ныне не воспринимаемые в качестве имперских, например, шведы. Причем последствия этой травмы ощущались в течение длительного исторического периода. «Эпоха шведского великодержавия навсегда канула в прошлое, но в народном сознании, как и в поэзии, память о ней сохранялась долго», – замечает историк Б. Янгфельдт⁴⁸². Стоит также обратить внимание на то,

---

⁴⁸² Янгфельдт Б. От варягов до Нобеля. Шведы на берегах Невы. М., 2010. С. 49.

что Карл XII по сей день остается для шведов величественной и трагической фигурой национальной истории.

Не были исключением в этом отношении и колониальные империи. «В целом можно утверждать, что вся послевоенная история Франции вплоть до середины 60-х годов была отмечена глубоким негативным воздействием болезненного распада французской колониальной империи и вызванных им социально-экономических и политических последствий», – утверждал П. П. Черкасов, основываясь на результатах своего исследования⁴⁸³. Аналогичный вывод, очевидно, можно сделать и о целом ряде других стран, служивших ядром колониальных имперских образований.

Разрушение империи, особенно если этот процесс не происходит в виде «взрыва», а роль внешнего воздействия не слишком велика, может означать в первую очередь утрату имперских преимуществ, а не освобождение от связанных с империей проблем. Бывшая метрополия, выполняя прежние обязательства, зачастую вынуждена брать на себя заботу об обороноспособности, безопасности, экономическом положении новых независимых государств, продолжать подготовку специалистов для этих стран, оказывать гуманитарную помощь и т. д. С практической точки зрения это не приносит метрополии выгоды и при серьезных экономических трудностях может вызывать раздражение как бесполезная трата усилий и средств. То же «Содружество» может обходиться весьма недешево.

Наличие единого языка общения на территории бывшей империи является важной частью ее наследства. Но это обстоятельство не обязательно способствует сглаживанию постимперских конфликтов, а иногда даже ведет к их возникновению и развитию. Еще в период кризиса советской империи представители национальных движений из «мятежных» республик, выступая друг у друга на массовых мероприятиях, вынуждены

---

⁴⁸³ Черкасов П. П. Распад колониальной империи Франции. Кризис французской колониальной политики в 1939–1985 гг. М., 1985. С. 281.

были просить извинения за использование «языка оккупантов», но иначе их бы не поняли.

Неоднозначная роль единого языка общения показана в эстонско-грузинском фильме «Мандарины». Его действие происходит в начале 1990-х гг., во время абхазской войны. Герои – грузины, чеченцы, абхазы, эстонцы (потомки колонистов, живущих в Абхазии с XIX столетия) – разговаривают друг с другом преимущественно на русском языке, часто матом. При всей антивоенной направленности фильма, авторы показали, как трудно персонажам по-настоящему понять друг друга, даже если они говорят на одном языке, и, напротив, как тот же язык позволяет им друг против друга сплотиться.

Особенно острая проблема возникает, как уже отмечалось, в связи с наплывом в бывшую метрополию иммигрантов из ее бывших владений, для которых характерен более низкий уровень жизни и экономического развития. Соединяясь с потоком беженцев из представителей титульной имперской нации, этот поток экономической иммиграции становится возможным лишь при упрощенных правилах пересечения границ в постимперском пространстве и языковой доступности. Мультикультуризация и социальные проблемы, которые несут постимперские иммигранты, в том числе «соотечественники» (достаточно вспомнить неоднозначное отношение к так называемым «черноногим» во Франции после Алжирской войны), способствует росту праворадикальных политических сил, одновременно выбивая почву из-под ног традиционных империалистов, заставляя консервативные круги быстрее искать выход из положения, заполнять возникший вакуум ценностей. Иными словами, приток таких иммигрантов способствует распространению настроений скорее изоляционизма, чем реваншизма и внешней экспансии. Проблемы, порождаемые иммиграцией, увеличивают возможность усиления опасности справа для консерваторов, перехода в более правый лагерь части бывших сторонников и одновременно позволяют избавиться от груза прежних

пристрастий и стереотипов, быстрее перестраивать свои ряды. Вероятно, ничто так не дискредитирует имперское наследие в глазах населения метрополии, как приток нежелательных иммигрантов.

Однако сохранившиеся со времен империи языковая общность, экономические связи и традиционные культурные ориентации могут при определенных обстоятельствах породить не только иммиграцию из бывших владений в бывшую метрополию, но и новую волну иммиграции в противоположном направлении. Так, в условиях начавшегося в 2008 г. кризиса, сильно повлиявшего на экономику стран Южной Европы, значительная часть португальцев стала перебираться в Анголу (откуда несколько десятилетий назад изгнали их соотечественников), переживающую нефтяной бум и остро нуждающуюся в квалифицированных специалистах.

Много шума наделали сказанные в 2009 г. в Сараево слова министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу о том, что «в Турции больше боснийцев, чем в Боснии, албанцев больше, чем в Албании, чеченцев и абхазов больше, чем в Чечне и Абхазии, потому что это османское наследство»⁴⁸⁴.

Для определенных интеллектуальных и политических кругов в старых колониальных державах возможность возобновления и развития тесных связей с бывшими имперскими владениями до настоящего времени остается некой альтернативой европейской интеграции. Это характерно даже для Испании, растерявшей основную часть своей империи еще в первой трети XIX в. Как утверждал уже в XXI в. крымско-татарский публицист и писатель Эрвин Умеров, «обломки бывшей империи еще целы, ее ревностные служители живы, многие – у вла-

---

⁴⁸⁴ Цит. по: Киселева Н. Турция хочет восстановить империю и вернуть себе Крым // Крымское время. 2009. 29 октября. URL: <http://www.time4news.org/content/turtsiya-khochet-vostanovit-imperiyu-i-vernut-sebe-krym> (дата обращения: 16.04.2018). Высказывание Давутоглу вызвало обеспокоенность не только в Крыму, но и в Армении, Сербии, а также у русских националистов и державников.

сти. Они только изменили цвет, личину, старую же сущность сохранили»⁴⁸⁵.

Противоречивость и неустойчивость процессов, происходящих в рамках постимперского пространства, как уже отмечалось, могут дать возможность сторонникам империи взять реванш в локальных масштабах. При этом, получив власть в том или ином из новых независимых государств, проимперски настроенные группы или отдельные лидеры могут формально не отказываться от лозунгов восстановления державы, но неизбежно вынуждены будут принимать новые для себя правила игры.

Двоякое значение с точки зрения постимперской адаптации консерватизма имеет появление «заповедников» империи. С одной стороны, их наличие укрепляет надежду на обратимость происшедшего и может заставить действовать именно в этом направлении. «Заповедник» в таком случае воспринимается лишь как плацдарм для дальнейшего широко-масштабного наступления. С другой стороны, если социальные и экономические параметры «заповедника» невелики либо уже очевидно, что на восстановление империи, по крайней мере в обозримом будущем, рассчитывать не приходится, то «заповедник» выполняет свою роль – сохранения имперских традиций, нравов, символики, ритуалов, идеологии и т.д. В целом, как представляется, воображаемый «остров Крым» или вполне реальный остров Тайвань имеют позитивное значение для более сбалансированного развития нации, в том числе с точки зрения адаптации консерватизма.

Во второй половине 1990-х гг. в условиях глубокого политического раскола российского общества, имевшего еще и территориальную конфигурацию, но не дошедшего до стадии гражданской войны, вполне закономерно возникала мысль о том, что «раздробление большого государства позволит каждой частичке создать такой политический режим, какой боль-

---

⁴⁸⁵ Умеров Э. Черные поезда. М., 2002. С. 72.

ше устраивает местное население»⁴⁸⁶. Подобные мотивы сыграли существенную роль и в мирном распаде Чехо-Словацкой федерации на рубеже 1992 и 1993 гг.

Проблема локального реванша консервативных сил имеет и иное измерение. После «обвала» империи во главе некоторых из вновь образовавшихся независимых национальных государств нередко оказывались представители «имперской формации». Контр-адмирал имперского флота Миклош Хорти, возглавивший ставшую сугубо сухопутной Венгрию (примечательно, что бывший император Австро-Венгрии Карл I не смог стать лидером Венгрии, хотя дважды предпринимал попытки этого), царский генерал немецко-шведского происхождения Карл Густав Маннергейм, ставший военным лидером независимой Финляндии и другие политические деятели, военные, теоретики и проповедники, состоявшие на службе прежней империи и более чем лояльные к ней, после распада империи занимали более высокие должности в новых независимых государствах. Оставив в стороне проблему политического приспособленчества, которая находится вне рамок данной работы, констатируем, что создание нового государственного аппарата открывает широкие возможности для осуществления многих карьеристских устремлений и деловых инициатив. А это не может не сказаться на верности даже искренне исповедуемому политическому идеалу.

В какой-то степени сказанное может быть отнесено к ученым, писателям, художникам, также являвшимся носителями и творцами имперской идеологии. «Если мы посмотрим на таких людей, например, как Вернадский, – рассуждает, например, А. Миллер, – можно его считать украинским патриотом? Очень сомневаюсь. Он не был великорусским шовинистом, но украинским патриотом в плане отдельного от России существования он вовсе не был. Он основывает украинскую Академию наук. Почему? Потому что он не верит в то, что большевиков удастся выгнать из Москвы и Петербурга, но он очень надеется,

---

⁴⁸⁶ Комсомольская правда. 1998. 26 ноября.

что какие-то элементы русской культуры удастся сохранить на Украине, если ее удастся отстоять от большевиков»⁴⁸⁷.

Окопавшись в этой или иной части постимперского пространства, служители прежней империи мешают попыткам ее восстановления. Уже летом 1919 г. Маннергейм предлагал колчаковскому правительству двинуть на находившийся в руках большевиков Петроград финские войска в обмен на официальное признание независимости Финляндии. Предложение было с гневом отвергнуто, и Маннергейму было указано «впредь не обращаться с такими дерзкими и неприемлемыми для великодержавной России предложениями»⁴⁸⁸. При этом вполне вероятно, что условие Маннергейма было вызвано скорее не его карьеристскими устремлениями, а реальной оценкой ситуации в Финляндии.

В то же время факт участия сил, связанных с бывшей империей, в обустройстве постимперского пространства наряду с крушением иллюзий, связанных с национально-освободительными и национально-демократическими революциями, обескураживает многих из тех, кто поддержал данные революции, руководствуясь соответствующими идеалами. И. Аузинь охарактеризовал ситуацию так: «Они проиграли, мы не выиграли... Может быть, поэтому одни не ощущают радости победы, а другие – драмы побежденных? Сейчас, вполне возможно, среди мнимых “побежденных” больше ликования, чем среди “победителей”; чем плохо на теплом местечке при меньшей ответственности? Как много знакомых лиц!»⁴⁸⁹.

Утрата державного величия, потеря позиций на мировой арене при желании в той или иной степени и тем или иным способом могут быть компенсированы «выигравшей» сторо-

---

⁴⁸⁷ Миллер А. Почему все континентальные империи распались в результате Первой мировой войны. URL: <https://polit.ru/article/2006/04/11/miller2/> (дата обращения: 16.04.2018).

⁴⁸⁸ Гуль Р.Б. Ледяной поход. Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. Будберг А. Дневник. 1918–1919 годы. М., 1990. С. 303.

⁴⁸⁹ Аузинь И. Указ. соч. С. 150.

ной. Необходимость подобного рода «компенсаций» в какой-то мере ощущалась еще во времена Венского конгресса, однако была доказана только развитием событий в Германии между Первой и Второй мировыми войнами. Впрочем, в конце этого периода «Мюнхенская политика» обнаружила еще и пагубность необдуманных, поспешных и запоздалых действий в этом направлении.

Весьма удачным примером «компенсации» потери позиций, с нашей точки зрения, является передвижение на запад «центра тяжести» польского государства после Второй мировой войны. Эта идея активно обсуждалась лидерами держав антигитлеровской коалиции и, как известно, наиболее четко была сформулирована У. Черчиллем. Однако более всего в ее осуществлении, безусловно, был заинтересован СССР. Присоединение к Польше территорий, на большую часть которых она имела лишь весьма сомнительные исторические права или не имела никаких прав, умерило пыл польских национал-патриотов по поводу возвращения земель, перешедших в состав Украины, Белоруссии и Литвы. Произошел обмен территориями, по которому страна, часть земель которой была конфискована, получила территориальную компенсацию за счет третьей стороны, которая в тот момент была готова удовлетвориться лишь сохранением собственной независимости. Это в немалой степени повлияло на отношение указанных сил к насаждавшемуся в Польше просоветскому режиму. Таким образом, данная система компенсаций выходила за рамки решения только территориальных вопросов. А когда через сорок с лишним лет этот режим пал, волна националистических и «реставрационных» настроений в Польше оказалось менее мощной и продолжительной, чем, скажем, в Латвии или Эстонии. Заметим также, что территориальные связки Германия – Польша – Украина, Белоруссия – Литва остались необыкновенно устойчивыми. Более того, возникающие территориальные проблемы с Россией правящие круги современной Украины стремятся снять по анало-

гии с проблемой западных границ, заявляя об отторгнутых на заре существования советской власти землях⁴⁹⁰.

Однако далеко не всегда можно найти настолько «провинившуюся» страну, какой была к моменту окончания войны Германия, за счет которой и была осуществлена «компенсация» Польше. Более того, случай с Польшей можно считать уникальным, поскольку возможности для «компенсации» обычно весьма ограничены. Укрепившие свои позиции державы не должны забывать о собственных интересах. Кроме того, каждый их подлинный или мнимый шаг подобного рода в отношении страны-наследницы бывшей империи вызывает острую реакцию в «новых независимых государствах».

Примером этого (курьезным на первый взгляд) могут служить исторические параллели, проводимые одним из украинских историков в конце XX столетия: «Похоже на то, что трагические события преддверия второй мировой войны и дальнейшая экспансия сталинской империи до самого центра Европы ничему не научили наследников “мюнхенцев” 1930-х годов. Тех на Западе, кто, как в свое время Чемберлен, Даладье и, очевидно, Рузвельт, не хотят или не могут понять, что рано или поздно усилиями Грачевых или Жириновских, Руцких или Хасбулатовых, Зюгановых или Лебедей, и тех имперских сил, что стоят за их спиной, Россия, как уже было не раз на протяжении веков, вновь поднимется на ноги и вновь ее военно-промышленный комплекс найдет способы “открыть окно в Европу”. На шаткую основу поставлены не только целостность, суверенитет и независимость Украины. Из-за таких умов сохраняется угроза для безопасности и независимости Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, народов Прибалтики, бывшей Югославии; раз уж Россия целиком солидаризируется с великодержавными амбициями великосербских шовинистов, что мечтают о возрождении бал-

---

⁴⁹⁰ О возможности таких претензий, в частности, заявлял депутат Верховной Рады и бывший министр иностранных дел Украины Б Тарасюк. См.: Белгород – это Украина? // Час (Латвия). 2008. 11 апреля. URL: <http://www.inosmi.ru/translation/240756.html> (дата обращения: 16.04.2018).

канской империи Тито и Карагеоргиевичей, а страны бывшего СССР и бывшего СЭВ просто считает сферой своего влияния»⁴⁹¹. Подобные высказывания и настроения, с одной стороны, уравнивают великодержавные реваншистские амбиции, а с другой стороны, способствуют их разжиганию. Носители и проводники таких амбиций со своей стороны клеймят «мюнхенский» подход⁴⁹².

Рассматривая распад империи, следует выяснить, рушится ли она в одиночку или одновременно с несколькими подобными образованиями. 1917 и 1918 гг. принесли крушение сразу трем крупнейшим европейским державам – России, Германии, Австро-Венгрии. Тогда же окончательно рухнула Оттоманская империя. При этом важно то обстоятельство, что распавшиеся державы выступали в годы Первой мировой войны на стороне разных блоков, а неудача в войне сопровождала процессы распада, но не предшествовала им. И если Россия, Австро-Венгрия и Турция относились к континентальным империям, то Германия имела заморские владения, а после войны потеряла их.

После Второй мировой войны распад колониальных империй, прежде всего двух крупнейших – Британской и Французской, также происходил почти синхронно. Более того, эти процессы даже переплетались между собой. Элиты разваливающихся империй обменивались опытом и советовались друг с другом (например, в конце 1940-х – начале 50-х гг. в британских политических кругах имела хождение идея о превращении Индокитая в доминион в рамках Французского союза), предпринимали попытки совместного противодействия обще-

---

⁴⁹¹ Трубайчук А. Містер з парасолькою. Невіл Чемберлен. Киев, 1994. С. 99–100.

⁴⁹² См., например, высказывание Модеста Колерова вскоре после увольнения с поста начальника Управления президента России по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами: «...К чему привели подвиги «голубей» мы уже видели и в Мюнхене 1938 года, и в Таллине в апреле 2007-го». Надо учить матчасть, а лишь затем примерять пикейный жилет эксперта: Интервью Модеста Колерова. URL: http://pro-kino.biz/articles/pro-kulturu/news_2007-10-30-08-14-17-701.html (дата обращения: 16.04.2018).

му врагу в лице национально-освободительных сил. Но все их усилия по спасению своих систем от распада оказались тщетными. Важно подчеркнуть, что и эти империи принадлежали к одному типу, были старыми соперниками и старыми партнерами. Все это могло создавать у проимперски настроенной части общества впечатление неизбежности происходящего.

Следует также отметить, что в данных условиях безрезультатность попыток силового подавления освободительного движения в одной империи может удержать правящие круги другой от масштабного применения аналогичных средств в критической ситуации. Так, войны, которые с малой эффективностью вела Франция в Индокитае, а затем в Алжире, оказали серьезное сдерживающее влияние на британские политические круги, не допустившие возникновения значительных вооруженных конфликтов в своих добивающихся независимости колониальных владениях.

Крайне неблагоприятные условия сложились для «преодоления травмы», вызванной распадом СССР. Происшедшие в тот же период разделение Чехословакии и дезинтеграция Югославии имели скорее негативное, чем позитивное, воздействие на процесс адаптации «державников» в России и других бывших республиках Союза. Чехословакия была одной из «неформальных» частей Советской империи. Югославия при Тито представляла собой мини-державу, потенциально входившую в зону советского влияния, – нечто вроде непокорного вассала, периодически переходящего от бунта к фронде в отношениях с сеньором. Кроме того, народы Югославии и, в меньшей степени, Чехословакии воспринимались в России как «славянские братья». Осуществив раздел со Словакией, Чехия тут же оказалась в числе первоочередных кандидатов на вступление в НАТО. Ожесточенные межэтнические конфликты на территории бывшей Югославии привели к значительному усилению американского присутствия и влияния на Балканах. Таким образом, распад этих государств только усилил чувство «ущемления державного достоинства» в России.

Косовский кризис, ознаменовавший второй этап распада Югославии, был воспринят в России еще более болезненно, поскольку привел к вооруженному вмешательству извне, к тому же со стороны наиболее ненавистного бывшего соперника – США. Именно это обстоятельство, а не славянская или православная солидарность вызвало заинтересованность России в косовском вопросе и породило надежды Сербии на российскую поддержку в противостоянии давлению со стороны Запада. Признание же западными странами независимости Косово было воспринято в России, во-первых, как проекция возможного собственного будущего и, во-вторых, как очередное поражение на пути возрождения великодержавных амбиций, свидетельство ограниченности ресурсов своего влияния.

Определенным утешением отечественным державникам могло служить то обстоятельство, что СССР был все же далеко не первой империей, потерпевшей крах. В одной из статей, написанных вскоре после распада СССР, Д. Драгунский упоминал, например, распад Британской империи, державы Александра Македонского, Римской империи, Оттоманской Порты и Австро-Венгрии, после чего с долей сожаления, но достаточно спокойно констатировал: «Наступил черед и Рима Третьего»⁴⁹³.

Внезапный распад Советской империи был воспринят в метрополиях бывших колониальных держав как подтверждение исторической обоснованности и неизбежности процесса деколонизации. «Имеющие важнейшее значение события 1989–91 гг. почти полностью отодвинули британские рубежные даты – 1947–48, 1959–61, 1967–68 – в историческую тень», – констатировал Д. Макинтайр⁴⁹⁴. Говоря о проведении исторических параллелей как факторе, способствующем процессу адаптации, необходимо также упомянуть, что сторонники империи могут обращаться к прецедентам ее восстановления. В данном слу-

⁴⁹³ Драгунский Д. Имперская судьба России: финал или пауза. Ценность империи и имперские ценности // Век XX и мир. 1992. № 1. С. 21.

⁴⁹⁴ McIntyre W.D. Op. cit. P. 105–106.

чае исторические реминисценции призваны подкреплять веру в обратимость происходящих процессов. Так, В. Алкснис в дни распада СССР вспоминал о распаде прежней Российской державы и возрождении ее в новой форме: «Вспомним историю. В семнадцатом году наше государство тоже могло распасться на части. Ситуация во многом сходная... Но тогда не было двух объединяющих нас факторов: единого экономического пространства, единой экономики и не было советского народа»⁴⁹⁵.

«Нынешняя Россия (в смысле конкретная общность граждан Российской Федерации) скорее выиграла, чем проиграла от распада союзного государства», – признавал журналист Александр Головков, подводя итоги полутора десятков лет, прошедших после заключения Беловежских соглашений. При этом он указывал не только на отпавшую необходимость дотации других республик, но и на появившуюся возможность провести назревшие радикальные экономические реформы без оглядки на менее готовые к ним другие составляющие бывшей имперской системы⁴⁹⁶. Однако «историческая Россия», понимаемая данным автором как «неформальная совокупность людей, считающих себя русскими», рассматривалась им как проигравшая, и не только в результате установления разрезавших ее «по живому» новых государственных границ. «У Российской Федерации сохранились некоторые атрибуты великодержавия..., но нет и малой доли того авторитета в международных делах, которым располагал СССР. Мало искренних друзей, почти нет настоящих союзников, зато – масса недоброжелателей в различных частях современного мира», – констатировал Головков⁴⁹⁷.

Эта слабость имеет и культурное измерение. «...У нас почему-то все произведения на патриотическую тему, произведения с идеологическим содержанием совершенно неталантливый и неубедительны. Скажем даже грубее – они совершенно

---

⁴⁹⁵ Алкснис В. И все-таки я верю // Советская Россия. 1991. 11 дек.

⁴⁹⁶ Головков А. Над юбилеем беловежского разлома // Политический журнал. 2006. 4 декабря, № 45/46. С. 25–26.

⁴⁹⁷ Там же. С. 26.

топорны. Возможно, это оттого, что люди, их создающие, сами ни во что не верят. И они даже не знают, какие идеи они проповедуют и защищают: советский пропагандистский аппарат был не в пример подкованней сегодняшнего», – простодушно сетовал в 2008 г. один из ратовавших за патриотизм критиков⁴⁹⁸. Действительно, во второй половине 2000-х – начале 2010-х гг. на российского зрителя обрушился поток созданных по государственному заказу и достаточно дорогостоящих по мировым меркам фильмов на исторические темы. «Фильм переполнен ряжеными и патриотическими идеями для “правильного” учебника истории», – такую характеристику дала критик Екатерина Барабаш одному из таких произведений⁴⁹⁹. Мнение критиков совпало с реакцией зрителей – подобные произведения последовательно проваливались в прокате. Кроме того, они стали трактоваться как «чёрный пиар патриотизма»⁵⁰⁰.

---

⁴⁹⁸ Архангельский А. О голой Лолите Милявской // Взгляд. 2008. 16 ноября. URL: <http://www.vz.ru/columns/2008/11/16/229642.html> (дата обращения: 16.04.2018).

⁴⁹⁹ Барабаш Е. Кто с мячом к нам придет... «Александр. Невская битва» о реальных пацанах, их крыше и гнущихся шведах // Независимая газета. 2008. 30 апреля.

⁵⁰⁰ Мараховский В. Мушкетарины капут. «Уланская баллада» и главная угроза патриотическому воспитанию. URL: http://www.odnako.org/blogs/show_21978/ (дата обращения: 16.04.2018). Автор данной рецензии, сам принадлежащий к «патриотическому» лагерю, видел причину появления провальных киноподелок лишь в том, что «в борьбе за патриотическое кинофинансирование» вперед «в отличие от режиссёров и сценаристов, уважающих свой труд», вырываются беспринципные конъюнктурщики. Однако объяснить лишь этим многочисленные неудачи в данном жанре при почти полном отсутствии каких-либо успехов вряд ли представляется возможным.

ПОСТИМПЕРСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Постимперская идентичность – один из факторов, который, казалось бы, должен поддерживать единство постимперского пространства и восстановление его целостности. Особое значение при этом имеют общий язык и общая история народов.

Общий язык, сближающий народы империи, облегчающий их представителям общение друг с другом, может помочь им объединиться против нее самой или уже против ее наследия. Это главная, но, как было показано, не единственная создаваемая империей коммуникационная система.

Общая история – это не прошлое само по себе, а те образы этого прошлого, представления о его ключевых моментах и характеристиках, которые складываются в общественном сознании. И образы эти не могут быть тождественными для всех и неизменными. Они также имеют мало общего с объективным научным знанием. Под «общей историей» сторонники восстановления единства постимперского пространства подразумевают собственную идеологизированную картину прошлого, наивно полагая ее единственно верной. Таким образом, именно идеология, по их мнению, является второй из двух основных «скреп» унаследованной от империи идентичности. Соответственно, для ее сохранения ставка делается не только на поддержание и распространение бывшего имперского языка как средства межнационального общения, но и на идеологизированную пропаганду, которая не может не вызвать

у некоторых групп отторжения, а у приверженцев других идеологий – сопротивления.

При этом надо иметь в виду, что «возрожденцами-реваншистами» неизбежно предлагается народам постимперского пространства не прежняя имперская идеология, а некий ее суррогат. Это легко объясняется тем, что в условиях крушения империи прежняя идеология подверглась мощной критике, которая не могла пройти бесследно, а прежние постулаты не позволяли объяснить реалии сегодняшнего дня и, соответственно, связать их с прошлым. Между тем полное изменение идеологии означало бы разрыв с соответствующей имперской традицией. Историк Николай Копосов отмечает, что «даже в разгар перестройки тотальное отрицание “всего советского” было отчасти иллюзорным. За ним стояло разочарование в социалистической модели развития и чувство поражения в состязании с Западом. Но лишь в малой мере – распад общности, с которой идентифицировали себя советские люди»⁵⁰¹.

Одним из факторов, на который надеялись многочисленные радетели воссоединения постсоветского пространства под доминированием новой России, стало сохранение в его пределах культурной общности, характеризующейся преимущественно ностальгической востребованностью старой советской культуры. Поэтому столь болезненно была воспринята в российском обществе позиция, которую занял в ходе российско-грузинского конфликта в 2008 г. Вахтанг Кикабидзе, одна из ярких фигур подлинной и популярной советской имперской культуры.

Случай с Кикабидзе достаточно показателен с точки зрения изменения структуры ностальгии по советскому прошлому. Пафосная державная тематика сменяется более частной, приземленной, как правило, связанной с лучшими достижениями массовой культуры. Например, 2 февраля в 2013 г. в России два юбилея – 70-летие завершения Сталинградской битвы

---

⁵⁰¹ Копосов Н. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 123.

и 90-летие со дня рождения автора культовых советских кинокомедий Леонида Гайдая, которые вызвали по крайней мере равный резонанс в обществе. Примечателен в этом отношении заголовок обзора теленедели, опубликованного в газете «Трибуна»: «Гайдай против Сталинграда: кто кого?»⁵⁰². «Сталинград навеки останется символом единства и непобедимости нашего народа», – заявил в тот день в своем выступлении Владимир Путин⁵⁰³. Однако вполне можно предположить, что творческое наследие Гайдая для единства россиян и всего населения постсоветского пространства к этому времени значило даже больше, чем память о битве, ставшей переломной в ходе Второй мировой войны.

Подлинные популярные произведения культуры остались чуть ли не основным якорем для поколений, живущих на постсоветском пространстве и помнящих о советском прошлом. Это полностью осознают противники советского наследия. 2 января 2013 г., бывший высокопоставленный сотрудник латвийского МИДа Нормунд Васариньш в своем блоге в Twitter высказался по поводу традиционного показа в новогодние праздники в Латвии, как и в других бывших республиках СССР, комедии «Ирония судьбы, или С легким паром!» По его мнению, фильм Эльдара Рязанова «мешает латвийскому обществу стать по-настоящему западным». Дипломат уточнил, что в новогодние праздники лучше смотреть западные фильмы, поскольку «они не инфицированы советским мышлением и ностальгией»⁵⁰⁴. В качестве примера «неинфицированных» фильмов он привел американскую комедию «Один дома», которую оценил как «кино слабое и, позволю себе так

⁵⁰² Трибуна. 2013. 29 января.

⁵⁰³ Цит по: Путин назвал Сталинград символом единства россиян // Lenta.ru. 2013. 2 февраля. URL: <http://www.lenta.ru/news/2013/02/02/volgograd/> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁰⁴ Цит. по: «Ирония судьбы, или С легким паром!» поссорила латвийских политиков // Lenta.ru. 2013. 3 января. URL: <http://www.lenta.ru/news/2013/01/03/latvia/> (дата обращения: 16.04.2018).

сказать, глупое»⁵⁰⁵. Высказывания Васариньша вызвали интерес и бурное обсуждение как в Латвии, так и в России⁵⁰⁶.

Любопытно, что в современном патриотическом российском кино (пользующемся преимущественной государственной поддержкой) на первый план выходят менее пафосные герои и достижения недавнего советского прошлого, которые вызывают наибольший интерес у зрителей. Так, в 2013 г. высокобюджетный фильм о первом космонавте планеты («Гагарин. Первый в космосе») собрал значительно меньше зрителей и был оценен ими хуже, чем лента о выдающемся советском хоккеисте Валерии Харламове («Легенда № 17»). Вслед за этим основатель компании, снявшей фильм о Гагарине, сообщил о начале работы над фильмом о легендарном футбольном вратаре советских времен Льве Яшине⁵⁰⁷.

Трансформации происходят в массовом сознании и в других бывших республиках СССР. Как предположила на основании материалов своего исследования Н. П. Космарская, в отличие от россиян русскоязычные жители других бывших союзных республик по прошествии десяти лет после распада СССР в большей степени тосковали уже не о величии прежней державы, а о «советском интернационализме»⁵⁰⁸. Заслуживает внимание также ее суждение о том, что «советскость» в отличие от других символических вариантов идентичности русскоязычного

---

⁵⁰⁵ Цит по: Экс-дипломат: Латвия станет западной, когда перестанет смотреть «Иронию судьбы» // ИА REGNUM. 02.01.2013. URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1610375.html> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁰⁶ См. об этом, например: Бондар В. Минобороны и кино: ненависть к «Иронии судьбы» опозорила латвийских русофобов // ИА REX. 05.01.2013. URL: <http://www.iarex.ru/articles/32805.html> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁰⁷ О намерении снимать ленты о Яшине заявили сразу две кинокомпании. Мнение о том, что фильм о Яшине «был бы востребован», высказал Владимир Путин, однако кинематографисты уверяли, что их замыслы возникли до этого. См.: Болецкая К., Рожков А. Кинокомпании наперегонки снимают фильмы о Льве Яшине // Ведомости. 2013. 23 июля. URL: <http://www.vedomosti.ru/companies/news/13719221/yashin-protiv-yashina> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁰⁸ Космарская Н. П. Указ. соч. С. 376.

населения в Киргизии «не является поведенческой... а скорее фоновой, созерцательно-ностальгической»⁵⁰⁹.

Вспоминая «яйцо в бокале», о котором писал Франц Фюман, и учитывая то, что описанные им наблюдения были сделаны через полвека после распад империи Габсбургов, вероятно, следует признать, что политическая и идеологическая составляющая в постимперской идентичности оказываются наименее живучи. Пафос так или иначе рутинизируется и теряет свое значение. Именно в таком виде постимперская общность возможна и при поколениях, относящихся к постимперскому периоду.

В более отдаленной исторической ретроспективе, освобождаясь от политической конъюнктуры и субъективных психологических комплексов, имперское прошлое превращается в важную составляющую исторического багажа человечества, используемого для познания и творчества. «Античные и средневековые империи тоже не были вечными, они так же распались и исчезли с карты мира. Они давно уже не актуальны, но по-прежнему продолжают притягивать к себе наше любопытство, наш разум и нашу фантазию», – справедливо отмечают немецкие историки⁵¹⁰. В этом, возможно, и состоит самое значимое наследие каждой империи.

---

⁵⁰⁹ Там же. С. 377.

⁵¹⁰ Шиндлинг А., Циглер В. Указ. соч. С. 31.

В ЧЕМ МОЖЕТ СОСТОЯТЬ «ВЕЛИЧИЕ ГОСУДАРСТВА» ПОСЛЕ КРУШЕНИЯ ИМПЕРИИ?

В психологическом плане распад империи в первую очередь разрушает ощущение «величия страны и нации». Как правило, «величие» непосредственно связывается с «державностью». Последнюю в рамках данного дискурса мы бы определили как «мощь и/или превосходство государства, выявляемые при сопоставлении с ему подобными». Однако, как уже отмечалось, само понятие «величие» в отличие от понятия «державность» во многом носит иррациональный характер. Оно может подразумевать то, что А. Секацкий называет «имперским самочувствием», включая в это понятие «ощущение раздвигающихся границ», «ощущение великой миссии» и т.д.⁵¹¹

Проблема «переобоснования» державности, нахождения опоры для воссоздания видения величия – это проблема государства-преемника империи. Иногда это то же самое государство, но растерявшее большую часть входивших в него или только подчиненных ему владений (Великобритания), иногда – новое, но включающее в себя по меньшей мере историческое ядро и метрополию прежнего имперского организма и потому оказывающееся в роли его старшего или единственного наследника (Российская Федерация).

---

⁵¹¹ Имперская идея: особенность национального сознания или дух времени? // Ночь на пятом. 2010. 3 марта. URL: <http://www.5-tv.ru/video/504517/> (дата обращения: 16.04.2018).

При этом государство-преемник должно обладать достаточным потенциалом для того, чтобы подпитывать амбиции. Оно должно как бы оказаться между прежним собственно имперским состоянием и положением «рядовой» страны. Такая ситуация широко распространена в ходе или после распада империи, но все же не является типичной. Например, в постимперских Австрии и Венгрии проблема переобоснования «державности» и нового «величия» фактически не стояла. Небольшие государства, уступающие по размерам, численности населения, экономическому потенциалу фактически всем своим соседям, не могли считать себя великими державами, какие бы иллюзии они не испытывали. Путь к «державности» для них мог лежать либо через реваншизм (для Венгрии), либо через национализм и единение с другим государственным образованием, обладавшим необходимым потенциалом (для Австрии). И тот и другой вариант для носителей имперских ценностей из числа представителей консервативного лагеря означал не адаптацию к новым условиям, а более или менее быстрый процесс сползания на праворадикальные позиции. Это не значит, что для данных стран после 1918 г. при условии их сохранения в новых границах не стояла задача формирования нового государственного сознания, обоснования национальной гордости. Просто эта гордость в настоящем и будущем могла основываться не на «величии», а лишь на «своеобразии» и потому тесно увязывалась с разновидностью национализма⁵¹².

Иное дело Великобритания или Франция, которые после потери колониальных владений продолжали претендовать

---

⁵¹² Националисты-«державники», придерживающиеся реваншистских взглядов, такую форму национализма высокомерно презирают, одновременно считая ее крайне опасной и вредной. Так было раньше, так происходит и теперь. Например, публицист В. Аверьянов разделяет «национализм льва» и «национализм шакала». См.: Аверьянов В. Рассыпанная матрешка. Ч. 4: Национализм льва и национализм шакала. URL: <http://www.km.ru/magazin/view.asp?id=c9823a14-8b1b-4018-bb09-ebac40b4965> (дата обращения: 16.04.2018).

на роль великих держав, которую большинство их населения считало естественной. Поэтому неточным является утверждение современного российского автора о том, что «в Британии об империи не сожалели ни истеблишмент, ни плебейские массы»⁵¹³. Для консервативного лагеря этой страны процесс осмысления новой реальности был весьма болезненным. К тому же всегда надо иметь в виду, о каком историческом этапе идет речь, поскольку процесс распада Британской империи в отличие от крушения СССР растянулся на десятилетия.

Следует помнить, что лейбористское правительство К. Эттли, сделавшее важные шаги по пути демонтажа империи, осуществило радикальные перемены в различных сферах жизни британского общества. За эти перемены проголосовали большинство британских избирателей, принявших участие в выборах 1945 г., когда ведомая У. Черчиллем консервативная партия пережила настоящий разгром в момент, казалось бы, величайшего державного триумфа. На этом фоне нашлось достаточно людей, которые рассматривали предоставление Индии независимости как личную трагедию. Тем не менее, находясь в оппозиции, консерваторы активно критиковали лейбористов не столько за то, что рассматривалось как назревшее преобразование Империи, сколько за стремительное падение престижа страны на мировой арене. Бурю страстей вызвал, например, в 1949 г. инцидент на реке Янцзы, в ходе которого британские военные корабли подверглись обстрелу со стороны китайских коммунистов, что привело к серьезным потерям. Депутат-юнионист, бригадный генерал в отставке Р. Рейнер бушевал в ходе парламентских слушаний: «Нет сомнений, что за последние четыре года другие нации, начиная с чилийцев и кончая китайцами, использовали любую возможность для того, чтобы ткнуть нас носом в дерьмо. Еще не так давно они не осмеливались на то, что проделывают сегодня, и этот инцидент

---

⁵¹³ Кустарев А. С. После понижения в должности – Британия, Франция, Россия // Наследие империй и будущее России. М., 2008. С. 199.

на Янцзы только еще одно свидетельство степени катастрофического падения нашего престижа»⁵¹⁴.

Один из самых распространенных агитационных плакатов британских консерваторов на всеобщих парламентских выборах 1950 г. призывал: «Сделаем Британию вновь великой». Через год, во время новой кампании, предвыборный манифест тори был озаглавлен «Британия, сильная и свободная». Именно с этими лозунгами консервативной партии и удалось вернуться к власти после шестилетнего правления лейбористов.

Но, сформировав новое правительство, основная часть тори не могла не сознавать ограниченности своих возможностей в плане возрождения прежних имперских позиций. Стремясь удержать хотя бы те владения, что остались еще под управлением британской короны, они вынуждены были действовать с оглядкой на мировое общественное мнение и, главное, с учетом новой расстановки сил на международной арене.

Когда в 1956 г. разразился Суэцкий кризис – кульминационный момент в процессе распада Британской империи, после которого очевидной стала его необратимость, «империализм» британских консерваторов окончательно стал «стыдливым». Действиями правительства Идена в дни кризиса в консервативном лагере возмущались как те, кто выступал за полный отказ от прежней имперской политики, так и те, кто, напротив, ратовал за возвращение к ней. Причем обвинения были весьма схожи. Так, депутат Найджел Николсон, наиболее активный член «Антисуэцкой группы», которому пришлось за совершенное в эти дни «предательство» интересов партии в конце концов распротиться с местом в парламенте, ставил в вину Идену «лицемерие», стремление говорить «полуправду»⁵¹⁵. Его отец, известный дипломат Гарольд Николсон писал в своем дневнике о «позорных лживых заявлениях» премьер-министра⁵¹⁶. Что касается проимперски настроенной части консерваторов, то,

⁵¹⁴ Hansard (H. of C.). Vol. 464. Col. 1306–7. 05.V.1949.

⁵¹⁵ См.: Трухановский В.Г. Антони Иден. М., 1983. С. 393–394.

⁵¹⁶ Nicolson H. Diaries and Letters. London, 1980. P. 380.

как свидетельствует в своих мемуарах один из английских политических деятелей, они «всегда хотели путем военной акции избавиться от Насера, но не могли выносить лицемерия и некомпетентности Идена»⁵¹⁷. Премьер-министр, таким образом, оказывался виновным и в том, что войска были пущены в ход, и в том, что эта акция не принесла желаемого результата. Изоляция Англии, Франции и Израиля на международной арене, отсутствие поддержки со стороны США, активное вмешательство СССР в ход событий – все это рассматривалось как в том, так и в другом контексте⁵¹⁸.

Именно после Суэца для высшего эшелона британских консерваторов и многих активных сторонников их партии настало время окончательно признать, что империя ушла в прошлое. И такое признание не было легким. Но, делая его, они готовы были предложить нечто взамен.

Показателен в данном отношении памфлет «Торизм и завтрашний день», вышедший в 1959 г. из-под пера председателя консервативной партии и одного из ее основных идеологов лорда Хэйлшема. В памфлете проблема «величия державы» в той ситуации, в которой оказалась Великобритания, была затронута весьма подробно. «Для нас закрыт путь превращения в заурядную посредственность, так, как будто нашей прошлой славы не было вовсе, – писал Хэйлшем, – ...Наша нация шествует по пути величия, а с этого пути невозможно свернуть, из-

---

⁵¹⁷ Healey D. The Time of My Life. London, 1989. P. 17.

⁵¹⁸ Ничего подобного не происходило в России в конце 2004 г. в связи с провалом попыток повлиять на ход событий на Украине. Поэтому параллели, проводимые в этом отношении Е. Гайдаром (см. Указ. соч. С. 9), имеют весьма ограниченное значение. Данные события действительно, как и Суэцкий кризис, продемонстрировали необратимость распада империи, но ни российская элита, ни российское общество не признали этого. Осознание этого проходило очень медленно, но все же имело место. В 2013 г., когда на Украине разразился новый кризис, общественное мнение в России восприняло его значительно спокойнее, а правящая группировка, напротив, как поворотный момент, когда еще можно попытаться удержать ключевую страну постсоветского пространства в орбите своего влияния. Однако шанс этот, вероятно, был упущен значительно ранее.

бегнув при этом бедствий и бесчестья. Лишившись наших прошлых преимуществ, мы должны поэтому обдуманно и осознанно подвести себя к наступлению новой эры величия народа нашего острова. Мы должны создать новые преимущества, соответствующие нынешнему веку, чтобы компенсировать те, что были утрачены»⁵¹⁹. Возможности для этого, с точки зрения Хэйлшема, создавали лидирующие позиции страны в развитии передовых отраслей промышленности (мирное использование атома, электроника, производство самолетов с газотурбинными двигателями и т.д.), а также ее «ключевая» роль в обеспечении единства Западного мира (отголосок концепции «трех великих кругов»).

И то и другое оказалось фикцией. Уже в момент написания данного памфлета подобные упования объективный наблюдатель мог бы счесть не имеющими под собой реальной почвы. Великобритания явно отставала по темпам экономического развития – уже произошло «экономическое чудо» в Западной Германии. Сходные процессы наблюдались в Японии и Италии. На подходе была Франция. Дорогостоящие научно-технические проекты могли себе позволить лишь «супердержавы» (свидетельством тому, в частности, была развернувшаяся между СССР и США космическая гонка). Британия к числу последних не принадлежала – это было уже очевидно.

Видный деятель партии тори Р. Модлинг, занимавший на рубеже 1950 и 1960-х гг. пост министра торговли («председателя торговой палаты»), писал в своих воспоминаниях об «общем недомогании», поразившем послевоенную Англию, и подчеркнул значимость того обстоятельства, что наиболее удачливыми соперниками его страны были государства, «испытывавшие горечь поражения в войне, а ныне наслаждающиеся плодами восстановления». Отсюда, по мнению Модлинга, необходимо становилась проповедь, обращенная не только к соображениям поиска личной выгоды, но и к патриотизму, который

⁵¹⁹ Hailsham V. *Toryism & Tomorrow*. London, 1959. P. 18.

он характеризовал как «все еще важную эмоцию»⁵²⁰. Но проповедь эта также не дала желаемого экономического эффекта.

В свою очередь концепция «трех кругов», являвшаяся официальной внешнеполитической доктриной консервативной партии с конца 40-х гг., окончательный крах потерпела в начале 60-х. Однако уже за несколько лет до того было ясно, что ни США, ни страны Западной Европы, ни даже основные члены Содружества признавать «ключевую» роль Великобритании в обеспечении их взаимодействия не собираются.

Характерен, тем не менее, сам подход Хэйлшема, предложенный в упомянутом памфлете. Во-первых, им признается, что прежние «преимущества» утрачены. Во-вторых, утрачены они безвозвратно, и, следовательно, нужно искать новые – те, что более соответствуют «современному веку». Ни в коей мере не отказываясь от самой идеи «величия», Хэйлшем вольно или невольно пытается найти для нее новые параметры и подогнать под них современную ему Великобританию.

Объективно оценивая ситуацию в стране и за ее пределами, руководство консервативной партии Великобритании во главе с Г. Макмилланом провозгласило, что в колониальной политике, а следовательно, и в отношениях с Содружеством подул «ветер перемен». Одновременно был взят курс на вступление страны в Общий рынок. Вето, наложенное де Голлем на такое вступление в 1963 г., стало новым чувствительным ударом по авторитету страны. Британские политики должны были четче определить свои внешнеполитические приоритеты. В результате пришлось еще в большей степени пожертвовать своими отношениями с Содружеством. Так постепенно политическая, прежде всего консервативная, элита, а с ней и значительная часть населения Британии избавлялись от иллюзий относительно «величия» своей державы, которое в новых условиях, если мерить его традиционными мерками, стало значительно меньшим, хотя и не было утрачено вовсе.

---

⁵²⁰ Maudling R. Memoirs. London, 1978. P. 79.

Конечно, на одних иллюзиях и мифах «величие» страны держаться не может. Для него были и реальные основания – те, что остались от прошлого. Именно в наследство от империи Великобритании достались экономические, финансовые, внешнеполитические и идеологические позиции в мире, часть которых удалось удержать. Она не стала «супердержавой» и перестала быть одной из «крупнейшей мировых держав», но осталась, как заключил в начале 1970-х гг. Э. Хит, в премьерство которого вхождение страны в Общий рынок все же состоялось, «европейской державой первого ранга».

Многие британские «державники» в целом смирились с происшедшим и сняли вопрос «возрождения» империи с повестки дня. Показательна в этом смысле перемена в настроениях и тоне лорда Хэйлшема. В работе «Дилемма демократии», изданной в конце 1970-х гг. и задуманной как итоговое изложение его политической концепции, он говорит уже не о «величии» страны, а о «единстве» нации и называет себя британским «националистом»⁵²¹.

И все же у «патриотов» из числа правых и умеренно правых консерваторов оставалось чувство неудовлетворенности. Источником их вдохновения и надежды по-прежнему служило в основном прошлое страны, в том числе величие Британской империи. Политик и публицист Р. Бойсон писал в конце 1970-х гг.: «Настоятельной необходимостью для Консервативной партии является возрождение и, если необходимо, воссоздание у британцев гордости и чувства идентичности. Нашему подрастающему поколению должны напоминать в школах о величии нашего прошлого: о нашей литературе; о том, что Промышленная революция, которая изменила стандарты жизни во всем мире, началась именно здесь; что дважды в течение этого столетия мы успешно боролись, платя огромную цену, за спасение свободного мира; что в отношении наших политических институтов и убеждений мы были современными Афинами. Британскую Империю тоже должно вспоминать как

⁵²¹ См.: Lord Hailsham. The Dilemma of Democracy. London, 1978. P. 28–29.

одну из двух величайших из известных империй (под второй, видимо, имелась в виду Римская. – *О.П.*), у которой принесенная польза значительно больше, чем те недостатки, что могут быть поставлены ей в вину»⁵²². «Нет никаких серьезных причин для того, чтобы эта страна продолжала переживать период упадка, – утверждал идейный наставник Тэтчер К. Джозеф. – Мы имеем достаточно таланта, того самого таланта, что сделал Британию великой и процветающей сто лет назад, на зависть всему миру. Мы обладаем объективными условиями для успеха сейчас в той же степени, что и тогда»⁵²³. Из таких настроений и складывался «викторианский синдром», ставший одной из важнейших характеристик «тэтчеризма».

«Вкупе с угрозой свободе имеет место чувство беспомощности, связанное с тем, что мы, будучи великой нацией, отчего-то слишком долго катимся вниз и что сейчас якобы уже слишком поздно пытаться повернуть этот процесс вспять. Я не согласна с этим, я считаю, что мы не только можем, мы должны сделать это», – писала Тэтчер в предисловии к предвыборному манифесту консерваторов в апреле 1979 г.⁵²⁴ Приведя партию к победе на выборах и став премьер-министром, она не отбросила подобную риторику, а в некоторые периоды, например во время Фолклендской войны, даже значительно усиливала ее.

Для возрождения державности Великобритании Маргарет Тэтчер постаралась сделать столько же, сколько де Голль сделал для Франции. Вскоре после блестящего для Тэтчер завершения конфликта с Аргентиной известный публицист А. Сэмпсон закончил работу над очередной версией своей «Анатомии Британии». В ней можно найти интересный пассаж, характеризующий атмосферу того времени, имидж первой в истории страны женщины-премьера и восприятие направления ее политики: «Фолклендский кризис добавил в ее (Тэтчер. – *О.П.*) политиче-

---

⁵²² Boyson R. Op. cit. P. 144.

⁵²³ Joseph K. Reversing the Trend. A Critical Re-appraisal of Conservative Economic and Social Policies. London, 1975. P. 6.

⁵²⁴ The Conservative Manifesto. 1979. London, 1979. P. 3.

ский стиль еще больший элемент монаршества; все чаще она стала использовать слово “я” вместо слова “правительство”. После войны она посетила острова со всей церемониальной пышностью и шумихой, присущими королевскому визиту. Подобно монарху, она ставит себя выше политических драк, непосредственно обращается к своему народу и подает себя как символ вновь обретенного патриотического достоинства. Но насколько ясность цели, вера в себя и единство, вызванные к жизни Фолклендским конфликтом, смогут помочь британцам вместе работать над решением своих, гораздо более сложных, экономических проблем – относительно промышленности, технологии или безработицы? Насколько патриотический пыл поможет усилить позицию Британии во взаимозависимом мире? Сможет ли Маргарет Тэтчер создать новый облик Британии, так, как Шарль де Голль создал его для Франции? Вопросы будут повторяться»⁵²⁵.

Время показало, что ни блестяще выигранная Фолклендская война, вызвавшая у нации прилив чувств, которые характеризовались и как «патриотизм», и как «джингоизм»; ни крушение советского блока в Европе, в быстром и относительно мирном характере которого сама Тэтчер сыграла не последнюю роль; ни жесткое отстаивание интересов и особой позиции Британии в отношениях с партнерами по ЕС; ни гибкая и реалистичная позиция в решении сложных проблем – от Южной Родезии и Гонконга до Северной Ирландии, не привели к столь явственному процессу возрождения державных позиций и авторитета на международной арене, который наблюдался в 1960-е гг. во Франции. Вероятно, одной из причин этого были «особые отношения» с США как стратегическим партнером в политике. В отличие от де Голля Тэтчер не собиралась их пересматривать, а, наоборот, стремилась укрепить. Вероятно, она полагала, что Британии в большей степени угрожает зависимость от Брюсселя, чем от Вашингтона. Кроме того, для Тэтчер в силу ее пози-

⁵²⁵ Sampson A. The Changing Anatomy of Britain. The Handbook for the 80s. London: Hodder and Stoughton, 1983. P. 57.

ции был закрыт путь сближения с Советским Союзом, благодаря которому де Голль сохранял дополнительную свободу маневра. Возрождение Британской державы в системе приоритетов Тэтчер стояло все же на втором месте, после создания «нации собственников», утверждения традиционной морали и ценностей «западной цивилизации». Отсюда и характер отношений с США. Отсюда и то, что Фолклендская война оказалась ярким эпизодом во время правления Тэтчер, мощной политической подпоркой проводимому курсу, но не более того.

И, конечно же, в период «тэтчеризма» речь не шла о прямом возвращении к прежней имперской традиции. Как реальная политическая альтернатива этот путь современными консерваторами просто не рассматривается, прежняя империя окончательно переместилась для них в область истории. «Господствующей философией среди сторонников миссис Тэтчер и мистера Мэйджора была та, где Империя, Содружество и все обязательства, с ними связанные, принадлежат прошлому», – делал вывод Л. Джеймс, автор одного из фундаментальных трудов, посвященных «взлету и падению» Британской империи⁵²⁶. Символично, что в самом конце периода правления Тэтчер было принято решение о создании в Бристоле музея Британской империи и Содружества (открыт в сентябре 2002 г.). Музеи дают основу для споров именно о прошлом, а не о будущем⁵²⁷.

Новый всплеск военной активности Великобритании произошел уже при лейбористском правительстве Т. Блэра, активно поддержавшем в начале 2000-х гг. действия США против Афганистана, а потом Ирака. Естественно, что любые подобные действия британского руководства на международной арене у некоторых авторов на уровне инстинкта вызывали и будут

⁵²⁶ James L. The Rise and Fall of The British Empire. London, 1994. P. 624.

⁵²⁷ «Странно видеть имперский музей в наши политкорректные времена? Но здесь идея империи не продвигается и не осуждается. – вместо этого тщательно подобранные экспонаты представляют одни лишь факты», – так характеризуется данный музей на одном из британских туристических сайтов. См.: http://travel.yahoo.com/p-travelguide-2897312-british_empire_and_commonwealth_museum_bristol-i (дата обращения: 16.04.2018).

вызывать «рассуждения» о попытках возрождения империи. В том же ключе будут рассматриваться ими и периодически возобновляющиеся в британском обществе дискуссии на исторические темы, в ходе которых, как правило, обнаруживаются уже давно определенные позиции. Однако Британия уже прошла путь постимперской адаптации, и основа «величия» страны уже никак не может быть связана для ее элиты и всего общества ни с возрождением империи, ни даже со взятием реванша за ее разрушение.

Еще один вариант «переобоснования» державности – французский консерватизм времен де Голля. Здесь налицо были и «новые преимущества» и сохранение преемственности культурно-идеологического кода, и полная «легитимность» происходящего в глазах консерваторов. Как уже было отмечено, де Голлю удалось то, что не удалось британским консерваторам, включая Черчилля и Тэтчер, – начать возрождение великодержавного статуса страны, одновременно прощаясь со старой колониальной империей и не создавая взамен нее другого подобного образования. Правда, надо отметить, что и ослабление позиций Франции в мире в период, предшествовавший возвращению де Голля к власти, было значительно большим, чем у Великобритании. По выражению Ж. Шабан-Дельмаса, «де Голль был тем человеком, который вернул французам право верить во Францию»⁵²⁸.

Отказ от империи нелегко дался де Голлю. «Как, в сущности, было жестоко для человека моего поколения и моей формации в силу занимаемого руководящего поста стать проводником подобного изменения», – пишет он в своих мемуарах⁵²⁹. Стоит напомнить, что в годы войны он провозглашал целью «Сражающейся Франции» не только «восстановить за-

⁵²⁸ Шабан-Дельмас Ж. Шарль де Голль: Он с Францией связал свою судьбу // Шарль де Голль. К 100-летию со дня рождения. Французский ежегодник. 1988. М., 1990. С. 9.

⁵²⁹ Gaulle Ch. de. Memoires d'Espoir. Vol. 1. Le Renouveau. 1958–1962. Paris, 1970. P. 41.

коны Республики», но и «скрепить единство Империи»⁵³⁰. И все же, верно оценив складывающуюся ситуацию, де Голль сумел убедить себя самого и свою страну побыстрее сбросить ставшее обузой имперское бремя. «Конец колониальной системы – это страница нашей истории. Перевернув ее, Франция одновременно чувствует сожаление о том, что ушло, и надежду на то, что придет», – так де Голль описывает прежде всего состояние своей собственной души в тот период⁵³¹. В этом состоянии «сожаления и надежды» суть варианта постимперской адаптации консерватизма, обозначенного нами как «переобоснование державности».

Сам де Голль в момент расставания с империей хотя и верил в конечную правоту собственных действий, но беспокоился, сумеет ли «выжить» политически и вверял себя воле судьбы⁵³². Опасения эти были небезосновательны, поскольку, как бы не был подготовлен момент окончательного расставания с империей предшествующим ходом развития, он все же сопряжен с немалым риском и ответственностью для того, кто принимает такое решение.

На заключительном заседании французского правительства, посвященном обсуждению Эвианских соглашений, де Голль наметил перспективу: «Теперь мы должны повернуться к Европе. Эра организованных континентов сменяет колониальную эру»⁵³³. Однако генерала интересовала не столько Европа, сколько возможности, открывавшиеся в связи с процессом европейской интеграции для возрождения державного величия Франции. Вето, наложенное им на вступление в Общий рынок Великобритании, явилось в этой связи вполне логичным шагом. Расставание с колониальным прошлым тоже было неполным: де Голль предпочел сохранить за Францией те, казалось бы, малозначачие с точки зрения прежней системы вла-

⁵³⁰ Gaulle Ch. de. Discours et Messages. 1940–1946. P. 267.

⁵³¹ Gaulle Ch. de. Memoires d'Espoir. Vol. 1. P. 137.

⁵³² Ibid.

⁵³³ Молчанов Н. Указ. соч. С. 383.

дения, которые могли пригодиться в новых условиях – будь то размещение космодрома в Гвиане или перенесение полигона ядерных испытаний на Тихоокеанские острова.

Конечно, необходимо признать гибкость политической позиции де Голля, его настрой на перемены («законы Республики», он, как известно, тоже переменял). Консервативный политический темперамент де Голля может быть отнесен скорее к «романтическому» типу. То же можно сказать о многих его соратниках. Но это не усложняло, а облегчало процесс переориентации державных устремлений. Необходимо отметить, что в отличие от британских условий специфика развития Франции в течение двух последних столетий обусловила возникновение не одной, а нескольких державных традиций, связанных с формированием держав как колониального, так и континентального типа. Это создавало пространство для маневра. Однако де Голль не пытался подменить одну державную традицию другой, а на их же основе фактически создал еще одну, в достаточной мере соответствующую требованиям времени.

Поскольку в России, несмотря на отмеченную преемственность между Царской империей и СССР, державная традиция также далеко не однородна, не должно вызывать удивления, что к опыту и образу де Голля в 1990-е гг. стремился обратиться целый ряд российских политиков. Александр Лебедь, например, на определенном этапе своей политической карьеры пытался не только приобрести имидж «Генерала» с большой буквы⁵³⁴, но и символическим обращением к его памяти добиться легитимации в общественном сознании своих предполагаемых действий. В этой связи парадоксально звучит вывод, сделанный в свое время советским биографом французского генерала-президента Н.Н. Молчановым: «Главное в де Голле – именно необычность. Он предельно нетипичен, оригинален

---

⁵³⁴ Виктория Токарева в середине 1990-х гг. обращала внимание, что трех генералов, чьи мена были тогда на слуху в российской политике называли очень по-разному: «Генерал Лебедь», «Александр Коржаков» и «Паша или Пашка Грачев».

и своеобразен. Его фигура ломает привычные рамки, схемы, штампы»⁵³⁵.

«Вторая русская революция» по своим последствиям напоминает не Великую французскую и не русскую революцию 1917 г., а именно распад колониальных империй. Россия после крушения СССР вступила в длительную полосу кризиса, в том числе политических неурядиц, прикрывавших своеобразную форму застоя. Надежды на жизнеспособность СНГ и его реальное значение для российской политики довольно быстро улетучились. Отсюда и тщетность предпринимавшихся до настоящего времени попыток «переобосновать» российскую державность. В одном из интервью член научного совета Московского центра Карнеги А. Рябов отмечал: «Если мы сохраняем этот стержень великости как ключевой элемент идентичности, то он должен быть адаптирован к реалиям современного мира. Все попытки искусственно придумать его наполнение в новую эпоху, предпринимающиеся в 1990-е годы, пока никаких серьезных плодов не принесли. И мне кажется, что это наполнение должно появиться естественно, из толщи общественного мнения, а не из тиши кабинетов. Специалисты его лишь должны соответствующим образом обработать и представить – тогда оно будет возведено в ранг новой доктрины»⁵³⁶.

Однако ничего нового, за исключением того, что известный казанский историк Рафаиль Хакимов определил как «имперский инстинкт», из «толщи общественного мнения» так и не появилось. «Путин пришел к власти, опираясь на имперский инстинкт, – писал в 2001 г. Хакимов. – Он его вербализовал в своеобразной лексике, воплотил в кадровой политике... Имперский инстинкт эксплуатируется с редким административным рвением, с болезненной тоской по прошлому, с восторгом от театраль-

---

⁵³⁵ Молчанов Н. Указ. соч. С. 474.

⁵³⁶ Постимперская идентичность – для России и Европы. URL: http://www.archipelag.ru/geoculture/new_ident/geocultwold/identity/ (дата обращения: 16.04.2018).

ного блеска самодержавной кремлевской мишуры»⁵³⁷. В дальнейшем в период путинского правления эта тенденция только усиливалась. Однако, как подметил Хакимов, «имперский инстинкт» проявился в виде «мелкого реванша».

«Проблема не в Путине В.В., – утверждает другой критик имперских иллюзий. – Это коллективное бессознательное. Как только появились нефтяные деньги, страна принялась тратить их на вытеснение ощущения случившейся катастрофы – из области сознания в сферу бессознательного. Нам не хотелось строить и прокладывать, рыть и возделывать, возводить и распахивать. Нам хотелось вылечиться от комплекса державной неполноценности. Заливать похмелье водкой, куражиться, показывать кузькину мать»⁵³⁸. Можно предположить, что в конце первого десятилетия ситуация стала меняться не только в связи с разразившимся экономическим кризисом, но и потому, что глянцевые, декоративные и показательные атрибуты якобы возрожденной державности перестали приносить удовлетворение.

Державное величие в общественно-политическом климате путинской России существовало по преимуществу в виде фантома либо же сильной ностальгии по прошлому. В то же время признание желательности и необходимости для России быть «великой» оставалось общим фактически для всех ведущих современных политических сил и идейно-политических течений страны и задавало рамки для дальнейшей полемики. Перед выборами в Государственную думу 2007 г. страну вообще захлестнула, по выражению В. Костикова, «Манька величия»⁵³⁹. При этом характерной чертой современных представлений о «державности» России является стремление распространить ее не на результаты соревнования государств, а лишь на отдельные его стороны и критерии. Понятие «великая держава»

⁵³⁷ Хакимов Р. Имперский инстинкт // Независимая газета. 2001. 2 марта.

⁵³⁸ Осс Н. Прощай, великая Россия. URL: <http://worldcrisis.ru/crisis/2613453> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵³⁹ Костиков В. Манья величия. URL: <http://www.democracy.ru/article.php?id=1761> (дата обращения: 16.04.2018).

в отношении настоящего, а чаще даже в отношении будущего России употребляется с тем или другим определяющим прилагательным. Самый яркий пример – «великая энергетическая держава». Но есть и множество других, в том числе «великая космическая»⁵⁴⁰.

Традиционные показатели державности, такие как военная мощь, наличие сфер влияния, роль в решении глобальных мировых проблем, как правило, открыто используются лишь маргинальными политическими силами. Все же солидные игроки на современном политическом поле России признают необходимость переосмысления «державности». Не является исключением и «партия власти». В этом отношении она демонстрирует определенное постоянство. Так, еще в одном из проектов программы партии «Единство» отмечалось: «В современном мире державная мощь страны проявляется не столько в военной силе, сколько в способности генерировать и использовать новые технологии, охранять свою безопасность, отстаивать национальные интересы на международной арене, обеспечивать высокий уровень благосостояния народа, поддерживать морально-психологическое единство граждан»⁵⁴¹. В предвыборной программе партии «Единая Россия» в 2007 г., провозглашающей в качестве стратегической цели «строительство России как великой державы на основе исторических традиций и самобытных культурных ценностей ее народов, лучших достижений мировой цивилизации», сочетание «великая держава» упоминается еще дважды: первый раз – в связи с необходимостью перехода к инновационной экономике, а второй – в связи с формированием «психологии победителей», примером которой должны послужить «предки»⁵⁴².

---

⁵⁴⁰ См., например, интервью А. Кокошина. «Красной Звезде». URL: http://www.redstar.ru/2007/08/03_08/1_04.html (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁴¹ Цит. по: Подвинцев О.Б. Проблема «величия России» и современная идейно-политическая борьба // Дискурс-Пи. 2007. С 160.

⁵⁴² См. URL: <http://www.edinros.ru/news.html?rid=3144> (дата обращения: 16.04.2018).

Следует отметить, что при обосновании новой российской державности очень большое значение представителями различных идейно-политических лагерей придается духовной сфере. При этом происходящие в ней процессы могут рассматриваться как необходимое условие и основание для возрождения державной мощи, но могут подаваться и как самодостаточное ее выражение.

Наиболее ярко это направление проявилось в творчестве «православных охранителей»⁵⁴³. Российская державность и православная духовность в их понимании неразрывно связаны. Следовательно, поддержание первой возможно за счет возрождения второй. «Сегодня многие считают, что Россия уже не является великой державой, но ее величие сегодня состоит не в материальном производстве, а в возрождении духа Православия, православной культуры, науки, забытых миром с времен гибели Византии», – отмечает один из сторонников такой точки зрения⁵⁴⁴. В нашумевшем фильме архимандрита Тихона (Шевкунова) «Гибель империи. Византийский урок», который действительно представляет собой любопытный идейно-политический феномен позднепутинской России, «охранительный» антизападнический мотив приобретает прямолинейный и примитивный характер. Представляя собой сознательное искажение истории и прямую ее фальсификацию, фильм изобилует такими выражениями, как «варвары из Брюсселя, Лондона, Нюрнберга, Парижа», «Венеция была Нью-Йорком XIII века», «западные специалисты из Венеции и Генуи», «венецианцы ...

---

⁵⁴³ Термин «охранитель» стал результатом не очень удачного перевода на русский язык слова «консерватор». И сейчас различие «охранителей» и «консерваторов» вытекает из этимологии этих слов – первые «охраняют», а вторые «сохраняют». Не случайным представляется то, что во второй половине 2000-х гг. термин этот в России употребляется все чаще, в том числе и для самоидентификации. Подробнее об этом см.: Подвинцев О.Б. Охранители в тупике // Свободная мысль – XXI в. 2007. № 6. С. 88–94.

⁵⁴⁴ Непомнящих И.А. Россия в современном мире. Православное осмысление мира (в сокращении). Ч. 9. URL: http://www.katehizis.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2339&Itemid=178 (дата обращения: 16.04.2018).

объявили на весь западный мир, что ... борются с режимом, отрицающим общевропейские ценности», «олигархи обзавелись целыми армиями под видом ... подразделений охраны», «вертикаль центральной власти стала рушиться» и т.д. и т.п.⁵⁴⁵ Примечательно, что архимандрит Тихон подчеркивает имперский характер Византии, а следовательно, и современной России, которая и должна усвоить ее «урок». «Россия – имперское государство по природе своей, хотим мы этого или не хотим, нравится нам это или не нравится! Кто-то от одного этого словосочетания впадает в истерику, кто-то принимает как данность. Существует альтернатива: или страна будет жить и развиваться по законам имперского государства, или она распадется и погибнет. Мы этого не хотим», – утверждал автор в интервью, данном после выхода фильма⁵⁴⁶. Но общий пафос архимандрита Тихона сугубо оборонческий – возродить православие и традиционный уклад жизни. Петр, полемически заострив этот момент, назвал фильм архимандрита Тихона «с его упором на пагубность перемен, восхвалением⁵⁴⁷ и изоляционизма...» «по сути антироссийским»⁵⁴⁸.

Все перечисленные черты «державного дискурса», включая его всеобщность, с нашей точки зрения, свидетельствуют о продолжающемся процессе адаптации общественно-политического сознания российского общества к постимперским

---

⁵⁴⁵ Показательны, например, те сроки существования разных империй, которые приводятся в самом начале фильма. То, что Российская империя просуществовала, по его мнению, 200 лет, а Австро-Венгрия – «около 100», можно объяснить тем, что за точку отсчета берется дата провозглашения государств под этими названиями (в действительности, конечно, Царская держава и держава Габсбургов были намного старше). Но вот по какому принципу Британской империи отведено 150 лет жизни, остается только гадать (см.: Дикторский текст литературного сценария фильма «Гибель империи. Византийский урок». URL: <http://www.pravoslavie.ru/cgi-bin/print.cgi?item=1r550r08021112807> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁴⁶ Там же.

⁵⁴⁷ Византийский урок для России // Профиль № 7 (563). 2008. 25 февраля. URL: <http://www.profile.ru/items/?item=25476> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁴⁸ Там же.

реалиям и о вступлении этого процесса в новую, решающую, стадию, которая может привести как к обострению имперских рецидивов, так и к постепенному снятию проблемы.

Можно предположить, что одной из причин постепенного охлаждения в позднепутинский период творцов официальной российской идеологии к фигурам Петра I (возвеличиваемого в 1990-е гг., когда его портреты висели в кабинетах большинства крупных российских чиновников на месте изображений советских вождей) и Александра III (который активно преподносился общественному сознанию государственной пропагандой в начале 2000-х) стало то, что оба эти правителя ассоциируются с реальной, а не риторической имперской политикой. Российско-советский имперский пантеон сейчас не опустел, не подвергся в отличие от собственно большевистского разоблачениям, но, по сути, оказался отринутым сегодняшней охранительной идеологией.

Не удивительно, что «имперских эстетов» коробит расхождение их идеалов не просто с политической реальностью, но с деятельностью сил, пытающихся отстаивать те же идеалы в политико-практической плоскости. «Если говорить о политических взглядах, то они у меня имперские, державные. Но одно дело идеи империи, а совсем другое – ее земное воплощение. Искажений так много, что порой чувствуешь себя обреченным на платонизм», – признался в 2007 г. Павел Крусанов⁵⁴⁹.

Хотя «сепаратизм» и «шовинизм» на уровне официальной доктрины формально приравниваются друг к другу, на практике борьбе с первым уделяется значительно больше внимание, чем борьбе со вторым. Причем ведется эта борьба преимущественно прежними, силовыми, методами и «на удержание», а не «на опережение». В то же время принимаемые меры неизбежно носят половинчатый и в какой-то мере «лицемерный» характер, что напоминает ситуацию в Британии после воз-

---

⁵⁴⁹ Крусанов П. Испытываю отвращение к печатному сову и всем буквам алфавита вообще // Крусанов П. Все прочее – литература. СПб.: Амфора, 2007. С. 299.

вращения к власти консерваторов в начале 1950-х гг., включая действия кабинета Идена в период Суэцкого кризиса.

Очевидно, следует признать, что державное «величие» в современном мире все больше переходит в сферу менее осязаемых, чем ранее, вещей. Можно в целом согласиться с немецким историком Дитером Хэгерманном, специалистом по эпохе Карла Великого, в том, что «"величия" как абсолютной и обязательной категории человеческого существования не бывает. "Величие" – это неизменно ценностное суждение, обусловленное эпохой, причем почти исключительно в контексте соотносимых политических понятий»⁵⁵⁰. Оно не связывается уже столь жестко с «властью, сумятицей боя и экспансией»⁵⁵¹. Его уже нельзя измерить только броненосцами или атомными крейсерами, числом сталелитейных заводов или количеством вывозимых из страны товаров, а также тысячами или миллионами квадратных километров формально или неформально контролируемой территории. Его составляющими стали достижения в искусстве, науке (необязательно прикладной), философии и даже (а возможно, в особенности) в спорте. Конечно, большое значение при этом имеют стабильность политической системы, моральный авторитет нации и иные факторы. Однако простой констатации в данном случае мало. Политическим лидерам необходимы еще внутренняя убежденность в необратимости происшедших изменений, умение определять приоритетные цели в новых обстоятельствах и, самое главное, готовность жертвовать чем-то ради их достижения.

Распад империи придает некую законченность ее историческому облику. Ощущение величия прошлого может диссонировать с реальными попытками его возрождения в настоящем. Отсюда возможность удовлетвориться констатацией тезиса вроде: «у нас была великая эпоха». В других случаях память об империи или, по крайней мере, о ее распаде действующая власть просто старается блокировать. Подобным образом

⁵⁵⁰ Хэгерманн Д. Карл Великий. М., 2003. С. 670.

⁵⁵¹ Там же. С. 669.

обстояло дело, например, в Испании, как во франкистский, так и в постфранкистский период, когда, как отмечает известный французский историк Марк Ферро, существовали табу, которые распространялись даже на рассказы для самых маленьких: «Конечно, Мексика и Перу были завоеваны. Но где же сказано, как они были потеряны? Где говорится об огромной испанской империи от Кубы до Манилы и Гвинеи – разве она никогда не существовала?..»⁵⁵². Во времена Франко из учебного курса следовало, что «во всей истории лишь один Каудильо ”был непобедим“. Он “положил конец преследованиям церкви, убийствам, постоянным забастовкам, которые угрожали переходом страны в руки коммунистов”»⁵⁵³.

---

⁵⁵² Ферро М. Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 135.

⁵⁵³ Там же.

СПОСОБСТВУЕТ ЛИ РАСПАД ИМПЕРИЙ НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОЗРОЖДЕНИЮ?

Данный вопрос, несомненно, следует рассматривать применительно к каждому из народов бывших имперских владений, особенно по отношению к основному имперскому этносу.

Ранее отмечалось, что еще до того, как распад Советской империи стал свершившимся фактом, существовала точка зрения, согласно которой именно такое развитие событий окажется благом для русской («российской») нации. «Только падение империи, только распад СССР поставят перед Россией реальную живую задачу выбора пути к национальной консолидации. Как турецкая нация родилась только после того, как арабы, греки, албанцы и другие противопоставили себя Османской империи, так и Россия, будем надеяться, родится как своего рода “остаток” после вычитания всего нероссийского из советской империи», – писал в 1990 г. Б. Львин. И далее: «Если Турцию, Германию, Японию на новый национальный неимперский путь вывело внешнее поражение, потребовавшее внутреннего возрождения, то подлинный друг или патриот России должен надеяться на возможно более скорое внутреннее поражение Российской империи, на освобождение русского народа от цепей, которыми он приковал к себе соседние народы, на пробуждение после самого кошмарного сна в истории». Не исключено, что на мнение автора повлияла упоминавшаяся ра-

бота А. Авторханова⁵⁵⁴. Однако идея в любом случае «носила в воздухе». Обращает на себя внимание то, что Львин лишь один раз упоминает определение «русский» и то в сочетании со словом «народ», а не «нация». Понятия «русский» и «российский» у него фактически совпадают, как и «британский» и «английский» у Пауэлла.

Еще более примечательна в данном отношении заметка Константина Барановского, опубликованная непосредственно после Беловежских соглашений. «Распад СССР, – писал он, – с точки зрения русских национальных интересов можно только приветствовать, ибо, оставаясь в составе СССР, русские, а шире и другие европейские народы Союза, в перспективе были бы неизбежно оттеснены, а затем ассимилированы “золотоордынскими этносами”»⁵⁵⁵. Одновременно К. Барановский готов был рассматривать перспективы упразднения российских автономий или по крайней мере перекройки границ между ними и прочими субъектами федерации. Следует отметить, что уже весной 2000 г. тот же автор провозгласил возвращение России к «цивилизованному национализму» или «подлинному патриотизму», связывая это, в частности, с успехами «Единства» и харизмой Владимира Путина⁵⁵⁶.

Близка к охарактеризованной и позиция И. Артемова, выраженная им в статье «Россия: империя или цивилизация?» С одной стороны, в ней повторяется известный уже тезис о том, что «Россия никогда не была империей в общепринятом

---

⁵⁵⁴ Львин Б. Указ. соч. С. 14. По сути то же утверждение (кстати в присутствии Львина) озвучил впоследствии Д. Фурман: «В Турции никогда не было ясно, где кончается собственно Турция, этническая Турция. И в Российской империи никогда не было ясно, где кончается Россия». Однако для него, как уже отмечалось, русский национализм был одним из основных факторов разрушения сначала Российской, а затем Советской империи. См.: Фурман Д. От Российской империи до распада СНГ.

⁵⁵⁵ Барановский К. Единство федерации или национальное разгосударствление России // Век XX и мир. 1992. № 1. С. 43.

⁵⁵⁶ Покровский К. О феномене цивилизованного национализма // Дружба народов. 2000. № 3. С. 156–158.

смысле, ибо русская метрополия скорее “выводила в люди”, чем эксплуатировала народы инациональной периферии». С другой стороны, провозглашалась необходимость строительства «государства-цивилизации». При этом «главная задача государственного цивилизационного строительства – сохранить духовную чистоту и этническую целостность создающего народа». С этих позиций автор отрицал наличие политического будущего у СНГ, участники которого «принадлежат к разным цивилизационным комплексам», выступал за отделение от России Горной Чечни, поскольку «лучший способ избежать драки с соседом – жить на разных территориях», и ратовал за «объединение современной Российской Федерации, Белоруссии и Украины»⁵⁵⁷.

Но наиболее активно такой подход к определению будущего России еще до распада СССР пропагандировал А.И. Солженицын. В условиях перестройки и кризиса империи в качестве одного из «посильных соображений» в эссе «Как нам обустроить Россию» Солженицын выдвинул тезис о необходимости «стремиться не к широте державы, а к сохранению духа в остатке ее».

Речь, с которой знаменитый писатель и публицист выступил 27 октября 1994 г. перед депутатами Государственной думы, вызывает еще больше ассоциаций с тем, что говорил Пауэлл относительно Британии за два-три десятка лет назад. Это и скептицизм в отношении Содружества, подкрепленный ссылкой на мнение масс («Но вы сами видите: кто реально верит в СНГ? Или что оно будет существовать?»). И стремление поскорее распрощаться с некогда подвластными, но чуждыми в культурном и этническом отношении территориями («Это была историческая ошибка России проникать в Закавказье и проникать в Среднюю Азию. Так вот пришла пора эти ошибки исправлять. Из Средней Азии и из Закавказья пришла пора нам полностью

---

⁵⁵⁷ Артемов И. Россия: империя или цивилизация? // Кому в России нужна империя? URL: <http://notes.society.ru/rasn/rusproj/proj01/index.htm> (дата обращения: 16.04.2018).

уходить»). И нежелание расставаться с «родственными народами» (Украиной и Белоруссией). И негативное отношение к развитию федеративных отношений, существованию национальных автономий в «остатке державы» («Унитарное начало – не будет государство разваливаться»). Не обошлось, конечно, и без проблем миграции (читай «иммиграции»): «Объявили себя республикой и суверенными государствами, но почему-то их граждане приезжают к нам с большими деньгами и не идут ни в какую федеральную миграционную службу... а просто сразу покупают дома, квартиры, земельные участки и местность для своей работы»⁵⁵⁸.

В то же время следует заметить, что национализм Солженицына, как и национализм Пауэлла, достаточно респектабелен – он значительно легче поддается «державному искушению», чем вступает в союз с погромщиками. Как Пауэлл приветствовал позицию Тэтчер в ходе Фолклендского конфликта, так и Солженицын поддержал политику Путина, противопоставляя ее проводившейся во времена Горбачева и Ельцина. При этом на первый план вместо противопоставления «национального» и «державного» у него вновь вышло противопоставление исторически присущего России и якобы абсолютно чужеродного ей «советского» «Что касается «копания в прошлом», то, увы, – то самое отождествление «советского» с «русским», против которого я столь часто выступал ещё в 1970-е годы, не изжито и сегодня – ни на Западе, ни в странах бывшего соцлагеря, ни в бывших республиках СССР», – сетовал писатель в интервью журналу «Шпигель» в 2007 г.⁵⁵⁹

Необходимо вновь признать, что постановка нации на первое место в иерархии ценностей сама по себе благоприят-

⁵⁵⁸ Все цитаты из данного выступления приведены по тексту опубликованному в «Правде» 1 и 2 ноября 1994 г. Интересно, что именно в «Правде» Солженицын в тот момент пришелся ко двору, тогда как все остальные крупные российские газеты и средства массовой информации в целом ограничились кратким и маловразумительным комментарием.

⁵⁵⁹ Написано кровью // Der Spiegel 2017. URL: http://www.solzhenitsyn.ru/upload/text/Solzhenitsyn_A.I._Napisano_krovju.pdf (дата обращения: 16.04.2018).

ствуется сползанию на праворадикальные позиции. Не случайно точка зрения Солженицына нашла, например, отклик в газете «Завтра». Михаил Смолин в статье «Постимперский обвал» с одобрением цитировал слова писателя: «Руководство России всеми усилиями старается не запачкаться в какой-либо уклон к интересам русским, даже обходит старательно само слово «русские» – а всегда «россияне». Русский этнос демонстративно не взят в опору России»⁵⁶⁰. Автор статьи поддерживает и тревожные выкладки Солженицына о наплыве «инородцев» (термин использован Смолиным, но не Солженицыным) из бывших союзных республик. Но ряд суждений писателя вызвал неприятие у публициста из «Завтра»: это и слишком мягкая постановка проблемы «украинства» (призыв никак не отвечать на «антимоскальскую» пропаганду), и предложение «отпустить» Чечню (что было бы «оздоровляющим отъемом больного члена») и отдать Южные Курилы Японии. «По признаку больного члена, – писал Смолин, – сейчас, к сожалению, можно распустить всю страну, в ней более или менее все члены больны. Все больное надо лечить, а не отчленять»⁵⁶¹. Еще одна грань между консерватизмом и правым радикализмом в данном случае оказывается уже пройденной, – это оценка Смолиным критики Солженицына в адрес современной представительской системы в России. Смолин считал ее явно недостаточной. «Проблема совсем не в системе избирательной, – уверял он, – а в системе самого демократического принципа, которому совершенно не нужны лучшие и достойнейшие люди в представительстве. Демократию вообще не интересует качество, ею правит количество голосов, поданных за ту или иную партию. ... Нравственный стержень, свойственный личности, не понятен математическому поиску больших чисел. Демократический принцип очень плохо приспособливается к национальным особенностям стран, в которых существует. Он, если можно так в данном случае выразиться, космополитичен и стремится к унификации

⁵⁶⁰ Завтра. 1999. 12 октября.

⁵⁶¹ Там же.

того организма, в который попадает, часто не сообразуясь с невозможностью сочетания своего среднестатистического демократического социального шаблона с многогранной, сформированной веками структурой национального общества»⁵⁶².

Националисты-державники, напротив, не видят в Солженицыне «своего». Живущий на Западе публицист Владимир Нилов⁵⁶³ в статье, опубликованной в «Нашем современнике» в конце 1998 г., с гневом обрушился на обеление ельцинского режима в книге Солженицына «Россия в обвале», припомнив писателю все прошлые «прегрешения». На одно из первых мест в этом ряду он поставил высказанные некогда мысли об «отсечении Кавказа и Средней Азии» от СССР. При этом Нилов явно передергивал и искажал факты, утверждая: «Невозможно себе представить, чтобы англичанин, француз или немец обратился к своему правительству с советом отпустить “на волю”, англичанин – Шотландию и Уэльс, француз – Эльзас и Лотарингию, населенную немцами, Нормандию, где живут потомки скандинавов, Бретань с кельтами, на юго-востоке басков (гасконцев), а немцы добровольно согласились бы отдать захваченные у славян земли между Эльбой и Одером. Такого “интеллектуала” среди европейцев как трудно вообразить, так и не трудно представить, что последовало бы за таким обращением: его высмеяли, посадили бы в сумасшедший дом или предали суду военного трибунала»⁵⁶⁴. Данная составляющая позиции Солженицына (вкуче с его готовностью «отпустить» Чечню) приобретает для Нилова принципиальный характер. В результате Солженицын у него фактически оказывается проводником политики ненавистного Запада

---

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ Материалы, подписанные этим именем, на рубеже 1990-х и 2000-х гг. публиковались в различных российских «патриотических» изданиях. В письме этого автора в одну из газет говорилось, что он бывший военный медик советских оккупационных войск в Германии, бежавший в 1949 г. на Запад из-за угрозы репрессий.

⁵⁶⁴ Нилов В. Образованец обустроивает Россию или предательство в маске (к выходу «Россия в обвале») // Наш современник. 1998. № 11–12. URL: http://www.patriotica.ru/actual/nilov_obrazov.html (дата обращения: 16.04.2018).

и никак не оправдывает возлагавшихся на него надежд «защитника русского народа»⁵⁶⁵.

Более умеренный по сравнению с солженицынским и свободный от националистических перехлестов подход к проблеме обретения Россией самой себя демонстрировал в середине 1990-х гг. Станислав Рассадин. Обращаясь в одной из своих публицистических статей к опыту Дании XIX в. и весьма вольно трактуя историю этой страны, он так описывал происшедшее в ней: «Дания в растерянности и упадке. Еще вчера она была империей с соответствующей психологией, ныне приходится терять и терять: сперва принадлежащую ей Норвегию вместе с влиянием на соседей – шведов, затем немецкие земли, которые вот-вот станут “ближним зарубежьем”. И в эти годы распада и смуты Грундевиг учит датчан любить свою Данию... Нет не так: полюбить ее заново, не за имперскую мощь, а за то, что она Дания. Он ищет выход для оскорбленного честолюбия бывшего геополитического колосса; выход – или, вернее сказать, вход? – внутрь общенациональной и всякой отдельной души, дабы обойтись и возвыситься своими силами. Только ими. Больше ничем и ничьими. А мы? Наша история? Наше национальное самосознание?»⁵⁶⁶.

На самом деле Дания перестала быть «огромной» не вдруг. Формы распада этой державы и его специфические последствия, безусловно, отличались от форм и последствий распада СССР. В этом смысле даже британский пример имеет с российским значительно больше общих черт. Однако Рассадин не претендовал на научную точность, направленность его публицистического запала очевидна: Дания должна была стать примером для России. Идеализированный, во многом, вероятно, додуманый, а не рассмотренный на практике вариант должен был служить нашей стране ориентиром в выборе направления развития. При этом Ст. Рассадин формулирует суть проблемы и свой рецепт

---

⁵⁶⁵ Там же. «Развал страны, предложенный Солженицыным, как одна из мер по оздоровлению России, – пишет Нилов, – на деле оборачивается услугой Западу в его вечном стремлении стереть нашу страну с карты мира».

⁵⁶⁶ Рассадин С. Урок датского // Дружба народов. 1996. № 12. С. 170.

ее разрешения более четко, точно и взвешенно, чем делал это А.И. Солженицын. Но по сути это то же решение. Менее явно, чем у Пауэлла, но все же вполне очевидно распад «державы» рассматривается как благо для «нации» и «страны»⁵⁶⁷.

Перенос центра тяжести с «государства» на «нацию» является также одним из рецептов, которые прописывали России западные эксперты. При этом часто подразумевалось дальнейшее сокращение ее государственной территории до «оптимальных» размеров. Американский политолог и географ Ричард А. Григгз, исходя из пяти возможных вариантов последствия упадка государства: «распада», «новой экспансии», «революции», «зависимости» и «оккупации», так рисовал перспективы, открывающиеся, по его мнению, перед Россией: «Российская Федерация могла бы попытаться пойти по пути потерпевшего неудачу Советского Союза и быть ввергнутой в затяжную революцию. То есть колесо упадка будет раскручиваться дальше, предопределяя новые политические провалы, если государство не достигло еще критического размера. Наиболее мирный путь решения всех этих проблем, вероятно, заключается в дальнейшем распаде на управляемые политические и культурные единицы. Это требует определенного уровня интроспекции, который, возможно, не по силам русскому народу. ... Пока Россия не определилась с тем, что она собой представляет, существует препятствие на пути нахождения удачного баланса между народом и территорией»⁵⁶⁸.

---

⁵⁶⁷ Рассадин не был одинок. Ту же идею в 1990-е гг. озвучили и некоторые другие российские интеллектуалы, зачастую делая это в полушутливой форме. Автор был свидетелем того, как на банкете после одной из международных конференций челябинский профессор А.Б. Цфасман предложил шведским коллегам поднять тост за Петра I, который избавил Швецию от империи, что и позволило ей впоследствии стать процветающей страной. Шведам тост понравился.

⁵⁶⁸ Griggs R.A. The Collaps Of States. Developing Geographical Tools for a Global Analysis of Breakdown //Forth World Geopolitical Reader I/ Olimpia (W.). 1997. P. 23.

Как бы не стремились Татьяна и Валерий Соловей подчеркнуть различие, существующее, с их точки зрения, в положении и роли государствообразующей нации в континентальных и колониальных империях, они фактически повторяют в отношении русских то, что за несколько десятилетий до них утверждал Пауэлл в отношении британцев: «Мы наблюдаем исторический сдвиг поистине грандиозных масштабов: ценность и идея Империи, русский мессианизм, составлявшие доминанту русского сознания и главный нерв национального бытия на протяжении без малого четырехсот лет, сданы в архив. Русские перестали быть имперским народом – народом для других, закрыта героическая, славная и страшная глава нашего прошлого»⁵⁶⁹.

«Мы уже доказали себе, что мы самостоятельны... Теперь осталось разобраться в главном, кто такие эти “мы”», – просто душно проговорился Иван Демидов, в то время советник политического департамента ЦИК «Единой России», объявляя о запуске «Русского проекта» партии власти⁵⁷⁰. Бывший телеведущий, вероятно, и не подозревал, насколько сложен сформулированный им вопрос. Скорая и тихая кончина данного проекта, тем не менее, оказалась вполне закономерной.

Обеспечивая рост потенциала этнического «русского» национализма, российское руководство не могло использовать его для своей поддержки, заняв соответствующую позицию в силу приверженности иным ценностям – не либеральным, а державным. Однако сила державного патриотизма, подразумевающего солидарность разнородных поданных державы, явно уступала силе этнически ориентированного национализма. «В настоящее время представляется, что главным Значимым Другим все более становится этнический другой, в связи с чем усилия правительства по формированию мультикульту-

---

⁵⁶⁹ Соловей Т., Соловей В. Апология русского национализма. URL: <http://libereya.ru/public/solovei.html> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁷⁰ Русский проект во Всемирной паутине. URL: <http://vz.ru/politics/2007/5/17/82928.html> (дата обращения: 16.04.2018).

турной российской нации ... все более находятся в противофазе с социальной реальностью», – констатировал уже в начале 2010-х гг. один из исследователей⁵⁷¹.

Говоря о развитии национализма в постимперских государствах, нельзя обойти случай Германии. В ней национализм, выросший в значительной степени под влиянием факторов и последствий имперского обвала, не уложился и не мог уложиться в малую «уютную и домашнюю» форму и создал новую империю, вместе с которой и пришел к краху, породив множество бед мирового масштаба.

Необходимо отметить, что идея национального единства была движущей силой (не единственной) создания Германской империи еще во второй половине XIX столетия. Австрийский историк Гельмут Румплер отмечает, что «империя Габсбургов и империя Гогенцоллернов были построены на совершенно различных принципах и различие между этими принципами состояло в отношении к национализму». По его мнению, «империя Гогенцоллернов была построена на национальной основе, империя Габсбургов была над национальной»⁵⁷². Однако между национализмом времен империи Гогенцоллернов и нацизмом времен Третьего рейха тоже есть принципиальная разница.

Процесс объединения Германии закономерно сравнивают с происходившим одновременно и взаимосвязанным с ним процессом объединения Италии. Однако превращению Германии в «обычное» европейское национальное государство мешали два фактора. Во-первых, размеры (не только территориальные) и потенциал, выведившие империю Гогенцоллернов за пределы просто «великой европейской державы». Таковой, в отличие от Сардинского королевства, на основе которого про-

⁵⁷¹ Понарин Э.Д. Новый русский национализм: источники, механизмы распространения и сценарии развития // Идеино-символическое пространство постсоветской России: динамика, институциональная среда, акторы. М., 2011. С. 117–118.

⁵⁷² Румплер Г. Указ. соч. С. 476.

изошло объединение Италии, была, объединившая Германию Пруссия, имевшая слишком большое собственное наследие (в том числе некоторые подчиненные земли, населенные другими народами). Во-вторых, объединение Германии все же не означало и не могло означать объединение в одно государство всех основных земель, населенных немцами.

После 1871 г. уже имперские, но не националистические приоритеты определяли политику Германии. Это хорошо видно из экспансионистских устремлений ее правительств. При этом разнообразие частей объединенной Германии оставалось очень большим, что проявилось и в характере развития начавшейся в ноябре 1918 г. революции, означавшей фактический распад империи. По сути, «национализм», лежавший в основе политики правящей верхушки и разделяемый большей частью населения империи Гогенцоллернов, был скорее «германским», чем «немецким».

Новое устройство Европы после Первой мировой войны не только породило стимулы для этнического национализма немцев, но и сняло многие преграды для его развития. Подъем национальных чувств, националистическая «консервативная революция» обусловили создание новой империи, которая почти сразу перестала укладываться в «национальные» рамки. И новая господствующая идеология, по сути, усложняла процесс имперского строительства в значительно большей степени, чем предыдущая. На создание империи работала разбухшая энергетика нации, но не то, как она структурировалась. Идея национального превосходства затрудняла, если вообще делала возможным, нахождение компромиссов с массами и элитой завоеванных территорий и побежденных стран. При этом вожди Третьего рейха, вероятно, уже не могли бы изменить данную ситуацию, даже если бы захотели этого.

Таким образом, германский пример, с нашей точки зрения, демонстрирует, с одной стороны, то, что национализм, становясь основой идеологии для большой нации в большой стране с большой степенью вероятности ведет к экспансии,

с другой – что экспансия не способна закрепить свои достижения и чревата печальными последствиями для тех, кто ее осуществлял.

В плане рассмотрения столкновения державного и этнического и трансформации империализма в национализм безусловный интерес представляет Австрия. По сути, речь идет о нескольких вариантах обретения новой идентичности взамен утраченной имперской. Основа одного из вариантов была конфессиональной (католицизм), а двух других – этнической (пангерманизм и формирующийся в условиях «изобретения» новой нации австрийский национализм).

Особенности Австро-Венгерской державы и ее распада оставили отпечаток на смене системы приоритетов консервативно ориентированного политического лагеря, а также значительной массы населения страны. В новой Австрии после распада империи Габсбургов национализм и локальный патриотизм стали основным прибежищем консервативных сил. Для бывшей метрополии, по территории и населению уступающей всем своим бывшим владениям, ставшим независимыми государствами, был закрыт путь к возрождению империи. Вместе с тем консерватизм в данном случае мог четко отделить себя от праворадикального лагеря, поскольку в последнем преобладали более универсальные идентификационные настроения: либо пангерманские с ориентацией на аншлюс, либо ультраклерикальные, создающие основу для превращения страны в вассала Рима. В этих условиях, как пишет один из западных исследователей относительно межвоенного периода, «консерваторы – преимущественно ученые, публицисты, писатели – начали сопротивляться предположению о том, что нет иной австрийской сути, кроме как быть частью германской нации. В противовес циничному утверждению нацистов, что австрийская нация – это “нация-мираж”, они, обратившись к австрийской истории, отыскивали первые шаги национального самосознания и его признания правительством. Они отыскивали,

например, термин “австрийская нация” не позднее 1787 года в официальной “Винер цайтунг”»⁵⁷³.

Весьма значимым событием культурной жизни постимперской Австрии стало регулярное проведение в Зальцбурге музыкального фестиваля. Из культурного наследия распавшейся империи именно музыка оказалась наиболее подходящей для национальной приватизации бывшей метрополией – и с точки зрения значимости, и с точки зрения возможностей этнической привязки. Американский исследователь М.П. Штейнберг так характеризует условия и цели создания фестиваля: «Основанный лишь через два года после распада Габсбургской империи фестиваль брал свое начало не в роскоши и не в атмосфере наслаждения и удовольствия, а экономической и культурной безысходности. Его целью было новое открытие и новое обоснование трансцендентального австрийского наследия, которое помогло бы перебросить мост через пропасть, отделяющую империю от маленькой австрийской республики»⁵⁷⁴. Не случайно имя Моцарта в настоящее время является едва ли не самым востребованным австрийским брендом.

Впрочем, «историческое основание» для австрийской нации оказывалось достаточно зыбким, и это заставляло акцентировать конфессиональное своеобразие Австрии. И в связи с этим создавались идейно-политические предпосылки сближения с более умеренной, клерикальной, разновидностью правого радикализма. Экономические, социальные и внешнеполитические обстоятельства складывались таким образом, что процесс этот получил значительное развитие.

Однако все проделанное в этом направлении в межвоенный период позволило после окончания Второй мировой войны сформироваться в Австрии сильному и жизнеспособному консервативному лагерю, на долгое время ставшему одним из элементов демократической и стабильно функционирующей

---

⁵⁷³ Stadler K. R. *Austria (Nations of the Modern World)*. London, 1971. P. 145.

⁵⁷⁴ Steinberg M. P. *The Meaning of the Salzburg festival. Austria as Theater and Ideology. 1898–1938*. London, 1990. P. IX.

партийно-политической системы. Д. Ливен отмечает, что опыт новых военных тягот и нового страшного поражения, уже в составе Третьего рейха, вместе с ощутимой близостью опасности, исходящей от советского блока, окончательно изжили у австрийцев тягу к имперскому великодержавию. В этой связи он приводит слова из обращения президента возрожденной Австрийской республики к народу в 1946 г.: «Мы никогда больше не захотим стать частью великой державы или империи любого сорта... Мы хотим жить для себя и ищем в мире только этого»⁵⁷⁵.

В Венгрии в межвоенный период условия, способствующие росту националистических настроений, были не менее благоприятными, чем в Австрии. Венгры, как уже отмечалось, по итогам Первой мировой войны и распада державы Габсбургов оказались одной из самых разделенных наций в Европе. Однако если Австрию национализм ставил в ситуацию ирредентизма по отношению к Германии, то на Венгрию возлагалась функция «собирателя земель» (уже не исторических, а этнических).

Самый яркий пример рождения на месте ядра рухнувшей империи нового успешного национального государства – это, вероятно, Турецкая республика. Исследователи подчеркивают, что данное государство создавалось не как преемник распавшейся державы, оно решительно порывало с прошлым – монархией, господством ислама, даже прежним алфавитом. И если Османскую империю в последние полтора столетия ее существования сопровождали неудачи, то рождение республики происходило на волне одержанной победы в войне за независимость⁵⁷⁶. В то же время заслуживает внимания мнение о том, что религиозная идентичность все же сыграла важную роль в формировании современной турецкой нации⁵⁷⁷. Однако происходило это вследствие того, что размеры государства и конфессиональное разнообразие в нем значительно уменьшились (последнее в результате не только отделения бывших

⁵⁷⁵ Lieven D. Empire. The Russian Empire and Its Rivals. P. 345.

⁵⁷⁶ Ibid. P. 356.

⁵⁷⁷ См.: Понарин Э.Д. Указ. соч. С. 116.

владений, но и этнических чисток на оставшейся территории), поэтому действие этого фактора отличалось от того, каким оно было во времена империи.

Как правило, в новых независимых государствах националистические иллюзии рушатся. На смену любой эйфории быстро и неизбежно приходит отрезвление. Не является исключением и националистическая эйфория, связанная с распадом империи и образованием независимых национальных государств. Действительность не оправдывает ожидания. В частности, экономическое процветание в этих странах невозможно сразу вслед за установлением независимости, так как разрушение прежних связей и внутреннего рынка империи первоначально порождает неизбежный кризис и требует серьезной перестройки, которая не всем оказывается под силу.

После распада империи перестают вызывать интерес и народы, что наиболее жестко противостояли имперскому центру, а потому пользовались поддержкой держав-соперников. Это не остается незамеченным в бывшей метрополии, тем более что накануне распада этим же народам или, вернее, населенным ими частям империи уделялось, как правило, наибольшее внимание и со стороны имперского правительства. Поэтому, например, в начале 1990-х гг. центральные российские газеты с удовлетворением, а иногда и со злорадством писали о «конце геополитической Балтии». Симпатии мирового общественного мнения к народу, противостоявшему имперскому исполину и боровшемуся за свою независимость, также становятся менее заметными почти сразу после достижения им этой цели. Поэтому повышение формального статуса страны может сопровождаться снижением реального. «Проигравшие» империалисты в бывшей метрополии и «победившие» националисты в новых независимых государствах сталкиваются, таким образом, со схожими проблемами: необходимостью повысить авторитет страны и обрести ей свое место в мире в новых условиях.

Известный грузинский журналист М. Стуруа в одной из своих статей приводит «басню о двадцати и пяти миллиардах», имевшую хождение в Грузии советских времен. Согласно широко распространенным представлениям Грузия ежегодно давала в союзный бюджет двадцать миллиардов рублей, получая обратно только пять. Соответственно, делался вывод о том, что, оказавшись вне СССР, эта республика ничего бы не потеряла, а, напротив, только выиграла. Однако после того, как распад Советского Союза произошел, сразу стала очевидной реальная конкурентоспособность производимых в Грузии товаров и услуг. Не принес статус независимости выгоды с геополитической точки зрения. В результате, как пишет Стуруа, «привилегированный доминион советской коммунистической империи превратился буквально с ночи на утро в евро-азиатские задворки»⁵⁷⁸.

Крах иллюзий националистов, если он очевиден в условиях, когда независимость стала полностью свершившимся фактом, может несколько успокоить радетелей империи – они будут чувствовать себя отщепенными. М. Лайков, не жалея черных красок на портрет незалежной Украины 1996–1997 гг., не забывал напомнить разговоры накануне выхода из СССР: «В два года озолотимся! В два года»⁵⁷⁹.

Проблемы новых независимых государств долгое время вселяли надежды на исчезновение центробежных тенденций в постсоветской России. «После распада СССР все уже успели ощутить те огромные трудности, которые возникают вследствие разрыва традиционных экономических связей, установления таможенных и политических барьеров, резкого увеличения транспортных тарифов при переезде из одного “независимого” государства в другое», – писал в 1994 г. Э. Паин, в то время

⁵⁷⁸ Цит. по: Подвинцев О.Б. Политические процессы... С. 28–29.

⁵⁷⁹ Лайков М. Указ. соч. С. 115. Необходимо добавить, что Лайков уничижительно характеризует украинскую нацию, рассматривает ее историю как бесконечную череду предательств и вероломства, наделяет весь народ некими худшими, чем у «москалей» качествами и т.д.

один из советников Б. Н. Ельцина, отвечая на вопрос «Грозит ли России судьба СССР?»⁵⁸⁰.

Широкое распространение в российской политической публицистике конца 1990-х – начала 2000-х гг. получил термин «несостоявшееся государство», являющийся произвольной трактовкой английского «failed state». Он применялся в качестве ярлыка, навешиваемого на становившиеся неуютными страны ближнего зарубежья – на Грузию, Украину, Молдову, Кыргызстан. Имелось в виду, что эти государства не состоялись и уже не состоятся. Зачастую подразумевалось, что они и не могли состояться, потому что были созданы «искусственно» и не имели реальной основы. Соответственно, для тех, кто придерживался такого мнения, травма распада империи в некоторой степени смягчалась. Уже само признание факта, что у отделившихся от Советского Союза стран дела идут плохо, рождало некое ощущение возможности реванша для носителей имперской системы ценностей⁵⁸¹.

Автор статьи, появившейся в «Комсомольской правде» к 15-летию публикации «Как нам обустроить Россию», стремясь доказать, что идеи писателя живут и побеждают, утверждал, в частности, что «вектор нынешней российской политики направлен по-солженицынски: с двенадцатью государствами мы выстраиваем отношения на основе трезвого прагматизма, а от объединения в той или иной форме с Украиной и Белоруссией так никто и не отказался. Получается, правда, плоховато, но это уже другой вопрос и совсем не к Солженицыну»⁵⁸². Почему

---

⁵⁸⁰ Паин Э. Грозит ли России судьба СССР? Сепаратизм и федерализм в современной России // Дружба народов. 1994. № 6. С. 162. Э. Паин утверждал, что «Россия в худшем случае может лишь “обкрошиться” с краев (вспомним Франклина. – *О.П.*), но не распасться на части» (Там же. С. 163.).

⁵⁸¹ См. об этом подробнее: Подвинцев О.Б. Идея «несостоявшихся государств» в российском постимперском контексте // Научный ежегодник Ин-та философии и права Урал. отд. РАН. Екатеринбург, 2007. Вып. 7. С. 204–215.

⁵⁸² Анисимов Е. Как нам обустроить Россию 15 лет спустя // Комсомольская правда. 2005. 29 сентября. URL: <http://www.kp.ru/daily/23587/44996/> (дата обращения: 16.04.2018). «Комсомольская правда» отметила и двадцати-

вопрос не к Солженицыну, автор не уточнял. Вскоре политика российского руководства по отношению к Украине и Белоруссии стала выстраиваться на более прагматичном основании, пока Украина не захотела сделать выбор в пользу сближения с ЕС.

Как уже отмечалось, возможно, наиболее жесткими критиками и обличителями «этнократического» русского национализма являются представители всех оттенков державно-патриотического лагеря, связывающие национальное возрождение русских с возрождением имперской мощи государства. При этом в вину этнократам ставится распад СССР. «Писатель Валентин Распутин, выступая в 1989 году на Съезде Народных Депутатов СССР, бросил фразу, что России стоит подумать и выйти из СССР. Об этой фразе вспоминают все: и славянофилы, и западники, и левые, и правые, когда ищут тот спусковой механизм, которой привел в действие распад Союза. Между тем это была обычная националистическая сентенция, которую на протяжении прошлого века произносили не раз, хотя, может, не так откровенно. Нынче все жалеют о распаде Союза, понимая, что распалась-то на самом деле сама Россия, думаю, что и сам Распутин жалеет о своей фразе», – полагает В. Кантор. И предостерегает: «Пробуждение сегодняшнего национализма губительно для России»⁵⁸³.

Однако некоторые державники все же видят возможность использовать постимперский подъем национализма в целях возрождения империи. Если в имевшей достаточно большой резонанс статье специального корреспондента «Известий»

летний юбилей публикации эссе Солженицына (см.: Гришин А. Как же нам все-таки Россию обустроить, Александр Исаевич? // Комсомольская правда. 2010. 18 сентября). В заметке вновь говорилось о прозорливости Солженицына и актуальности его идей. Но на этот раз конкретный пример приводился лишь один: «"Часы коммунизма – свое отбили. Но бетонная постройка его еще не рухнула. И как бы нам вместо освобождения не расплющиться под его развалинами". И ведь расплющило».

⁵⁸³ Кантор В. Империя как путь России к европеизации // Вопросы литературы. 2007. № 7. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/4/ka17.html> (дата обращения: 16.04.2018).

Д. Соколова-Митрича «Поколение “нац”» говорится в отношении представителей этого поколения следующее: «Их национализм – всего лишь уязвленный патриотизм. Вернуть это чувство в здоровое русло технологически легко, но практически – непросто»⁵⁸⁴, то у В. Аверьянова, цитирующего данное высказывание, слова «практически – непросто» уже опускаются⁵⁸⁵.

Между «державным» национализмом и «малым» этнократическим национализмом, несмотря на их противоречия, возникают любопытные промежуточные формы. Таковой является, например, позиция уже упоминавшегося Е. Холмогорова. По его мнению, реставрация Советского Союза – это лишь «розовые мечтания», а «подлинным путем имперской реставрации является как раз медленно, но неуклонно продолжающийся в России процесс фундаментализации и национализации». «Лишь укрепив субъект имперской экспансии – Русскую Нацию, оказавшуюся на длительное время нацией с измененным национальным самосознанием, лишь определив пространство экспансии (которое, кстати, может быть намного шире постсоветского пространства), можно приступить к реализации имперской экспансионистской программы», – полагает Холмогоров⁵⁸⁶.

Еще один прием, используемый в попытке мобилизовать энергетический потенциал русского национализма для нового имперского строительства, заключается в объявлении русских «самым многочисленным разделенным народом на планете»⁵⁸⁷. Отсюда неизбежно вытекают территориальные претензии

---

⁵⁸⁴ Соколов-Митрич Д. Поколение «нац» // Известия 2007. 15 января. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0273/gazeta032.php> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁸⁵ Аверьянов В. Рассыпавшаяся матрешка: национализм льва и национализм шакала. URL: <http://www.pravaya.ru/look/11104> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁸⁶ Холмогоров Е. Какая империя нужна русским? URL: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=414019> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁸⁷ См., например: Ивашов Л. Главный вопрос – русский: Выступление на съезде «Союза русского народа» // Наш современник. 2007. № 1. С. 141–142.

к бывшим союзным республикам, касающиеся районов компактного проживания русскоязычного населения.

По мнению Владимира Крупина, «во главе славянства» теперь находится Беларусь, которая «оказалась, по сути, в создавшейся обстановке более русской, нежели мы»⁵⁸⁸. Александр Проханов же так писал о Лукашенко: «Славяне чувствуют, что он – их. Тянутся к нему, хранят, окружают любовью, молитвой, страшатся потерять. Слишком много было недавних потерь». И далее, обзрев ситуации в других славянских странах, констатировал: «Только в Минске Лукашенко, яркий и одинокий, как подсолнух»⁵⁸⁹. Бывший депутат Государственной думы РФ и создатель партии «Великая Россия» Андрей Савельев заявлял, что «единственное государство на постсоветском пространстве, где нет официальной государственной русофобии, – это Белоруссия»⁵⁹⁰.

В этой связи следует отметить, что в оценке политического курса путинского руководства русские националисты расходятся. По мнению Т. и В. Соловей, «функциональное использование национализма под псевдонимом “патриотизм” не означает националистической метаморфозы власти»⁵⁹¹. С другой стороны, Е. Холмогоров, постулируя три тезиса своего «русизма»: «Россия превыше всего», «Россия – это государство русских», «Бог любит русских и Россию», считает, что, «нравится кому-то это или нет, Путин остается «точкой роста» во всех этих трех пунктах»⁵⁹². Того же мнения придерживаются и многие националисты-державники.

⁵⁸⁸ Крупин В. Время Белой Руси // Наш современник. 2006. № 12. С. 215.

⁵⁸⁹ Проханов А.А. Лукашенко победит! // Проханов А.А. Хроника пикирующего времени. Екатеринбург, 2005. С. 146.

⁵⁹⁰ Украина и РФ – русофобские государства? // Newsland. 2009. 26 декабря. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/446877/> (дата обращения: 16.04.2018).

⁵⁹¹ Соловей Т., Соловей В. Указ. соч.

⁵⁹² Холмогоров Е. Выбирая Путина. URL: <http://www.radonezh.ru/analytic/articles/?ID=2542> (дата обращения: 16.04.2018).

В целом «русские» и «российские» националисты в 1990–2000-е гг. оказались на периферии политики, представляя собой сложный конгломерат, в котором наиболее заметную роль играли, с одной стороны, оторванные от социально-политических реалий интеллектуалы, а с другой – примитивные черносотенцы. Ситуация в значительной мере изменилась в начале второго десятилетия XXI в., когда националисты стали важным элементом и даже определенным центром притяжения в растущем протестном движении.

Конечно, подъем национализма в веймарской Германии или в путинской России был обусловлен не только факторами, напрямую связанными с распадом империй. Тяжелое экономическое положение и другие трудности, с которыми сталкиваются страны, добившиеся независимости, подпитывают иллюзию обратимости процесса имперского распада. Таким образом, дальнейшие возрождение и адаптация консервативного сознания в бывшей метрополии и других постимперских государственных образованиях, связанных с прошлой имперской традицией, ставятся в зависимость уже не от неудач, а от успехов вышедших из империи народов. Любые удачи разрушают надежды на возможность возврата к старому порядку вещей.

Однако с точки зрения формирования новой российской идентичности два с лишним десятилетия после распада СССР во многом прошли зря. Новая идентичность оказалась «подстроеной» под возможности восстановления прежних границ и великодержавного статуса. Неизбежно возникшие при этом лакуны заполнялись теми или иными формами региональной идентичности, укрепление которых, как уже говорилось, было вызвано и более общими причинами. Соответственно, по мере исчерпания идентифицирующего потенциала советского наследия перед Россией все острее вставала дилемма: возродить империю или распасться.

БОРЬБА ВОКРУГ СИМВОЛОВ

Имперская символика⁵⁹³ и ритуал отражают в себе основные составляющие универсальной имперской идеи: величие, многообразие, единство при особой роли метрополии (центра). Символика каждой конкретной империи имеет специфику и ассоциируется с порождаемой этой империей традицией. Система символов формируется обычно в период, когда имперское образование достигает зрелости, и в то же время она несет на себе отпечаток обстоятельств, вызвавших его рождение. В условиях распада империи борьба за имперские символы является частью борьбы за нее саму. Однако судьба символов необязательно должна быть жестко связана с судьбой соответствующих политических институтов и установлений. А ритуальные политические церемонии и действия необязательно отражают ход реальных политических процессов.

Новозеландский историк Д. Макинтайр приводит в своей работе, посвященной распаду Британской империи, подробное описание пышного парада, состоявшегося в Лондоне 8 июня 1946 г. (день Виктории – официальный имперский праздник). На трибуне за королем Георгом VI, рядом с премьер-министром К. Эттли и лидером оппозиции У. Черчиллем, восседали премьер-министр Канады Маккензи Кинг и премьер-министр ЮАС Я. Смэтс. Австралия и Новая Зеландия были представлены

⁵⁹³ Ш. Эйзенштадт и целый ряд других авторов трактуют понятие «символика» весьма широко, раздвигая его рамки фактически до понятия «культура» (см., например: Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М., 1999. С. 70). Мы же в данном случае имеем в виду только определенную систему знаков, окрашенную тем или иным отношением к ним.

заместителями глав своих правительств. Кроме сил союзников, одержавших победу во Второй мировой войне, в параде в соответствии с рангом своих стран приняли участие разнообразные воинские контингенты из почти всех, даже самых небольших и наиболее удаленных, британских колоний. Замыкали шествие собственно британские силы – наиболее многочисленные из всех. «Парад был зримым символом величайшей империи мира в момент пика ее территориального могущества», – констатирует Д. Макинтайр⁵⁹⁴. Тем не менее этот пышный ритуал совершался в условиях, когда власть Британии над рядом своих важнейших владений стала уже достаточно иллюзорной, а в отношении других велась подготовка к предоставлению независимости.

«С отречением от Британской империи после 1945 г. Британия уже не была более великой, и мифы, преимущества и символы, воплощенные в этом имперском величии, увяли», – пишет Д. Ливен⁵⁹⁵. Однако произошло это не сразу.

В английском парламенте второй половины 1940-х – начала 1950-х гг. подлинный или мнимый урон, наносимый державным символам, неоднократно становился предметом мелочных, придирчивых, иногда курьезных запросов правительству, подаваемых с консервативных скамей. Так, один из наиболее ярких и своеобразных представителей крайне правого крыла партии тори, Уолдрун Смитерз, в марте 1949 г. осведомился у парламентского секретаря Адмиралтейства об «обстоятельствах, приведших к удалению руки у статуи лорда Нельсона, установленной в казармах королевского флота в Чатэме», и о том, «может ли тот заверить Палату, что за этим не стоит коммунистическое влияние?» На что лидер КПВ Уильям Галлахер (в 1945–1950 гг. в составе палаты общин было два депута-

---

⁵⁹⁴ McIntyre W.D. *British Decolonisation, 1946–1997. When, Why and How British Empire Fall?* London, 1998. P. 2. Описывая в «Марше Радецкого» подобный парад в Вене кануна Первой мировой войны, Й. Рот употребляет формулировку «пестрое великолепие старинной империи».

⁵⁹⁵ Leiven D. *Op. cit.* P. 618.

та-коммуниста) тут же откликнулся репликой: «Сознает ли Достопочтимый друг, что если гнившая рука скульптуры Нельсона – это единственный вред, который коммунисты способны причинить в этой стране, то они более не должны служить поводом для беспокойства?»⁵⁹⁶. Через несколько дней Смитерз подал Генеральному прокурору письменный вопрос о том, не стоит ли принять решительные меры против коммунистов, собирающихся «продать Британию России»⁵⁹⁷.

Возвращение консерваторов к власти, те надежды, которые связывали с этим их проимперские сторонники, – все это не замедлило сказаться и на увеличении внимания к внешней, показной стороне имперского величия. Вскоре представился великолепный повод для организации в Лондоне необыкновенно пышного имперского празднества и церемониала – на престол вступала молодая королева, к тому же принимавшая имя Елизаветы II. По странному, действительно символическому стечению обстоятельств начало и конец Британской колониальной империи пришлось на периоды царствования монархов, носивших одно и то же имя. Однако в момент коронации британские «державники» стремились усмотреть в восшествии на престол новой королевы совсем иной символ: при ней Британия добьется таких же впечатляющих успехов в плане укрепления своего могущества, как и при Елизавете I Великой. К этому следует добавить, что и пика своего величия Британия достигла также в период правления женщины – королевы Виктории.

Церемония коронации Елизаветы II, в которой приняли участие представители всех государств, входивших в Британское содружество, и даже самых небольших колоний и протекторатов (например, островов Тонга), была впечатляющим имперским действием. При этом нешуточные дебаты разгорелись вокруг титула, который должна была принять новая королева.

⁵⁹⁶ Hansard.(H. of C.). 1949. Vol. 462. Col. 1190. 09.III.

⁵⁹⁷ Ibid. Col. 57n. 14. III.

В первые послевоенные годы, в частности, после возвращения консерваторов к власти, прежним почтением были окружены хрестоматийные исторические фигуры, входившие в своеобразный пантеон строителей империи. Так, в 1953 г. как в метрополии, так и на Юге Африки весьма торжественно было отмечено 100-летие со дня рождения Сесилия Родса. Значительное число людей, включая специально приехавших из Англии Елизавету II и королеву-мать, совершили паломничество к гробнице Родса в горах Мапотос. К этой же дате было приурочено провозглашение Федерации Родезии и Ньясаленда – одного из тех образований, на создание которых возлагались надежды перед лицом процесса «размывания» империи⁵⁹⁸. Однако, как отмечает А.Б. Давидсон, «это был последний всплеск почти безоговорочного преклонения перед Родсом»⁵⁹⁹.

Уже в середине 1950-х гг. имперские церемонии и ритуалы в значительной мере стали терять свою популярность. В этом важную, возможно, даже переломную роль сыграл все тот же Суэцкий кризис. Как уже говорилось, он со всей очевидностью показал истинное положение вещей и резко подтолкнул давно уже вызревавший процесс переоценки ценностей.

В 1960-е гг. заклинания по поводу якобы сохраняющегося на прежнем уровне державно-имперского могущества страны уже не имели в Британии широкого распространения. Часть общества, прежде всего интеллигенцию, охватил экстаз раскаяния за грехи колониализма. Другая часть просто теряла интерес к имперскому мифу.

В дальнейшем надобность в этом постепенно отпадает. После вступления Великобритании в ЕЭС и по мере того, как империя становится все более далеким прошлым, слово «Содружество» начинает постепенно исчезать из названия различных учреждений и организаций, для которых оно уже было формальной вывеской. Так, в 1980-е гг. это происходит с назва-

⁵⁹⁸ См.: Давидсон А.Б. Сесил Родс – строитель империи. М.; Смоленск, 1998. С. 429–430.

⁵⁹⁹ Там же. С. 430.

ниями ряда подразделений Оксфордского университета, из которого некогда пытались сделать «Великий университет Империи» и который действительно был важным функциональным органом британской имперской системы⁶⁰⁰. Само Содружество в большей мере начинает интересовать историков, чем специалистов по проблемам современной политики.

Аналогичным образом менялось отношение к имперским символам, идеологическим формулам во Франции. При этом существовала специфика, обусловленная прошлым имперским опытом, формами, которые принимал процесс распада, а также особенностями идеологии французского колониализма. Степень этих отличий иногда несколько преувеличивается. «Французы, в сущности, создали два колониальных мира: один – как политический и экономический факт и второй – как литературную и историческую выдумку, – писал американский исследователь Р. Ф. Беттс. – Первый был чрезвычайно важен для национальной мощи Франции, служа оправой ее значимости и любой предполагаемой политики величия. Вторым существовал отдельно – погруженный в культуру, затерянный во времени – и потому представлял контрастирующую с первым сцену, на которой цивилизаторская миссия обретала благородство цели»⁶⁰¹. И далее: «Никто в колониальной теории не подчеркивал идею цивилизаторской миссии в большей степени, чем французы, с их претензией на роль реформаторов обществ, кои сами пойти на значительные перемены не способны»⁶⁰².

Действительно, после Великой французской революции и серии последующих революционных потрясений народ этой страны привык полагать себя носителем наиболее прогрессивных и передовых идей, касающихся общественного устройства. Представления о цивилизаторской миссии, выполняемой

⁶⁰⁰ См.: Symonds R. *Oxford and Empire. The Last Lost Cause?* Oxford, 1991. P. 304–305.

⁶⁰¹ Betts R.F. *The French colonial empire and French World-view // Racism and Colonialism* / ed. by R. Ross. P. Der Haag: Martiunus Nijhatt, 1982. P. 65–66.

⁶⁰² *Ibid.* P. 68.

французами в Европе, были перенесены ими и на колониальный мир. Однако те же британцы не в меньшей степени гордились своими общественно-политическими традициями и институтами, с неменьшим рвением и неменьшей верой в благородство поставленной задачи пытались насадить их в своих колониальных владениях. То же можно сказать о СССР, США и целом ряде других имперских образований. «Цивилизаторская миссия», как было показано ранее, является необходимым элементом имперской идеологии и требует искренней веры в конкретные преимущества конкретной привносимой цивилизации.

Отличие Франции состояло лишь в том, что на первый план выходили провозглашенные в 1789 г. идеалы национального государства, основанного на принципах равенства и свободы. «Даже если империя уже шла к своему концу, профессиональная для нации роль ментора оставалась неизменной: народы, которым прежде содействовали в социальных улучшениях, теперь получали помощь в формировании национальных государств», – пишет Р.Ф. Беттс⁶⁰³. Тем самым соблюдался определенный ритуал, создававший видимость доведения прежней имперской политики до логического первоначально намеченного завершения (несмотря на поражение метрополии в кровавых конфликтах конца 1940 – начала 1960-х гг.).

Если британцы сохранили и даже усилили в постимперский период в титуле своего монарха связанные с Содружеством акценты, то французы последовательно включали в преамбулу своих конституций упоминания сначала о Французском союзе, а затем о Французском сообществе. При этом, как и в случае с титулом Елизаветы II, избиралась весьма гибкая формула – речь шла о народах и территориях, «желающих присоединиться» к данному образованию, хотя ни одно из бывших или сохранявшихся еще владений не было упомянуто⁶⁰⁴. Видимость существования прежней империи в новом обликии, та-

⁶⁰³ Ibid.

⁶⁰⁴ Цит. по: Конституции зарубежных государств. М., 1996. С. 103.

ким образом, тоже была соблюдена. Лишь в 1995 г. в ходе конституционной реформы положение о Французском сообществе было исключено из текста основного закона страны как устаревшее. К тому времени Франция уже давно нашла, как это неоднократно и раньше случилось в ее истории, новую форму державного величия, новые его атрибуты и символы.

После распада державы Габсбургов ее дух долго не давал покоя государствам-преемникам. Специалист по венгерской истории А. С. Стыкалин констатирует, что в период правления Хорти заимствованный у XVI–XVIII вв. «ритуал и этикет сопровождал многие проявления политической жизни, определял нормы поведения в высшем обществе»⁶⁰⁵. Тот же исследователь в другой своей работе дает следующую характеристику политике хортистского режима в области культуры и искусства: «В 20-е годы возникают многие новые вузы, научные центры, музеи, библиотеки. Немалые средства выделялись на архитектуру и монументальное искусство. Большое внимание уделялось издательскому и архивному делу, реставрации памятников. Предпринимая подобные шаги, консервативное венгерское правительство заботилось прежде всего о повышении своего международного престижа. Неудивительно, что приоритет отдавался институтам элитарной культуры»⁶⁰⁶.

Однако символическое возрождение державы проявлялось не только в осуществлении претенциозных проектов. Вероятно, до некоторой степени в том же смысле можно трактовать и стремление верхушки общества при первой же возможности побыстрее забыть тревоги и травмы смутного времени, вернуться к прежнему образу жизни, а по части зрелищ и развлечений даже превзойти ушедшую эпоху. «Ностальгия по легкомысленной, беззаботной жизни, бальным танцам в венских аристократических салонах, увеселительным прогулкам по Го-

⁶⁰⁵ Стыкалин А. С. К вопросу об идеологии хортистского режима в Венгрии // Исследования по консерватизму. Пермь, 1994. Вып. 1. С. 119.

⁶⁰⁶ Стыкалин А. С. Хортистский режим и идея возрождения Венгрии в 1920–1930-е годы // Славяноведение. 1994. № 6. С. 26.

лубому Дунаю продолжала во многом определять образ жизни венгерского высшего общества и в те времена, когда эпоха вальсов Штрауса безвозвратно канула в прошлое и грандиозные потрясения в Европе смели монархию Габсбургов с политической карты мира», – констатирует А.С. Стыкалин⁶⁰⁷.

Сходная ситуация сложилась в середине 1920-х гг. и в соседней Австрии, по крайней мере в ее столице. Бывший центр огромной империи и один из наиболее значимых городов Европы быстро избавлялся от нанесенных ему ран. В Вене велось новое, зачастую весьма помпезное строительство. Возрождались и былой дух этого города. Британский журналист, побывавший в австрийской столице летом 1925 г., писал в «Таймс» о своих впечатлениях: «Хотя весь мир прислушивался к трагедии Вены, немногие прислушались к ее восстановлению. ... Метрополия Вена вновь представляет миру свое живое и беззаботное лицо. ... Для тех, кто видел ее в дни тяжелейших испытаний, произошедшая перемена бросается в глаза»⁶⁰⁸.

Впрочем, возрождение или игра в него ограничивались, вероятно, лишь небольшой частью австрийского, преимущественно венского, общества. Совсем другой настрой у героини романа С. Цвейга, действие которого происходит в эти же годы: «Ничего тут хорошего не осталось, и страна гибнет, и люди дурные». Можно также в определенной степени согласиться с Г. Дерлугьяном, охарактеризовавшим в ходе одной из дискуссий Вену новейшего времени как «мертвую раковину погибшего существа».

После падения Российской империи и прихода к власти большевиков было приложено немало сил для того, чтобы искоренить прежние имперские символы и ритуалы. Правда, вскоре возникли новые символы – имперские по сути, но с внешней стороны резко отличающиеся от прежних. В постсоветской Рос-

---

⁶⁰⁷ Стыкалин А.С. К вопросу об идеологии хортистского режима в Венгрии. С. 118–119.

⁶⁰⁸ Цит. по: Carsten F.L. The First Austrian Republic, 1918–1938: A Study Based on British and Austrian Documents. Broodfield, Vt.: Gower. 1986. P. 97.

сии сложилась несколько иная ситуация. В целом можно констатировать, что получил завершение процесс восстановления в правах дореволюционной символики, стартовавший еще при Сталине⁶⁰⁹. Однако если в 1930–1950-е гг. этот процесс был частью формирования новой державной идеологии на фоне имперской экспансии и растущего имперского величия, то отныне он сопутствовал новой революции, отринувшей советское прошлое, и сопровождал духовные метания эпохи имперского распада. После 1991 г. в нашей стране многократно предпринимались попытки придать тем или иным действиям (переименование Ленинграда в Санкт-Петербург, восстановление храма Христа Спасителя) символическое значение в качестве отправной точки, с которой начинается «возрождение России».

Вскоре после распада СССР автор статьи, посвященной политической символике, в политологическом словаре указывал на необходимость «соблюдения меры в соотношении реальной политики и ее символических форм»⁶¹⁰. «Чрезмерное манипулирование речевой символикой, знаками отличия, наречениями (переименования) географических пунктов, увлечение символикой монументальных скульптурных форм приводит к результатам, прямо противоположным тем, которые ожидались», – предупреждал он⁶¹¹. При этом данный автор скорее всего исходил из опыта последних десятилетий существования советской империи. Однако его слова очень быстро оказались актуальными уже для новой, постимперской, России.

⁶⁰⁹ Авторы официозного исследования о российской государственной символике, упомянув о восстановлении офицерских званий в армии в 1935–1940 гг., погон в 1943 г., о проектах белого, синего и красного цветов для нового государственного флага России в 1947–1953 гг., а также о восстановлении в правах самого слова «Россия» в 1956 г., пишут далее: «Сегодня мы свидетели дальнейшего восстановления прежней символики» // Герб и флаг России. X–XX вв. М., 1997. С. 3.

⁶¹⁰ Политология: Энциклопедический словарь / общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянова. М., 1993. С. 272–273.

⁶¹¹ Там же. С. 273.

Видимо, следует признать определенной закономерностью, что после распада империи состояние ее бывшей столицы приобретает символическое значение. Это коснулось и Москвы. Автор адресованного москвичам письма, которое под хлестким заголовком «Вам!» было опубликовано в бюллетене «Век XX и мир» сразу после распада СССР, не жалел красок, рисуя в мрачных тонах состояние бывшей советской столицы. Ее жители, по мнению этого представителя российской провинции, вполне заслужили такую судьбу. «Вы уникальный социально-психологический тип, господа-товарищи москвичи, – говорилось в письме. – Вы – продукт империи в гораздо большей степени, чем все остальные ... наконец остались сами с собой. Со своими фресками в метро и павильонами ВДНХ. На смену Империи приходят варвары – таков неизбежный закон истории»⁶¹².

В последующем облик и социально-психологический климат города стали быстро меняться к лучшему. Это бросалось в глаза многочисленным иностранным визитерам и гостям из провинции. Однако новое масштабное строительство, многочисленные новообразования, разнообразные празднества, пышные церемонии, связанные с возрождением старых и созданием новых традиций, в Москве середины 1990-х гг. могли свидетельствовать о «выздоровлении» разрушенной державы и ее столицы фактически в той же самой степени, в какой это отмечалось в Вене или Будапеште в середине 1920-х гг. В реальности происходил процесс, который А. Зиновьев весьма точно, на наш взгляд, определил как «гонконизация Москвы». Относительное процветание и благополучие Москвы на этот раз было не процветанием и благополучием столицы могущественной державы, а благоприобретенным качеством города-посредника между обширным рынком постимперского пространства и внешним миром.

---

⁶¹² Век XX и мир. 1992. № 1. URL: <http://old.russ.ru/antolog/vek/1992/02/post/html> (дата обращения: 16.04.2018).

Неудивительно, однако, что вера в возрождение страны чем дальше, тем больше имела в основном московскую прописку. Автор письма «Вам!» был не так уж далек от истины, когда утверждал: «Я нигде не встречал большего оптимизма по поводу национального и религиозного возрождения России, чем в Москве. Этот оптимизм пропорционально уменьшается по мере отдаления от столицы и сменяется тихим ужасом, когда русофил оказывается в деревне»⁶¹³. Положение дел в Москве и в остальной России в течение 1990-х гг. приобретало все более разительное отличие. Разрыв между страной и ее столицей продолжал углубляться, что многие москвичи и прежде всего представители московских властей не желали признавать. Этим, вероятно, можно объяснить гротескные нелепости вроде вывешивания на улицах города транспарантов со словами Г. Державина: «Кто был в Москве, тот знает Россию» (произнесенными, кстати, в период, когда Москва не имела статуса государственной столицы). По этой же причине, судя по всему, самое большое число мероприятий и церемоний, призванных свидетельствовать о возрождении величия России, было связано именно с Москвой. «Реставраторы распадающихся империй стремились поднять былой престиж древних городов, чтобы укрепить престиж собственной власти», – писал в свое время А. Тойнби⁶¹⁴. В какой-то степени это может быть отнесено и к постсоветской Москве. В этом же ряду и пышные торжества, связанные с 300-летием Санкт-Петербурга, а также с чествованием не столичных, но значимых с точки зрения имперской истории российских городов.

Вместе с тем превращение Москвы в преуспевающий глобальный город уже в 2000-е гг. заметно понизило градус державного энтузиазма у жителей столицы. При этом широкое распространение в городе получили националистические настроения, стимулированные растущим притоком разного рода мигрантов. У столичных скинхедов и подобных им групп

⁶¹³ Там же.

⁶¹⁴ Тойнби А. Указ. соч. С. 513.

пировок лозунг «Москва – для москвичей!» сначала стал неизбежным дополнением лозунга «Россия – для русских!», а потом фактически вышел на первый план.

Ситуация, в которой символическое возрождение должно предшествовать возрождению подлинному, а не происходить одновременно, представляется не вполне нормальной. В этом, вероятно, заключена важнейшая причина низкой результативности упомянутых мероприятий. Зураба Церетели слишком поспешно объявили «героем возрождения имперского духа Новой России»⁶¹⁵. Константин Фрумкин назвал «императорской болезнью» состояние, «когда истинному могуществу государства предпочитают внешнее выражение этого могущества»⁶¹⁶. С распадом империи эта болезнь у некоторой части политической элиты и общества в целом только усугубляется. На самом деле монументы Церетели, пышные празднества и церемонии, громкие политические заявления, по всей видимости, служат не «возрождению» имперского духа, а проявлению его в условиях, когда прежняя «телесная оболочка» распалась и перестала существовать, а новую он обрести никак не может.

Не случайно основным государственным праздником в середине 1990-х гг. становится не 12 июня, а 9 Мая. Пышно отмеченное в 1995 г. 50-летие Победы стало переломным моментом. 9 мая, как выразился А. Новиков в одной из заметок в журнале «Знамя», превратился в День Победы вообще, Победы как таковой. «Великую Октябрьскую социалистическую революцию заменили на Великую Победу – не в этом ли образ русской «консервативной революции?» – вопрошал автор⁶¹⁷. Возможно, во всем этом есть некоторое преувеличение, но основная тенденция, с нашей точки зрения, схвачена точно.

Историк Н. Копосов придерживается, правда, несколько иного мнения, полагая, что «празднование 50-летия победы (1995) прошло довольно скромно», а миф о войне «был слабо

⁶¹⁵ Независимая газета. 1998. 18 июля.

⁶¹⁶ Фрумкин К. Указ. соч. С. 77.

⁶¹⁷ Новиков А. Праздник нового типа // Знамя. 2000. № 6. С. 212–213.

востребован демократическим руководством 1990-х»⁶¹⁸. Вероятно, в суждении сказываются симпатии этого автора к политическим лидерам того времени, а также стремление подчеркнуть, что именно «с 2004–2005 годов, с празднования 60-летия победы», историческая политика руководства страна во главе с В.В. Путиным «стала приобретать напористый и систематический характер»⁶¹⁹. Действительно, в первые два срока президентства Владимира Путина значение Дня Победы для государственной политической мифологии только увеличилось. Существенно расширились, в том числе с учетом появившихся возможностей, масштабы самого празднования и подготовки к нему. Однако начало создания нового государственного исторического культа, исходя из фактов, следует отнести к середине 1990-х гг.

Предпринятая при Путине попытка учреждения нового общегосударственного и общенародного праздника – Дня народного единства – оказалась даже более неудачной, чем введение празднования Дня России при Ельцине. Если содержание последнего просто игнорировалось подавляющим большинством жителей страны, то новая праздничная дата в ноябре фактически была присвоена идеологической оппозицией.

Мотивы выбора 4 ноября в качестве Дня народного единства вполне поддаются реконструкции. Следовало наконец-то отменить главный праздник советской эпохи – годовщину Великой октябрьской социалистической революции, отмечавшуюся 7 ноября (переименование этого праздника в 1990-е гг. не поменяло его трактовку в массовом сознании россиян). Вместе с тем необходимо было учитывать, что при более равнодушном отношении общества к содержательной стороне праздника сказывалась привычка к наличию дополнительного выходного дня и праздничной даты в первой декаде ноября. С этой точки зрения перенос празднования на три дня раньше, вероятно, сочли оптимальным. В содержательном отношении годовщина

⁶¹⁸ Копосов Н. Указ. соч. С. 136.

⁶¹⁹ Там же. С. 137.

(весьма условная) изгнания поляков из Москвы в 1612 г. ассоциировалось с окончанием Смутного времени, а проведение параллели между смутой начала XVII в. и периодом от перестройки до прихода к власти В.В. Путина тогда было популярно среди идеологов и пропагандистов сформировавшегося в России режима. Наконец, Польша могла быть представлена как «извечный», но не «актуальный» недоброжелатель России, а следовательно, создать на этой основе «образ врага» представлялось удобно и безопасно.

Таким образом, новый праздник оказался идеологически перенагружен и носил искусственный характер. Между тем отмененный праздник 7 ноября к тому времени в основном утратил прежнюю идеологическую нагрузку и воспринимался прежде всего как подлинный День СССР. Тем самым введение Дня народного единства не способствовало формированию российской идентичности на державно-государственной основе. Этим незамедлительно воспользовались представители русского национализма. Изначально «русские марши» превратились в наиболее значимый политический атрибут нового праздника, обрядовая сторона которого была совершенно не разработана его инициаторами. В результате властям пришлось занять оборонительную позицию в отношении ими же придуманного праздника (организовывать альтернативные националистам марши и т.д.). Вся эта история, с нашей точки зрения, отражает состояние «борьбы за идентичность» между вариантами «патриотизма» и «национализма», существующими в современной России, а также их потенциал.

Если дорогостоящая организация форума АТЭС во Владивостоке в 2012 г. может быть в какой-то степени обоснована соображениями укрепления и развития дальневосточной окраины России, то идея проведения зимней Олимпиады 2014 г. в Сочи, а также ее воплощение, безусловно, отражает некие комплексы правящей российской элиты, а также значительной части российского общества. Как в Советском Союзе очень часто проводилось сравнение с 1913 г., так и для Путина, и, веро-

ятно, не только для него 1980 г. стал знаком державного могущества и величия, которого хотелось бы достичь и превзойти. Но если в СССР сравнение с дореволюционной Россией осуществлялось преимущественно по социально-экономическим показателям, то соревнование с СССР в путинской России разворачивается в символической сфере. В том же русле, вероятно, следует рассматривать и программу создания новых курортов на территории республик Северного Кавказа, которая должна была символизировать полное умиротворение и закрепление этой территории в составе России, в то время как уверенности в таком умиротворении и закреплении нет и в существующих условиях не может быть.

Борьба вокруг постимперских символов имела место и в других случаях, например, в постнаполеоновской Франции, особенно в период Второй империи. Еще К. Маркс обращал внимание на то, что «историческая традиция породила мистическую веру французских крестьян в то, что человек по имени Наполеон возвратит им все утраченные блага»⁶²⁰. Можно быть уверенным, что магия имени в данном случае действовала не только на крестьянство. Однако, как уже отмечалось, Вторая империя выросла все же не столько из старого мифа, сколько из новой революции, а «позорным» с имперской точки зрения был лишь ее конец, но не весь период существования, который в таком случае не оказался бы столь длительным. Колониальная же империя Франции вообще формировалась и развивалась вне прямой связи с «наполеоновскими» мифами.

Война с призраками не плодотворна и вряд ли способна привести к тем результатам, на которые рассчитывают те, кто ее ведет. Организаторы помпезных «возрожденческих» мероприятий вполне могут оказаться в положении героя рассказа Стефана Цвейга «Незримая коллекция» – слепого и беспомощ-

---

⁶²⁰ Маркс К. Указ. соч. С. 507. Следует отметить, что в своей знаменитой работе, посвященной воцарению Наполеона III, Маркс постоянно и, конечно же, с сожалением возвращается к мысли о том, что французская революция 1848–1851 гг. находилась в плену у призраков прошлого.

ного старика-немца, сердобольные родственники которого не решаются сказать ему ни о поражении Германии в Первой мировой войне и передаче Эльзаса – Лотарингии Франции, ни о судьбе его коллекции гравюр, «съеденной» гиперинфляцией. Старик живет в мире иллюзий, бережно трогая руками листы чистой бумаги, заменившие гравюры в его альбомах.

Можно вспомнить и рассказ другого австрийского писателя межвоенного периода, Эдена фон Хорвата, «Смерть во славу традиций». Его героя, венского бюргера, на почве сожаления о распавшейся империи Габсбургов по ночам начинают преследовать «черно-красно-золотые кошмары». Стремясь избавиться от них, он на ночь впервые в жизни начинает читать книгу, выбрав для этого труд о древних традициях и обычаях. На почве этого герой рассказа окончательно сходит с ума и намеривается отвести свою дочь к «отцу отечества», дабы тот лишил ее девственности по праву первой ночи. Уяснив, однако, для себя в минуту просветления отсутствие как «отца отечества», так и девственности у дочери, бюргер в отчаянии начинает все больше времени проводить во сне, погружаясь в созерцание картин прошлого и в конце концов засыпает «вечным сном».

Рассказ Хорвата, впервые опубликованный в переводе на русский язык в 1981 г. и охарактеризованный тогда как «очень австрийский этюд»⁶²¹, через полтора десятка лет вполне мог бы восприниматься в России как произведение на злобу дня. В эпоху Путина подобные сновидения охватили не только значительную часть обывателей или, к примеру, творческой интеллигенции, но и преуспевающую политическую эли-

---

⁶²¹ Австрийская новелла XX века. М., 1981. С. 18. Как отмечают некоторые исследователи, уже на рубеже XIX и XX вв. характерной чертой явлений австрийской культуры (включая фрейдизм) было восприятие Австрии как «сна» – «некоей духовной сущности, которая ждет своего творческого воплощения в утопии эстетизма или в родственной утопии психоаналитического мифа». См. об этом: Жеребин А.И. Сон, который зовется Австрия // Российско-австрийский альманах: исторические и культурные параллели. М.; Ставрополь, 2004. Вып. 1. С. 217–223.

ту, многие представители которой, похоже, сами стали верить в пропагандистский штамп о происходящем «державном возрождении России». Основная часть населения и основная часть политиков не обманывают друг друга, а скорее хотят обманываться вместе. «Происходит обмен симулякрами, их свободная циркуляция в обществе: мы по телевизору симулируем наше державное могущество, вы у телевизора симулируете патриотизм и участие в жизни страны», – характеризовал сложившуюся ситуацию один из авторов⁶²². Отсутствие у тех и других разделительной грани между реальностью и иллюзией воспринимается экспертами уже как нечто само собой разумеющееся. «Государство, ощущающее себя империей, и вести себя должно соответствующим образом – то есть ему необходимо *приобретать новые территории*. Или же – что идеологически равнозначно – оно должно *думать*, будто способно прирастать соседними, и не только соседними, землями», – пишет, например, А. Захаров⁶²³.

Если распад империи затягивается, а не происходит в результате скоротечного обвала, опасность целиком погрузиться в мир иллюзорного величия и жестко поплатиться за это только возрастает. Известно немало исторических примеров того, как правители переживавших длительный упадок держав, грезя иллюзией прежнего величия, приближали свои страны к окончательной катастрофе. Пышный титул последнего императора Рима не помешал его низвержению варварами. В конце XIX в. при китайском дворе главу германской дипломатической миссии именовали посланцем наместника германской провинции. Однако это не сделало Китай более сильным перед лицом европейских держав, к которым вскоре присоединилась и Япония. В современных условиях угрозы завоевания извне для крупной страны фактически не существует. И все же необходимо

⁶²² Храмов А. Пиписькин и крокодил // Портал «На злобу». 2007. 17 сентября. URL: <http://www.nazlobu.ru/publications/article2195.htm> (дата обращения: 16.04.2018).

⁶²³ Захаров А. Указ. соч.

отметить, что положение страуса, засунувшего голову в песок, создает не очень хорошие возможности для обзора и выбора направления дальнейшего движения. При этом российское руководство неоднократно декларировало стремление определиться с реальным положением страны и реальными приоритетами ее развития. Однако стремление это так и не получило практического подтверждения.

Показательно, что «праздник обретения традиций» часто имеет на постсоветском пространстве, а в России в особенности, не общенациональную, а региональную прописку. В провинции размах мероприятий, как правило, значительно скромнее, чем в столице. При этом зачастую имеет место та же тенденция: достаточно частные события могут рассматриваться как стартовая позиция на пути к «великому будущему» региона и тоже сопровождаться велеречивой риторикой и мессианскими притязаниями. Но региональное «великое будущее» может восприниматься как часть общероссийского, а может – как фактически независимое от него.

С нашей точки зрения, характерной чертой всех постимперских празднеств, церемоний, монументов является не только их максимально возможная пышность, но и, как правило, отсутствие оригинальности, прямолинейность, следование неким классическим образцам. По сути, ни одно из государственных торжеств постсоветской России не стало по настоящему ярким и запоминающимся. Власть так и не смогла разработать серьезный ритуал для новых праздников – Дня России и Дня народного единства. Региональные и городские торжества и церемонии, традиции их проведения, которые возникали в постсоветский период, в целом оказались не только более оригинальными, но и более жизнеспособными. Представления о том, что первично – величие державы или ее символа, зачастую путаются в сознании современных российских патриотов. «Государственный флаг – это символ Отечества, и уважение к этому символу обязательно приведет к величию Родины», –

рассуждал, например, лидер одного из региональных отделений «Молодой гвардии Единой России»⁶²⁴.

Таким образом, исчезнув в реальном мире, империя продолжает свое существование в мире идеальном. Почитание имперских символов и соблюдение имперских ритуалов обычно служит для выхода энергии, пафоса и энтузиазма, поглощаемых ранее практикой имперского строительства и преобразований. В условиях острого кризиса для проимперски настроенной части консерваторов характерно обостренно-болезненное отношение к символическим актам. Конечно, противостоящие империи силы заинтересованы в том, чтобы неким символическим актом обозначить и закрепить в общественном сознании каждый свой успех. Однако, терпя поражение на фронте основном, реальном, проимперские силы с ожесточением продолжают держать оборону на символическом фронте. Если же и здесь их преследуют неудачи, то воспринимаются они болезненно.

Специфика создания Советской империи позволяла использовать ее основные символы национально-освободительными движениями значительной части населяющих ее народов. Весной 1966 г. представители крымских татар, добивавшиеся политической реабилитации своего народа, решили провести свою демонстрацию в форме возложения цветов к памятнику В.И. Ленину в центре Ташкента в день рождения вождя. Обосновано это было тем, что именно по инициативе Ленина и благодаря его настойчивости в свое время была образована Крымская АССР⁶²⁵. Уже в настоящее время, казалось бы, непримиримые противники – русские и украинские националисты – объединились вокруг идеи удаления памятника Ленину в Симферополе и переименования центральной площа-

⁶²⁴ Интернет-сайт Молодой гвардии. URL: http://www.molgvardia.ru/omsk/simvol_velichiya_rossii.htm (дата обращения: 16.04.2018).

⁶²⁵ См.: Умеров Э. Указ. соч. С. 81. Интересно, что после распада СССР сохранение памятника Ленину на центральной площади Минска экскурсоводы тоже объясняли тем, что именно первому советскому вождю Белоруссия обязана своей государственностью.

ди, названной в его честь, в площадь Республики (правда, у них было разное мнение по поводу того, какая республика имеется в виду). При этом русские националисты перессорились с местными коммунистами, с которыми ранее находились в союзе⁶²⁶.

Отказ от прежних символов либо утверждение новых приобретает самостоятельное значение. Соответственно консервативное (да и любое другое) политическое сознание при определенных условиях готово удовлетвориться символической же победой. Дж. Оруэлл, характеризуя феномен, определяемый им как «национализм», писал в своем эссе: «Все время размышляя о власти, победах, поражениях, мести, националист нередко не очень-то стремится знать, что же происходит в мире реальном. Ему лишь нужно *чувствовать*, что его группировка опережает какую-то другую, и легче всего этого добиться, выигрывая у противника, а не анализируя факты, чтобы убедиться, что они подтверждают его точку зрения. ... Некоторые националисты недалеки от шизофрении; они совершенно счастливы, живя в мечтаниях о власти и победах, которые не имеют к окружающему никакого отношения»⁶²⁷.

Это суждение вполне может быть применимо как к «державникам», испытывающим ностальгию, так и к националистам, которым необходимо творить новые легенды и мифы. Так, для общественно-политической жизни Украины первых десяти лет после распада Советского Союза было характерно противопоставление двух исторических фигур – гетманов Мазепы и Хмельницкого, ставших символами антироссийского (антиимперского) и пророссийского (проимперского) курсов. Однако постепенно старые имперские символы стали уступать

---

⁶²⁶ См.: Украинские и русские националисты в Крыму все же нашли объединяющую идею. URL: http://e-crimea.info/2010/02/04/35245/Ukrainskie_i_russkie_natsionalisty_v_Kryimu_vse_zhe_nashli_ob_edinyayuschuyu_ideyu.shtml (дата обращения: 16.04.2018). В Крыму поссорились «коммунисты» и русские националисты. URL: <http://livasprava.info/content/view/1369> (дата обращения: 16.04.2018).

⁶²⁷ Оруэлл Дж. Заметки о национализме. URL: <http://www.orwell.ru> (дата обращения: 16.04.2018).

место национальным. В 2007 г. в Севастополе назначенная президентом Ющенко городская государственная администрация захотела установить на одной из центральных площадей города памятник гетману Петру Сагайдачному (имя которого носит флагман украинского военно-морского флота).

Любопытно суждение известного публициста А. Стреляного, высказанное им, в частности, в телевизионной программе «Намедни-91», о том, что процесс слома Советской империи прошел относительно гладко из-за «имперского высокомерия» (извечное русское «куда они денутся») и «советского разгильдяйства» (за распадом Союза не последовал немедленный обмен паспортов и денежных знаков). Под несколько другим углом зрения рассматривает распад СССР Д. Фурман: «Несерьезность акта роспуска СССР – где-то в Беловежской пуще собрались три человека и за пол-литра все решили – выглядела анекдотически и не позволяла осознать действительное значение этого события»⁶²⁸. Эти суждения дополняют друг друга и дают возможность понять, почему роль борьбы за символы в последующей российской истории оказалась столь велика.

Можно утверждать, что возрождение советской символики способно было «умиротворить» державников советского толка и способствовать процессу постимперской адаптации. Определенным шагом в этом направлении стало, в частности, возвращение в новом виде старого советского гимна как официального гимна РФ. Конечно, такое умиротворение при определенных условиях способно породить новые надежды и требования у того, на кого направлено. Но надежды эти должны будут получить уже реальное, а не символическое подкрепление.

Но и победившие противники империи не в состоянии справиться с теми или иными составляющими имперского наследия и заменяют работу по разрешению актуальных проблем борьбой с символами прошлого. Можно согласиться с политическим обозревателем из Калининграда Александром Носови-

⁶²⁸ Фурман Д. От Российской империи до распада СНГ.

чем в том, что, «обращаясь к теме советского прошлого, правые политики хватаются за соломинку, пытаются удержать и мобилизовать свой “ядерный” электорат и остановить падение собственной популярности. Апелляция к исторической памяти – это признак того, что националистам нечем хвастаться в настоящем и позитивной программы развития они избирателю предложить не могут. Их единственным занятием оказывается бой с собственной тенью, борьба с прошлым, из которой, как им кажется, так легко выходить победителем»⁶²⁹.

Как утверждают некоторые современные политологи, политическая борьба есть по преимуществу борьба символов. Вероятно, это является преувеличением. Скорее следует признать наличие двух театров военных действий – символического и того, где ведется борьба за реальную власть и ресурсы. Изменение линии фронта и направленность этого изменения на каждом из них могут совпасть, а могут и не совпасть. Напряженность военных действий тоже может существенно различаться, затишье на одном из фронтов может сопровождаться активностью военных действий на другом. В любом случае следует признать, что борьба вокруг политических символов требует несимволических усилий.

---

⁶²⁹ Носович А. Совет Европы: оправдан ли запрет советской символики // RuBALTIC.Ru. 2013. 21 марта. URL: <http://www.rubaltic.ru/article/kultura-i-istoriya/sovet-evropy-opravadan-li-zapret-sovetskoy-simvoliki/> (дата обращения: 16.04.2018).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«Только из-за его имени возростали легитимность и авторитет любого государственного начинания: первый император Средневековья еще долго оставался незримым правителем Европы», – отмечал немецкий историк Йозеф Флеккенштейн во введении к написанному им биографическому очерку о Карле Великом⁶³⁰.

Но не все империи оказывали ключевое воздействие на ход истории человечества. Многие из них, несмотря на свое величие, продолжительность существования и прочие характеристики, находились скорее в стороне от магистральной линии развития, по крайней мере, как она воспринимается в настоящее время. Это относится как к ряду континентальных империй (Шведской, Сиамской, Инков и т.д.), так и к колониальным (Венецианской, Генуэзской, Оманской и др.).

Как уже отмечалось, в последние сто лет неоднократно возникали и утихали разговоры «о конце империй», несколько раз распад той или иной державы объявлялся крушением «последней империи». Можно довольно долго рассуждать о том, является ли современный период эпохой «конца империй», их ухода с исторической сцены. Тема эта была весьма популярна в нашей стране на рубеже 1980-х и 1990-х гг. При этом большинство критиков советского строя вслед за западными советологами и политическими деятелями утверждали, что СССР является «последней в мире империей», неким динозавром, пережившим свою эпоху. С динозавром сравнивалась затем

---

⁶³⁰ Флеккенштейн Й. Карл Великий // Создатели империй. М., 1998. С. 420.

и путинская Россия⁶³¹. В то же время, как уже было показано, под определение империи вполне можно подвести и некоторые сохранившиеся образования.

Вывод о конце периода империй в XX столетии, на наш взгляд, имеет такой же относительный характер, как и утверждение о том, что начало этот период берет в Средневековье. Общая наметившаяся тенденция, действительно, достаточно очевидна. Но идет ли речь об империях вообще или лишь об империях определенного типа (или типов)? Возможен ли в более или менее отдаленном будущем новый «имперский» период?

А.М. Шлезингер в свое время высказал предположение о том, что «империализм – тяга сильных государств властвовать над слабыми – будет существовать до тех пор, пока анархия множества наций-государств не уступит места абсолютному империализму единой мировой империи или пока “извечная и беспокоящая жажда власти” не исчезнет из сердца человека». И сделал вывод: «Конец империализму не видно, поскольку история всегда ведет человечество где-то по самому краю, не доводя его до Судного дня»⁶³². Высказывается также мнение, согласно которому «XX век стал веком краха империй; век XXI станет веком образования империй»⁶³³. О возможности возрождения империи к концу первого десятилетия XXI в. говорили уже в связи с реальной или вероятной политикой, проводимой не только США, Китаем и Россией, но и, например, Турцией.

Имперский синдром возникает в разных социумах и у различных политических сил. В настоящее время в развитых странах большинство людей по-прежнему озабочены престижем своей державы и их бывает не так уж трудно подтолкнуть к вы-

---

⁶³¹ См., например: Хакимов Р. Имперский инстинкт.

⁶³² Шлезингер А.М. Указ. соч. С. 236.

⁶³³ Сахно А. Будущее ЕС: Империя наносит ответный удар. URL: <http://zaistinu.ru/articles/?aid=430> (дата обращения: 16.04.2018). Автор данного материала рассматривает возможность перерождения Европейского Союза в империю по мере его дальнейшего расширения.

ражению этих чувств в той или иной форме. Однако, по нашему мнению, это не дает оснований говорить о реальной угрозе «имперского ренессанса» (или надежде на него) в современном мире. Имперское строительство требует жертвенности и подвижничества, по крайней мере на этапе рождающего империю импульса. Но жертвовать своим благополучием или тем более жизнью ради державно-имперских амбиций жители развитых стран (к ним можно в настоящее время отнести и Россию) не очень расположены. А условий для создания новых империй «варварами» на данном этапе развития цивилизации, видимо, не существует.

Кроме того, важнейшим фактором в международной политике стало мировое общественное мнение, которое, как правило, находится на стороне «слабого» и восстает против жестких методов подавления со стороны «сильного». Поэтому ни одна из великих держав за последние десятилетия не смогла выиграть ни одной войны у оказывающего упорное сопротивление противника, даже ограниченного в своих силах. Все это свидетельствует в пользу того, что империя как форма политической организации социального пространства на данном этапе развития цивилизации действительно исчерпывает себя. Ситуация, по нашему мнению, может измениться лишь в случае развития мощных революционных процессов. Освобождаемая ими мощная социальная и политическая энергия, как было показано, зачастую прокладывает себе дорогу именно в русле имперского строительства.

Однако феномен империи процветает в виртуальном мире – в формируемом образе прошлого, как предмет национальной гордости (в том числе, как было показано, и относительно малых народов), в виде эксплуатации и развития культурного наследия и системы символов прошлых империй, наконец, как продукт творчества беллетристов, самовыражающихся социальных конструкторов и просто разного рода мечтателей. Вероятно, не случайно имперское движение в современных российских условиях является безусловным

рекордсменом среди политических направлений по числу выдвигаемых неадекватных политических прожектов, призывов, деклараций, подхватываемых иногда бульварными СМИ и любопытствующими обывателями, но игнорируемых серьезными экспертами. Не так уж редко содержание данных прожектов заставляет задуматься и о состоянии душевного здоровья их авторов. Соотношение реального и виртуального мира в данном случае достаточно сложно. Виртуальный мир может быть и прибежищем, и источником вдохновения.

Интересно, что и поборники, и противники российской державности упрекают не только друг друга, но и общество и власть в уходе от постановки острых вопросов, в наличии табуированных тем, в боязни взглянуть на некоторые вещи непредвзято. Российский историк Наталия Нарочницкая, например, утверждала по поводу критиков фильма «Гибель империи. Византийский урок»: «Современный человек склонен видеть только отведенный ему крошечный изгиб берега и полагать, что это и есть магистральное направление. А когда ему пытаются показать в панораме весь путь и его смысл, указать на истоки и открыть перспективу, он затыкает уши, закрывает глаза. Его это раздражает, потому что обременяет ответственностью за то, как влияет его жизнь на направление общечеловеческой истории. И далеко не каждому такая ответственность по плечу»⁶³⁴. А украинский историк Станислав Кульчицкий, комментируя болезненную реакцию российского МИДа на высказывание об «империи, которая распадется», полагает: «Должен ли обижаться человек, если ему скажут, что он рано или поздно умрет? Должно ли обидеться правительство на заявление о том, что его страна будет существовать когда-то в иной форме и, возможно, в других размерах? Оба вопроса идентичны»⁶³⁵.

---

⁶³⁴ Фильм «Гибель империи. Византийский урок» вызвал бурю откликов. URL: <http://www.c-society.ru/wind.php?ID=447454&soch=1> (дата обращения: 16.04.2018).

⁶³⁵ Кульчицкий С. Империя и мы // День. 2006. 24 января. URL: <http://www.day.kiev.ua/156042/> <http://www.day.kiev.ua/156042/> (дата обращения: 16.04.2018).

И историки, и противники империи в данном случае правы, но и сами они не решаются на многие вещи смотреть объективно. Противники российской/советской (и снова российской?) империи страшатся признания истинных масштабов потерь, связанных с ее распадом, сторонники – неизбежности этих потерь. Критики не могут непредвзято взглянуть на прошлое, ревнители – на будущее. В результате участники дискуссии говорят на разных языках и на несовпадающие темы. Голос пусть даже достаточно многочисленных представителей науки, стремящихся занять объективную позицию, слабо слышен. Шансы на реализацию каких бы то ни было практических рекомендаций у них минимальны. Империя в России еще не успела обрести свое место в музее или еще не созрела до этого (идеальным местом для организации музея Советской империи, конечно же, является территория ВДНХ в Москве). Практика так или иначе готовит для нее «момент истины».

Не надо бояться переворачивать страницы истории. Стремление цепляться за прошлое – признак неуверенности в настоящем и страха перед будущим. Не стоит пытаться и вырвать из книги истории отдельные страницы, не говоря уж о целых главах.

Научное издание

Подвинцев Олег Борисович

ИМПЕРИЯ И СПОРЫ О НЕЙ

Монография

Редактор: *Е. А. Огиенко*
Корректор: *С. Б. Русиешвили*

Компьютерная верстка,
дизайн обложки: *Д. В. Елохов*

Подписано в печать 14.03.2019. Формат 60x84/16

Усл. печ. л. _____. Тираж 500 экз. Заказ _____

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета

614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15.

Тел. +7 (342) 239-66-36

Произведено ИП Соснина И. В.

Отпечатано в типографии